

ISSN 0234-034X

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

ИВАН АНТОНОВИЧ
ЕФРЕМОВ

ПЕРЕПИСКА С УЧЕНЫМИ
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ

Иван Антонович Ефремов
(1907-1972)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХИВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана

академиком С.И. Вавиловым в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик П.В. Волобуев (председатель),

академик А.А. Баев,

кандидат исторических наук Н.В. Бойко (ученый секретарь),

академик Г.М. Бонгард-Левин,

академик В.И. Гольдманский,

доктор исторических наук В.Д. Есаков,

кандидат технических наук Э.П. Карпеев,

академик И.Д. Ковальченко,

доктор исторических наук В.П. Козлов,

доктор исторических наук А.В. Кольцов,

доктор исторических наук Б.В. Левшин,

академик И.М. Макаров,

член-корреспондент РАН В.С. Мясников,

кандидат исторических наук В.С. Соболев,

доктор исторических наук Е.В. Соболева,

академик Б.С. Соколов,

доктор химических наук Ю.И. Соловьев,

академик АН Латвии Я.П. Страдынь,

академик Российской академии образования С.О. Шмидт,

доктор физико-математических наук А.П. Юшкевич

МОСКВА "НАУКА"

1994

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 22

**ИВАН АНТОНОВИЧ
ЕФРЕМОВ**

**ПЕРЕПИСКА С УЧЕНЫМИ
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ**

Составитель и автор комментариев
кандидат исторических наук Н.В. БОЙКО

Ответственный редактор
и автор вступительной статьи
доктор биологических наук П.К. ЧУДИНОВ

**МОСКВА "НАУКА"
1994**

ББК 28.1
И 18
УДК 56(09)

*Книга издана при поддержке
Благотворительного фонда ГУВД г. Москвы "Петровка 38"
и Чековского инвестиционного фонда "Московская недвижимость"*

Рецензенты:

доктор биологических наук М.А. ФЕДОНКИН,
кандидат исторических наук С.В. КОПЫЛОВА

Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы. — М.: И 18 Наука, 1994. — 286 с., ил. — (Науч. наследство; Т. 22).
ISBN 5-02-003569-6

Книга, посвященная памяти известного ученого-палеонтолога, писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова, приближает нас к познанию феномена ученого-писателя, озвучивает неизвестные страницы его жизни. В книгу вошли ранее не публиковавшиеся письма И.А. Ефремова академикам Л.С. Бергу, В.И. Вернадскому, И.М. Майскому, В.А. Обручеву, переписка с палеонтологами А.П. Быстровым, Ю.А. Орловым, Э. Олсоном, А.Н. Рябининым и другими учеными за 1930–1972 гг., а также отчеты о работе Верхне-Чарской партии Прибайкальской геолого-петрографической экспедиции 1934–1935 гг., Монгольской палеонтологической экспедиции 1946–1949 гг., отзывы И.А. Ефремова о научной и литературной деятельности российских ученых.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

И $\frac{1401020000-248}{042(02)-94}$ 142–94, I полугодие

ББК 28.1

Ivan Antonovich Efremov. Correspondence with the Scientists. Not-published Works

The book, devoted to memory of famous scientist-paleontologist and science fiction's writer, shows us some unknown facts from his life. There are some unknown letters of I.A. Efremov to academicians L.S. Berg, V.I. Vernadsky, I.M. Maysky, V.A. Obruchev, correspondence with paleontologists A.P. Bystrov, Yu.A. Orlov, E.C. Olson, A.N. Ryabinin and other scientists for the period from 1930 to 1972 likewise the reports about the work Olekma-Tynda geological part of Lena-Aldan expedition in 1932, Verhne-Charsk part of Baykal geological petrographical expedition in 1934–1935, Mongol paleontological expediton in 1946–1949, references of I.A. Efremov about scientific and literary activity of Russian scientists.

This book is considered to be interesting for different kinds of readers.

ISBN 5-02-003569-6

- © Н.В. Бойко. Составление, комментарии, именной указатель, 1994
- © П.К. Чудинов. Вступительная статья, указатель русских и латинских названий ископаемых животных, 1994
- © Российская академия наук, 1994

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОКА

Среди выдающихся современников старшего поколения, удачно совмещавших ипостаси ученых и писателей, особое место, несомненно, принадлежит Ивану Антоновичу Ефремову. Трудно сказать, где он оставил более яркий след – в науке или литературе? В науке он основал новое направление – тафономию – ныне общепризнанное учение о закономерностях формирования геологической летописи. В литературу И.А. Ефремов вошел как один из основателей и лидеров современной научной фантастики. Как профессионал – палеонтолог позвоночных – он входит в плеяду крупнейших палеонтологов мира. Его работы по многоплановости, научному значению и практической направленности служат фундаментом палеонтологических и геологических знаний и являются настольными книгами специалистов. С его именем связан более чем 30-летний этап в развитии палеонтологии позвоночных. Современными представлениями о фауне древнейших наземных позвоночных России, ее значении для установления геологического возраста отложений и межконтинентальной корреляции древнейших материковых толщ наука во многом обязана И.А. Ефремову.

С его именем связаны и первые отечественные экспедиционные исследования по ископаемым позвоночным в Монголии, которые проложили дорогу дальнейшему планомерному изучению мезозойских и кайнозойских отложений Центральной Азии.

Оценивая научное наследие И.А. Ефремова, мы поражаемся не столько объему проделанной работы, сколько глубине его проникновения в различные аспекты науки. И здесь мы отчетливо сознаем, что богатые идеи и объяснение фактов в его работах надолго останутся отправными пунктами для последующих научных исследований.

Литературное наследие И.А. Ефремова – это тема специальных исследований. О его творчестве написано много статей, обзоров, рецензий, диссертаций; созданы фильмы "Туманность Андромеды" и "Откровение Ивана Ефремова". В честь его учреждена литературная премия по фантастике; антология всемирной научной фантастики открывается его романом "Туманность Андромеды"; созданы клубы научной фантастики имени Ефремова в России и Болгарии; в отечественной фантастике существует направление "Школа Ефремова"; освоен литературно-краеведческий туристический маршрут "Тропой Ефремова"; один из гольцов Олекмо-Чарского нагорья был назван Подлунным по рассказу писателя "Голец Подлунный". Его именем названы несколько вымерших древнейших животных, новый минерал (ефремовит), одна из малых планет Солнечной системы (Ефремиана).

С 1977 г. творчеству И.А. Ефремова посвящаются литературно-художественные вечера, читательские конференции, проводятся ежегодные ефремовские чтения, в России и за рубежом проходят специальные симпозиумы и конференции по тафономии, публикуются методические руководства, выпуски и сборники. С января 1977 г. существует и успешно работает Комиссия по литературному и научному наследию И.А. Ефремова.

В 1994 г. отмечается 50-летие с начала литературной деятельности И.А. Ефремова. Его произведения издавались в России и за рубежом более 400 раз. Общий тираж произведений только в нашей стране (включая бывшие союзные республики) перевалил за 20 млн экземпляров. Творчество Ефремова особенно популярно среди молодежи. Именно поэтому оно приобретает неоценимое воспитательное значение.

Жизнь И.А. Ефремова с середины 20-х годов и до конца была связана с наукой. Следует отметить, что сам Иван Антонович, говоря о своем литературном творчестве, всегда подчеркивал примат ученого и не раз повторял: "Я ученый и тем интересен". Лейтмотив его творчества – логика науки и фактов. В этой связи "два полюса" творчества ученого и писателя составляют единое целое. При этом для Ефремова-писателя особенно характерна широкая экстраполяция науки в литературу. Это экстраполяция высшего порядка, которую проводит ученый, идущий в ногу с достижениями науки. Отсюда возникает тесный слав науки и фантастики. Он, в свою очередь, рождает новые идеи и наталкивает на поиски решений уже чисто научных или технических проблем. В этом воздействии на науку и практику одна из важнейших черт творчества И.А. Ефремова.

В своем творчестве Ефремов прежде всего ученый-естественник, эволюционист, твердо стоявший на позициях диалектического материализма. Представления Ефремова о диалектике природы естественно вытекали из его понимания близких наук: палеонтологии, геологии, биологии, истории природы вообще, и совмещения их с эволюционной теорией Дарвина. Поэтому и история человечества особенно отчетливо рисовалась ему как продолжение развития природы, но уже обогащенного человеческим сознанием. Этим базисом определяется и мировоззрение ученого и писателя, его философские представления о природе и обществе. Отсюда же его вера в человека и социальный оптимизм как вывод из философии, опирающейся на диалектику как метод познания. Возможно, поэтому в своем понимании и видении исторического процесса он опередил многих современников. Нетрудно заметить, что по своему мировоззрению Ефремов как ученый близок В.И. Вернадскому. Термин "ноосфера", закрепившийся за В.И. Вернадским, включает у Ефремова предшествующую эволюцию и трансформируется в гуманную и величественную идею Великого Кольца миров, соединяющего цитадели человеческого разума.

В 1987 г. издательство "Наука" опубликовало очерк жизненного пути и обзор научных исследований И.А. Ефремова*. Книга вышла небольшим тиражом, подготавливалась в конце 70-х – первой половине 80-х годов, и естественно, что некоторые моменты биографии не избежали обычной в те годы ретуши, лакировки и не получили должного освещения. Поэтому имеется необходимость внести уточнения, дополнить представления о личности ученого, судьбе его научного и литературного наследия.

Иван Антонович Ефремов родился 22 апреля 1907 г. в деревне Вырица под С.-Петербургом в семье купца. Отец его Антон (Антип) Харитонович был выходцем из заволжских крестьян-староверов. Во избежание возможных разночтений здесь необходимы некоторые разъяснения и отступления от хронологии изложения. Согласно выписке из метрической книги за 1908 г. Суйдинской Воскресенской церкви Царскосельского уезда, 9 апреля родился мальчик Иоанн. Крещен 18 мая. Мать – дочь крестьянина с. Тосна Царскосельского уезда девица Варвара Александровна Ананьева, православного вероисповедания. Указаны лица, совершавшие обряд крещения. Отец мальчика (в то время Антип Харитонович) в этой метрике еще не значится, поскольку брак был оформлен позднее, что вытекает далее из той же выписки: "Определением Санкт-Петербургского окружного суда от 18 декабря 1910 г. значится в сей статье Иоанн, признан законным сыном титулярного советника Антона

* Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов (1907–1972). М.: Наука, 1987. 224 с., ил.

Харитоновича Ефремова и жены его Варвары Александровны^{*}. Отсюда же вытекает, что отец, значившийся в более ранних документах как Антип, сменил свое имя на Антон в период до декабря 1910 г. Возможно, у Ивана Антоновича не было справки о рождении (революция, гражданская война, переезды) и при поступлении на работу возраст его устанавливала медицинская комиссия. Она "состарила" его на один год. В феврале 1967 г. Иван Антонович по предложению Союза писателей в связи с награждением вторым орденом Трудового Красного Знамени составил лапидарную, почти анкетную, автобиографию. В примечаниях к ней он писал: "Следует иметь в виду, что в те годы (с середины 20-х годов – П.Ч.), при отсутствии паспортного режима, *многие, и я в том числе* (разрядка моя. – П.Ч.), несколько прибавляли себе года, если позволяло физическое развитие". Так, с указанной вначале датой, вошедшей в литературу и справочные издания, Иван Антонович прожил всю жизнь. Поэтому не имеет смысла вдаваться в юридические тонкости и менять закрепившуюся, канонизированную дату, хотя она и имеет характер "артефакта".

В семье деда – Харитона Ефремова – было десять сыновей, на редкость рослых и могучих. Со слов отца Ивана Антоновича, дед Харитон приводил сыновей к особой присяге. По мере их возмужания он вводил каждого в горницу и перед иконой брал клятву никогда не участвовать в кулачных боях и драках. Сам Иван Антонович, унаследовавший от Ефремовых недюжинную силу и богатырскую статью, не раз упоминал, что отец ходил на медведя с рогатиной; он же уступал отцу в силе и лишь с трудом разгибал подковы.

Антон Харитонович после солдатской службы в лейб-гвардии Семеновском полку не вернулся в родное Заволжье. В Вырице он построил одноэтажный дом-пятистенку и всю свою энергию и богатырскую силу вложил в нелегкую задачу – "выбиться в люди".

Из раннего детства Иван Антонович запомнил недалекие поездки к бабушке и проживание в ее доме, наполненном запахами клея, кожи и пирогов. Мать рано вышла замуж. Восемнадцати лет она родила Ивана, сестра Надежда родилась годом раньше, младший брат Василий появился через год после Ивана. Варвара Александровна была красива, и Иван Антонович, особенно в юности, походил на нее резко очерченными, тонкими чертами лица, разлетом бровей и твердым взглядом серых внимательных глаз.

В доме все было прочным и массивным. В комнатах стояла дубовая резная мебель. В громадных, под потолок шкафах палисандрового дерева теснились кожаные переплеты книг. Отец, перенесший в дом привычный патриархальный уклад, обладал крутым и деспотичным нравом. Его помыслы и заботы были подчинены лесоторговле, а сыновья не привлекали особенного внимания, поскольку были слишком малы для участия в делах. В шестилетнем возрасте Ваня сделался первым читателем отцовской библиотеки. Книга "20 000 лье под водой" ввела его в мир фантастики Жюль Верна и произвела прямо-таки оглушительное впечатление, как вспоминал позднее Иван Антонович.

Вскоре болезнь младшего сына вынудила семью переехать на юг, в Бердянск. В этом небольшом городке прошли детские годы Вани и начало учебы в гимназии. В Бердянске мальчик впервые увидел море. Оно навевало неясные мечты, притягивало шумной жизнью порта. Казалось, отсюда шли пути в неведомый мир дальних странствий. Другой, доступный и не менее интересный путь в неведомое открылся через мир книг. Вслед за Жюлем Верном пришли Хаггард, Рони-старший, Уэллс, Конан Дойл и Джек Лондон. Наиболее яркий след оставили в душе мальчика книги Хаггарда и Уэллса, которые, как считал Иван Антонович, во многом определили его мировоззрение.

^{*} Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. (Ф. 19. Оп. 127. Д. 2183. Л. 177–178). Выписка сделана санкт-петербургским историком В.Я. Никифоровым.

В 1917 г. в довершение разлада, возникшего в семье, родители И.А. Ефремова развелись. В 1919 г. мать с детьми переехала в Херсон, вышла замуж за командира Красной Армии и уехала с ним. Дети остались на попечении дочери отца от первого брака. Вскоре дети лишились и этой поддержки. Какое-то время они перебивались продажей вещей и вели самостоятельное полуголодное существование. Дальнейшую заботу о них взял на себя Отдел народного образования.

По соседству с домом, где жили дети Ефремовы, квартировала автомобильная рота 6-й армии. Ваня прибил к ней: рота стала его домом и семьей. Будучи воспитанником автороты, он прошел нелегкий путь до Перекопа. Однажды при бомбардировке Очакова интервентами снаряд упал рядом с очередью за хлебом. Было много убитых и раненых. Иван чуть в стороне от очереди, примостившись на пожарной лестнице, читал книгу. Взрывной волной его сбросило вниз, контузило и засыпало песком. Легкое заикание осталось на всю жизнь. Много лет спустя Иван Антонович в разговоре со своим другом-американцем профессором Олсоном не без юмора заметил, что его заикание на английском языке связано с недостаточно близким разрывом снаряда с английской канонерки. В автороте Ваня до тонкости постиг устройство автомобиля и выучился вождению. То и другое пригодилось позднее; а увлечение автомобилем длилось многие годы.

В 1921 г. воинскую часть расформировали, и воспитанник автороты был демобилизован. В Херсоне он узнал, что отец забрал детей и уехал в Петроград. Туда с твердым желанием учиться двинулся Иван Ефремов. Петроград встретил его неприветливо, и подростку, особенно вначале, пришлось туго. Для поступления на рабфак требовался трудовой стаж. Вечерних школ тогда не было. Иван поступил в школу второй ступени, чтобы наверстать упущенное за время гражданской войны. От этого периода у него остались навсегда уважение и любовь к учителям. Без их бескорыстной помощи, без помощи общественных организаций, ведавших воспитанием детей, было бы невозможно закончить школу за 2,5 года, осиливая за год двойную программу. Особенное влияние на столь быстрое продвижение Ивана в учебе и, несомненно, на формирование его личности оказал учитель математики Василий Александрович Давыдов. Он сумел увидеть, как писал позднее Иван Антонович, в малообразованном, подчас невоспитанном мальчике задатки, за которые стоило бороться, вселил в него уверенность.

Школа давала право поступления в вуз, но выбор пути отодвигался на будущее. Вспоминая тот период, И.А. Ефремов писал: "Но как бы ни были трудны занятия, надо было еще и жить. Лето, часть весны и осени, вообще всякое свободное время проходило в погоне за заработком. Мы были воспитаны в старинных правилах. Мало-мальски подросшие дети не могли быть в тягость родителям или родственникам. Поэтому обратиться за помощью к родственникам, что сейчас так легко делают иные молодые люди, в те времена казалось просто невозможным, и я должен был обеспечивать себя сам".*

Сначала он занимался выгрузкой дров и бревен из вагонов или лесовозных барж. Работал в одиночку и в артелях. Потом повезло – устроился в гараж подручным шофера, а затем и шофером в ночную смену. Ночная работа оставляла время для дневной учебы.

В 20-е годы дети "бывших людей", или "лишенцев", как значилось в анкетах, нередко были лишены возможности учиться в средних и высших учебных заведениях. Иван Ефремов, несмотря на "смягчающие обстоятельства" (отец все свои предприятия сразу же передал государству), уже в силу своего социального происхождения принадлежал к категории "бывших". И только помощь учителей и яркие природные дарования помогли Ивану выстоять. Возможно, крупным козырем и хорошей школой, оп-

* Ефремов И.А. Не опускать крылья // На суше и на море. М.:Мысль, 1982. С. 320–324.

ределившей его отношение к жизни, было пребывание в армии в качестве "сына полка".

Навеянная в детстве постоянная тяга к морю настойчиво напоминала о себе. В 1923 г. юноша сдает экзамены на штурмана каботажного плавания при Петроградских мореходных классах. Весной следующего года он увольняется с работы и на скудные сбережения уезжает на Дальний Восток. В то время многие квалифицированные моряки работали на берегу – было мало судов. Поэтому семнадцатилетний штурман без стажа нанимается матросом на парусно-моторное судно. До поздней осени 1924 г. Иван плавал у берегов Сахалина и по Охотскому морю. В конце года он возвратился в Петроград с намерением поступить в университет и заняться наукой, точнее – палеонтологией.

О существовании увлекательной науки о вымерших животных юноша знал с детства, пройдя через "Затерянный мир" Конан Дойля и "Путешествие к центру Земли" Жюль Верна. Позднее, в гимназии и в школе их сменили книги Э. Ланкестера "Вымершие животные" и Ш. Деперэ "Превращения животного мира". В книге Ланкестера, прекрасно иллюстрированной, упоминалось о раскопках профессора В.П. Амалицкого на севере России и впервые публиковались изображения черепов и скелетов вымерших животных с Северной Двины. Вторая книга рассказывала о преобразованиях органического мира, развитии эволюционных воззрений и о значении палеонтологии в истории эволюционного учения. В книге рассматривались основные теоретические положения палеонтологии, такие, как изменчивость видов в пространстве и времени, причины вымирания и появления новых форм и многие другие вопросы.

Если книга Ланкестера излагала палеонтологию в доступной форме, то книга Деперэ в научном отношении была на порядок выше, и каждая страница вызывала массу недоуменных вопросов. Она требовала широкой биологической подготовки. В предисловии А.А. Борисяк рекомендовал эту книгу биологам, зоологам и геологам. Поскольку Иван Ефремов еще не был ни тем, ни другим, то для него оставалась рекомендация редактора (А.А. Борисяка) – ознакомиться с учебниками палеонтологии.

Иван обратился за помощью к профессору Н.Н. Яковлеву – председателю Русского палеонтологического общества – и получил разрешение пользоваться библиотекой Горного института. Однако ни толстые справочные руководства, ни даже "Курс палеонтологии" А.А. Борисяка не раскрыли юноше увлекательных страниц науки. Мало помогла и последующая встреча с Борисяком. Был ли тому виной академизм ученого или колебания самого юноши, но случилось так, что выдающийся палеонтолог и ученый не зажег в сердце Ефремова настоящего интереса к своей науке. Юноше трудно было сделать выбор между морем и наукой, и он обратился к автору морских рассказов – капитану Д.А. Лухманову. Последний долго и внимательно слушал Ефремова и порекомендовал ему идти в науку. Это и решило судьбу юноши, как позднее вспоминал Иван Антонович.

Однако конкретным событием, определившим путь в науке, стала другая встреча, которая, по-видимому, предшествовала встрече с Д.А. Лухмановым. Однажды в начале 1923 г. Иван прочитал в журнале "Природа" за 1922 г. статью П.П. Сушкина о коллекции уникальных пермских ящеров с севера России.

Академик П.П. Сушкин был крупнейшим ученым-анатомом, зоологом и палеонтологом. Он практически положил начало изучению пермских и триасовых наземных позвоночных в России в первые годы Советской власти. Его палеонтологические работы отличает новый уровень морфологических описаний – с палеобиологическим анализом, объяснением функционального значения морфологических структур скелета вымерших животных и, следовательно, их адаптаций к определенному образу жизни. П.П. Сушкин показал также, что анализ морфологических преобразований в скелете животных в эволюционном плане может

служить критерием родственных отношений в различных вымерших группах. Подобный подход, по признанию специалистов, лежит в основе современных исследований по филогении ископаемых позвоночных.

П.П. Сушкин после смерти В.П. Амалицкого был директором Северодвинской галереи ящеров, размещавшейся тогда в Геологическом музее. Он прекрасно знал северодвинскую фауну и в статье, так заинтересовавшей Ефремова, раскрыл научное значение палеонтологических раскопок В.П. Амалицкого и нарисовал образную картину жизни вымерших ящеров. "Могучая мысль ученого, – писал позднее Иван Антонович, – восстанавливала большую реку, переставшую течь 170 миллионов лет тому назад, оживляла целый мир странных животных, обитавших на ее берегах, раскрывала перед читателем необъятную перспективу времени и огромное количество нерешенных вопросов – интереснейших загадок науки... Это проникновение в глубину прошлых времен поразило меня..."*

Иван написал письмо Петру Петровичу и вскоре получил приглашение посетить музей. Встреча состоялась 18 марта 1923 г. Сушкин провел Ефремова по залам музея, показал гигантские скелеты диплодока и индрикотерия и особенно детально Северодвинскую галерею скелетов удивительных пермских ящеров из раскопок Амалицкого. Глубокий интерес юноши к палеонтологии был очевиден, но в музее не было вакансий. Тем не менее Сушкин подал надежду на будущее и настоятельно рекомендовал Ефремову поступить после школы в университет. Записку Сушкина Иван Антонович берег всю жизнь, она и сейчас хранится в его архиве.

В 1924 г. по рекомендации Петра Петровича Ефремов поступает на биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета сначала вольнослушателем, а затем студентом. Однако его студенчество прервалось в 1926 г., на третьем курсе. Он не получил узкой специализации, но приобрел знания основ биологии, которые оказались совершенно необходимыми впоследствии.

Летом 1925 г. Иван Антонович был в зоологической экспедиции в Талыше, где проводил сбор орнитофауны по заданию П.П. Сушкина. От этой поездки сохранилось рекомендательное письмо** директору биостанции: "Предъявитель сего И.А. Ефремов едет в Талыш для зоологической работы. Не можете ли Вы дать ему указания насчет опорных пунктов и способа передвижения в этой замечательной стране. Помощь Ваша очень важна и, наверное, будет оценена по достоинству. Молодой человек – настоящий тип начинающего ученого.

Преданный Вам *В. Комаров*

1 июня 1925 г."

После выполнения задания по сбору фауны птиц Ефремов остался в Ленкорани, но уже в качестве командира катера лоцманской дистанции. Здесь осенью его нашла телеграмма Сушкина о вакансии препаратора в Геологическом музее Академии наук. Иван возвращается в Ленинград и становится препаратором у Петра Петровича.

Правда, Иван Антонович работал у Сушкина еще до зачисления в штат музея. Академик, к удивлению сотрудников, предоставил ему стол в своем кабинете. Здесь юноша читал книги и обучался азам препараторского искусства. Теперь же Ефремов получил законное место в препараторской вместе с другими сотрудниками. Общение с Сушкиным оказало на юношу благотворное влияние и восполнило серьезные пробелы в его воспитании, которые, естественно, имелись, так как долгое время он был предоставлен сам себе.

Работа у Сушкина помогла Ефремову увидеть в окаменелостях не мертвые символы на шкале геологического времени, а наполненные биологической информацией и пластичные во времени организмы. При этом информация об их строении отражала все многообразие взаимосвязей в извечной системе природы: организм–

* Ефремов И.А. Что такое тафономия? // Природа. 1954. № 3. С. 48–54.

** Семейный архив Т.И. Ефремовой. Автограф.

среда. Работая у Сушкина, Ефремов пришел к началам биологического аспекта будущей тафономии.

В 1926 г. И.А. Ефремов начинает экспедиционную жизнь палеонтолога поездкой в Прикаспий на одно из первых открытых в России местонахождений остатков нижнетриасовых земноводных – лабиринтодонтов. Об этой поездке сохранился документ* от 19 августа 1926 г.: "Доложено ходатайство Геологического музея о выдаче субсидии научно-техническому сотруднику музея И.А. Ефремову, отправляющемуся на г[ору] Богдо для отыскивания материалов по стегоцефалам. Положено: выдать 50 рублей на путевое довольство.

За неперемennого секретаря академик *Ферсман*".

Результаты работ на Богдо И.А. Ефремов изложил в своей первой научной статье об условиях захоронения остатков лабиринтодонтов в прибрежных морских отложениях, опубликованной в "Трудах Геологического музея". Эти данные были начальным звеном в цепи наблюдений, которые через 10 лет обозначились как учение о захоронении, а в 1940 г. были объединены под общим названием тафономии.

Поездка на гору Богдо имела не только научное значение. Яркие впечатления о первой, достаточно трудной и опасной работе были записаны Иваном Антоновичем, и академик А.А. Борисяк в 1930 г. опубликовал их в очерке как воспоминания "самого юного охотника" за ископаемыми. Более того, эти впечатления, "окрашенные дыханием фантастики", позднее трансформировались у самого И.А. Ефремова в один из лучших рассказов – "Белый Рог".

В 1927 г. опять же по настоянию своего учителя Иван Антонович отправляется в самостоятельную палеонтологическую экспедицию на реки Шарженгу (приток р. Юга) и Ветлугу (приток р. Волги). Он проводит раскопки и привозит изумительную по сохранности коллекцию черепов раннетриасовых лабиринтодонтов. Удача окрылила начинающего палеонтолога и порадовала его учителя. Эти работы Ефремов продолжил и в следующем году и, помимо раскопок, провел обстоятельное геологическое изучение местонахождений. С тех пор и до настоящего времени триасовые местонахождения по Ветлуге и Юге, а также на горе Богдо приносят массу новых материалов. Они стали классическим объектом палеонтологических исследований.

Иван Антонович как охотник за ископаемыми был всегда исключительно удачлив. Причина, как он сам объяснял, была проста: он отправлялся в экспедицию с верой в успех.

В 1928 г. умер академик П.П. Сушкин, и на плечи Ивана Антоновича легла забота о продолжении дела любимого учителя. Работа и учеба у Сушкина принесли плоды, и вслед за первой статьей Ефремов публикует ряд чисто палеонтологических описательных статей по древним наземным позвоночным, преимущественно лабиринтодонтам. Первого открытого на р. Шарженге и описанного в 1929 г. лабиринтодонта-бентозуха он называет в честь своего учителя: *Benthosuchus sushkini*.

Научное предвидение впервые проявилось у И.А. Ефремова в 1929 г. после знакомства с основами геологии и общей историей лика Земли. В отличие от принятых тогда взглядов он высказал предположение, что океанические впадины не являются ровными и покрытыми равномерным слоем осадков, а имеют подобно континентам сложный рельеф и свою геологическую историю. Положительные формы рельефа на дне впадин лишены, как он полагал, мощных толщ осадков и доступны изучению. В надежде на публикацию он послал рукопись статьи в журнал "Geologische Rundschau". Из Германии пришел ответ от самого Отто Пратье – крупнейшего геолога-тектониста немецкой школы. Он писал, что взгляды Ефремова – обычные домыслы и невежество дилетанта, а дно океанов ровное и покрыто сплошным толстым слоем осадков. Ни копии статьи, посланной в журнал, ни ответа Пратье не сохранилось, но Иван Антонович при случае любил вспоминать эту историю. Время подтвердило его

* Семейный архив Т.И. Ефремовой. Подлинник.

правоту. Теперь составлены подробные карты дна океанов, и можно только изумляться необычайной сложности и величественности форм подводного рельефа.

Надо думать, что ответ Пратье не обескуражил начинающего ученого. Сообщения о сложности подводного рельефа остались. Позднее, когда морская геология окончательно оформилась, а И.А. Ефремов заканчивал свою "Тафономию", ему уже виделись контуры другой, морской тафономии во всей ее специфике и многообразии процессов. "Применение тафономии к анализу геологической летописи морских отложений, – писал он в "Предисловии" к книге, – составит следующую ступень развития этой новой отрасли палеонтологии и исторической геологии"*.

В полевом сезоне 1929 г. И.А. Ефремов участвовал в двух экспедициях: у северных предгорий Тянь-Шаня, где он исследовал "динозавровый горизонт" Средней Азии, и в Оренбуржье, где он изучал заброшенные шахты и отвалы Каргалинских медных рудников. С этого года он уже не препаратор, а научный сотрудник 2-го разряда Osteологического отдела Геологического музея.

Весной 1930 г. на базе Osteологического отдела и Северодвинской галереи Геологического музея создается Палеозоологический (впоследствии переименованный в Палеонтологический) институт АН СССР. Иван Антонович автоматически становится сотрудником института и через 2 года переводится в научные сотрудники 1-го разряда. В том же 1930 г. он работает в Урало-Двинской экспедиции и продолжает изучение пермских и триасовых местонахождений по северу Европейской части России и в Приуралье, где расширяет район поисков остатков пермских позвоночных в медистых песчаниках. Здесь он возглавляет геологосъемочную партию и снова работает в заброшенных шахтах Каргалинских рудников в районе пос. Горный. В поселке он завел знакомства со старыми горнорабочими, помогавшими ему своим участием и советами в исследовании горных выработок.

Получение палеонтологических остатков неизбежно связано с изучением вмещающих пород, что требует определенных геологических знаний и навыков. Ефремов научился расшифровывать взаимосвязь окаменелостей с особенностями и типами вмещающих горных пород.

Энергия и жажда знаний переполняли неутомимую натуру ученого и искали выхода. Продолжая зимой академическую работу, он участвует летом в геологических экспедициях по Уралу и малоисследованным районам Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Период 1931–1935 гг. в биографии И.А. Ефремова особенно переполнен событиями. Это время накопления палеонтологического опыта, общей систематизации геологических знаний.

22 июня 1931 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет Хабаровска выдал молодому ученому удостоверение**, в котором, в частности, указывается, что "начальник отряда Нижне-Амурской геологической экспедиции Академии наук СССР тов. Ефремов Иван Антонович командирован в Эворон-Лимурийский район во главе отряда экспедиции для производства геологических работ. Предлагается всем организациям оказывать всяческое содействие отряду экспедиции в его работе". Из Хабаровска Ефремов спускается на пароходе по Амуру до глухого таежного с. Пермского и дальше на лодке до устья р. Горин [Горюн], исследует долину этой реки, включая район оз. Эворон. В 1932 г. на месте с. Пермского начнется строительство г. Комсомольска-на-Амуре.

Еще одно командировочное удостоверение*** И.А. Ефремов получил 14 июля 1932 г. от Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета Иркутска: геолог

* Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 177 с. (Тр. Палеонтол. ин-та; Т. 24).

** Семейный архив Т.И. Ефремовой. Подлинник.

*** Семейный архив Т.И. Ефремовой. Подлинник.

И.А. Ефремов в экспедиции (1932 г.). Крайний справа.

Ефремов в качестве начальника отряда "по изысканию железнодорожной линии Лена—Бодайбо—Тында... командирруется для производства изысканий от р. Олекмы и до пос. Тында. Предлагается всем советским организациям оказывать полное содействие в выполнении возложенного на начальника задания". В задачу экспедиции, как позднее отмечал Иван Антонович, входила маршрутная геологическая съемка этого наиболее краткого и удобного для прокладки железнодорожной трассы участка. Прodeлав 600 км по рекам Нюкже, Верхней Ларбе и ее притоку – Аммуначе, затем преодолев перевал, отряд Ефремова спустился в долину р. Геткан и достиг Тынды. Участники похода задержались на старте, и поэтому двигаться приходилось с максимальной скоростью. Последнюю треть пути Ефремов и его спутники шли по глубокому снегу и при морозах до -28°C . В наши дни один из отрезков БАМа проложен по маршруту отряда Ефремова.

Немаловажное значение для освоения районов БАМа имела работа Верхне-Чарской геологической партии Ефремова в сезон 1934 г. и в январе 1935 г. Партия исследовала Олекмо-Чарское нагорье, занималась поисками и оценкой нефтеносных структур и месторождений других полезных ископаемых. В число спутников И.А. Ефремова входили петрограф А.А. Арсеньев, коллектор-художник О.Н. Лесючевская и студент Ленинградского университета Н.И. Новожилов, впоследствии известный палеонтолог, участник многих ефремовских экспедиций.

Эта экспедиция была одной из труднейших в жизни Ефремова. Непредвиденные задержки отодвинули начало работ почти до ледостава. Стужа и ледяной ветер сопровождали плавание баркаса по порогам Олекмы вниз до якутского пос. Куду-

Кюель, расположенного в 120 км от ее устья. От поселка на оленях участники похода перевалили в долину р. Токко, исследовали ее и затем, достигнув бассейна р. Чары, разделились на три отряда для проведения маршрутных съемок. Нередко они велись при температуре -40°C . Закончив работу в середине января 1935 г., отряды собрались в Могоче. Общая протяженность маршрутов составила более 2700 км, что вдвое превышало задание. Экспедиция зафиксировала районы находок углей, рудопоявления меди и железа. По результатам маршрутных съемок И.А. Ефремов и А.А. Арсеньев составили геологическую карту Олекмо-Чарского нагорья и западной части Алданской плиты. Впоследствии карта была использована для составления Большого атласа мира.

В настоящем томе среди неопубликованных материалов помещен отчет И.А. Ефремова и А.А. Арсеньева о работах в Верхне-Чарской котловине в 1934–1935 гг. Этот отчет был представлен в Геологический институт Академии наук СССР как часть отчета Прибайкальской геолого-петрографической экспедиции. Много лет спустя в одном из своих писем Т.И. Ефремовой Иван Антонович писал: "...экспедиционные дневники самой большой и интересной экспедиции 1934–1935 гг. – Чарской – таинственным образом исчезли с картами в Геологическом институте Академии наук"*.

Сибирские экспедиции Ефремова, помимо практической ценности (поиски путей будущей трассы БАМа, выявления полезных ископаемых), а также их научно-теоретического значения для формулировки основ тафономии через расшифровку процессов разрушения высоких участков суши, во многом определили судьбу Ефремова-писателя. Экспедиции с обилием впечатлений, трудностей, накопленным опытом обернулись для него своеобразным "Клондайком". Созвучно эпохе и своим представлениям, Иван Антонович населил свой Клондайк обыкновенными людьми: геологами, топографами, учеными, рабочими, людьми самоотверженного труда. Первые геологические рассказы Ефремова, открывшие писателю "зеленую улицу", несомненно, автобиографичны. И в его последующем литературном творчестве мы без труда обнаружим связь с геологическим периодом жизни писателя.

Лето 1935 г. застало Ивана Антоновича в Татарии. Он возглавлял раскопки около с. Ишеево, где в 1929 г. геологи обнаружили кости крупных ископаемых животных. Работы в общей сложности велись до 1939 г., когда И.А. Ефремов провел последние заключительные раскопки. Они открыли на территории нашей страны новую, богатую и разнообразную фауну наземных позвоночных, ставшую одной из опорных в хронологии позднепермской эпохи. Позднее одно из животных этой фауны – растительноядный дейноцефал – было изучено А.Н. Рябининым и названо улемозавром. Сходство улемозавров с южноафриканскими дейноцефалами и в целом вся ишеевская фауна позволили Ефремову прийти к выводу об одновозрастности этих отложений. Помимо палеонтологических монографических описаний позвоночных, И.А. Ефремов обобщил и систематизировал полевые наблюдения над условиями захоронения скелетных остатков. Именно эти данные позднее вошли в основы тафономии.

Этим годом, по существу, заканчивается определенный период биографии Ефремова. Его можно назвать ленинградским, поскольку Палеонтологический институт начал свой переезд в Москву. Жизнь этих лет по уплотненности стала для него своего рода туго свернутой пружиной, запасенная впрок энергия которой вместила в себя незаурядный опыт первопроходца, геолога и палеонтолога, организатора и руководителя героических и уже легендарных экспедиций. Сюда же следует добавить его разнообразные палеонтологические исследования и присуждение ему ученой степени кандидата биологических наук в этом же году за совокупность работ по палеонтологии.

* Другая сторона медали. Из архива Ивана Ефремова // Чудеса и приключения. 1992. № 7–8. С. 34.

Биография Ефремова этого периода была бы неполной без одного важнейшего обстоятельства, неразрывно связанного с судьбой Ефремова – геолога и естествоиспытателя. «Мне посчастливилось быть в рядах тех геологов, которые открыли пути ко многим важным месторождениям полезных ископаемых, – писал Иван Антонович. – Эта трудная работа так увлекла нас, что мы забывали все. Забыл и я о своем учении. Я то и дело "спотыкался", когда приходилось отстаивать свои взгляды, выставляя проекты новых исследований или "защищать" открытые месторождения. Наконец, мне стало ясно, что без высшего образования мне встретится слишком много досадных препятствий. Будучи уже квалифицированным геологом, я ходатайствовал о разрешении мне, в порядке исключения, окончить экстерном Ленинградский горный институт. Мне пошли навстречу, и в течение двух с половиной лет удалось, не прерывая работы, закончить его»*. В 1935 г. ему было присвоено звание горного инженера. Диплом с отличием об окончании И.А. Ефремов получил позднее, что, по-видимому, было связано с его постоянными экспедициями и с переездом Палеонтологического института в Москву. Горный институт не забыл своего выдающегося выпускника, и в апреле 1987 г. к 80-летию со дня его рождения в вестибюле главного корпуса была установлена мемориальная доска, а студенты отметили это событие учреждением клуба любителей фантастики имени Ивана Ефремова.

Итак, Верхне-Чарская экспедиция завершила геологическую сибирскую карьеру Ефремова. Была ли причиной тому его "первая любовь" – палеонтология – трудно сказать. Во всяком случае, окончание Горного института с отличием, присвоение звания горного инженера, талант исследователя и уже солидный стаж полевой работы в геологии открывали ему широкие возможности приложения опыта и знаний на безграничных просторах Сибири и Дальнего Востока. Мы знаем, что Иван Антонович был человеком умным, совестливым и видел далеко вперед. Возможно, отчасти отход его от чисто геологических исследований, связанных с полевой работой, объясняется иной причиной. По его следам геолога, как и по следам других энтузиастов-первооткрывателей, уже начинали свой тернистый путь неисчислимые колонны других землепроходцев, для каждого из которых "шаг влево или шаг вправо" мог быть последним.

В Москву И.А. Ефремов приехал уже сложившимся палеонтологом, опытным геологом, кандидатом наук, автором 17 палеонтологических и геологических трудов и производственных геологических отчетов. В предвоенные годы он проводит несколько экспедиций, пишет серию разноплановых палеонтологических работ. Постепенно в его научном творчестве центр тяжести смещается от описания остатков позвоночных к их практическому использованию как "руководящих ископаемых" для стратификации отложений. Тем самым ученый закладывает основы стратиграфических схем для расчленения континентальных пермских и триасовых отложений востока Европейской России. И здесь И.А. Ефремов оказывается в центре разработки важнейших практических задач: его схемы расчленения континентальных отложений по смене фаун позвоночных повсеместно применяются геологами при геологических съемках для поисков нефти в районах Второго Баку. К 1940 г. И.А. Ефремов обобщает результаты своих полевых наблюдений над распределением в породах ископаемых остатков. Он тщательно собирает и анализирует различные литературные сведения и в результате приходит к выводам о закономерности формирования местонахождений вымерших позвоночных.

В 1936 г. И.А. Ефремов снова в экспедиции. На этот раз ученый исследует медистые песчаники Каргалинских рудников в пос. Горном, ведет поиски наземных позвоночных в районах Оренбургского Приуралья.

В 1937 г. в Москве должен был состояться XVII Международный геологический

* Ефремов И.А. Не опускать крылья // На суше и на море. М.: Мысль, 1982. С. 320–324.

Здание Палеонтологического музея АН СССР (1937–1986 гг.)

конгресс. Перед его открытием в столицу были перевезены Северодвинская галерея и другие экспонаты Геологического музея. Однако оказалось, что их негде разместить. По словам профессора Р.Ф. Геккера, самым решительным в этой ситуации оказался И.А. Ефремов*. Он написал письмо И.В. Сталину, в котором подчеркивал неоценимое значение коллекций и необходимость срочного предоставления помещения для Палеонтологического музея в связи с проведением конгресса. В качестве возможного варианта предлагались конюшни бывшего Нескучного сада. Письмо подписали ведущие специалисты института. Оно сыграло свою роль – в 1936 г. под музей была отдана меньшая часть конюшен. Иван Антонович вместе с сотрудниками активно участвовал в переоборудовании помещения и подготовке экспозиций Палеонтологического музея, который был открыт к началу конгресса.

Узловым вопросом работы геологического конгресса стала пермская система. И.А. Ефремов выступил перед участниками с сообщением о наземных позвоночных верхней перми и нижнего триаса, предложил детальную стратиграфическую схему

* Геккер Р.Ф. Иван Антонович Ефремов // Тафономия и вопросы палеогеографии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 6–14.

расчленения всего комплекса красноцветных отложений. Позднее, по мере накопления новых палеонтологических данных и обработки результатов геологических съемок, он уточнил схему и провел межконтинентальную корреляцию красноцветов по фаунам позвоночных. Его схема получила всемирное признание специалистов и с небольшими поправками и дополнениями существует и сейчас.

С 1937 г. Иван Антонович возглавлял в Палеонтологическом институте Академии наук СССР Лабораторию низших позвоночных (рыбы, земноводные, пресмыкающиеся), оставаясь ведущим специалистом по древнейшим наземным позвоночным. В этом же году он обследует пермские местонахождения Поволжья, Татарии и Приуралья. В 1939 г., помимо раскопок в Ишеево, он руководит Каргалинской геологоразведочной партией, совмещая изучение медистых песчаников с поисками позвоночных. Попутно осматривает старые медные рудники в Башкирии по рекам Белой и Деме, по местам установления пермской системы.

И.А. Ефремов в июне 1941 г.

Особенно плодотворным был для Ивана Антоновича 1940 г. Он описывает пресмыкающихся-китилозавров из Белебея в Башкирии, пресмыкающихся с низовьев р. Мезени, дает предварительное описание хищных дейноцефалов из Ишеево. Детально изучает черепа растительноядных улемозавров из Ишеево, впервые описанных А.Н. Рябининым.

В этом же году И.А. Ефремов публикует (в русском и зарубежном изданиях) обобщающую статью о новой отрасли палеонтологии – тафономии. Предварительное сообщение о тафономии он сделал в начале 1940 г. на совещании, посвященном 80-летию со дня выхода в свет книги Ч. Дарвина "Происхождение видов". И.А. Ефремов отметил, что Дарвин одним из первых обратил внимание на отсутствие переходных форм и подчеркнул неполноту геологической летописи. В конце года И.А. Ефремов совместно с А.П. Быстровым заканчивает фундаментальную работу о лабиринтодонтах из нижнего триаса р. Шарженги. (После окончания войны авторы этой работы были удостоены дипломов Лондонского Линнеевского общества.)

В марте 1941 г. Иван Антонович защищает докторскую диссертацию на тему "Фауна наземных позвоночных средних зон перми СССР". Основное внимание в ней уделено новой для севера Европейской части России мезенской фауне пресмыкающихся и монографическому описанию дейноцефала-улемозавра из Ишеева.

Начало Великой Отечественной войны застало Ефремова в Москве. Он просился на фронт, но его ввели в штаб по эвакуации научных ценностей Палеонтологического института. В середине октября было получено снаряжение для Уральской экспедиции, и ученый вместе с сотрудниками на специальном самолете вылетел в Свердловск (Екатеринбург). В конце ноября И.А. Ефремов выехал в пос. Горный на экспедиционную базу. Их провожал академик А.Е. Ферсман, который осуществлял общее руководство экспедицией. Иван Антонович был научным консультантом экспедиции. До Горного ученый добирался на полutorке полтора месяца.

1942 г. принес новые испытания. Иван Антонович заболел. В те дни Р.Ф. Геккер писал директору Палеонтологического института академику А.А. Борисяку, который в то время находился в эвакуации в Боровом (Казахстан): "Свердловск, 30/III-1942. Очень хорошо, что Вы заговорили о вагоне (речь шла о переезде сотрудников в Алма-Ату. – П.Ч.). Иначе ехать нельзя: Иван Антонович лежит; будем надеяться, что все обойдется благополучно. Сыпной тиф, им самим определенный, врач сегодня

отрицает. Диагноза не ставит. Налицо высокая, до 39,8–40 °С, неспадающая почти температура в течение нескольких дней. Лежит пластом в каморке"*.

Некоторое время ученый провел в Алма-Ате; у него повторился приступ тяжелой формы лихорадки, подхваченной в экспедициях по Средней Азии. Во время болезни он начал писать первые рассказы. В начале 1943 г. И.А. Ефремов переехал во Фрунзе [Бишкек], где находился костяк Палеонтологического института и действовала библиотека Биологического отделения АН СССР. Палеонтологический институт размещался в здании Киргизского пединститута. Там, "в тамбуре между дверями гимнастического зала", И.А. Ефремов закончил рукопись "Тафономии". На заседании научного семинара он сделал доклад о методике тафономических исследований.

Поздней осенью 1943 г. И.А. Ефремов вместе с институтом и Биологическим отделением АН (в составе штаба по реэвакуации) возвратился в Москву. Начались хлопоты с музеем. Ученый руководил подготовкой экспозиции, приуроченной к 220-летию юбилею Академии наук СССР, состоявшемуся летом 1945 г. Участник юбилейной сессии, один из крупнейших палеонтологов мира, иностранный член Академии наук СССР английский профессор Д.М.С. Уотсон так отзывался об этой работе коллектива музея: "Тридцать четыре года назад, – писал он, – я прочитал описание дейтерозавра и ропалодона** у профессора Сили. В тот год я впервые посетил Южную Африку и начал понимать дейноцефалов. Ныне впервые я имел великую привилегию воочию увидеть не только старые образцы, но также и новые великолепные материалы по титанофонеусу и улемозавру. Они – настоящие откровения, самые прекрасные и самые важные и новые остатки рептилий в мире. В самом деле, новейшие открытия этого института начинают новую эру исследований по древнейшим четвероногим, и мы можем ждать от СССР быстрого развития наших познаний в этой области. Я уверенно жду этого, так как ни в одном из музеев мира я не встречал подобной группы людей, так хорошо подготовленных, чтобы двигать вперед наши познания, и нигде не встречал такого внимания и не научился столь многому в такое короткое время"***. Столь высокая оценка отечественных палеонтологов и собранной ими коллекции мировой научной ценности во многом имела отношение к деятельности И.А. Ефремова; он уже тогда собрал воедино остатки позвоночных из старых медных рудников, раскопал и описал новых наземных позвоночных из Поволжья и Южного Приуралья. Спустя 2 года Уотсон еще раз выразил восхищение великолепными коллекциями по древнейшим позвоночным. В английской газете "Британский союзник", издававшейся в СССР на русском языке, он поместил статью, проиллюстрировал ее рисунками А.П. Быстрова, которые изображали хищных дейноцефалов, описанных Ефремовым по находкам в Ишеево. Проследивая историю выдающихся палеонтологических открытий, Уотсон рассматривает в числе их известные и вновь открытые формы древнейших фаун Европейской России, заполняющих эволюционный пробел между пермскими фаунами Северной Америки и Южной Африки. По мнению Уотсона, в достижениях русской палеонтологии есть немалая доля советских ученых, и в частности И.А. Ефремова.

В первый послевоенный год в Палеонтологическом институте вплотную встал вопрос об организации экспедиции в Монгольскую Народную Республику. Впервые мысль о проведении крупных азиатских экспедиций возникла в 1932 г. после исследования местонахождений динозавров в Средней Азии. В следующем году уже планировалось направить в район Урумчи Джунгарскую экспедицию для сбора

* Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М.: Наука, 1987. С. 35.

** Имеются в виду два рода пресмыкающихся из медистых песчаников Приуралья, установленные русскими палеонтологами Фишером и Эйхвальдом в середине XIX в.

*** Палеонтологический институт АН СССР. 1930–1980. М.: Наука, 1980. С. 42. (Тр. Палеонтол. ин-та; Т. 184).

материалов и детального изучения "динозаврового горизонта". На 1934 г. намечалась экспедиция в МНР по местам работ сотрудников Американского музея естественной истории. К идее азиатских экспедиций И.А. Ефремов вместе с академиком А.А. Борисяком и профессором Ю.А. Орловым возвращались в 1940 г. и в начале 1941 г. Но война спутала все карты.

В 1944 г. И.А. Ефремов подытожил имеющиеся к тому времени данные об остатках динозавров в Средней Азии. Он всесторонне проанализировал местонахождения динозавров в Казахстане и Киргизии по результатам экспедиции 1929 г. и высказал предположение о вторичном залегании остатков в ряде мест за счет перемыва более древних мезозойских осадочных толщ. При этом он оценил результаты Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории, состоявшейся в начале 20-х годов XX в., и собрал сведения советских специалистов о недавних находках костей в различных пунктах МНР. Таким образом, к моменту организации экспедиции Ефремов пришел к выводу, что гобийская часть МНР представляет более полную картину исторического развития динозавровых фаун Центральной Азии и соответственно более перспективна для проведения исследований. Тем самым обзорная статья Ефремова о среднеазиатских динозавровых местонахождениях послужила своего рода трамплином не только для исследования динозавровых фаун Монголии, но и вообще фаун наземных позвоночных мезозоя–кайнозоя, поскольку отложения этого возраста наиболее последовательно и полно представлены именно в этом районе Центральной Азии.

Правительство МНР, поддерживая замыслы русских палеонтологов, предложило Академии наук СССР организовать экспедицию для поисков ископаемых животных. Начальником экспедиции был назначен И.А. Ефремов, обладавший к тому времени огромным опытом экспедиционных исследований, организаторскими навыками и непрерываемым авторитетом ученого и путешественника. Экспедиция проработала в МНР три полевых сезона: 1946, 1948 и 1949 гг.; 1947 г. ушел на детальную подготовку и заброску снаряжения, материалов, горючего на основную и промежуточные базы – с учетом всего того, что выяснилось в ходе рекогносцировочных работ первого года.

Гобийская одиссея с ее подготовкой, проведением, обработкой материалов была важным, ответственным и длительным этапом в жизни и научной биографии Ивана Антоновича. Тем не менее он не забывал своей "первой любви" – древнейших позвоночных, исследования по которым публиковал параллельно с монгольской, преимущественно динозавровой, тематикой.

В 1944 г. одновременно со статьей о динозаврах Средней Азии И.А. Ефремов публикует материал о стратиграфическом расчленении верхнепермских отложений Европейской части России по остаткам позвоночных. Эта работа также оказывается в центре внимания геологов, так как ее выводы широко применяются для геологической съемки.

В 1946 г. выходит статья И.А. Ефремова, посвященная так называемым батрахозаврам – "лягушкоящерам"*.

И.А. Ефремов на базе Монгольской палеонтологической экспедиции. Улан-Батор (1946 г.)

* Ефремов И.А. О подклассе *Batrachosauria* – группе форм, промежуточных между земноводными и пресмыкающимися // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1946. № 6. С. 615–638.

снейшего животного из Ишеева, названного лантанозухом. Ученый показал, что по морфологическим и биологическим особенностям лантанозух вместе с известными ранее североамериканской сеймурией и котлассией с Северной Двины занимает промежуточное положение между земноводными и пресмыкающимися. Он подчеркнул, что при попытке выяснения систематической принадлежности этих трех родов к одному из классов "мы сразу же теряем под ногами почву". Совмещение в этой группе родов важнейших признаков обоих классов привело И.А. Ефремова к выводу: вся группа в целом по своему значению в эволюции древнейших четвероногих заслуживает выделения в особый подкласс. Это систематическое подразделение принято современными исследователями. Эта статья была последней работой Ефремова о батрахозаврах, имеющей непосредственное отношение к земноводным; большинство последующих трудов посвящено его любимым зверообразным пресмыкающимся – тероморфам.

Научные интересы И.А. Ефремова развивались в нескольких направлениях и в целом охватывали тематику по древнейшим наземным позвоночным, включая исследования по динозавровым фаунам Средней Азии и МНР. Ученый опубликовал около 100 работ в советских и зарубежных изданиях, написал около 200 заметок, научно-популярных статей, отзывов, рецензий и рефератов. Ефремовские отзывы при своей доброжелательности и яркости всегда точно улавливали сильные и слабые стороны диссертаций. Получение отзыва от Ивана Антоновича было пределом мечтаний соискателя.

Послевоенный период биографии И.А. Ефремова, сам по себе уже достаточно насыщенный, был бы неполон без упоминания о начале его литературной деятельности. Стремительное вторжение Ефремова в литературу произошло в 1944 г. Интересно отметить, что в послевоенной истории Союза писателей СССР (Ефремов член СП с 1945 г.) он остается единственным, кого пригласили в СП "автоматом", без заявлений, рекомендаций и прочих атрибутов, доказывающих значительность и право кандидата.

В 1947 г. по горячим следам первого гобийского путешествия за динозаврами он публикует "Звездные корабли". Здесь с позиций науки о прошлом – палеонтологии – у И.А. Ефремова впервые звучала тема космоса. До 1949 г. его рассказы издавались 20 раз. Такой взрывоподобный успех и признание нечасто выпадают писателю даже при наличии большого таланта. Помимо природных дарований, очевидно, сыграло роль то обстоятельство, что к началу своего литературного творчества И.А. Ефремов был уже профессором, широко и разносторонне образованным ученым – геологом и палеонтологом.

После экспедиции в Монголию И.А. Ефремов в поле больше не выезжал. Он вновь занялся организационной и научной работой. Уже появились первые публикации монгольских материалов, шла препаровка монолитов со скелетами. В музее монтировались первые скелеты динозавров. В начале 50-х годов И.А. Ефремов подготовил ряд палеонтологических экспедиций сотрудников института. Так, в 1952 г. он настоял на проведении предварительных раскопок остатков зверообразных пресмыкающихся около г. Очёр в Пермской области. Эти работы позволили выявить перспективность местонахождения, и последующие раскопки в 1957, 1958 и 1960 гг. дали богатейшую фауну пермских позвоночных. В 1954 г. ученик Ивана Антоновича – Б.П. Выюшков – впервые в России провел успешные бульдозерные раскопки триасовых позвоночных в известном местонахождении Донгуз в Оренбуржье, из которого прежде был известен скелет дицинодонта, изученный И.А. Ефремовым. Особое место в работах Ивана Антоновича занимает "Руководство для поисков остатков позвоночных..."*

* Ефремов И.А. Руководство для поисков остатков позвоночных в палеозойских континентальных толщах Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 20 с.

Оно представляло, по существу, дополнение и практическое приложение к организации направленных поисков позвоночных. Впоследствии подобного рода пособия, изданные по другим группам ископаемых животных, приобрели важное значение для практики геологосъемочных работ.

В 1952 г. фундаментальный труд по тафономии* был удостоен Государственной премии. Два года спустя И.А. Ефремов публикует капитальное научное исследование "Фауна наземных позвоночных..."**, материалы к которому он собирал с 1929 г. Эта своего рода энциклопедия об истории изучения медистых песчаников была с интересом встречена не только палеонтологами, но и геологами, географами, историками – всеми, кто прямо или косвенно был связан с изучением и освоением Западного Приуралья. Почти одновременно с этой монографией у Ефремова совместно с Б.П. Вьюшковым выходит "Каталог местонахождений..."***, который в сокращенном виде был переведен и опубликован Э.К. Олсоном в США в 1957 г.

И.А. Ефремов в 50-е годы

Осенью 1953 г. И.А. Ефремов баллотировался на выборах в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Его кандидатуру поддержали ряд институтов и филиалов Академии, семь университетов, научные общества и известные ученые. Всего 25 блестящих отзывов-рекомендаций. Но на выборах Иван Антонович получил всего два или три голоса. Объективное и категоричное суждение Ефремова к этому неудачному "дебюту" отражено в его письме директору института Ю.А. Орлову от 31 января 1962 г.

К середине 50-х годов у И.А. Ефремова резко обострилась тяжелая болезнь сердца. Здоровье ученого заметно пошатнулось. Единственным средством сохранения работоспособности для него стало соблюдение строгого режима. В этот период он продолжает работать над монгольской тематикой: печатает статьи об условиях захоронения динозавров и других наземных позвоночных, публикует "Дорогу Ветров" и завершает эту тему в 1963 г. статьей о перспективах палеонтологических исследований в Монголии. И.А. Ефремов пишет статью о первых находках в России древнейших пресмыкающихся – капторинид и пеликозавров, известных прежде лишь в нижней перми Северной Америки. В статье он снова возвращается к межконтинентальным сопоставлениям пермских фаун и красноцветов.

После экспедиции в МНР работа над монгольскими материалами продолжалась и выяснилась необходимость палеонтологических исследований во Внутренней Монголии. Ивану Антоновичу виделось продолжение этих исследований вдоль южных караванных путей. Именно для организации новой экспедиции он в составе делегации палеонтологов посетил КНР осенью 1958 г. Через год экспедиция состоялась, но И.А. Ефремов остался в Москве.

В 1959 г. И.А. Ефремов покидает Палеонтологический институт не столько по состоянию здоровья, сколько из-за сложившейся обстановки в связи с его временной

* Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 177 с. (Тр. Палеонтол. ин-та; Т. 24).

** Ефремов И.А. Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 416 с. (Тр. Палеонтол. ин-та; Т. 54)

*** Ефремов И.А. Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 185 с. (Тр. Палеонтол. ин-та; Т. 46). В соавт. с Б.П. Вьюшковым.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
АВТОБИОГРАФИЯ

Евгений Илья Антонович

Фамилия, имя и отчество

Родился 26 апреля 1907 г. в деревне Вязовка Чукотского уезда, Якутской губ. (Троцкий р-н Пенитенциарной обл.), в семье кузнеца П. Ильича, в которой были еще сын и дочь и сестры. С 1914 года мы жили всей семьей в г. Якутске (Осинки) до 1918 г. Здесь я начал учиться в школе. В 1918 г. отец, мать, родственники, сестры переехали, мы же остались в г. Якутске, где я учился до 1921 г. Затем в 1920-21 гг. в Анастасовской Аштарханской в г. Кресты Якутской, Ссылки малых наместников шорцев. В конце 1921 г. переехал в Петроград (Ленинград), учился в школе, потом на Высшем инженерном 23 Св. училище инженерно-техническое (1922) работал, с перерывами для учебы и творчества, с 1922 по 1927 г. наместником шорцев, затем инженером в фабрике карасей Ленинграда (Н. Ч. Восточная, Армян. Инженерный 3-й, Кольевый).

В 1923-1924 гг. был зачислен на Аштарханскую инженерно-техническую школу при Инженерном Ведомстве Карасей (Ленинград) и затем, для Инженерной Ссылки, переехал в Белую Ссылку на работу - инженером 23 Св. Инженерного (Н. Ч. Восточная) в Карасей Ссылки инженерно-технической. Начался долгий путь инженерно-технической Ссылки в Ленинград. В конце 1924 г. поступил в Ленинградский Ин. Инженерный на фабрику - завод, инженерно-технической Ссылки. В инженерно-технической 1925 г. поступил в Карасей Ссылки, затем Инженерная Ссылка на Ленинградский УБЗКО Карасей Ссылки (порт Баку). Вступил в члены

Первый лист автобиографии ученого (1953 г.)

И.А. Ефремов за письменным столом

инвалидностью. Должность заведующего Лабораторией низших позвоночных, руководителем которой он был с 1937 г., по предложению дирекции занял другой сотрудник еще до истечения срока перевыборов. Новую должность дирекция не предложила. Уход из института Иван Антонович переживал болезненно, о чем можно судить по переписке с Ю.А. Орловым.

Формально уйдя из института, И.А. Ефремов не оставляет своей любимой науки и литературы. Он интересуется общими вопросами палеонтологии, перспективами развития науки, критически рассматривает проблему соотношений науки и научной фантастики. Фундаментальная статья об этих соотношениях, опубликованная в журнале "Природа" в 1961 г. *, до сих пор остается актуальной.

В этот период И.А. Ефремов пишет рецензии, статьи, отзывы на диссертации, преимущественно докторские, дает консультации, участвует в планировании экспедиций. Он всегда в курсе событий, поддерживает постоянные контакты с отечественными и зарубежными учеными. Среди последних следует упомянуть Д. Уотсона, А. Ромера и Э.К. Олсона. Последний был очень дружен с Ефремовым, и их переписка, частично опубликованная Олсоном, прекрасно дополняет образ Ефремова – человека, ученого, философа. Этот взгляд на Ефремова глазами американского ученого очень интересен для русского читателя. Олсон в своих воспоминаниях о И.А. Ефреме писал, что последний во многих отношениях оказал большое влияние на его взгляды на мир, жизнь и интерпретацию палеонтологической летописи.

Жизнь Ивана Антоновича Ефремова – ученого и писателя – тесно переплетена с судьбами многих людей. Ивана Антоновича связывала давняя дружба, еще со времен жизни в Ленинграде, с профессором А.П. Быстровым. Здесь нет необходимости писать о нем – блестящая характеристика его дана самим Иваном Антоновичем в переписке и воспоминаниях, которые были написаны после смерти Алексея Петровича, но не были опубликованы. Иван Антонович был также очень дружен с И.И. Пузановым, крупнейшим зоологом и непримиримым антилысенковцем. Их

* Ефремов И.А. Наука и научная фантастика // Природа. 1961. № 12. С. 41–47.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. *Фамилия, имя и отчество* **ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ**
2. *Место работы, должность и ученая степень* **Палеонтологический институт
АН СССР, заведующий отделом низших позвоночных, доктор биологи-
ческих наук, профессор.**
3. *Год рождения* **1907** 4. *Национальность* **русский** 5. *Партийность* **беспартийный**
6. *С какого времени работает в Академии Наук СССР* **с 1925 г.**
7. *Какие правительственные награды имеет* **не имеет**
8. *Представляется к* **ордену "Знак почета"**
9. *Домашний адрес* **Москва, Спасоглинищевский пер., 8 кв.18**

1. КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАСЛУГ

Начав свою деятельность в АН СССР с должности препаратора-коллектора последовательно, благодаря трудолюбию и энтузиазму, стал одним из крупнейших знатоков в области древнейших позвоночных. Описал значительное количество новых форм, переработав ряд важных материалов, ранее изучавшихся я.

Положил начало новой области знания - тафономии /учение о захоронении ископаемых организмов/. Своими работами широко известен и за-
границей, особенно в Америке и Англии.

Наградной лист И.А. Ефремова (1945 г.)

многолетняя дружба, начавшаяся; по-видимому, в конце 40-х годов, носила преимущественно "эпистолярный" характер; личные встречи в Москве были сравнительно редки. Надо думать, что высокая оценка этими двумя учеными литературного творчества Ефремова была для него весьма своевременной поддержкой. Тем более что многие из институтских коллег Ефремова скептически относились к его литературным занятиям и порой шутливо, но настойчиво убеждали его в том, что он занимается ерундой. Это мнение нередко разделяли и вполне доброжелательные к Ефремову

геологи и палеонтологи, знакомые с его работами. В науке, по их мнению, он сделал бы больше. Автору этих строк не раз приходилось выслушивать брюзжание старших и весьма уважаемых коллег по поводу занятий Ефремова литературой: "Кому это нужно, зачем ему самому? Занимался бы делом". Более того, Ивана Антоновича стремились "привести к общему знаменателю", а некоторые завистливые и горячие головы обвинили ученого в том, что он пишет свои повести и рассказы "в рабочее время". Уже была назначена дата обсуждения этого вопроса на заседании партбюро, но... в "Известиях" появилось постановление о присуждении И.А. Ефремову Государственной премии за работу "Тафономия и геологическая летопись".

Трудовая деятельность Ивана Антоновича, помимо Государственной премии за "Тафономию", отмечена двумя орденами Трудового Красного Знамени, одним в 1945 г. за заслуги в палеонтологии и вторым в 1968 г. за заслуги, как писала газета "Известия", в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся. И еще орден "Знак Почета". Не будем судить, много это или мало. Все познается в сравнении, и Иван Антонович – человек счастливой судьбы. Мы знаем, например, как распорядились жизнью Николая Ивановича Вавилова. Не последнюю роль в этом сыграл Т.Д. Лысенко. Случайно мне довелось быть на его панихиде в Биологическом отделении Академии наук. Проходя вестибюлем мимо конференц-зала, я услышал слова соратников о том, как высоко партия и правительство отметили заслуги покойного. Меня одолело нездоровое любопытство – захотелось взглянуть на награды: на отдельных подушечках размещались восемь орденов Ленина. На миг меня поразила парадоксальная ирреальность ситуации и промелькнула мысль: "Какой же ущерб нужно нанести науке, обществу и Родине, чтобы заслужить восемь орденов Ленина?" Проводы были более чем немногочисленны: на проспекте вслед за катафалком проследовали девять больших, но ... пустых автобусов.

В последние годы жизни Иван Антонович не раз уподоблял себя торпедированному броненосцу. Орудия ведут огонь, корабль идет, но уже обречен. Мысль о "пробоине" не оставляла его, он спешил работать и знал скоротечность отпущенного срока. После "Туманности Андромеды" он успел написать три романа: "Лезвие бритвы", "Час Быка" и "Таис Афинская". Причем "Час Быка" после книжного издания в 1970 г. был "изъят

Надгробный камень на могиле И.А. Ефремова в Комарово

из обращения" и не переиздавался до 1988 г., тогда как "Туманность" была издана около 100 раз.

И.А. Ефремов умер в Москве 5 октября 1972 г. Урна с прахом захоронена, согласно его завещанию, под Ленинградом [Санкт-Петербургом], в Комарово, на маленьком кладбище под кронами сосен и елей. Плита из темного базальта увенчана неправильным многогранником из лабрадорита. На нем надпись "Иван Ефремов" и даты.

Творческое наследие Ефремова будет привлекать внимание многие годы, ибо он принадлежит к тем выдающимся личностям, значение которых не утрачивается со временем. Он уже "канонизирован" временем и при жизни стал классиком в своей науке, палеонтологии, и в научной фантастике. Однако, как сказал когда-то Владимир Набоков, "есть еще посмертное надругание, без которого никакая святая жизнь несовершенна". Чаша сия не миновала и Ефремова, но, чтобы не быть голословными, обратимся к фактам. Через месяц после его кончины на квартире покойного был произведен обыск. Последний, согласно разъяснению компетентных органов, полученному 16 лет спустя, был вызван подозрениями о насильственной смерти писателя. Однако эта рабочая версия не подтвердилась. К тому же она не вытекала ни из содержания протокола, ни из характера обыска. Тут и на сегодняшний день остается много неясного. Дело не в том, что версия не подтвердилась, — она и не могла подтвердиться, ибо абсурдность ее была априори очевидна.

Пока колеса этой машины прокручивались, в издательстве выбросили из плана издания подписанное к печати пятитомное собрание сочинений писателя. Роман "Час Быка" не назван даже в аннотации ко второму изданию собрания сочинений Ефремова (1986).

В посмертной "биографии" ученого и писателя наиболее глухим периодом "поражения в правах" были годы с конца 1972 до 1975. Этот период, начиная с явно спровоцированного обыска, с последующим замалчиванием Ефремова породил массу всякого рода нелепых домыслов, до сих пор имеющих хождение. Формально в средствах массовой информации Ефремов перестал существовать как писатель, имя его вообще не упоминалось. Круги от камня, брошенного на имя Ефремова, расходились широко и долго. Прежде всего из журналов были сняты некрологи. Это положение распространилось и на науку. Фамилия его вычеркивалась из списка научных работ. В начале 1974 г. в тезисах докладов к XX сессии Всесоюзного палеонтологического общества, посвященной тафonomии, имя И.А. Ефремова — основателя этого общепризнанного научного направления — было вымарано. Один из известных палеонтологов в своей книге о палеонтологических исследованиях в Гоби ухитрился ни разу не упомянуть имя Ефремова, хотя использовал данные из его научных работ. И это после "Дороги Ветров", четырежды издававшейся до появления этой книги! Число бывших друзей резко сократилось, из писателей отошли и те, кто постоянно пользовался гостеприимством Ефремова и подписывал свои книги: "Дорогому учителю Ивану Антоновичу..." И лишь один писатель А.П. Казанцев в эту глупую пору вступился за память Ефремова и обратился с письмом в ЦК КПСС.

Конечно, за всем этим остается традиционный вопрос: "Кому это было выгодно?". Как ученый Ефремов уже не мешал никому. А как популярнейший писатель на пьедестале лидера отечественной фантастики? Темна вода во облацех, да и компетентные органы пока еще не публикуют ни имен доносчиков, ни содержания "сигналов". Может быть, именно как отголоски тех прошлых тенденций звучит иногда призыв упразднить научную фантастику. Ту, которую Ефремов называл "литературой мечты и технического прогресса" и которая, по его же определению, "должна вести науку за собой, показывая ей новые направления и освещая пути в неведомое вдохновенным взлетом фантазии"*.

* Ефремов И.А. Наука и научная фантастика // Природа. 1961. № 12. С. 44.

С 1975 г. творчество Ефремова официально обрело "второе дыхание" и только за последние 5 лет тираж его произведений составил несколько миллионов экземпляров. Сюда же входит и "Час Быка", который с 1988 г. одновременно публиковался в нескольких издательствах. Возвращение читателям этого отторгнутого романа символично: оно подтверждает заложенную в нем идею торжества разума и справедливости над темными силами зла.

Ефремов и при жизни, вероятно, мог бы иметь несомненно большую официальную поддержку, если бы в своем творчестве безоглядно следовал руководящим идеям и указаниям.

И.А. Ефремов шел своей дорогой, и во всей его биографии геолога-первопроходца, ученого, исследователя и писателя прослеживается неизменная позиция человека и гражданина "без страха и упрека". Но "органы" думали иначе, и посмертная биография Ефремова не закончилась историей с обыском. И самому Ивану Антоновичу не суждено было узнать, что он – Иоанн по записи в церковной книге – законный сын Антона Харитоновича Ефремова и жены его Варвары Александровны, окажется по легенде КГБ резидентом английской разведки – Майклом Э. – сыном английского лесопромышленника, жившего до 1917 г. в России. Об этом мы узнали из статьи бывшего подполковника КГБ В. Королева*. Согласно данным последнего, "дело Ефремова" содержит около 40 томов. И следует особо подчеркнуть, что после кончины Ивана Антоновича "дело" разрабатывалось еще 8 лет. Причем задолго до смерти Ефремова в поле зрения КГБ попали уже "завербованные резидентом" сын его Аллан и жена Таисия Иосифовна.

Конечно, эта тема не относится к научному наследию И.А. Ефремова. По свидетельству того же В. Королева, она достаточно бредовая (хотя разрабатывалась на полном серьезе). На эту тему имеется уже ряд публикаций, и, кажется, все ясно, однако до сих пор находятся люди, которые серьезно спрашивают: "Кем же был Иван Ефремов?"**

Ефремов уже принадлежит истории. Последняя – прерогатива историков и сильна свидетельствами современников, которым мы доверяем и которые дают свое понимание фактов из "первых рук".

Деятельность "органов", как бы они ни назывались, наложила глубокий отпечаток на целую эпоху, точнее на три поколения, и не могла не сказаться на характере творческого и объеме эпистолярного наследия И.А. Ефремова. Вот почему сам Ефремов в анкете начала 60-х годов на вопрос журналиста: "Ведете ли Вы дневник?", ответил: "В наше время нельзя. После культа личности все отучены. Писал бы..."***

Безусловно, это большая и невосполнимая потеря.

Человек по Ефремову – это микрокосм со своим внутренним и неповторимым мироощущением. В равной мере это относится и к самому Ефремову. Его письма раскрывают внутренний мир, в них он более открыт как человек и ученый с его чувствами, тревогами, радостями и печалью. Через них мы обретаем сопричастность и "родство душ" с человеком, ученым и писателем. Тем большую ценность приобретают документы, сохранившиеся в семье Ефремовых, равно как документы и переписка ученых с Ефремовым.

Предлагаемый читателю том открывает новые страницы многогранного наследия И.А. Ефремова и добавляет штрихи к портрету нашего современника, так как подобно выдающимся ученым-естественникам Ефремов – энциклопедист, и грани его таланта в силу разных причин не вдруг открываются взору исследователя и читателя. Когда-то академик Д.Н. Прянишников сказал о Н.И. Вавилове: "Николай Иванович –

* *Королев Валентин*. Как фантаста записали в английские шпионы // Столица. Иллюстрир. еженедельник. 1991. № 16(22). С. 44–46.

** Кем же был Иван Ефремов? // Аргументы и факты. 1992. № 18, май.

*** Другая сторона медали. Из архива Ивана Ефремова // Чудеса и приключения. 1992. № 7–8. С. 34.

гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник". Это справедливо и в отношении к Ивану Антоновичу Ефремову; наше и последующие поколения будут ощущать непреходящее значение его личности и творчества.

Книга удачно открывается письмом молодого ученого Ивана Ефремова к В.И. Вернадскому. Ефремов говорит о своих новых взглядах на эволюцию наземных позвоночных в разные геологические эпохи в зависимости от состава атмосферы и просит разрешения прислать рукопись. Мы не знаем существа затронутых Ефремовым вопросов, но совершенно очевидно, что идеи, волновавшие его в юности, не были им забыты и нашли отражение в научном и литературном творчестве.

Нет необходимости пересказывать содержание тома, но, несомненно, большой интерес, помимо обсуждения научных вопросов, вызовет эмоциональная переписка Ефремова с А.П. Быстровым, И.И. Пузановым и другими адресатами.

Появлением настоящей книги мы обязаны составителю, кандидату исторических наук Н.В. Бойко, которая провела неоценимую и трудоемкую работу по поиску, подбору и подготовке материалов.

Доктор биологических наук,
член Комиссии по литературному и научному наследию И.А. Ефремова
П.К. Чудинов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ (ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ И.А. ЕФРЕМОВА)

Предлагаемая читателю переписка известного ученого-палеонтолога и знаменитого писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова с учеными, а также ряд его неизданных работ являются первой попыткой собрать и донести их до широкого читательского круга. Замысел этой книги возник у составителя еще в 1987 г., когда при обработке фонда известного ученого-зоолога, профессора Одесского университета И.И. Пузанова были обнаружены письма на хорошей голубой бумаге, подписанные: И. Ефремов. Содержание писем не оставляло никаких сомнений, что их автором является И.А. Ефремов, роман которого "Час Быка" когда-то потряс меня разоблачительным характером и обнажал между строк истинное состояние нашей страны. Поиск продолжался в личных фондах других ученых: были найдены письма Ивана Антоновича к члену-корреспонденту АН СССР (позднее академику) Л.С. Бергу, профессору Горного института А.Н. Рябину, переписка с профессором Ленинградского университета, ближайшим другом А.П. Быстровым. В московских личных фондах известных ученых-академиков, геолога В.А. Обручева и историка И.М. Майского, также сохранилась переписка этих ученых с И.А. Ефремовым. В фондах академических институтов, Президиума Академии наук и его подразделений были найдены письма-записки И.А. Ефремова президентам АН СССР, академикам-секретарям отделений, иностранным ученым, переписка с которыми осуществлялась через Иностранный отдел Академии наук. Архивные фонды хранили также геологические отчеты И.А. Ефремова (фонд Совета по изучению производительных сил АН – СОПС), стенограммы его выступлений и докладов, отзывы о работах других ученых.

Ряд интереснейших документов и фотографий передала для публикации Таисия Иосифовна Ефремова, верный друг, жена, хранитель наследия ученого и писателя. Некоторые из публикуемых писем были предоставлены учеными, работавшими в Палеонтологическом институте, – учеником И.А. Ефремова доктором биологических наук П.К. Чудиновым, а также кандидатом биологических наук Б.А. Трофимовым. Все перечисленные источники позволили нам собрать представляемый сборник, несмотря на то что сам Иван Антонович был убежден, что от периода 1923–1953 гг. "ничего не сохранилось". Единственной ранее опубликованной является переписка И.А. Ефремова с американским ученым Э.К. Олсоном, которая прекрасно дополняет архивные материалы и может послужить некоторым "толчком" для присылки в Россию ксерокопий писем И.А. Ефремова иностранными корреспондентами, с которыми он вел переписку (Пушкинский дом. Ф. 681. Личный фонд И.А. Ефремова).

Не исчерпаны полностью и источники выявления писем И.А. Ефремова. В Архиве Российской академии наук хранятся необработанные фонды академиков А.И. Опарина, В.В. Меннера, доктора биологических наук Б.Б. Родендорфа. Можно надеяться, что сохранились они и в личных архивах ученых, работавших с И.А. Ефремовым, и когда-нибудь также станут известными.

Структура сборника была подсказана самим Иваном Антоновичем Ефремовым. В одном из писем Э.К. Олсону (№ 147) он иронично отозвался о его идее издать письма Ефремова: "Ефремов не обладает такими личными достоинствами, как и не является великим палеонтологом. Если бы Вы использовали мои письма для характеристики того или иного достижения нашей палеонтологии или в качестве сравнения с точкой зрения наших западных коллег – это было бы хорошо. Но не в качестве главного названия всей книги!..." Поэтому мы публикуем не только письма И.А. Ефремова, но и письма его корреспондентов, которые позволяют также рассказывать об истории науки в лицах, оживить уже ушедших от нас, узнать о планах, надеждах, тревогах на протяжении сорока лет (1930–1970 гг.), позволяют лучше понять, как происходил поворот И.А. Ефремова от науки к литературе.

Если литературные произведения И.А. Ефремова сразу из-под пера шли в печать, то в научной области остались многие неизданные работы ученого, некоторые из которых и предлагаются читателю. Это в основном работы, доступные широкому кругу и дополняющие переписку. Обращение к этой стороне деятельности И.А. Ефремова объясняется еще и тем обстоятельством, что в газетных и журнальных публикациях внимание авторов было направлено на освещение литературной деятельности Ивана Ефремова: была опубликована его переписка с литературными биографами Е.П. Брандисом и В.И. Дмитриевским, с читателями*. Научная деятельность оставалась в них незатронутой.

Публикуемые письма, написанные И.А. Ефремовым разным ученым, объединяет ряд общих особенностей. Его корреспонденты, высокообразованные люди, квалифицированные специалисты, обладающие литературными и другими наклонностями, были свободными в анализе и понимании окружающей их действительности, что делает публикацию переписки еще более значимой.

Предваряя прочтение, хотелось бы обратить внимание на особенности корреспонденции, подчеркнуть своеобразие переписки в зависимости от адресатов.

Большое значение для раскрытия человеческого и духовного облика ученого имеет переписка И.А. Ефремова с одним из ближайших друзей, анатомом, палеонтологом, художником А.П. Быстровым. Она охватывает значительный промежуток времени – с 1944 г., когда А.П. Быстров и И.А. Ефремов "нашли" друг друга, и до середины 50-х годов, когда, несмотря на некоторую отстраненность во взаимоотношениях, они оставались преданными друг другу и интересными собеседниками. К сожалению, в материалах личного фонда А.П. Быстрова ответные письма И.А. Ефремова военного периода не сохранились. Очевидно, они были утрачены при возвращении семьи Быстровых из эвакуации. Их переписка является интереснейшим фактологическим источником для осмысления научного и литературного пути И.А. Ефремова в послевоенный период, рассказывает о многих ранее неизвестных сторонах жизни и деятельности ученых, оживляет сухие строки официальной истории науки, дает возможность проследить взаимовлияние, противоборство человеческих идей, судеб, исканий. Строгий в оценке всяких научных и литературных "писаний" А.П. Быстров высоко оценил появление первых рассказов И.А. Ефремова, назвав их "блестящими", и отметил "изумительно литературный" русский язык, которым они были написаны (№ 25, 27). Он не только не пытался отговорить друга от занятий литературным творчеством, но и был генератором ряда смелых научно-фантастических идей, которые нашли свое воплощение в сюжетных построениях рассказов и повестей И.А. Ефремова (№ 31, 32, 39, 63). Спустя шесть лет после смерти А.П. Быстрова, в 1965 г., Ефремов писал его вдове

* Дмитриевский В.И. Почтовый ящик Ивана Ефремова // Аврора. 1969. № 1. С. 63–69; Гуревич Г.И. И паруса, и звездолеты: (К 70-летию И.А. Ефремова) // Юность. 1977. № 4. С. 84–85; Воронина Е., Матонина Э. Рапсодия для Таис // Студенческий меридиан. 1977. № 10. С. 17–23; Дымов Ф. Кораблю взлет! Из переписки русского советского писателя-фантаста, палеонтолога, лауреата Государственной премии СССР Ивана Антоновича Ефремова (1907–1972) // Книжное обозрение. № 7. 12 февраля 1988 г.; и др.

Гильде Юрьевне: "Ни при каких условиях я не могу забыть ни Алексея Петровича, ни Вас. Каковы бы ни были наши расхождения в последние годы, А.П. всегда останется очень дорогим для меня человеком, и я еще не раз буду возвращаться к его образу в моих литературных произведениях. Так, в последнем романе "Лезвие бритвы" у главного героя, доктора Гирина, есть много черт нашего незабвенного А.П."*

Хотелось бы обратить внимание читателей на те из писем И.А. Ефремова А.П. Быстрову, где он писал о своей ответственности за ту отрасль палеонтологии, которой он занимался, подчеркивая, что в науке не место местничеству и счетам между учеными – кто больше сделал для нее (№ 36), с грустью говорил о неблагоприятной атмосфере в научной среде и той пропасти, которая возникла в биологии по вине Т.Д. Лысенко и его окружения (№ 58, 94). Переписка ученых объясняет одну из причин полного ухода И.А. Ефремова в литературу. Ведь в научной фантастике, как он считал, больше свободы в изложении своих представлений об эволюции древних фаун, наземного животного мира, человеческого существа, истории человечества и цивилизаций. Последние из сохранившихся писем ученых относятся к 1956 г. Их переписку вполне можно использовать в разделе будущей антологии под заголовком "Ученые шутят", где на фоне профессорского спора о скрытых и закрытых суставах мы видим и легкую иронию над слабостями друг друга, и желание И.А. Ефремова помочь другу преодолеть трудный период его жизни, и оригинальные рисунки А.П. Быстрова, иллюстрирующие его письма (№ 107–113).

Особое место занимают письма И.А. Ефремова академику В.А. Обручеву и ответные письма ученого. Они хорошо знали друг друга еще в ленинградский период Академии наук, так как Палеонтологический институт, в котором работал молодой ученый И.А. Ефремов, и Геологический институт, которым руководил в 1929–1933 гг. известный геолог академик В.А. Обручев, находились в одном здании. Позже, будучи руководителем Прибайкальской геолого-петрографической экспедиции, В.А. Обручев высоко оценил работу Верхне-Чарского отряда этой экспедиции, которым руководил молодой геолог И.А. Ефремов.

Устойчивая переписка между учеными относится к послевоенному периоду и была связана не только с проблемами Монгольской палеонтологической экспедиции, но и с литературными интересами ученых. Ведь В.А. Обручев являлся одним из основоположников научной фантастики в нашей стране. В.А. Обручев как член Президиума Академии наук СССР, ответственный редактор геологической серии "Известия Академии наук СССР", председатель Монгольской комиссии Академии наук СССР оказывал И.А. Ефремову помощь в ускорении публикаций его статей в научных изданиях (№ 69–75, 78). В.А. Обручев был горячим сторонником продолжения палеонтологических раскопок в Монголии, Китае, которые, как он считал, позволят восстановить геологическую историю этих регионов, изменение климата и условий существования животных и растений. Для популяризации работ Монгольской экспедиции он предлагал ее участникам чаще выступать с лекциями и докладами, печатать в научно-популярных изданиях сведения о достижениях экспедиции (№ 82, 83). Ученые регулярно обменивались своими научными и литературными новинками, высказывали друг другу свое мнение (№ 65).

Переписка с Ю.А. Орловым, доктором биологических наук, позднее членом-корреспондентом и действительным членом Академии наук, директором Палеонтологического института, которая имела в нашем распоряжении, невелика. Переписка ученых периода Монгольских палеонтологических экспедиций конца 40-х годов (№ 43–45, 47–49, 51, 52, 54 и др.) позволяет по-новому оценить всю сложность организационной работы по подготовке первой международной экспедиции Палеонтологического института, трудности раскопочных работ, доставки продовольствия, бензина, машин и других необходимых материалов, вывозки монолитов с палеонтологическими наход-

* СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 27.

ками из Монголии. Все это приходилось преодолевать как в Москве, так и на месте в Монголии. Письма раскрывают планы по обработке и подготовке будущей экспозиции, которая вместе с ископаемыми северодвинских раскопок В.П. Амалицкого составляет наиболее зрелищную часть Палеонтологического музея РАН.

Последняя переписка И.А. Ефремова и Ю.А. Орлова (№ 132–134) относится к началу 1962 г. Предыстория этих писем такова. В ноябре 1957 г. состоялись очередные выборы заведующих лабораториями Палеонтологического института. Ученый совет переизбрал профессора Ефремова на очередной пятилетний срок. Решение ученого совета было утверждено Отделением биологических наук в феврале 1958 г. Однако до истечения этого срока решением директора Палеонтологического института Ю.А. Орлова на должность заведующего Лабораторией низших четвероногих был назначен ее сотрудник Л.П. Татаринков, позднее академик и директор Палеонтологического института. Это решение лишало Ефремова связи с институтом, в котором он проработал более 30 лет.

Упрек Ю.А. Орлова, что И.А. Ефремов занят литературной работой и в данный момент ему не до палеонтологии, был далеко не новым. Еще в 1949 г. в письме А.П. Быстрову Орлов писал: "Вскоре И.А. Ефремов поедет к Вам и расскажет о нас. Правда, он хотя и умица и практик, но, по моему впечатлению, часто гораздо более интересуется писаниями повестей и успехами на этом поприще, чем палеонтологией. Но не мне его судить за это, хотя больно за палеонтологию позвоночных, ибо, кроме В.И. Громова и его, у нас ведь нет фактических сильных работников..."* Но ведь подобное совмещение научной и литературной деятельности было свойственно ряду известных ученых. И действительно – впереди у И.А. Ефремова будет его "Тафономия", Государственная премия 1952 г. за эту работу и капитальная научная монография по фауне медистых песчаников.

Оценивая точки зрения И.А. Ефремова и Ю.А. Орлова на состояние дел в науке к началу 60-х годов, отметим то общее, что их объединяло, – за бумажной круговертью утеряно главное: собственно наука с ее проблемами и человек, который никак не вписывался в попытку системы регламентировать всё и вся. Отношение государства к производящей науке, как с горечью писал Ю.А. Орлов, состояло в том, что "академик-палеонтолог меньше сотрудника по ядерным делам и уж конечно – любого сержанта ракетных войск..." (№ 134). Разница в подходах И.А. Ефремова и Ю.А. Орлова к происходящему заключалась в том, что в силу определенных обстоятельств и черт характера Ю.А. Орлов стремился удержать то сложившееся равновесие Палеонтологического института в Академии наук и был противником всех предложений по перестройке академической системы учреждений в области палеонтологии и геологии. Он не поддерживал ни одной инициативы И.А. Ефремова по преобразованию и Палеонтологического института (№ 96, 129). Письма свидетельствуют о потере взаимопонимания между некогда близкими людьми, посвятившими себя одному делу.

Переписка И.А. Ефремова с академиком И.М. Майским – свидетельство мужества И.А. Ефремова. Часть переписки относится к периоду, когда ранее высокопоставленный дипломат, проработавший за границей с 1924 по 1943 г., посланник СССР в Финляндии, посол СССР в Англии, заместитель наркома иностранных дел, академик АН СССР был арестован в начале 1953 г. и осужден к шести годам высылки из Москвы. Это повлекло исключение из членов партии, лишение на определенный период звания действительного члена АН СССР, что не помешало общению двух ученых, которых связывало увлечение литературной деятельностью. В письмах ученые обменивались впечатлениями об их научных, научно-популярных и художественных изданиях (№ 26, 84, 116, 122, 136), высказывали замечания по рукописям (№ 117, 118, 128, 130), писали о своем самочувствии (№ 122, 138, 141). Сближению способствовало и то, что на протяжении ряда лет семья Ефремовых снимала часть дачи академика Майского в

* СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 66. Л. 110б.

Мозжинке. И.М. Майский помогал И.А. Ефремову в выписке зарубежной литературы, так как имел гораздо более широкие права на ее выбор, а для И.А. Ефремова новая информация была очень важна как источник изменяющихся представлений о мире, обществе, человеке (№ 106).

Письма И.А. Ефремова И. И. Пузанову по праву занимают в настоящей книге одно из центральных мест. Знакомство семьи Ефремовых с профессором Пузановым, преподавателем Одесского университета, относится к послевоенному периоду и состоялось в Крыму, который Иван Антонович считал одним из самых чудесных мест страны. Ученых объединяли как общий учитель – академик П.П. Сушкин, так и интересы в научной области – биологии. Связующим звеном между ними была и их литературная деятельность. Летние встречи во время отдыха и наезды И.И. Пузанова в Москву для участия в научных конференциях и съездах не могли их полностью удовлетворить. Переписка помогала им заполнить пустоты во время длительных перерывов. В письмах, охватывающих почти десятилетний период, мы находим как подробности обсуждения научных и литературных планов ученых (№ 68, 81, 90), проблем биологических наук в период господствования Т.Д. Лысенко (№ 95, 103), так и сведения о недостатках в обеспечении научной литературой, об отсутствии объективных критериев оценки работы ученых (№ 97, 101). В декабре 1953 г. И.А. Ефремов, рассказывая о своих литературных планах, писал: "...мне как палеонтологу история очень по вкусу и оттого, что в современных условиях, в исторической вещи больше простору, немного легче дышится..." (№ 90). Как мы помним, последним прекраснейшим произведением писателя стал исторический роман "Таис Афинская", который является одним из лучших произведений о древнегреческой истории и гимном земной женщине. Интересующиеся литературным творчеством И.А. Ефремова обратят внимание также на оценку, которую давал писатель своим работам, размышления о литературных планах, об исторических прототипах произведений "На краю Ойкумены", о своих романах "Туманность Андромеды", "Лезвие бритвы", "Дорога Ветров", "Час Быка" (№ 90, 101, 102, 104, 126, 145).

Переписка И.А. Ефремова с иностранными учеными представлена в книге лишь отдельными сохранившимися в архивных фондах письмами, адресованными известным палеонтологам Ф. Хюне, Д.М. Уотсону (№ 92, 100), и лишь переписка с американским палеонтологом Э.К. Олсоном благодаря изданной им книге стала доступной нашему читателю.

К сожалению, именно переписка являлась для И.А. Ефремова одним из основных способов общения с иностранными учеными, так как он был лишен возможности встречаться с ними на конгрессах, проходивших за рубежом. Ни приглашение на конгресс в Аргентину (1954 г.), ни персональное приглашение Национального центра научных исследований Франции (1955 г.) для участия в конференции по обсуждению современных проблем палеонтологии с просьбой выступить на ней с докладом не помогли И.А. Ефремову* выехать из страны. В дальнейшем, кроме месячной командировки в Китай в составе делегации ученых для подготовки Советско-Китайской палеонтологической экспедиции в 1958 г., ученый никуда больше не выезжал. Сейчас становятся понятными причины, препятствовавшие заграничным командировкам ученого. Как-то в разговоре Таисия Иосифовна Ефремова рассказала, что после общения с И.А. Ефремовым А. Ромер сказал: "Теперь понятно, почему Вы не выезжаете! Вы – слишком не ручной". А после выхода в свет романа "Час Быка" в 1969 г. вопрос о заграничные даже не поднимался.

Включая переводы из книги профессора Калифорнийского университета Э.К. Олсона "Другая сторона медали", которая содержит письма И.А. Ефремова, мы надеялись, что это будет интересно и нашему читателю как свидетельство высокой интеллектуальности собеседников, взаимной заинтересованности, высокого профессионализма.

* АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 214. Л. 31; Д. 193. Л. 2, 7об., 37.

Описывая предысторию их переписки, Э.К. Олсон пишет: "Ефремов и я переписывались и до моей первой поездки в СССР в 1959 г. Эта ранняя переписка свидетельствовала о том, что у нас имелись взаимные научные интересы. Только позже в своих письмах мы обсуждали сходные черты пермского периода в России и Америке. Кое-что, касающееся этого, следует из отрывков писем, написанных в период с 1956 по 1959 г. Здесь и далее я привожу дословные цитаты из наших писем с очень незначительными правками текста Ефремова, чье свободное владение английским языком является прекрасной характеристикой этого человека". В дополнение к мнению автора добавлю, что общение И.А. Ефремова с человеком иных мировоззренческих и политических взглядов позволяет нам познакомиться с позицией ученого и писателя по многим общечеловеческим, философским и научным вопросам. В одном из писем Э.К. Олсону (1962 г.) Ефремов писал: "Наша цивилизация со своим формальным подходом идет вперед все более неверным путем к некоторым катастрофическим вещам. Но я надеюсь, что эта дорога перед долгим возвращением домой" (№ 135). Сейчас, когда более доступными стали сведения о состоянии биосферы, экологии планеты и здоровья населения Земли, лучше понимаешь, на сколько десятилетий И.А. Ефремов опередил современную оценку роли человечества в системе его взаимоотношений с планетой. Многие идеи, высказанные И.А. Ефремовым в личных письмах, о соотношении духовного и материального в человеке, о значении нравственности в обществе, об усовершенствовании процесса приобретения знаний носят пророческий характер (№ 142). Мысль И.А. Ефремова о том, что "все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности", является весьма актуальной (№ 146).

В сборнике представлен также ряд деловых писем, написанных И.А. Ефремовым административным лицам по ряду вопросов, решение которых зависело от них. Это совместное письмо с Ю.А. Орловым президенту АН СССР академику С.И. Вавилову о перенесении сроков Монгольской палеонтологической экспедиции (№ 38), письмо академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР А.И. Опарину о необходимости выделения вакансий для избрания членов-корреспондентов и действительных членов АН СССР по специальности палеонтология (№ 88), записка академику-секретарю Отделения геолого-географических наук Д.И. Щербакову о создании в составе отделения нового Института стратиграфии (№ 96), письмо президенту АН СССР академику А.Н. Несмеянову о необходимости реорганизации работы Палеонтологического института АН СССР (№ 129). Публикуемые материалы позволяют судить о гражданской позиции ученого, который не оставался в стороне от потребностей науки, анализировал ее состояние, видел сильные и слабые стороны в развитии палеонтологии, искал и предлагал программы конкретного выхода из сложившихся положений. Предложения и взгляды ученого о соотношении биологической и геологической линий в палеонтологии, о месте и путях развития палеонтологии в системе естественных наук (№ 96) и сегодня имеют научное значение.

Публикация неизданных работ И.А. Ефремова открывается геологическими работами ученого, относящимися к 30-м годам. Будучи слушателем Ленинградского горного института, он в составе экспедиций Академии наук участвовал в геологических изысканиях Сибири и Дальнего Востока. Уже здесь в описательных частях отчетов виден почерк пробуждающегося писателя. Так, в известном рассказе И. Ефремова "Голец Подлунный", опубликованном в 1944 г., сюжет, обстановка, описание природы навеяны воспоминаниями о Верхне-Чарской партии. Во многих более поздних произведениях (рассказах "Алмазная Труба", "Юрта Ворона", романах "Туманность Андромеды", "Лезвие бритвы", "Час Быка") встречаются герои и описываются события, напоминающие участников и обстановку довоенных экспедиций И.А. Ефремова**.

* Olson E.C. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 85, 87.

** Трофименко Е. Где был Голец Подлунный // Вокруг света. 1990. № 12. С. 34–39.

Из ряда неопубликованных работ послевоенного периода в книгу включены: доклад об итогах работы Монгольской палеонтологической экспедиции для Общего собрания АН СССР (1949 г.), выступление на Всесоюзном палеонтологическом совещании об итогах и перспективах работы в области палеонтологии позвоночных (1954 г.), отзыв на книгу академика В.А. Обручева "В дебрях Центральной Азии. (Записки кладоискателя)" (1953 г.), выступление на заседании, посвященном памяти А.П. Быстрова, в Ленинградском университете (1959 г.), отзыв о научной деятельности Ю.А. Орлова при баллотировке его в действительные члены АН СССР (1960 г.).

При публикации писем сохранена специфика их оформления. Слева над текстом указывается место, где письмо было написано, если таковое имеется. Справа над текстом дается датировка письма с передачей особенностей, которые встречаются в тексте: так, ряд писем А.П. Быстрова военного периода датирован римскими, а не арабскими цифрами. Письма публикуются полностью, за исключением ряда случаев, когда опущенный текст имеет сугубо личный характер. В тексте документов сохранено авторское написание географических названий; орфография и пунктуация даны, как правило, современные. До 1947 г. письма И.А. Ефремова представляют собой автографы, прочтение которых в ряде случаев затруднительно из-за особенностей почерка. Все непрочитанные места оговариваются в подстрочных примечаниях. Слова, сокращенные в тексте писем и не вызывающие сомнений, приводятся полностью в квадратных скобках. Все изменения и добавления, сделанные рукой И.А. Ефремова и корреспондентов, оговариваются, подчеркивания даны разрядкой. В подавляющей массе материалы публикуются впервые, все случаи предыдущих публикации оговариваются. В легенде после текста даются указания на место хранения тех или иных документов: Архив Российской академии наук (АРАН), Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), а также подлинность или копийность материалов. В некоторых случаях (ф. 1702) в легенде отсутствуют указания на порядковый номер описи и дела, так как эти материалы в настоящее время находятся в научно-технической обработке. Перевод переписки И.А. Ефремова с Э.К. Олсоном сделан А.К. Наумовым.

Сборник снабжен научно-справочным аппаратом, куда входят комментарии и указатели. Комментарии текстуальные, объясняющие особенности, погрешности текста, научные понятия, а также датировки документов (в случае их отсутствия) даны в подстрочнике, а комментарии по содержанию, характеризующие события, факты и т.д., вынесены в конец книги. Здесь же даны: список сокращений, встречающихся в тексте, именной указатель и указатель русских и латинских названий ископаемых животных.

Выражаю искреннюю признательность Т.И. Ефремовой за содействие при подготовке этой книги и передачу писем И.А. Ефремова и ранее не публиковавшихся фотографий из семейного архива, а также сотрудникам АРАН О.В. Батуриной, В.Н. Загребасовой, С.В. Копыловой, И.П. Старовойтовой, Э.В. Харольской, помогавшим подготовить рукопись к изданию.

ПЕРЕПИСКА С УЧЕНЫМИ

1

В.И. ВЕРНАДСКОМУ

Ленинград

19 ноября 1930 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

Приношу тысячу извинений за смелость, с которой обращаюсь к Вам. У меня есть некоторые новые взгляды на эволюцию наземных позвоночных в связи с равновесием CO_2 в атмосфере в разные геологические эпохи и ионизацией вод в присутствии различных элементов, напр[имер] V, Cu, Ka и др. В настоящее время в СССР Вы единственный человек, от одобрения которого зависит судьба моих гипотез.

Если разрешите, я вскоре пошлю Вам мою небольшую работу, переписанную на пишмашинке для В[ашего] мнения. Ваше разрешение не откажите сообщить по адресу. Здесь, Тучкова наб. 2. Палеозоологический институт АН СССР. И.А. Ефремов¹.

Примите еще раз мои извинения.

С искренним ува[жением]

И. Ефремов

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 579. Л. 1. Автограф.

2

А.Н. РЯБИНИНУ¹

Москва

16 января 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Переписчица сообщила мне, что сможет взять работу, но сделает ее не к 20-му, как я полагал, а к 23-му, после чего передаст Вам. Я посылаю рукопись в Ленинград, ибо переписка в Москве невозможна по качеству или уж чересчур медленна.

Некоторые рисунки я дошлю Вам после (в список рисунков с объяснениями они войдут), только получу отпечатки из фотолаборатории. Машинистка перепишет в трех экземплярах, из которых два – пойдут Вам, а третий мне. Я его исправлю и перешлю Вам в обмен на неисправленный. Если вся эта комбинация Вас устраивает, не откажите черкнуть несколько строк о Вашем согласии или нужных изменениях.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 1. Автограф.

Spent the day by river of Kautskas, & captured the following:

[illegible]

3

Москва

22 сентября 1936 г.

Мне весьма прискорбно, что я оказался одним из трех самых нерадивых. Отнюдь не в целях оправдания себя, ибо в данном случае нет извинения, все же прошу выслушать мои мотивы запоздания.

1. Меня сделали уч[е]ным] секретарем ин[ститу]та, который, как Вам известно, находится сейчас в очень тяжелом положении. Пришлось бросить временно все дела и всеми силами вывозить институт. К первому октября все решится, так или иначе.

2. Отсутствие в Москве приличных машинисток, что губительно при моем скверном почерке. Так, написанное по амфибиям мне переписала настолько мерзко, что я, употребив несколько дней на правку, решил перепечатывать снова. А.В. Мартынов обещал на днях достать где-то хорошую машинистку.

Итак, за исключением организации переписки, мне остаются написание териодонтов (литературу по ним я уже свел). После 28-го я берусь за них безотрывно и думаю, что смогу послать Вам все условленное почти одновременно или немного позже, чем Д.В. Обручев.

Осмелюсь заявить, что, по-видимому, я все же более благонадежен, чем Алексей Алексеевич, который клянется, что вообще* сейчас писать для Циттеля не будет. Прошу как-нибудь передвинуть меня на Вашей черной доске.

За задержку с ответом на Ваше письмо приношу извинения – тому были некоторые домашние затруднения, каковыми делами был занят, + секретарство все последние три недели.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 3. Автограф.

* Далее не разобрано одно слово.

А.Н. РЯБИНИНУ

Москва

28 октября 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Телеграмму Вашу получил, однако лежу, болен и не могу осуществить немедленную перепечатку работы. Сразу по выздоровлении высылаю Вам амфибий, на чем и думаю ограничиться ввиду плохого самочувствия и загрузки административными делами.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 5. Автограф.

А.Н. РЯБИНИНУ

Москва

8 декабря 1936 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Я очень благодарен Вам за любезное предложение содействия в переписке, но думаю, что остающиеся мне небольшие вставки я успею вскорости переписать и в Москве.

Дело в том, что я получил целую кипу новых работ от Ромера, Куна и других, почему хочу внести самые последние данные в литературу и систематику*.

Очень благодарен за доброе пожелание. Я уже почти совсем выздоровел, так лишь небольшая слабость.

Я считаю, что даже при моей малой работоспособности остающаяся работа (с перепиской) займет не более 10 дней. Чувствую себя очень виноватым перед Вами, но, к сожалению, я не мог предвидеть столь губительных для нас московских обстоятельств.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 6. Автограф.

А.Н. РЯБИНИНУ

Москва

9 января 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Мне удалось уйти в кратковременный отпуск и я прочно взялся за Циттеля. Кончу к 15-му, если не удастся выехать в Ленинград 16-го, то я пошлю рукопись одному из бывших наших работников – В.В. Пряхиной – для [машинной] перепечатки, а она передаст Вам. Поскольку рукопись будет у Вас в руках и Вы можете показать ее издательству – это уже хорошо, я же, приехав в Ленинград в конце января, выправлю в один вечер все ошибки, могущие быть при перепечатке.

Вы не можете смотреть в глаза издательству, а я боюсь, что не смогу Вам смотреть. Поверьте, что меня эта история с Циттелем чрезвычайно огорчает, ибо первый раз в жизни я оказался в подобном положении.

* Далее не разобрано одно слово.

Я полагал, что для рисунков достаточно указать их №№ в английском и немецком издании таким образом (рис. 278 англ. изд., с. 193), но меня смутил Д.В. Обручев, сказав, что лучше дать рисунки сфотографировать и представить их отдельным приложением. Это мне кажется нецелесообразным, ибо 99% рисунков Zittel's являются наиболее нужными и для нашего издания добавить стоит лишь основные наши формы *Wetlugasaurus*, *Benthosuchus* (*Benthosaurus*) *Platyops* и еще, конечно, девонских *Ichthyostegidae*. Все эти рисунки *Wetlugasaurus*, которые передаст* Вам по приезде в Ленинград, так как** купить Ежегодник и вырезать рисунок из Вашей статьи¹, дав подправить кое-что (технически только разумеется) Быстрову.

Итак, должно быть, скоро искуплю свой великий грех и отправлю Вам сию рукопись.

К сожалению, мне не удастся переработать ее так полно, как это мне вначале хотелось, но в этом никто, кроме меня, не виноват, держать же дольше уже невозможно.

Большое спасибо за новогодние пожелания. Лучшим пожеланием было бы извинение Вами тех огорчений и хлопот, которые я (невольнo хотя бы) причинил Вам.

Полагаю, что со всеми перепечатками и пересылками рукопись будет у Вас не позднее 20-го, каковъ срок можно сообщить издательству.

С искренним уважением и пожеланием в новом году не иметь дел с авторами подобной аккуратности.

И. Ефремов

Сейчас снова подняли вопрос о скорейшем печатании Вашей рукописи. В первую очередь *Moschops*. Затем динозавры – так чтобы напечатать к конгрессу². Думаю, что выйдет.

И. Е.

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 8, 8 об. Автограф.

7

А.Н. РЯБИНИНУ

Москва

19 января 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Передаю на Ваше усмотрение как быть с Циттелем. Выяснились следующие обстоятельства:

а) машинистка не успеет переписать к 23-му, так как выезжает к нам в Москву. Может переписывать в Москве. Ценно тем, что прекрасно разбирает мой почерк, так как много переписывала мое. Для других машинисток он (почерк) весьма труден. Перепишет весьма скоро;

в) у меня еще не готова совсем литература (осталась еще вставка старой русской), а также не составлены объяснения к рисункам, так как жду завтра–послезавтра получения снимков из ЛАФОКИ, которые сразу буду включать под одной нумерацией;

с) Орлов Ю.А. сообщил, что видел в Ленинграде только что вышедшую книгу *Säve-Söderbergh*^{а1} – капитальный труд по черепу стегоцефалов. Он писал мне, вышлет мне скоро, т[аким] о[бразом] со дня на день я могу ее получить или даже в крайнем случае написать Быстрову (у которого она уже есть), чтобы он на 2–3 дня прислал ее мне в Москву. Было бы очень важно включить столь капитальный труд (вернее учесть его в *Zittel*). Я его не видел, может быть, там ничего особенного нет, но если

* Вероятно, имеется в виду В.В. Пряхина.

** Далее не разобраны два слова.

есть, будет обидно, что Zittel, вышедший в 1937 г., не учитывает итоги конечной работы 1936 г.

Поэтому мои пожелания таковы: если имеется хотя бы малейшая возможность – нужно повременить с отсылкой Вам Циттеля. Тем временем машинистка будет перепечатывать к о н е ц работы (все, что не лабиринтодонты), для которых книга Säve не важна.

Конечно, если дело абсолютно не терпит, я могу Вам выслать немедленно все в том виде, в каком есть, а рисунки и часть литературы просить позже, пользуясь Вашим любезным предложением о возможности перепечатки через Вас.

Так как я и так уже все оттягивал, буду считаться только с Вашими возможностями. Если имеется возможность оттянуть на несколько дней, скажем до 1/II, пришлю уже все полностью, включив и Säve и, кроме того, тот nachtrag*, к писанию которого приступаю завтра. Как мы с Вами и договаривались, я классификацию лабиринтодонтов оставляю старой (за исключением деталей) и пишу, что время для введения новой еще не пришло, так как окончательная классификация требует переработки целого ряда** описанных форм. Равным образом вводить в text-book неустановившиеся термины, вроде сверх отрядов и сверх семейств, неудобно. Но в конце обзора стегоцефалов в эти самые nachtrage я хочу изложить (очень кратко) намечающиеся пути новой классификации. Я считаю, что такой nachtrag будет полезен, так как сейчас, по-видимому, с легкой руки Säve начнут сыпать сверх и надсемействами.

Вот изложил все обстоятельства. Жду Вашего решения.

Теперь есть некоторые вопросы по ходу работы.

1. Я даю около 15 новых рисунков дополнительно к имеющимся, а из старых выбрасываю один. Не много ли?

2. Текст мною значительно дополнен и расширен, но не через меру. Вставлено только самое необходимое. В различных [степенях] текст Woodward's мною [надеюсь] переработан. Печатных на машинке будет страниц 80 minimum. Не много?

3. Я пишу названия труднопереводимых костей прямо по-латински. Мне кажется, что писание таких названий, как***, [в] русской транскрипции совершенно неприлично, указывает на безграмотный общий уровень и снижает научную корректность книги.

Какого мнения придерживается редактор?

4. Рисунки, имеющиеся в Zittelle, я даю прямо ссылкой на стр. и № рисунка. М[ожет] б[ы]ть, нужно все переснять?

Нумерацию рисунков я начинаю с первого № и ссылки на них вставлять буду сверху печатного текста карандашом, чтобы потом легко было стереть и написать настоящий № по всей книге. Считаете Вы это удобным?

5. Каким образом расположить литературу и ссылки? Здесь можно сделать по трем вариантам:

а) по образцу Zittels писать внизу данной страницы и делать одну общую цифровую сноску ([для] общего характера литературы), а затем цифровые сноски по отдельным семействам. Это имеет свои плюсы и минусы в том, что литература разбросана и, кроме того4*, под страницей коверкает внешний вид издания;

б) всю литературу вынести в конец, описание класса ставить в алфавитном порядке подряд, а в тексте делать сноски (Broom, 1914) таким образом;

с) литературу вынести в конец, но разбить всю по семействам, тогда в тексте можно обойтись без сносок.

Не откажите точно указать, как сделать.

* Дополнение (нем.).

** Далее не разобрано одно слово.

*** Далее не разобраны два слова.

4* Далее не разобрано одно слово.

6. Я ставлю лишь важнейшую литературу, чтобы не загромождать издания. Может быть, нужно и второстепенную.

7. Нужно ли после фамилии автора (в литературе) ставить его русскую транскрипцию (Брум, 1914) или не нужно?

8. Нужно ли после названия каждого семейства ставить его автора Dvinosauridae Watson, немецкий Zittel (Broili) делает так, а английский (Woodward) этого не делает?

Прошу извинения за огромное письмо, но, как видите, здесь действительно необходимые вопросы.

Не откажите в любезности ответить на важнейшие.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 10, 11. Автограф.

8

А.Н. РЯБИНИНУ

[Ленинград]

Не ранее 1 апреля 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Приходил к Вам 3 раза, но, к сожалению, не застал. Рукопись полностью сдаю Вам с некоторыми рисунками еще в прекрасном исполнении Быстрова.

Я не проверил только конец литературы, не успел, но это, конечно, может сделать и Ваш технический помощник. Всего с литературой и объяснением рисунков у меня 147 страниц. Оригинальный текст очень трудно отделить, думаю, что не менее 2-х листов во всяком случае (...)

Получил из ин[ститу]та поручение узнать у Вас, как обстоят дела с обработкой черепахи и птерозавра из Каратау, переданных Вам¹. Желательно, чтобы успеть сдать их в печать к конгрессу.

Не откажите написать хотя бы мне об этом.

Всего лучшего. Думаю быть опять в Лен[ингра]де около 1/IV, тогда можно будет согласовать разные вопросы по рукописи.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 16, 17. Автограф.

9

А.Н. РЯБИНИНУ

Москва

13 октября 1937 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Николаевич.

Не откажите в любезности сообщить, как обстоят дела с Циттелем.

Если он все еще без движения, то можно ли до него добраться и кое-что дополнить.

Весьма обидно, если в новом нашем Циттеле не будет упомянут целый ряд наших же новых родов.

Таковыми являются:

Labyrinthodontia

род Klintosuchus Efr.

сем. Wetlugasauridae

род Wolgosuchus Efr.

сем. Benthosuchidae

Cotylosauria, Procolophonia

род Nyctiphruretus Efr.

род Nycteroleter Efr.

Pelycosauria Mesenosaurus Efr.

Deinocephalia род Taurocephalus Broom

подотряд Titanosuchia Boonstra

род Titanophoneus Efr.

подотряд Myctosuchia Efr.

Venjukovia invisa Efr.

Rhopalodon и Deuterosaurus, по-видимому, одно и то же или почти одно и то же; Uraniscosaurus Nopcsa уничтожен с позором.

Имеются еще два новых рода стегоцефалов, но так как они не закончены*, предложить их вставить не решаюсь. Мало ли что может быть. Рукопись же об этих всех вышеперечисленных зверюгах сдана в печать¹ и если выйдет ранее Циттеля, то, конечно, получится нехорошо.

Прошу сообщить Ваше мнение о возможности осуществления подобных вставок. Я буду в Ленинграде в середине ноября, тогда можно поговорить подробнее.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 156. Л. 14. Автограф.

10

А.П. БЫСТРОВУ

31 октября 1937 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Высшие и низшие позвоночные приветствуют в Вашем лице своего нового двуногого собрата, зачисленного в отдел рычащих рептилий и ядовитых рыб постановлением Президиума Академии наук СССР¹ в качестве неотенической** личинки.

Ждем метаморфоза

Ю. Орлов, И. Ефремов, Д. Обручев.

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 105. Л. 4. Фототелеграмма.

11

Л.С. БЕРГУ

Москва

21 декабря 1937 г.

Глубокоуважаемый Лев Семенович.

Близится отчетный период, и я вынужден просить Вас выслать мне отчет по Вашей работе для института, так как Ваши работы числятся по моему Отделу низших позвоночных¹.

Так как Ваши работы стоят и в томе ЗИНа, то в отчете нужно будет указать, какой объем работы проделан за счет ПИНа и может быть, таким образом, засчитан за ПИНОм для оправдания произведенных ПИНОм расходов.

Равным образом при отчете может возникнуть вопрос о дальнейшем продвижении

* Далее не разобрано одно слово.

** Незрелая.

Ваших работ в печать – по какой линии? ЗИН или ПИН? и куда эти работы будут представлены? Это я также прошу Вас разъяснить в Вашем отчете.

Не откажите в любезности также написать мне о ваших нуждах в смысле оплаты фото, рисунков, каталогизации, препаровки коллекций, перепечатки и переводов работы на 1938 г. Я в предварительной смете поставил Вам на 1938 г. 1250 руб. Кроме того, к 15 января 1938 г. требуется предварительная программа Вашей работы на весь год поквартально. Просимые сведения не откажите направить в ПИН Ивану Антоновичу Ефремову.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 276. Л. 1. Автограф.

12

Л.С. БЕРГУ

Москва

28 февраля 1936 г.

Глубокоуважаемый Лев Семенович.

Роман Федорович привез мне любезно переданную Вами амфибию из Тунгусского бассейна. Эта находка для меня в высшей степени приятна, так как сейчас у меня печатается статья, где доказывается неизбежность нахождения в Тунгусском бассейне верхнепалеозойских Tetrapoda¹. Амфибия эта приличной сохранности, но для точного определения необходима препаровка под сильным увеличением. Пока можно только сказать, что найденная особь весьма сходна с группой Branchiosauria из филлоспондилейных стегоцефалов и, следовательно, может датировать отложения как нижнепермские и никоим образом не выше. Разумеется, может оказаться, что наша амфибия есть личинка (хотя и все бранхиозавры тоже личинки) какого-нибудь из высших лабиринтодонтов. В этом случае возраст "повысится". Однако для торжества такого заключения мало данных. Роман Федорович мне сообщил, что по рыбам Вы определяете возраст как триас. Поэтому я поспешил написать Вам свои самые предварительные соображения и сомнения, так как наибольшее количество шансов на то, что возраст, по этой амфибии, окажется нижнепермским или даже карбон-пермь на пограничной черте.

Данные о дальнейшей обработке не замедлю сообщить.

С искренним уважением

И. Ефремов

Иван Антонович Ефремов

Палеонтологический институт АН СССР
Москва-71, Б. Калужская, 75.

СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 276. Л. 1а. Автограф.

Л.С. БЕРГУ

Москва

12 сентября 1938 г.

Глубокоуважаемый Лев Семенович.

Не откажите в любезности прислать план Вашей работы и соображения (экспедиции тоже) на 1939 г.

Также сейчас требуют перспективной наметки работ на все пятилетие 1938–1942. Ваши указания будут очень важны для меня, особенно при проектировании экспедиционных работ¹.

В ожидании Вашего сообщения остаюсь с искренним уважением
(заведующий отделом низших позвоночных ПИНа)
Москва-71, Б. Калужская, 75.

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 276. Л. 2. Автограф.

Л.С. БЕРГУ

Москва

10 ноября 1938 г.

Глубокоуважаемый Лев Семенович.

В настоящее время я взялся за изучение стегоцефала с Нижней Тунгуски и на днях сдал в "Доклады" предварительную статью о нем¹.

Разрешите назвать этого зверя в Вашу честь. Если Вы ничего не имеете против, то он будет называться *Tungusogyrinus bergi* gen. et. sp. nov. Я намерен в дальнейшем подвергнуть его детальной препаровке под микроскопом и дать более детальное описание.

Как никак это первая "Tetrapoda" из Сибири.

Еще одна просьба к Вам. Когда я получил этот образец, то написал в Арктический институт Шорохову с просьбой сообщить более детальные сведения о местонахождении. Письмо вернулось обратно с многозначительной надписью, что "гр. Шорохов в Арктическом институте не работал".

Летом 1939 г. я собираюсь послать туда партию для сбора рыб Вам и стегоцефалов мне, поэтому очень важно иметь заранее возможно более точные сведения.

Если у Вас имеются данные по стратиграфии и топографии этого местонахождения, не откажите в любезности сообщить их мне. Пока в моем распоряжении только этикетка, где значится № 153/3–37 г., левый берег р. Нижней Тунгуски, в излучине 264 км (участок Амо-Тура).

Может быть, Вы сможете сказать мне, где можно получить более детальные сведения.

С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 276. Л. 3, 4. Автограф.

Москва

4 декабря 1939 г.

Глубокоуважаемый Лев Семенович.

Не откажите в любезности сообщить мне в ПИН Ваши планы на 1940 г. с тем, чтобы их поставить в общую тематику нашего института. В этом году особое внимание уделяется: а) концентрации тематики, б) конкретности этапов окончания работы, с) эволюционно-теоретической значимости работы.

Поэтому, глубокоуважаемый Лев Семенович, большая просьба – при характеристике темы дать более подробное освещение "теоретической" значимости ее, а также по возможности сделайте так, чтобы какая-нибудь часть к концу года сдавалась в печать. Одновременно укажите необходимые средства и материалы с тем, чтобы я мог их зарезервировать по смете.

Получили ли оттиск со зверем Вашего имени? Как он Вам понравился?

С искренним уважением

Ваш И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 276. Л. 5. Автограф.

Москва

21 мая 1940 г.

Глубокоуважаемый Лев Семенович.

Ю.А. Орлов передал мне Вашу записку¹, на которую я теперь, по выяснении всех обстоятельств, могу ответить.

Рисунки рыб из Монгольской экспедиции² с е й ч а с нами не могут быть оплачены, так как мы до сих пор (неслыханная вещь даже в Академии) не имеем окончательно утвержденных кредитов на внештатную зарплату (так называется этот вид расходов). Я до сих пор, например, не смог сделать себе ни одного рисунка.

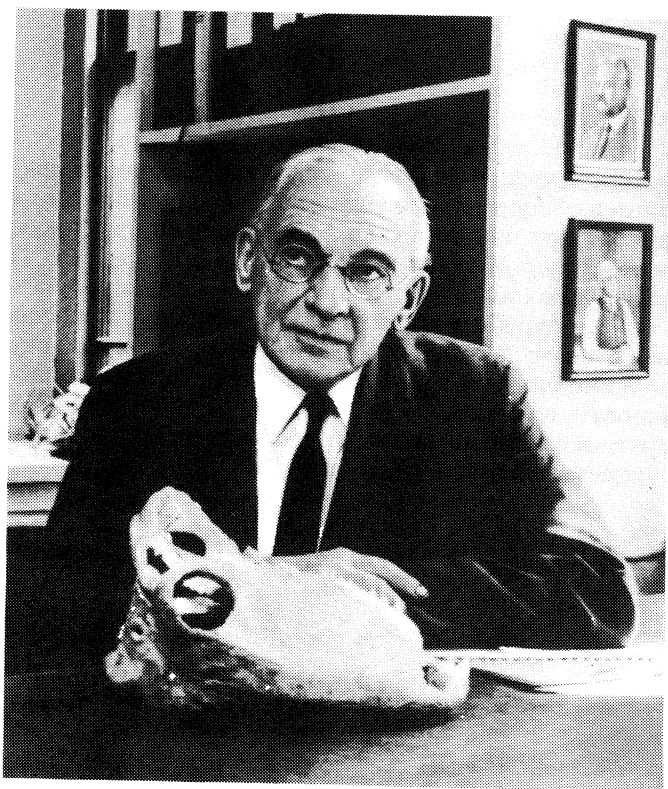
Чтобы все это ускорить, я попросил А.А. Борисяка написать от имени института в Монгольскую экспедицию, чтобы они финансировали изготовление рисунков. Эта бумажка уже послана 4 дня тому назад, так что вскоре будет ответ. О дальнейшем незамедлительно Вам сообщу.

Что касается поездки за рыбами в Бурят-Монголию, ранее отставлявшейся по соображениям п о г р а н и ч н ы м и в о е н н ы м, то в этом году, к сожалению, ее не удастся выполнить. Дело в том, что на все "экспедиции" моего отдела отпущено "суммы" в 2600 руб., а для того, чтобы хоть сколько-нибудь продуктивно провести эту поездку, нужно самое меньшее 5000 руб. при современных делах. Снова придется ждать, что принесет 1941 г.

С искрен[ним] уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 276. Л. 6. Автограф.

Альфред Ромер в своем кабинете

17

И.А. ЕФРЕМОВУ

Кембридж (США)

Январь 14, 1944 г.

Уважаемый д-р Ефремов.

Когда Вы впервые спросили меня, несколько лет назад, о возможности опубликования работы Быстрова по проблемам котлассии¹ в этой стране, я не был готов дать Вам позитивный ответ, частично в связи с тем, что наши журналы были насыщены публикациями, а также в связи с тем, что Россия и Германия тогда являлись номинальными союзниками², что само по себе не давало повода для энтузиазма и не позволяло большинству редакторов взять на себя ответственность. Безусловно, с тех пор ситуация изменилась коренным образом, и я очень рад сообщить, что статья в настоящее время рассматривается в редакции. Геологическое общество³ пошло даже дальше, отменив правило, что статьи по палеонтологии не должны появляться в их "Бюллетене", и статья будет опубликована в этом журнале. Мы уже получили подтверждение, и я надеюсь, что статья будет напечатана в течение ближайших месяцев. Мы заказали 250 репринтных копий, что, как я надеюсь, будет достаточно для Вас. Если Вы не против, я пошлю несколько экземпляров тем, кто очень интересуется этой проблемой здесь и в Англии и куда наша почта доставит эти публикации без всяких проблем, но из-за возможных проблем с почтой в России было бы лучше, если бы я оставил остальные экземпляры статьи у себя до тех пор, пока предоставится возможность их надежной отправки.

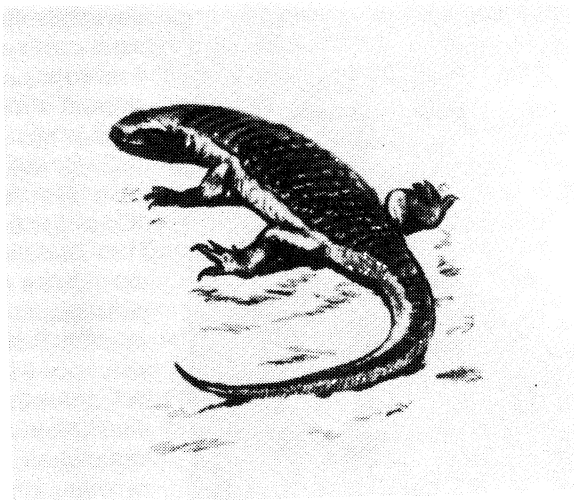
Поскольку английский язык д-ра Быстрова прекрасно понимался, в некоторых

местах определены стилистические неточности, и, соответственно, по просьбе Геологического общества во многих местах были сделаны несущественные изменения. Однако я уверяю Вас, что мы были очень внимательны к формулировкам д-ра Быстрова, и я надеюсь, что окончательный текст будет удовлетворительным.

Из-за плохой работы почты я высылаю это письмо как Вам, так и д-ру Быстрову и надеюсь, что оно придет к Вам обоим достаточно скоро, также надеюсь, что дела у Вас идут неплохо. Что касается нас, палеонтологическая работа, конечно, просто подошла к точке полного застоя, как я предполагаю, такая же ситуация была ранее у Вас.

Многие молодые палеонтологи служат в различных подразделениях армии и флота, а большинство из нас преподают различные дисциплины для курсантов армии и флота.

С наилучшими пожеланиями.

Котлассия. Рис. К.К. Флерова

Искренне Ваш А. Ромер

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 75. Л. 1. Авториз. машинопись на англ. яз.

18

И.А. ЕФРЕМОВУ

16 января 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Дописал я до *Holoptychius* свою книгу¹... и такая мерзость разлилась на душе оттого, что смотрю я на рисунок *Westoll'a*, изображающий череп этой *Crosso*, и душу терзают сомнения: *Holoptychius* ли это? Ведь ни один из этих* ученых не изучал зубов. А только зубы могут позволить определить точно любую *Crosso*! Описал *Westoll* и фрагменты *Eusthenopteron*... Но *Eusthenopteron* ли это?... Сам черт не разберет!

Простите, друг, что с эдакой мерзостью на душе, от которой т. Быстров скис, нить хочется, я решил приняться за письмо Вам, которое я по непонятным даже мне причинам все откладывал.

Письма я Ваши все получил. Кстати, как бы не забыть: наше пребывание здесь — не тайна, а посему адрес такой: Кировская область, Военно-морская медицинская академия, кафедра нормальной анатомии. Подполковнику (Зуху).

Сейчас раскладываю Ваши письма перед собой и отвечаю по пунктам на подчеркнутые мною места.

1. "Неожиданно прибыла посылка от Вас с великолепным подарком и очень тронувшим меня стихотворением"²... Эту Вашу фразу я читал и перечитывал по несколько раз (и не один день). Она коротка, но говорит о том, что я добился того, чего так хотел, — доставить Вам удовольствие. А знаете? — доставлять удовольствие другим — ведь это очень большое удовольствие! Читая Ваше письмо, я все старался предста-

* Так в тексте. Неясно, кого еще имел в виду А.П. Быстров.

Алексей Петрович Быстров
(1946 г.)

вить, как Вы распаковывали посылку, разворачивали газету, как были удивлены, как обнаружили что-то в перчатке и т.д. А Е.Д. стояла за вашей спиной и смотрела через плечо... и тоже сначала ничего не понимала. Ведь так это было?

2. Я, конечно, рад Вашим литературным успехам. Но меня интересуют некоторые детали. "Семь румбов"³ идут под Вашей полной фамилией? Или Вы изобрели для себя какой-нибудь псевдоним? Хотя я не знаю содержания Ваших "Румбов", но меня, конечно, больше интересует "Могила Шамана"⁴. Если говорить откровенно, то мне очень хотелось бы, чтобы тип Г.-В. и Федька К. нашли в ней достойное и достаточно детальное отображение. Очень жаль, если эти типы погибнут для хроникальной литературы. К сожалению, я их недостаточно хорошо знаю, а то бы я их "запечатлел"! бы хотя бы в рукописи... для будущих времен. Рассчитываю на один авторский экземпляр "Румбов".

3. Относительно свидания здесь или в М[оскве] скажу следующее: я думаю, что это надо будет о т л о ж и т ь. Мне кажется, что Вам пока не

следует после болезни⁵ заниматься разездами. Надо побереечь себя. Что же касается меня, то мне будет трудно отсюда приехать в М[оскву]. Причина простая: мы живем на то, что получаю я, и, если я уеду на некоторое время, то мой "иждивенок"⁶ будет голодать, а он голодал уже достаточно... Это Вы понимаете. Кроме того, сейчас усиленно поговаривают, что скоро некоторым (и мне в том числе) придется ехать на старую базу, чтобы готовить все для приема реэвакуирующейся кафедры. Когда это будет, конечно, неизвестно, но это может быть весьма неожиданно. Я не верю в скорость сего события, но все может быть в нашем мире, полном неожиданностей. Такие-то вот дела.

4. Вы теперь в М[оскве]... Скоро, вероятно, поправитесь. Не думаете ли Вы запустить руку в материалы, собранные Г.-В.? Это не для грабительских целей, а для пользы науки⁷. Эти материалы надо Вам посмотреть и, самое лучшее, взять на обработку к себе. Если есть там Dvino, я прошу его оставить за мной... Думаю, что Вы не откажете мне. То же я хочу сказать и о Pareiasaurus. Эта моя работа не доделана, но, ей-ей, хорошо начата... и то, что сделано, ей-богу, сделано хорошо. Это все у меня здесь и сохранилось – все черновики, наброски и оконченные рисунки. Сохраню, если жив буду!

5. Емельянов... Что он собою представляет? Он просто влюблен в меня на основании моих писем. Я, конечно, не хочу вести с ним совместную работу. Ведь мне его Опучо нужен только для более обширных задач, а не сам по себе. А.А.Е. просит сосчитать у Опучо количество позвонков... А на-черт это нужно? – Сосчитать количество икринок у самки... Видите ли, по его мнению, их должно быть 16, а по-моему, если их будет 5 или 20, польза для науки не уменьшится и не увеличится. Скажите, почему А.А.Е. всегда называет этого несчастного Опучо "мой тритон". Это, скорее, тритон Фишера. Прав на него у А.А.Е. очень мало. Ведь Вы даже Benthо никогда не называли своим. А он, по существу, был Ваш... Я давно ничего не писал А.А.Е. Надо написать и послать ему сердце (рисунок) Опучо. Пусть радуется. Но, ей-ей, рисовать никогда. Но надо...

6. Книгу свою пишу. Вы недовольны 10-ю годами срока. Но И[ван] А[нтонович], ведь, ей-ей, выясняется, что очень много надо доработать! Кстати, когда поправи-

тес, то напомните Д.В.О., что в свое время он мне предлагал взять на себя описание всего материала по Crosso... Я теперь вполне подготовился к этому, и, если он не передумал, то я охотно, с Вашего благословения, берусь за это. Это не возьмет много времени. В месяц можно все сделать. Итак, прошу монополии.

7. Если я допишу тут своих Stego, то, чтобы не терять времени зря, примусь за небольшую, но страшную книгу под заглавием "Прошрое, настоящее и будущее человека"⁸. "Прошрое" меня как палеонтолога не смущает, "настоящее" немного тревожит... расы и прочая... – дело серьезное, но "будущее" – это самое спорное. Дело в том, что я думаю и буду доказывать, что биологическая эволюция человека 120 000 лет тому назад прекратилась и в настоящее время ее нет, и в будущем ее не будет. Эта ересь и является главной причиной желания написать книгу, которая будет признана или книгой по вопросам о черной магии, или биологическим Евангелием.

Надеюсь, что я еще поработаю, хотя надо уже оглядываться..., вернее, заглядывать вперед... Жизнь-то идет, и нередко идет не так, как нужно было бы в наши годы.

Приветы Е.Д. и Вам от нас обоих.

Подполковник Such

Приветы: О.М.М., Н.А.Я., В.С.Б., Я.М.Э., В.И.Г., ну и Ю.А.О., хотя...

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 1, 1 об. Автограф.

19

И.А. ЕФРЕМОВУ

Киров (обл.) ВММА

3 марта 1944 г.
Sic!

Дорогой Иван Антонович!

Из газет узнал, что уже нет А.А.Б. Как это случилось? Несомненно, совершенно неожиданно. Остановка сердца – и конец. Именно так это должно было случиться, судя по тому, что давали мне наблюдения над А.А.Б. в Малаховке. Иного я и не ожидал.

Вене* – для дела бесполезно, а hihil** вообще никому никогда никакой пользы не приносило. Ergo, de mortuis taci***. (Молчи). Но я хочу знать, как это отразилось или отразится на живом ин[ститу]те? Вы понимаете, о чем я спрашиваю? Новый директор с одинаковой легкостью может и воссоздать, и окончательно уничтожить все¹. Ну, об этом довольно, ибо я ничего не знаю. А письмо, наполненное одними вопросами, скучно читать. Жду от Вас послания.

В последнее время, несмотря на то что электросвет для ради экономии выключили и я сижу с коптилкой "Волчий глаз", так она в 1919 г. именовалась, – я усиленно пишу свою "Историю амфибий". Сегодня добрался до 285 страницы. Это ведь без иллюстраций – чистый текст. А рисунков будет не одна сотня. Эта работа еще впереди. Рисунки мне здесь не на чем делать. Делаю только черновые наброски – пректы^{4*}.

Ей-богу, мне кажется, что я с Nectridia справился. Думаю, справлюсь и с Aistopoda. Adelospondyli Watson'a включаю в Lepospondyli. Для выделения их нет больших оснований.

* Хорошо (лат.). Часть текста зачеркнута А.П. Быстровым.

** Ничто (лат.).

*** Следовательно, о мертвых молчи (лат.).

4* Так в тексте. Вероятно, проекты.

От Емельянова сумел получить еще *Onycho* и *Ranodon* (2 экз.) и *Hynobius* (2 экз.). Это даст мне возможность расшифровать *Lepospondyli* достаточно обоснованно.

Справиться с *Aistopoda* без знания современных *Aroda* считаю невозможным. Я знаю, что Вы не бросаете слов на ветер, а в одном из Ваших писем я читал фразу, свидетельствующую о том, что я имею основание надеяться на получение *Aroda*. Это для меня крайне важно. Ведь Вы знаете, что современные зоологи никогда не сравнивали рецентных амфибий с ископаемыми в деталях, а палеонтологи, даже такая душа, как Margaret Steen, не имеют хорошего представления о рецентных формах. Steen сама признавалась мне в частном письме в том, что, когда она описывала ребра у *Acanthostoma* как элементы гиобронхиального аппарата, не имела ни малейшего о нем представления. Но должен признать, что чем больше вчитываюсь в работы Margaret'ки, тем больше влюбляюсь в нее. — Прекрасный работник! — Описания точные, детальные, честные, ну, а выводы она предоставляет делать другим. Что же? — За это только спасибо можно сказать... Ну, об этом довольно. Это болтовня!

Иван Антонович! У Вас там в ПИНе валяется не один экземпляр, кажется, Личков, кажется "Движение материков и климаты прошлого"²... Не можете ли Вы послать мне эту брошюрку по почте? Хотелось бы еще раз прочитать. А здесь ее нет нигде. Если это нетрудно, буду благодарен. За заглавие и даже за фамилию автора не ручаюсь — я не обладаю такой феноменальной, просто убийственной, потрясающей памятью, как Вы. Обращаюсь к Вашей памяти, как к энциклопедии. Уверен, что Вы выругаетесь и без труда вспомните и автора и название книги.

Работаю я здесь, как черт, и делаю все, решительно все, что возможно в этих условиях. Преследую одну цель: не потерять даром эти годы. Конечно, я сделал бы больше, если бы не было войны. Но если я сделаю здесь *maximum maximum* возможного, то это будет, ей-ей, немало.

Голова кипит от проблем и преков, и то, что можно сделать сейчас, должно быть сделано!

Рукопись моя приближается к концу, но это не конец работы. Многого должно быть дополнено. А эти дополнения, по существу, целые отдельные работы. Но многие уже написанные главы могут быть опубликованы как отдельные готовые работы.

Пишите. Жду. Давно от Вас нет писем. А у меня ведь нет кроме Вас друзей.

Ваш Зух

Привет и Вам и Е.Д. (милый Е.Д.) от нас обоих.

Г.Ю. передала привет и уснула — завтра лезу в труп³ в 8.30 утра.

СПБФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 2, 2 об. Автограф.

20

И.А. ЕФРЕМОВУ

Киров

26 марта 1944 г.

Dear Sir!

Я в последнее время довольно нередко начал испытывать приступы большого беспокойства. Что с Вами случилось? Я давно уже не получаю от Вас вестей. Я не получил ответа на два своих письма. Но не в этом, конечно, дело. Я не считаю, что каждое мое письмо должно оплачиваться ответом. Между друзьями таких счетов, разумеется, не может быть. Но меня, просто, беспокоит отсутствие вестей от моего единственного друга. Ведь у меня никого нет, кроме Вас. Все, кто меня сейчас окружает, это "клистирники"¹, не имеющие представления о науке. А те, кто это представление имеет, — те либо физики, либо химики. Морфологи же интересуются только тем, чтобы угодить практике и нажить себе дешевый капитал.

Я жду от Вас вестей. В своих предыдущих письмах я многое писал такое, на что Ваша реакция для меня была бы интересна.

Каковы дела в ПИНе после смерти А.А.Б.? Я думаю, что это неожиданное событие является главной причиной Вашего долгого молчания. Жду сообщений о всяких делах и о перспективах палеонтологии в будущем.

Что касается меня, то я существую пока. Вот уже прошло больше года после начала моего заболевания. Кажется, процесс медленно затихает. Думаю, что мне не угрожает обострение. Впрочем, мне кажется, что Вы не придаете и не придавали никакого значения моей болезни, считая ее каким-то пустяком. Это, возможно, пустяк, когда он пустяком кончается. Но ведь это могло превратиться совсем не в пустяки. Это я отчетливо сознаю. К сожалению, я понимаю в медицине несколько больше, чем хотелось бы.

Моя "История амфибий" почти дописана, но чем ближе я подхожу к концу, тем медленнее идет дело. С главой о происхождении Stego и их эволюцией я кое-как справился. Но застрял на страницах, посвященных вопросу происхождения Urodela. Впрочем, и с этим я в основном, кажется, сумею распутаться. Может быть, эта проблема будет мною решена и смело, но лучше иметь смелое решение, чем не иметь никакого. Но за главой об Urodela следуют главы о происхождении и эволюции Anura и Apoda. Они, просто, наводят на меня панику, и я, ей-ей, не знаю, сумею ли разрешить задачу, хотя бы в более или менее удовлетворительной форме. Основное положение, к которому приводит обдумывание всего материала, заключается в том, что и Anura и Apoda (и Urodela) очень древнего происхождения. Это немало смущает меня. Но это было бы не беда. Беда в том, что я совершенно запутался в ухе. Это проклятое ухо ведь путает все, и простые вопросы и схемы делает трудными и непонятными. Препарирую уши разных Urodela – Hynobius, Ranodon, Onychodactylus, Triton, вспоминаю уши лягушек, стервоцефалов и ничего, кроме путаницы, в моей голове не возникает. Усиленно думаю на сон грядущий и засыпаю ежедневно с одной мыслью, для того чтобы утром проснуться с отчетливым сознанием, что за ночь решительно ничего не выдумал. Поверьте, ухо – это не такая простая проблема. И мне кажется, что большие морфологи от нее сознательно увертываются. Прав Goodrich, когда пишет, что это совсем не простое дело. По-видимому, что-то недодано науке палеонтологией. Не хватает какой-то ископаемой формы, которая позволила бы вести от себя несколько эволюционных рядов в различных направлениях. Создать такую форму теоретическим путем я не берусь, точнее, опасуюсь. Эдак, пожалуй, насоздаешь много схем, неспособных жить. А.Н. Северцов таких схем создал достаточно. Этого хватит. Выгоднее опираться только на то, что представляет собой фактический материал.

Ну, я размечтался.

Жду письма.

Привет Вам, мой друг... Вам и Е.Д. от нас обоих.

Ваш старый Зух

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 3, 3 об. Автограф.

21

И.А. ЕФРЕМОВУ

4 апреля 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Я только что получил Вашу открытку от 22.03

Что же это с Вами делается? Ведь Ваша органическая машина всегда казалась сделанной на совесть. Я всегда считал ее неосложнимой. Надеюсь, что и теперь Вы

справитесь со всеми недугами и вновь станете по-прежнему вполне здоровым. От души жду и желаю этого. Скорее "прочухивайтесь".

О книге Личкова. О, я знаю, что Вы не разделяете взглядов Wegener'a¹. Впрочем, Ваше предупреждение приму, разумеется, к сведению. Но мне, конечно, как плохому геологу трудно будет уловить автора на неточностях. Поэтому я имею основания опасаться, что кое-где под влиянием Личкова могу "загнуть" не туда, куда следует... Впрочем, большой опасности в этом нет. Вы сами весьма благосклонно относитесь к смелым теориям.

О гимнофionych. Когда Вы написали мне, что обещаете добыть *Aroda*, то я, откровенно признаться, думал, что Вы имеете в виду новый материал, и немало удивлялся, не представляя, откуда Вы его собираетесь достать. Теперь все ясно: Вы имеете в виду два американских экземпляра, полученных нами давно. На этот раз память изменила Вам, и Вы изволите забывать некоторые детали истории с *Aroda*. Я их начал осторожно препаровать еще в ПИНе. Кое-что отпрепаровал и зарисовал. Но остановил препаровку, боясь испортить и без того очень скверный препарат. Затем, с Вашего ведома и разрешения, я увез *Aroda* в Л[енинград], и они сейчас там и сохраняются, если... все сохранится. Сейчас есть основания надеяться на это, но... все же все опасности еще не миновали... Если других *Aroda* не удастся добыть, то придется попытаться извлечь все, что можно, и из этих экземпляров. Я еще не трогал скелета (возился с сосудистой системой). А скелет даже в плохих препаратах, конечно, сохранился во всех деталях. Мне как "палеонтолуху" скелет, разумеется, важнее, чем все другое.

О таблицах Амалицкого². У меня здесь имеется очень небольшое количество этого материала для рисования. Конечно, я желал бы получить еще. Но меня пугает следующее обстоятельство. Один мой родственник посылал мне сюда, в К[иров], пачки тетрадей. Он это делал несколько раз, но всякий раз я получал посылку, в которой была только о д н а тетрадь. Все остальные наша почта считала себя в праве беззастенчиво украсть. Боюсь, что именно это она сделает и с таблицами Амалицкого. Если Вы осмелитесь доверить их ей. Думаю, что будет разумно, если Вы наложите на них свое авторитетное *Veto* и сохраните их для меня на недалекое будущее. Вот за это я бы Вам был очень благодарен. Имейте в виду, что качество таблиц довольно различное. Лучшее качество у малых по формату таблиц.

Жду сообщений о ситуации после смерти А.А.Б. Я решительно не могу себе представить, что Вы там собираетесь делать и кто будет главой ПИНа. Я не думаю, что Вам удастся найти г о л о в у для ПИНа, но "главу" Вам все-таки какую-нибудь дадут.

Напишите, что делает Д.В.О., что и кому рисует наш знаменитый Н.А. Яньшинов? И вообще, чем дышат пиновцы. Впрочем, многое я теоретически представляю, так как знаю характер каждого члена этого коллектива.

06.04, т.е. послезавтра, мне предстоит быть официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации. Придется с диссертанта по традиции сначала снять штаны, а потом надеть. Впрочем, диссертант не врач (естественник, диссертация биологическая), а поэтому я вполне на его стороне. "Клестирника" я не стал бы щадить.

Живу я пока... – существую. Голова работает. Занятия провожу по традиции не корой, а спинным мозгом, и мне безразлично, что показывать. Через несколько минут иду препаровать мышцы кисти, но мог бы с равным спокойствием идти на занятие по мозгу или по скелету стопы... Много забот по хозяйству. Это в значительной мере приходится нести мне, но малая требовательность к жизненным благам позволяет мне довольствоваться малым.

Связь с Romer у Вас, конечно, отсутствует. А хотелось бы знать, какова судьба моей *Kotlassia*. Она, вероятно, уже давно напечатана. Интересно было бы взглянуть...³ Я не знаю Вашей... (Ко мне пришли, поговорили, и я забыл, что собирался сказать).

Хотелось бы получить от Вас письмо побольше объемом, в котором содержались бы ответы на многое, что мною было написано Вам в предыдущих посланиях.

Ну, надо идти "преподавать" мышцы кисти людям, которые считают это высотами науки и не подозревают, что о науке они не имеют ни малейшего представления.

Жду Ваших посланий, но не пишите их до тех пор, пока не "очухаетесь" окончательно. Я не хочу, чтобы Вы ради меня напрягались, когда нет сил. Приветы Вам и Е.Д. от нас обоих.

Ваш Зух

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 4, 4 об. Автограф.

22

И.А. ЕФРЕМОВУ

Киров

XXII-VIII-MCMLXIV

[22 августа 1944 г.]

Дорогой Иван Антонович!

Вы не правы. Я Вам писал, но Вы не ответили мне, а потом забыли... Но все это пустяки. Не об этом я хочу сегодня писать. Вашу открытку я получил. Сегодня утром. Она коротка. Я хотел бы знать больше о многом, но и в ней имеется немало важного.

Наш отъезд в Л[енинград] – дело решенное. Он состоится в первых числах сентября. По крайней мере тогда двинется то, с чем связан я.

Вы пишете о лаборатории Г.-В.¹ Вспомните, я не раз за эти годы запрашивал Вас о ней, не раз советовал наложить руку. Если Вы находите возможным наложить мою руку, то я, разумеется, не имею оснований возражать против этого. Думаю, что моя рука извлечет из этого материала больше, чем руки Г.-В. и... Все Ваши воображения я считаю просто гениальными. Ваша голова работает хорошо, без промаха. Я думаю, что было бы очень глупо упускать такую возможность. Но я рассчитываю на работу в лаборатории в порядке с о в м е с т и т е л ь с т в а. Это ведь не может быть для меня хотя бы на первых порах основной базой. В будущем... видно будет. Я понимаю, что лаборатория даст мне возможность оглядеться и присмотреться в ЛГУ, и наоборот. Последнее не ясно сказано... Но Вы поймете, на что я намекаю словами "и наоборот". Лаборатория даст мне возможность написать несколько хороших работ. Соседство других лабораторий даст мне иную атмосферу и... материал, и многое-многое другое. А то ведь мне порой душно от того, что я вижу вокруг. Словом, я благодарен Вам за заботу обо мне и за блестящее предложение и очень был бы Вам признателен за помощь при реализации этого дела. Мне сейчас многое неясно. А что сейчас надо делать, я просто не знаю. Во всяком случае я охотно п[е]редаю дух мой в руки Ваши, так как знаю, что это будет умно и хорошо. Действуйте со своей стороны, как находите нужным. Я же сделаю все, что Вы мне укажете и посоветуете, как только буду в Л[енинграде]. Приветы, и самые дружеские, передайте Ю.А.О. Было бы вовсе неплохо, если бы мы оказались с ним рядом. Впрочем, я совсем не желаю его ухода из ПИНа. Мне почему-то это как-то не по душе. Вероятно, потому, что я привык к мысли видеть в будущем ПИН под его руководством.

Я рад тому, что зубы *Fleurantia* уже вышли из печати. Когда получите оттиски, зашлите мне один из них, сложив вчетверо и измяв в письме. Это нужно для одолевствия... а может быть годится и для другого.

Многое мне хочется попросить у Вас... хочется кое-что выпросить у Д.В.О. Передайте ему поклон от всей души, но а с просьбами я как-нибудь сам осторожно подъеду. Думаю, что не откажет, смиростивится, хотя и скажет раза три: "Потом".

Это "потом" меня просто убивает. Вы ведь знаете, что "я в науке дюже злой". ("На любовь я дюже злой"... – из песенки, которую поет Лемешев. – Хорошее выражение, сочное!)

Передайте приветы в с е м пиновцам. Я не хочу проставлять их инициалы. Их ведь много. Но ко всем им я чувствую самую искреннюю дружбу. Я никому из них не пишу. Большая переписка для меня дело тяжелое. Я и так много пишу... Каждый вечер по несколько страниц. А письма меня выбивают из колеи.

Примите заверения... Впрочем, не хочу заверять, ибо Вы и так знаете, что я всей душой Ваш.

Оба мы кланяемся Вам с Е.Д.

Ваш Зух

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 5. Автограф.

23

И.А. ЕФРЕМОВУ

Киров

VII-X-MCMXLIV
(7 октября 1944 г.)

Дорогой Иван Антонович!

Судьба нас давно уже приучила к тому, чтобы мы не предъявляли к ней никаких претензий. Мало того, она довела нас до того, что мы почти охотно или по крайней мере безропотно доверяем ей свою жизнь, считая, что во многих случаях она поступает умнее, чем поступили бы мы. После этого философского введения я считаю своим долгом сообщить Вам, что по распоряжению соответствующих инстанций я с частью своего учреждения пробуду в Кирове по крайней мере до нового года. Мне известно, что Вы послали мне письмо в Л[енинград], но, разумеется, неизвестно его содержание. По ряду причин Вы на многие вопросы в моих письмах не ответили. Причины этого или точнее обстоятельства, их вызвавшие, мне понятны и известны. Но я бы хотел, чтобы Вы как-нибудь не поленились написать мне большое письмо с изложением всяких ситуаций. Меня теперь ведь ничем не смутите. Чтение биографии разных ученых показывает, что редко у кого не было таких периодов, когда они не могли работать так, как хотели бы... но оставим это – это тоже философия.

Так как у нас с Вами, точнее между нами, нет секретов, то я хочу в этом письме поговорить с Вами об одном деле¹. Оно мне пришло в голову на днях. Дело в том, что я встретил одного не окончившего курс студента из Горного института. Он недавно был в Л[енинграде] и заходил в Горный, чтобы выяснить вопрос о возможности продолжения образования. Из разговоров с ним выяснилось, что Горный восстанавливается и довольно быстро при поддержке какого-то сильного наркомата. Но с кадрами у них дела плохи. В частности, после смерти А.Н. Рябинына палеонтология позвоночных в беспризорном состоянии. Меня интересует вопрос: как Вы смотрите на это место? А что произошло бы, если бы мы попытались прибрать его к рукам... для меня. Если А.Н. Рябинин мог там с успехом читать палеонтологию п о з в о н о ч н ы х, без знания их морфологии (а это я могу сказать совершенно уверенно), то почему бы этот курс не мог бы читать А.П.Б. ... без знания геологии? Я думаю, что А.П.Б. с этим делом справился бы не хуже А.Н.Р. ... а может быть, даже лучше... опыта в преподавании вообще у него хватило бы.

Но меня в Горном не знают... Я для этого института чужой... выскочка... Номовус ...клистиарник... трипперник, что-то вроде венеролога! Впрочем, меня знает Д. Наливкин и, пожалуй, Енишевский*. Если Вы не считаете все, что я сейчас пишу,

^{*} Криштофович. к примеру – *Примеч. А.П. Быстрова.*

бредом, то ведь Наливкин и Енишевский, да и ПИН в целом, могли бы указать Горному институту на меня... Ведь так обычно эти дела и делаются. Тут нужно рекомендовать и посоветовать. Сам я персонально, конечно, не решусь поставить себя в смешное положение и если что-нибудь буду делать в этом направлении, то только при поддержке серьезных людей, таких людей, которые сами убеждены в том, что кандидат и подходящий и достойный.

Конечно, смешно, что врач претендует или даже мечтает о Горном, но и Dubois и Вroom – врачи. Я не Dubois и не Вroom, но и Горный – не Британский музей, да и Рябинин не Owen и не Watson. В иных случаях жизни нужна смелость и даже дерзость.

Вот видите, какую ахиною я написал Вам! – Несмотря на то, что это, по-видимому, заведомая ахинея, я хочу, чтобы Вы со всей откровенностью высказались по двум вопросам:

1. Принимая во внимание все положительные и отрицательные качества А.П.Б., можно ли говорить о возможности допущения его в Горный?

2. Принимая во внимание все особенности Горного, стоит ли думать о нем?

Вы сами не раз повторяли, что палеонтологов-позвоночников мало. Но я вспомнил сейчас еще одну фамилию, именно Хабаков! Пожалуй, это единственный и вполне достойный преемник для покойного Рябинина. Если это будет так, то, значит, все в порядке и не стоит говорить ерунды далее между нами.

Это письмо, как видите, написано с полной откровенностью и рассчитано на такую же откровенность с Вашей стороны. Если Вы скажете что-нибудь про свиное рыло и калашный ряд, про триппер и клистир, то я, ей-ей, не обижусь. То, что я написал в этом письме, я мог написать только Вам, И.А. И это вы, конечно, понимаете. Поэтому... – жду Ваших писем и хая в них. Сей хай приемлю с покорностью...

Думаю, что теперь уже пора заняться писанием 2–3 работ по палеонтологии, которые сразу же после подписания мира (а он близок) можно было бы продвинуть в печать.

Вероятно, я и займусь этим в ближайшее время.

Шлифы со мной, а потому я смогу написать пару неплохих работ.

Желаю Вам успеха во всем.

Жду писем.

Поклоны Вам с Е.Д. от нас обоих.

Ваш Зух

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 6, 6 об. Автограф.

24

И.А. ЕФРЕМОВУ

19 октября 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Мне переслали из Л[енинграда] Ваши письма... Но Вы уже, вероятно, получили мое письмо из К[ирова], которое было послано, когда ситуация на некоторый отрезок времени стала ясной. Я уже писал Вам, что отвык роптать на судьбу... и приучился терпеливо ждать.

Ну, не стоит заниматься философией. От этого ничего не изменится. Несколько пунктов о деле.

1. Ваших оттисков у меня нет. Ищите в ПИНе и у себя дома. Куда-нибудь засунули сами и забыли. Я после того, как закончил свое писание Benthо, в свое время вернул Вам все, что взял. Итак, ищите и обрящете.

2. Относительно профессорства в 1 ЛМИ не утка, а полуутка. Дело вот в чем. Там могло освободиться место: так предполагали. Тогда бы я по конкурсу занял его, чтобы

быть самостоятельным и не зависеть от... ну, хотя бы капризов! Место не освобо-
дилось. Это дело теперь забыто, как несостоявшееся.

3. Ваши оттиски рассказов Вы получили назад. Добре. Потом прочту. Но Ваши письма, в большинстве случаев не являющиеся непосредственными ответами на мои, не содержат некоторых интересующих меня деталей. Я много раз спрашивал Вас: каков Ваш псевдоним? Или Вы выступаете в литературном мире под своей фамилией? Любопытно знать: заработали ли Вы на рассказах? Я, лично, хотел бы Вам большого гонора...

4. Относительно реконструкций и вообще иллюстративной работы я должен сказать, что в настоящее время мне было бы очень трудно заниматься чем-нибудь подобным. Нет ни времени, ни условий, ни материала... ни, пожалуй, желаний... Мне кажется, разумнее было бы мне этим в К[ирове] не заниматься. У меня есть кое-какие дела и занятия, и я намерен ими заняться некоторое время. Будет, пожалуй, лучше, если я напишу еще одну книгу (пока хоть начерно), ну, например: "Диалектика эволюционного процесса"¹. Вещь эта серьезная, нелегкая, а потому интересная. Тут и кругозор расширится. Пока я еще нахожусь в таких условиях, в которых можно заниматься только подобными теоретическими вопросами.

5. Вы предлагаете написать работу в сборник А.А.Б.² По этому вопросу я думаю следующее. Я отношусь к каждой своей работе как к произведению во всех отношениях художественному. Если я дам какую-нибудь работу в сборник, то при плохой бумаге работа будет просто погублена. Такую работу лучше совсем не иметь. Лишнего № в списке работ мне уже давно не нужно, а видеть хорошую работу загаженной я не хочу. Выгоднее поберечь ее до времени, а потом напечатать, где надо, с толком и с пользой для многих. Я мог бы дать пару работ, но мне их жаль. Жаль давать на погубление. Я люблю обе эти темы, хорошо их продумал, представляю, как они во всех отношениях будут красивы, когда будут напечатаны... как следует... Повторяю, мне увеличивать количество работ теперь уже нет смысла. Я и за эти годы войны сделал четыре работы и три из них уже напечатаны. Чего же Вам еще? – Работа не остановилась. Но губить любимые темы я, право, не хотел бы. Написать же какую-нибудь ерунду трудно: я о "ерундах" не думаю. Проспекулировать на старых работах я не хочу и... Вы этого не хотите; да это и неинтересно. Словом, вряд ли я найду в себе силы пожертвовать ради А.А.Б. тем, что я предназначил в другое место.

6. В последнем своем письме я Вам писал о Горном. Сведения, которые я получил позже, заставили меня очень задуматься и над этим проектом. Я узнал, что там 30 часов лекционных и 20 практических. На этих 50 часах в год не проживешь. Это может быть принятым только в порядке совместительства. Мне кажется, что Вы разделяете мой взгляд.

Относительно Ваших проектов большего масштаба пока можно говорить только как о неисключенной возможности... Говорить надо, и говорить (переписываться) мы будем, чтобы учесть все обстоятельства меняющейся обстановки...

Во что все это выльется, не знаю. Трудные теперь времена. И все наши соображения и планы часто на другой же день должны быть изменены. Но все идет к концу. Война кончается, и я думаю, что скоро будут устойчивее обстоятельства и увереннее наши действия.

Сейчас будем проектировать, а когда будет можно, будем действовать и действовать смело... по-взрослому. Может быть, придется взять на свои плечи то, что прежде пугало. Мы стали взрослее, и жить надо смелее.

Я учусь переживать н а с т о я щ е е как далекое п р о ш л о е, т.е. не волнуясь им особенно. Эта житейская мудрость – очень неглупа, ей-богу. Я в н а с т о я щ е м готовлюсь к б у д у щ е м у и готовлюсь неплохо.

Поверьте мне, что выгоднее быть оптимистом, чем пессимистом-нытиком. И я верю, что все будет хорошо.

Вы не пессимист (хотя и достаточно трезвый и осторожный), поэтому Вы, конечно, разделяете мои воззрения на настоящее и... будущее.

Хочу получить от Вас ответ на это письмо. Согласитесь, что мы переписываемся, но наши письма не отвечают друг на друга.

Многое я хотел бы от Вас услышать. Пишите откровенно. Мы ведь с Вами не дети и можем говорить в глаза друг другу все. "Обидчивый" период нашего возраста давно миновал. По-моему, между друзьями нет обидных слов. А я упорно претендую на дружбу с Вами и жду того времени, когда смогу вместе с Вами выпить вдребезги на "ты".

Приветы от нас обоим Вам, Е.Д. и Аллану.

Подполковник медицинской службы Зух

Жду писем на Киров областной, ВММА – Зух.

СПБФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 6, 6 об. Автограф.

25

И.А. ЕФРЕМОВУ

XXIV–XI–MCMXLIV
[24 ноября 1944 г.]

Дорогой Иван Антонович!

Я получил все Ваши письма, но с ответом на них, как видите, запаздываю. Не сердитесь, был очень занят.

Я думаю, что у Вас нет никаких оснований утверждать, что я ничего не понимаю в литературе, а потому мое мнение о Ваших рассказах¹ Вы должны признать достаточно авторитетным. Я не буду кривить душой и скажу прямо: Ваши рассказы не л ь з я называть хорошими, ибо их следует признать б л е с т я щ и м и.

Что же в них хорошо?

В о-п е р ы х, изумительно-литературный русский язык; огромный словарь, т.е., вероятно, много тысяч слов, которыми автор активно пользуется. Это вообще редко встречается. Помнится, "Горе от ума" в этом отношении стоит на первом месте: 11 000 слов! Я не знаю, каким количеством слов измеряется ваш словарь, но, вероятно, он очень богат. Следовательно, автор владеет языком в совер[шенстве]..., нет, не в совершенстве, а просто знает язык и умеет пользоваться его вербальным запасом.

В о-в т о р ы х, слог прекрасный. Автор нигде не делает ни одной ошибки. А такие встречаются и у лауреатов... (Симонов. "Они ж а ж д а л и куса х л е б а"!!) Я не мог найти ни одной, хотя бы неряшливо построенной фразы; я уже не говорю о неправильных построениях фраз – их вообще нет. К стилистике нельзя придираться: она безукоризненна. Словом, автор не только владеет словарем, но и умеет им пользоваться так, что русская речь его, просто, блестящая.

Эти две причины создают третью положительную сторону рассказов.

В-т р е т ь и х, описания природы, которыми так богаты рассказы, читаются как захватывающие страницы интересных бесед умных героев. Таких бесед в рассказах мало, почти нет. Но от описаний природы трудно оторваться. Этого, пожалуй, редко кто достигал. И это, несомненно, одна из изумительных особенностей "Румбов". Вы понимаете – заставить читателя страницу за страницей прочитывать описания природы и... не утомляться. Вы понимаете – для этого, грубо говоря, нужна "ловкость", а, точнее говоря, нужен талант. И этот талант у автора имеется в избытке. Годы размышлений для него не прошли даром... Я знаю "п и с а т е л ь", которые начали писать и печататься прежде, чем стали думать. У Вас это было наоборот, и это

чувствуется в рассказах. Во введении от издательства сказано, что Вы "не профессионал"... По-моему, это хорошо. "Профессионал" живет под лозунгом: "Писать, во что бы то ни стало писать", хотя ему писать, по совести говоря, не о чем. Ну и пишет всякую ахинею... Это ведь мы видим сплошь и рядом.

В-ч е т в е р т ы х, хороши типы сибирских инородцев, их отношение к опасности; философски – спокойное, сократовское отношение к смерти. Хотелось бы, конечно, чтобы они – эти очень колоритные фигуры – были бы развернуты пошире, подетальнее. Но я понимаю, что это трудно – их прелесть нередко заключается именно в молчании и редких фразах, сказанных п р е к р а с н ы м русским л о м а н ы м языком. Но, может быть, Вы и согласитесь со мной, что было бы неплохо оставить в стороне культурного европейца и дать в деталях этих милых азиатов. Я думаю, что это вообще "реликтные формы", а потому их надо сберечь... в литературе.

В-п я т ы х, Вы знаете, что все литературные произведения имеют свой "запах". От Ваших рассказов пахнет чем-то здоровым, приятным, свежим... Словом, после их чтения на душе становится хорошо. Это непередаваемое большое достоинство "Румбов". И я вполне разделяю их высокую оценку в литературных кругах. Они, эти рассказы, во многих, очень многих отношениях стоят на недостижимой высоте по сравнению с тем, что нам приходится читать в последние дни и годы. Удручающее впечатление – это обычное чувство, которое останется от вымученного, какого-то вывихнутого, надуманного, какого-то футуристического языка большинства литературных произведений. Прочтите "Петр I" А. Толстого. Там есть такие фразы: "Рвя дверь, Петр..." и т.д.

Повторяю, язык Ваших рассказов – безукоризнен.

В-ш е с т ы х. Я не могу указать недостатков Ваших "Румбов", так как не вижу их. Рассказы очень хороши.

Я мог бы сказать, что Ваши герои действуют молча или почти молча. Они мало говорят. И это не дает автору возможности развернуть их характеры... Но я не бросаю Вам этого упрека. На том фоне, на котором разворачиваются их жизнь и действия, не до разговоров. И то, что они мало говорят, пожалуй, хорошо. Так это и надо. И чутье автора подсказало ему правильное решение вопроса.

Я думаю, что в "Могиле Шамана"² моя любовь к типам, к колоритным типам, будет вполне удовлетворена..., и я с нетерпением жду этого большого произведения.

Вы меня давно и достаточно хорошо знаете и Вам известно, что "Румбы" не в моем духе, но, если я сознаюсь, что я с большим наслаждением прочитал их, – это значит, они хороши, и очень хороши*.

Прочитала залпом "Пять румбов"³. Увлекли весьма! От "Встречи над Тускаророй" осталось чувство некоторой элегической и красивой неудовлетворенности из-за нераскрытых тайн, но, может быть, тем лучше, так как создалось чувство прекрасного, которое остается от непретворенной мечты. Второй по увлекательности (в моем духе) – "Озеро Горных Духов" → вызывает просто вкусовое ощущение от красок над озером, и, хотя разгадка и лишает это озеро таинственности, но до конца румба, точнее, уже после прочитанной книги, видишь эту гамму красок, точно мозг повторяет понравившуюся музыкальную фразу.

Третий румб "Путиами Старых Горняков" кажется мне обыденней, но обладает своим ароматом. Интересно описана сама работа горняка и на этом фоне описываемый роман не дает (от дразнящего интереса) делать передышку – надо сразу же прочитать рассказ до конца. Ну, а затем я, северянка, люблю север и просто испытывала чувство благодарности или понимания от того, что кто-то с любовью описывает его суровые и своеобразные красоты. Остальное мое впечатление от этой книги то же, что и у Леши, разве только что разница в литературных вкусах у нас выражается в

* Далее следует текст письма, написанный Г.Ю. Быстровой. Он заканчивается ее инициалами Г.Б.

том, что Леша больше увлекается типами, чем я. У меня любимых духов больше, только бы было прекрасно выражено.

Леше хотелось, чтобы и я написала свое впечатление (чтобы я не уходила бы в "раковинку" от того, что ему дорого).

Сердечные приветы и Вам и Елене Дометьевне.

Г.Б.

У Вас, дорогой мой друг, разумеется, нет никаких оснований сомневаться в моей искренности. Поэтому Вы поверите мне, когда я скажу, что я (и моя подполковничиха) были очень рады, узнав приличную цифру Вашего гонорара. Ей-богу, у нас было такое ощущение, как будто жизнь улыбнулась кому-то из очень близких нам людей. И мы искренне порадовались за него.

Раза два кое-кто из наших знакомых говорил нам, что читал "Румбы"... Ну, разумеется, мы не могли удержаться от того, чтобы не заявить, что автор сего произведения – наш хороший друг. Ну, словом, мы гордимся знакомством с автором. И эта гордость вполне обоснованная.

Я думаю, что "Румбы" пробыт себе дорогу в литературном мире, так как на фоне того, что мы читаем обычно, это рассказы очень высокого достоинства... Я мог бы писать о Ваших рассказах еще очень долго, но...

Несколько пунктов о прозе:

1. Вы спрашиваете: какие это четыре работы я написал здесь? и почему у Вас нет оттисков...

Отвечаю: оттисков у Вас нет потому, что их и у меня нет... пока. Но я думаю, что если бы у меня эти оттиски были, у Вас их, пожалуй, все равно не было бы... Не сердитесь. Дело вот в чем. Здесь в К[ирове], мы собрали коллекцию в 4500 черепов. Это очень большое дело, и большая анатомическая ценность. Я как спец изучал их. Это мне было поручено. Для оправдания своего существования я измыслил себе научную тему: "Признаки низших позвоночных в черепе человека". Мне удалось собрать интересный материал, и я, чтобы обеспечить себе покой, теперь выпускаю одно сообщение за другим. Сообщение I-е, ... II-е, III-е и т.д. По одной "аномалии" на сообщение. Это обеспечит мне лет 5. А когда этого не надо будет, то можно написать одну хорошую работу. Этими "сообщениями" я кормлю кого надо... Все это легковесно в разрозненном виде. Но "по Сеньке и шапка". Когда я получу оттиски двух первых "работ", а это будет скоро, то я... не пошлю их Вам. Не стоит говорить об этих "анатомических этюдах", об этой анатомической ерунде. Мой палеонтологический опыт дал мне возможность видеть в черепе человека то, что мало кто видит, и, повторяю, в собранном виде эти "сообщения" представят собой то, что я в виде одной хорошей работы могу или смогу когда-нибудь поднести Вам... Но я все же рад, что имел возможность пересмотреть 4500 черепов глазами палеонтолога. Ведь этими глазами на череп человека только однажды взглянул L. Dollo.

2. О, не пугайтесь! Я не собираюсь немедленно выпускать книгу под заглавием "Диалектика эволюционного процесса". Чтобы написать ее, надо года два-три подумать и, самое главное, прочитать некоторых философов (напр[имер], Гегеля) в подлиннике (русском переводе, конечно). Словом, надо ориентироваться в философской стороне дела так, чтобы было все ясно. Мне и сейчас уже многое совершенно ясно, но... многое надо подработать и доработать. Вообще, это тема для "бездельного" времени. И если такое у меня когда-нибудь окажется, то я все же свою "Диалектику" напишу. Впрочем, до этого надо еще многое написать, а потому у меня до "Диалектики" долго не дойдут руки. Так что... Вы за меня не опасайтесь...

3. Относительно сборника А.А.Б.

Я собственно не возражал бы принять в нем участие, но Вы торопите. Сейчас кончается год. Надо писать очередное "сообщение" о черепе... Надо многое сделать

вообще; занятия идут полным ходом. Я читаю лекции на 1 курсе... (10 часов читал только о черепе человека, при этом одни общие вопросы...). Вот если бы Вы немного отложили это дело, я бы сумел кое-что дать Вам. Я наметил работу под странным заглавием: "Катоптрия". И мне бы хотелось, чтобы Вы, получив ее для печати (в свое время), сдали бы ее в типографию только после того, как просмотрели бы сами с пристрастием и попросили бы с таким же пристрастием просмотреть и И.И. Шмальгаузена. Я думаю, он не отказал бы. Статья теоретически смелая. Я в ней становлюсь на позицию А.С. Ромега значительно решительнее, чем он сам. Ну, словом, я мог бы дать статью, если бы Вы не торопили меня. Февраль – это для меня нереально. Мало того, мне надо, чтобы Вы дали мне слово, что не пустите статью в печать, если найдете ее слишком смелой или, просто, ахинеей... А это возможно.

4. Вчера мне сообщили, что за двадцатилетнюю службу в рядах РККА я награжден орденом Боевого Красного Знамени. Поздравьте. Я думаю, что это с некоторых точек зрения совсем нелишнее украшение моей, если не невзрачной, то достаточно скромной фигуры. Орден еще не получил. Его пришлют через некоторое время и торжественно вручат здесь, н а м е с т е.

Вот и все новости.

Письмо получилось большое, не письмо, а письмище.

Жду от вас посланий.

Устал писать. Кончаю.

Ваш подполковник и орденосец Зух

Приветы (и самые искренние Елене Дометьевне, моя подполковничиха пишет Вам сама).

P.S. Получили ли Вы оттиски "Зубов Fleurantia"?⁴

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 7, 8. Автограф.

26

И.М. МАЙСКОМУ

1 декабря 1944 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович.

Посылаю Вам свою вторую книжку¹. В опоздании против обещанного срока прошу не винить – задержка в издательстве.

Одновременно рискую предложить Вашему вниманию ненапечатанный "Эллинский Секрет"², о котором рассказывал Вашей супруге и Вам, и Вы хотели его посмотреть.

Не откажите в любезности передать мое искреннее уважение Вашей супруге.

Уважающий Вас И. Ефремов

АРАН. Ф. 1702. Автограф.

27

И.А. ЕФРЕМОВУ

Киров

15 декабря 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

На сердце тоска и скука... Поругался с одним профессором... из-за того, что не согласился читать вместо него лекцию...

Дай, думаю, напишу своему единственному другу письмо, такому другу, который остается другом даже тогда, когда его облаешь под горячую руку... Это – очень

хорошая проба для дружеских чувств. Впрочем, у меня нет больше желаний браниться с вами. Я намерен относиться весьма бережно к Вам. Да в этом, пожалуй, и нужды нет: мы как два кремня уже притерлись друг к другу и все шероховатости сгладились...

Письмо Ваше я получил. Читаю его и отвечаю на каждый пункт.

1. Моя оценка Ваших рассказов самая искренняя. И Вы, конечно, в этом не сомневаетесь. Вы упоминаете в письме, что эта оценка во многом совпадает с оценкой "спецев"*. Это меня радует. Значит, я, действительно, кое-что смыслю в литературе.

Я должен повторить, что очень настаиваю на том, чтобы Вы обратили особое внимание на "реликтные формы" азиатов, на этих живых ископаемых. Это ведь что-то вроде утконосов, которых Вы наблюдали живыми в естественной обстановке. Они мало говорят, но говорят очень оригинально. Вы должны сохранить стиль их речи, ничего не выдумывая (таких фраз, впрочем, не выдумаете). Я понимаю, что нельзя их сделать многоречивыми – это испортит тип. Мне кажется, что их надо сделать составной частью пейзажа севера. Они должны быть неотъемлемыми фигурами картины природы. Они должны с трубкой сидеть неподвижно, как неподвижны такие составные части общей картины, как холодный камень или ствол дерева... В пейзаже вы неподражаемый мастер, а потому я думаю, что это дополнение Вам удастся. Что Вам стоит ввести еще один почти неживой предмет – неподвижную молчаливую фигуру азиата, такую фигуру, которая только изредка потрясает читателя каменной философией безразлично-спокойного отношения к смертельной опасности. Это ведь будет философствующая скала. Это будет ново, а все, что ново, то очень ценно.

2. Я не понял Вашей фразы о Ю.А.О. – Почему орден "отчасти будет ему в ущемление"? Изумительное это слово – "ущемление"!

3. Я, видимо, не скоро смогу оказаться собратом по перу. Мои ненаучные писания (а такие, как вам известно, есть)¹ еще не скоро увидят свет, ибо они и не предназначаются для этого. Они написаны кровью и желчью. От них Салтыковым пахнет, и нет гоголевского смеха. Ну, об этом еще поговорим...

4. Работа о зубах крассоптеригий, к сожалению, вышла в 1939 г.² Есть у меня, вернее, лежит у Гольмгрена хорошая работа о *Osteolepis* и *Dipterus*, но я даже не знаю, какова ее судьба – быть может уже напечатана³... А может быть, еще лежит без движения у Ромера котлассия⁴ – и это все, что вышло по палеонтологии после 1939. Таким образом, в нашем распоряжении только Benthо. Я, разумеется, не имею оснований возражать против того, чтобы Вы его пустили в это дело. Я только не понимаю, что мне в этом случае надо будет сделать? Может быть ничего. И мой друг возьмет на себя всю историю. Впрочем, я охотно сделаю все, что он мне укажет. Жду сообщений и инструкций⁵.

5. Оттисков *Fleurantia* не получил⁶. Куда их послали? в Л[енинград]? Обстоятельства складываются так, что я пробуду здесь до тепла. Это, пожалуй, даже лучше... Там у меня нет стекол в окнах и нет возможности отеплить все, что сохранилось... Это меня расстраивает, но что же делать? Воля судеб не в наших руках, а мы в руках судеб.

6. Все, что Вы пишете о сборнике А.А.Б., я принимаю во внимание, но сейчас не могу себе представить, во что все это выльется. Постараюсь не упустить возможности...

Что такое "катоптрия", я, конечно, знаю и в справках не нуждаюсь, ибо сам ее выдумал. Что же касается Вас, то Вы поймете, что такое катоптрия только тогда, когда прочтете работу и... с возмущением забракуете ее. Тогда будет все ясно нам обоим.

7. Книжки с рассказами (новой) еще не получил. Получу, прочту и дам отзыв. Заранее уверен, что он будет положительный. Но я в этом случае коснусь, вероятно, многих частных.

* Так в тексте.

Кстати, интересно, что говорят о Ваших румбах пиновцы? Например скептик Д.В.О. – этот пиновский Д. Свифт, правда, Свифт на словах, а не в писаниях? Что говорит Ю.А.О.? Как вообще весь ПИН в целом реагировал на такое Ваше выступление? Это ведь, что Вы там ни говорите, – необычное явление. Правда, пишет Обручев. Старик, но эти писания в литературном отношении крайне беспомощны. (Не говорите об этом Д.В.О. – пожалуй, рассердится за отца.) Его фантастические романы написаны грамотным человеком, но литературная ценность их равна нулю. Это надо прямо сказать.

8. Сейчас у меня много дел. Через 10–12 дней будет меньше. Займусь катоптрией. Может быть, успею сделать работу к сроку. Но вновь предупреждаю: прочитайте сами и покажите И.И.Ш. – дело это серьезное. Могу нафантазировать; слишком смело, хотя я говорю и о том же, о чем писал Ромер. Но говорю во много раз смелее. А эта смелость суждений и обобщений может превратить всю работу в ахинею. Впрочем, я, как вам известно, отличаюсь научной трусостью – напуган в "научном детстве" (ассимиляция атланта, манифестация проатланта...). Теперь я уже не ребенок, но страх остался... Я не умею замысловато и запутанно писать. Говорю ясно то, что хочу сказаь, и меня все понимают. Поэтому мне трудно залить словесной водой ответственные места и напустить в них столько тумана, сколько необходимо для того, чтобы никто ничего не понял. Я не умею писать так, чтобы никакой ответственности на меня за написанное не падало. Вот эти-то соображения и заставляют меня предавать дух свой в руки Ваши и заранее соглашаться на хай с Вашей стороны и на возможное Veto. Ну, дело покажет, что будет.

Ложусь спать.

Подполковничиха уже спит.

Приветы Вам обоим от нас, а кроме того, еще и дополнительные сердечные приветы Е.Д.

Ваш Зух

Тоска... Но..., скажите, у кого не было таких положений и таких времен?

Не отдавайте никому моих парейазавров...

Передайте приветы всем... Тоска...

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 10, 10 об. Автограф.

28

Л.В. ПУСТОВАЛОВУ

28 декабря 1944 г.

Глубокоуважаемый Леонид Васильевич.

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Вы благосклонно отнеслись к моей работе "Тафономия и геологическая летопись", хотя и не имели времени досмотреть ее и еще не дали очень важных для меня Ваших замечаний.

Я очень просил бы Вас дать мне "авансом" краткий отзыв о ней. Дело в том, что сейчас в Палеонтологическом ин[ститу]те у нас практически отсутствуют возможности печатания и я хочу попробовать ее издать где-либо в другом месте, скажем в издательстве "Сов[етская] наука", или непосредственно ходатайствовать об издании через новое РИСО.

Для этого мне необходимы отзывы высокоавторитетных лиц, которые подтвердили бы "стоящесть" работы. Одновременно я прошу такие же отзывы у Н.С. Шатского и Л.Ш. Давиташвили.

Если бы Вас не затруднило написать мне такой коротенький предварительный*

* Далее не разобрано одно слово.

отзыв, я очень был бы Вам обязан. Сейчас я только хочу добиться "очередности и включения в план", но до сдачи в печать буду многое дополнять и исправлять согласно полученным советам и указаниям¹.

С извинениями за беспокойство и искренним уважением.

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 220. Л. 2. Автограф.

29

И.А. ЕФРЕМОВУ

22 февраля 1944 г.

Дорогой Иван Антонович!

Несколько дней тому назад я получил Ваше письмо. Когда Вы его писали, у Вас было плохое настроение... Надеюсь, что сейчас оно изменилось к лучшему. Я не смог сразу Вам ответить, так как увлекся изготовлением иллюстраций к своей книге (будущей) о стегоцефалах.

1. В конце прошлого месяца и в начале текущего я был в 10-дневной командировке в Л[енинграде]. Побывал на месте своего жительства. Пока там все сохранилось... как иногда сохраняется ласточкино гнездо на уцелевшей стене разрушенного дома. Впрочем, дом не пострадал, но ведь мог пострадать только один наш угол. Я побывал и в ЛГУ и, как Вам известно из моего письма Ю.А.О., подал заявление ректору ун[иверсите]та с просьбой допустить меня к научной работе и преподаванию в каф[едре] палеонтологии... и т.д. Как дальше пойдут дела – не знаю. В ЛГУ осталась моим надежным поверенным в делах Ек.Серг. Порецкая – старая наша общая приятельница... Буду ждать движения воды...

Теперь относительно Вашей фразы: "Что если бы Вы получили от нас приглашение в ПИН, при условии обеспечения пока одной комнатой"? На этот вопрос я отвечу, разумеется, совершенно откровенно и прямо. А ответ мой такой. В 1936 г. мое зачисление в сотрудники ПИНа было для меня и почетно и лестно. Поэтому я мог тогда согласиться на работу при одном только обещании квартиры в будущем. Но tempora mutantur et mores mutanta... * Теперь... Теперь, когда я и доктор и профессор уже скоро пять лет, роли переменялись – теперь ПИНу лестно иметь меня своим сотрудником. Это не самомнение, это точный учет ситуации, ведь нельзя забывать, что по палеонтологии позвоночных могут работать только Ю.А.О., И.А.Е., Д.В.О. и А.П.Б., т.е. четверо. Я имею в виду в данном случае людей, которые уже не нуждаются в руководстве и обучении. Поэтому я пойду в ПИН только при одном условии, которое, кстати, не должно быть условным, именно: изолированная квартира minimum в две комнаты, с кухней, с центральным отоплением и обязательно без телефона (!). Ни при каких иных условиях я в Москву на жительство не поеду. Стар я стал, чтобы таскаться по углам, подвергаясь издевательствам управдомов и милиции. Вы не должны забывать, что я на один год старше последних двух цифр текущего года... Если Вы запомните это, то Вам легко будет подсчитать, сколько мне лет, когда Вы будете вспоминать обо мне... (+1) или $(x + 1)$, а точнее формула такова: $x - 1900 + 1 = v - x$ году А.П.Б. имеет лет. Вы, конечно, понимаете, что в зависимости от этой формулы мои настроения меняются...

Моя палеоработа будет двигаться вперед и вне ПИНа, она, конечно, будет интенсивнее, если вопрос с ЛГУ решится в положительную сторону. Но если даже этого не случится, то все равно палеоработы из-под моего пера выходить будут. Я не скрываю того, что надеюсь, что Вы мне в этом поможете по мере сил и "за сходную цену"...

* Времена меняются и замедляются изменения (лат.).

2. Я, разумеется, очень рад тому, что ПИН становится на настоящие ноги. Это всем нам в одинаковой степени приятно. Это то, о чем все мы мечтали годы. В таком ин[ститу]те будет приятно и полезно работать, но и о живых людях надо заботиться. Пока еще ведь не доказано, что палеонтолог и свинья – одно и то же... Поэтому следует позаботиться, чтобы палеонтолог жил не как Homo neandertalensis в пещере...

3. Сегодня получил газету "Красный флот"¹. Вырезал из нее статью о Вас и посылаю, так как думаю, что эта газета может не попасть в Ваши руки. А то, что о Вас пишут, Вам и интересно и важно знать... Относительно типов я с автором статьи согласен и уже писал Вам в более мягкой форме то же самое.

Относительно стиля – он не прав. Я не советую Вам менять стиль и писать "новыми" словами и фразами. Не добивайтесь того, чтобы фразы были "броские" – это пустозвонство. И грош ему цена. Но относительно типажа... Впрочем, что говорить об этом!... опять будут те же рассуждения об Репине и Айвазовском... Кому что дадено... А впрочем, Вы может быть и сами не знаете, что Вам "дадено".

4. Пишите обо всех мелочах и о всем важном. В Вашем письме я не нашел ответа на многое, о чем я писал Вам в своем предыдущем послании.

Желаю успеха во всем...

Приветы Вам и Е.Д. от нас обоих.

Ваш преданный душой и телом Зух

P.S. Подполковничиха прочитала где-то вашу "Обсерваторию"² и пришла в восторг, говорит, что это, по ее мнению, самый интересный Ваш рассказ. Я его еще не читал. Но Вы печтаетесь теперь всюду и за Вами не угонишься. Скоро, пожалуй, Ваши рассказы появятся в "Большевике"³ или в "Спутнике агитатора"...⁴

Зух

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 11, 11 об. Автограф.

30

И.А. ЕФРЕМОВУ

22 марта 1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

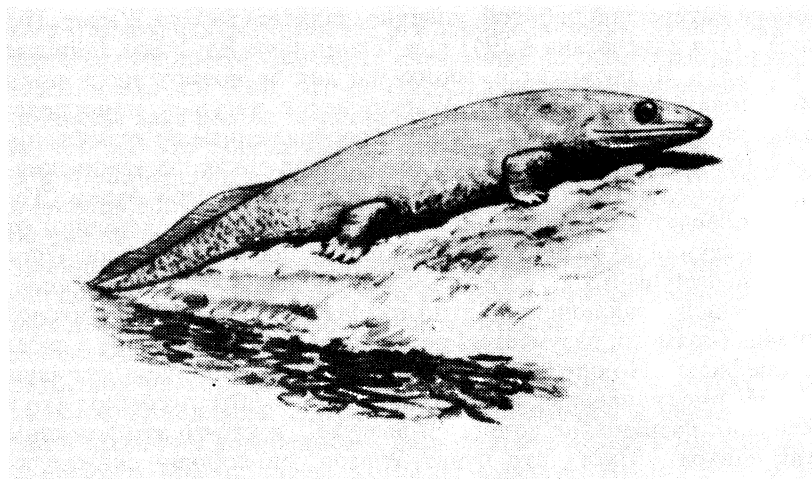
Ваше письмо от 05.03.45 получил, но не ответил на него сразу – увлекся какими-то стегоцефально-тритоньими делами. Сейчас... болит голова (вероятно, скоро подохну что ли...). Завтра рано вставать, но спать не хочется... Простите, что в таком состоянии и настроении я решил написать Вам письмо... Для того чтобы на душе стало легче, буду писать только о Stego...

Здесь до меня иногда доходит кое-какая американская литература, которую я и прочитываю, – конечно, то, что мне близко и интересно.

Недавно получил "The Journal of Comparative Neurologi". Vol. 77, 1942.

В нем я нашел статью A.S. Romer и Tilly Edinger (!) "Endocranial casts and brains of Living and fossil Amphibia". Как видите, Tilly благополучно добралась до USA после того, как Гитлер выгнал ее, как еврейку, из Германии. Это произошло, кажется, в 1938–39 гг. В USA Tilly занялась тем же, чем занималась прежде (чужими мозгами живет), т.е. разными Steinkern из разрушенных черепов, по которым она судит об одаренности вымерших зверей. Для таких работ нужна особая одаренность... Но она соблазнила на подобную quasi-научную тему и нашего Alfred'a Sherwood'a. В результате – получилась, я бы сказал, скверная и во всяком случае ненужная работа, в которой каждая строка пахнет Tilly. Авторы, кстати, бросают камень и в Ваш огород, говоря, что Ефремов не прав, утверждая, что положение foramen parictale* есть фиксированная точка по отношению к основанию мозга и черепа... По их мнению,

* Теменное отверстие.

Древнейший стегоцефал – ихтиостега. Рис. К.К. Флерова

Триасовый стегоцефал. Рис. К.К. Флерова

пинеальный орган на своей длинной ножке может двигаться (филогенетически) вперед и назад... Меня они не упомянули, хотя я в 1935 г. утверждал то же самое¹. Ну, словом, прочитал работу, но ничего нового или интересного в ней не нашел. С ископаемыми амфибиями так поступать нельзя: их полость черепа больше мозга, а потому на Steinkern здесь спекулировать не следует... Ерунда получится... Ну и получилась ерунда, хотя один из авторов достоин уважения и обычно ерунды не писал... Вот Вам пример того, как не следует связываться в соавторстве с неравными по эрудиции.

В списке литературы к статье Romer-Edinger я узнал для нас очень важные вещи, именно:

1. Какой-то Savin (Савин?) опубликовал в "Bull. Mus. Comp. Zool". (Vol. 88, 1941, pp. 407–463) работу "The cranial anatomy of Eryops megacephalus".

Если это детальная анатомия, то неплохо было бы работу достать и прочитать. Eryops* с сильно окостеневшим Chondrocranium**. Тут много можно уяснить и увидеть. А то у нашего Benthо все выгнило...

* Лабиринтодонты (лат.). Далее не разобрано одно слово.

** Хрящевой череп (лат.).

2. Еще более интересной работой, конечно, является работа Watson. Именно: "The origin of frogs". Она напечатана в 1941 г. в "Transactions Roy". Soc. Edinburgh (Vol. 60, 1941, pp. 195–231). Я, разумеется, много бы дал за возможность прочитать эту работу. По словам Romer–Edinger, Watson ведет лягушек непосредственно от лабиринтодонтов. Это не противоречит моим соображениям по этому вопросу. Очень много данных говорит за это. Во всяком случае Анира никакого отношения к Nectridia не имеют. Нужно думать, что следующей работой Watson будет "The origin of Urodela", и он поведет всех хвостатых амфибий (рецентных, конечно) от Nectridia. После долгих раздумий по этому трудному вопросу, после препаратов Triton, Ranodon, Hynobius, Onychodactylus и т.д., в которых я допрепаровывался до Chorda tympani* в челюсти..., я пришел к заключению, что Urodela к типичным лабиринтодонтам никакого отношения (прямого, разумеется) не имеют. Об этом я и пишу в своей большой книге "Стегоцефалы". Но опубликует все это... Watson. Впрочем, для науки это ведь безразлично. Не имеет значения, кто сказал, важно, чтобы это было рано или поздно уверенно сказано. Разрешение вопроса в воздухе... и кто-то это должен сказать не сегодня, так завтра... Пусть это будет Watson, он хорошо скажет, он хорошо говорит... Ну а мы потом присоединим свой голос... Надо признаться, нет у нас нужной смелости. Присоединяться мы умеем, а ломать препятствия установившихся взглядов часто боимся. Не вытравлено у нас еще благоговение перед напечатанной строкой... А надо бы быть смелее и увереннее.

.....

Если Вам удастся достать "The origin of frogs", буду рад за Вас...

Кстати, обстоятельства складываются так, что я в первой половине апреля появлюсь в М[оскве] на пару дней.

Посылают за орденом². Долго пробыть не удастся. Это – кратковременная командировка, но во всяком случае я надеюсь, если жив буду, увидеть своего единственного друга...

Приветы Вам и Е.Д. от нас обоих.

Кстати, как Е.Д. справилась с такой трудной формой, как Permocynodon?

Поздравляю ее с тем, что ее научная работа получила такую хорошую подпорку, как позвоночник...

Искренне и до конца дней своих

преданный Вам Зух

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 12, 12 об. Автограф.

31

И.А. ЕФРЕМОВУ

25.05.1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сегодня получил сразу два Ваших желтых письма (08.05.45, 14.05.45) и письмо от Ромера. Я согласен с Вами, что сейчас у нас стало сразу много дел, а посему перехожу к пунктам.

1. Позавчера я получил от Е.С. Порецкой, мой агент в ЛГУ, поздравительную телеграмму, из которой ясно, что с 01.05.45 я уже зачислен в ЛГУ. Из этой телеграммы другие все детали выяснить нельзя. Но одновременно с телеграммой я получил от Ю.А.О. короткое письмо, извещающее о его "собачьей" жизни и сопровождающее открытку от М.Э.Я., адресованную Ю.А.О. Из этой открытки ясно, что М.Э.Я. представлял меня на должность старшего научного сотрудника в палеолаборатории, при том в качестве совместителя, так как я еще не демобилизован

* Скелет (лат.).

и нахожусь в ВММА. Сопоставляя все эти данные, я понимаю дело так: я утвержден в ЛГУ в качестве ст[аршего] н[аучного] сотрудника по совместительству с ВММА. Из письма М.Э.Я. к Ю.А.О. ясно, что он (М.Э.Я.) не оставляет мысли о приглашении Ю.А.О. в качестве зава и тоже хотя бы по совместительству.

Считаю, что все это хорошо. Дело сдвинулось с мертвой точки и после моего появления в Л[енинграде], думаю, окончательно наладится. Одновременно с этим письмом я напишу Ю.А.О. о положении дела и о телеграмме Е.С.П., хотя я уверен в том, что он уже знает все это.

2. По планам, которые вряд ли нарушатся, я пробуду в Кирове до 16 июня. 16.06.45 кончаются занятия, и так как я не связан с экзаменационной сессией, то в течение двух недель – с 16 по 30 июня – рассчитываю перебраться в Л[енинград]. О моих передвижениях буду Вам сообщать.

3. Все это, как видите, в одних отношениях хорошо, в других ставит меня в затруднительное положение. Затруднение с премией¹. Я после раздумий решил сделать так: я шлю Вам доверенность на получение денег, а Вы мне их перешлете туда, куда следует. Мы не знаем, когда их выдадут. Но Вы будете знать, где я обретаюсь в любое время. Из пункта № 2 это ясно.

4. Так как у меня нет от Вас никаких секретов, то Вы, разумеется, можете распечатывать адресованные мне письма и при том без всякого исключения... Поэтому я ни в какой мере не браню Вас за вскрытие письма A.S.R.

5. Я намерен сегодня написать письмо A.S.R. Если оно дойдет до него, то он будет рад ему. Он, видимо, по-отечески относится к нам. Если в моем письме будут ошибки, то это выгодно для Вас – ваш язык будет очаровательно-безукоризненным...

6. С оттисками Kotlassia Вы поступили правильно. Семи штук мне здесь достаточно. Впрочем, я их пока еще не получил и Вы больше не посылайте. Когда получу, извещу немедленно. Во всяком случае я прошу Вас оставить остальные у себя – это будет надежнее. Да мне здесь они ведь совсем не нужны. Я не намерен здесь давать их кому бы то ни было. Для окружающих меня Kotlassia так же понятна, как ослу Евангелие. Им гораздо более понятно то, что вообще понять нельзя, и то, что не имеет никакого смысла. А когда человеку кажется, что он понимает то, что понять нельзя, то он чувствует себя великим ученым. В действительности же ученым можно назвать только того, кто не понимает того, что все считают понятным. Парадоксально, но это так.

7. Оттиски, полученные от S. Westoll'a², сохраните пока у себя, мне не хочется их подвергать риску. Мне ведь предстоят всякие "езды-переезды". У Вас работа S.W. сохранится до благоприятного времени надежнее.

8. Ну, кажется, все деловые пункты окончены. Несколько пунктов с вопросами: а) будет ли и когда Ю.А.О. директором? б) вопрос, который трудно формулировать, ибо я не знаю о чем спросить...

9. Пункт об интересном, но не жизненно важном деле, сиречь, об ископаемом "ураните" (от οὐρανός – небо). Вы, конечно, понимаете, что человеческая фантазия не может создать ничего нового, ибо она спекулирует на старых представлениях. Она их просто комбинирует и в фантастических вещах фантастична только комбинация, а не составные части. Части – дело старое. Это следует иметь в виду и относительно автора и относительно читателя. Но... Зато какой изумительный колорит приобретет рассказ, если автору удастся вырваться из цепей комбинаторной фантастики и создать нечто потрясающе невероятно новое и, кроме того, заставить читателя это принять – и понять и поверить. Конечно, Ваши соображения относительно эволюции интеллекта верны. Я даже думаю, что они больше верны, чем Вы допускаете. Дело вот в чем. Обратите внимание на строение глаза. Он у человека (позвоночных), у медузы, у пауков, у головоногих и т.д. построен так же, как фотоаппарат. Ergo*, рецептор

* Следовательно (лат.).

Череп фантастического "Небесного зверя". Рис. А.П. Быстрова

Uranotherium paradoxum
s. Bestia celestis Efr.

световых раздражений не может иметь иную конструкцию. Это – единственно возможная форма. Думаю, что и мозг должен быть в голове и на земле, и на небе. Глаз, мозг, орган слуха, жевательный аппарат – все это должно быть собрано в одно место. Впрочем, я не настаиваю на жевательном аппарате. Какого же "человека" – "уранита" Вам выдумать? Если перенести головной мозг на другой конец спинного мозга (à la *Diplodocus* без хвоста), то, принимая во внимание функцию заднего отдела кишечника, мы получим картину, не отличающуюся большим изяществом от нашей, земной, весьма условной точки зрения, а с точки зрения английских *Lady*, это просто *show*.

king. Если превратить лемура или ежа в "уранита", то, понимаете, это будет просто *Homo sapiens* – самый вульгарный *Homo sapiens*, а может быть еще даже *idiot*, т.е. идиот.

Но все же вот вам новый "уранит"³:

1. Носовые кости редуцированы.
2. Зубов нет – был роговый чехол, что давало возможность есть и мясо, и рыбу, и огурцы.

3. Все кости скульптурированы, как у *Stego*.

4. Орбиты (глаза), как у *Tarsius spectrum**.

5. Огромная *membrana tympani*** , как у *Rana****.

6. Челюстной сустав образован *qu[adratum]* и *ar[ticulare]*⁴*, а следовательно:

7. Слуховая косточка – *stapes-columella*.

Это и "человек", и не человек.

Мне кажется, что этот череп Вам понравится.

Если ему еще больше увеличить мозговой череп, точнее сделать его еще шире, то сходство с черепом ребенка исчезает почти полностью.

Этот череп не из кости, а из перламутра, как ракушка, а потому он безукоризненно сохранился.

Примите заверения в нашем искреннем к Вам обоим расположении.

Приветы Вам и Е.Д. от нас обоих.

Such

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 13. Автограф.

* Долгопят – млекопитающее из семейства низших приматов.

** Слуховая перепонка.

*** Лягушка.

4* Квадратная и сочлененная кости нижней челюсти.

12 июня 1945 г.

Дорогой Иван Антонович!

Сегодня получил Ваше письмо и сегодня (вечером) отвечаю.

1. Предполагаю от 19 до 23–24 перебраться в Л[енинград]. Думаю, что ничего не стрясется. Имейте в виду эти даты для всяких соображений.

2. Я послал отсюда письмо Romer'у. Писал по-английски сам и никому письма не показывал. Если сделал ошибки, то он все равно поймет. И не только поймет, но оценит то, что я писал сам. Я даже и Вам послал одну открытку на английском диалекте. Получили ли?

Дальше следуют пункты, соответствующие пунктам Вашего письма.

3. Что такое с Вами случилось? Почему такой туманный диагноз? Надеюсь, однако, что Вы скоро справитесь с этими недоразумениями. Организм у Вас, надо сказать, хорошо построен, и я на него возлагаю большие надежды.

4. Когда Вы пишете крупно, то Ваш почерк становится разборчивее, хотя, впрочем, я с удовольствием читаю все Ваши письма и уже привык к различным комбинациям в соединениях двух букв в одну.

5. Избранию Ю.А.О. директором, конечно, аплодирую.

6. Выражение "За трудовые услуги" нахожу остроумным, но от дальнейших комментариев в связи с этими делами воздерживаюсь... – это раз; однако нахожу, что не брать таких вещей нельзя – это два, а в-четвертых*, Вы, конечно, согласитесь со мной, что все это не имеет большого значения.

7. Если в мои руки попадет все, что имела Г.-В., то это будет равносильно тому, что попало в Ваши руки, – это раз. Совершенно безразлично для науки, кто (Вы или я) опишет череп и кости, – это два, а в-четвертых*, мы ведь никогда не дрались из-за материала, так что и разговаривать об этом не стоит: сделаем так, как будет нужно. Вот и все – это в-пятых.

8. По поводу *Bestia celestis*. Прежде, чем писать рассказ, справьтесь где-нибудь (в словаре – что ли), не пишется ли *celestis* так: *coelestis*. Я хочу, чтобы здесь не было досадной ошибки, что *Bestia*, по-латыни, зверь, это я твердо знаю. Хотя многие думают, что бестия – просто жулик. Впрочем, *Bestia*, пожалуй, имеет и другой оттенок – это отчасти "зверь", отчасти "скотина", "небесная скотина"... Это хорошо, но я не уверен, что со мной согласился бы такой знаток лат[инского] языка, как Сисеро, сиречь, Цицерон. Рисунок черепа *Bestia celestis* при сем прилагаю. Попросите Н.А.Я. продублировать его тушью. У меня тут нет под рукой сейчас туши, поэтому рисую метиленовой синькой. Я думаю, что Н.А.Я. не откажется это для Вас сделать "за сходную цену", например, за то, что Вы его выведете в своем рассказе в качестве второстепенного действующего лица под именем художника-сиринога Пьяньшинова, который, кстати, находится в состоянии непрерывного влюбления и называется "*amans repertus*", однако не оправдывает римской поговорки "*Omnis amans amens*" ("Всякий влюбленный глуповат").

9. Думаю, что для характеристики д[окто]ра Кострова¹ у Вас достаточно материала. Не исключена возможность, что после появления этой личности Вам уж никто не будет бросать упреков в том, что в рассказах нет живых людей.

10. Вернусь к *Bestia celestis*. Из Вашего письма я понял, что Вы согласны, что роговый чехол, надетый на челюсти этого существа, избавит Вас от всяких недоразумений с вопросом о пище. Это, конечно, специализация, но специализация, не мешающая росту мозга.

Если внимательно взглядеться в мой рисунок, то можно видеть, что челюстной

* Так в тексте.

сустав образован *articulare** и *quadratum**. Ergo – слуховая косточка только *Columella auris***. Значит д[окто]р Костров думает, что *Bestia celestis* вовсе не млекопитающее, а существо, по нашей систематике относящееся, скорее, к *Reptilia*. Это крайне высокоразвитая и сильно специализированная рептилия. Многие покровные кости у ней исчезли – например *lacrimale*, *nasale****. Однако при этом сохранились *angulare* и *supraangulare*****. Скульптура "стервоцефалья"... Ну, словом, черт знает что такое! Одно несомненно, это то, что сие существо необычайно интеллектуальное, интеллектуальнее, чем человек, но в то же время это не только не Ното, но даже не *Mammalia*^{4*}. Это какая-то черепаха-философ или стегоцефал-инженер.

Живой "*Urananthropus*" был лупоглазым, беззубым и с маленьким носом... с нашей точки зрения, некрасивый. Но д[окто]р Костров уверяет, что красота – вещь совершенно условная. Он, например, всю жизнь находил, что хорошая жаба несравненно красивей любой балерины... Более очаровательных форм и пропорций трудно придумать (речь идет о жабе, конечно, а не о балерине). Ползущая жаба – это что-то потрясающее по своему невыразимому изяществу. Ее нельзя и сравнивать с балериной, скачущей на своих глестообразных ногах...

Все морфологические особенности в строении черепа *Bestia celestis* показывают, что для этого существа нет места в нашей зоологической систематике. Такого существа в эволюционном ряду позвоночных на Земле появиться не могло. Это звено из какого-то другого, неведомого нам эволюционного ряда. Если к этому еще прибавить, что кости не содержат солей Са и что Са заменен в них Si, то чуждость существа для нашей природы станет очевидна. Вся наша органическая жизнь – это результат особых свойств С. Но... На С похож по своим хим[ическим] свойствам и Si. Кстати, он образует всякие коллоиды, в результате этого – яшма, агат, кремнь и т.д. В иных условиях, где-то на Звезде (точнее, около нее), Si мог бы сыграть роль С и дать силициевую жизнь. Вспомните, что у Si огромное количество соединений, и этот элемент не дал органической жизни по какому-то недоразумению чисто местного порядка... Я думаю, что Вы в минералогии и в химии сильнее меня и легко разберетесь в моих фантазиях. Но должен заметить, что наши специалисты (в ВММА) по физ[ико]-коллоидной химии считают Si таким элементом, который "конкурировал" на место С, но не был "избран". Я очень советую Вам капнуть это место в химии. Шутки в сторону, но мне кажется, что здесь можно найти клад для Ваших построений². Чем больше будет логики во всем необычном, тем поразительнее будет само необычное...

Ну... Прошу прощения за страницу морфолого-химической ерунды... Но как знать, может быть в этом мусоре Вы найдете что-нибудь ценное... Во всяком случае наши отношения таковы, что после всяких глупостей я могу написать:

Ваш Зух

Приветы Е.Д. и Вам от нас обоих.

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 14. Автограф.

* См. сноску на с. 68.

** Слуховая кость.

*** Слезная и носовая кости черепа.

**** Угловая и надугловая кости нижней челюсти.

4* Млекопитающие.

Москва

20 февраля 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович.

Рад приветствовать Вас после своего возвращения из Монголии и очень жалею, что Вы, по слухам, не собираетесь приехать к нам, хотя бы под предлогом конференции¹. Надеюсь все же увидеться с Вами в марте, приехав, наконец, в Ленинград. Я очень чувствую, как мне иногда не хватает Вас и Вашего ума, пусть резкого или [взбалмошного], но ясного и [чистого]. Осмеливаюсь думать, что и Вам было бы полезно некое "пополнение" в моем стиле... Это все помимо того, что есть очень многое, что нужно бы Вам порассказать и обсудить неспешно и вдумчиво.

Путешествовал я много, видел много интересного, нашли мы целую кучу разных динозавров и черепов. Но увы, я больше "администировал", чем был спокойным наблюдателем*. Всякие там автомобильные, бензинные, продовольственные, финансовые и представительские дела заполняли время и душу. Печально, что, видимо, всю эту историю придется повторить – собирается новая экспедиция еще в большем масштабе, и командовать, по общему признанию, никому другому, как мне же. Это значит снова почти год будет потерян для непосредственной научной работы над нужными мне, а не институту и не* вообще темами. А я как раз на некоторый период расстался с литературой, чтобы, нажав на науку, кое-что сделать, что представляется мне интересным, новым и важным. Но уже один год пропал, в перспективе пропаша второго, и, только если экспедиция почему-либо не состоится в этом году, у меня получится нужная передышка для суммирования достижений прошлых лет.

У меня накоплено много разных соображений по эволюции древних фаун, тафономии и биологии за период карбон–триас. В последнее время начинаю заинтересовываться [эоценом] с точки зрения "великого перелома" в развитии наземного животного мира, а также теорией эволюции и закономерностей развития мыслящего существа, но это, конечно, дела далекого прицела. Однако некоторые вещи уже сейчас хотел бы обсудить с Вами, и именно с Вами. Больше никто мне помочь не сможет. И не поймет ни хрена...

Я уж не помню, писал ли я Вам, что соорудил последний рассказ о Вас и мне? Рассказ вышел целой небольшой повестью², но еще нужно его немного подработать, прежде чем выпускать в печать. Но до этой подработки мне хотелось бы, чтобы этот рассказ Вы прочли. И сделали к нему свои замечания... Согласны? Могу прислать его Вам с Хозацким, а заберу сам при своем приезде. Тогда и обсудим. Равным образом, если хотите прочесть мою "Великую Дугу", которая похоже, что не будет скоро издана³, я ее привезу Вам для прочтения. Когда приеду посмотреть материалы Вашей лаборатории по** находкам, что я так давно собираюсь сделать, и то болею, то путешествую, без должной середины. Могу сделать доклад в Вашей лаборатории о путешествии в Монголию и палеонтологических открытиях. Елена Дометьевна передает Вам свой привет и просит разрешения при своем приезде в Ленинград (она, видимо, приедет раньше меня) обратиться к Вам за консультацией. Она обработала кусочки гигантского лабиринтодонта из Чкаловской области и в каждой челюсти нашла всякие там сосуды и нервы, каковых ранее не находилось. Рассчитывает на милостивое разрешение и, буде таковое последует, привезет рисунки.

Прошу извинить за мелкий почерк, но он становится все мельче и хуже. Пора, пожалуй, переходить на машинку... ·

* Далее не разобрано одно слово.

** Далее не разобраны три слова.

Обложка отчета Монгольской палеонтологической экспедиции (1946 г.). Рис. К.К. Флерова

Большой привет Гильде Юрьевне. Лучшие пожелания Вам, дорогой друг. Остаюсь, с нетерпением ожидая встречи.

Ваш *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 1, 2. Автограф.

34

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

9 июня 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович.

Как видите, я купил машинку, и теперь Вам не придется ворчать по поводу необходимости разбирать некий гнусный почерк. Я ожидал от Вас письма после получения всех посланных с Новожиловым даров, к сбору которых я приложил немало старания, чтобы полностью удовлетворить Вас. Однако от Вас ни гу-гу... Думаю, что заедает Вас экзаменационная сессия. Я сейчас отбиваюсь от Монголии и думаю, что удастся в этом году не ехать¹. Тогда, как только это решится примерно через неделю-полторы, — намерен еще раз побывать в Ленинграде на краткий срок.

А затем уйду в отпуск и буду сидеть на даче под Москвой и писать чрезвычайно ученый трактат. Собираетесь ли Вы побывать у нас летом?

Я прочитал Вашу статью в последнем номере "Акта Зоологика"², полученном у нас в библиотеке. Должен сказать, что она... * навела меня на грустные размышления... Не то, чтобы статья была плоха или неинтересна... Нет, она и не плоха и интересна! Однако для Вас подобные статьи — это игрушки, для Вас, могущего создавать мировые вещи. Понимаете? Вы, с Вашей необыкновенной силой морфолога, не должны ограничиваться такими вещами. И за это Вас я буду всячески ругать и поносить до тех пор, пока Вы или со мной не рассоритесь, или возьметесь за настоящие вещи. Вот, например, Ваша обработка парейазавров была бы мировой вещью, золотым фондом науки, еще более ценной и широкой, чем котлассия, чем бендозух, чем структура зубов. Не увлекайтесь пока фильностями, Вы и так уже убили на них порядочно времени. Сосредоточьтесь, сделайте две-три поездки в Москву, но создайте крупную, достойную Вас работу.

Для проверки своего впечатления я говорил Ю.А. об этом, и он полностью со мной согласился. Значит это не случайное впечатление, значит от Вас не только я, но и другие ждут гораздо более крупных работ. Если удастся мне еще раз приехать в Ленинград, то я смогу выразить все это гораздо хлеще. На машинке все выглядит уж очень официально, или я не привык еще...

Пишите, дорогой А.П. Большой привет Г.Ю. и Вам от Е.Д. и меня.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 3. Авториз. машинопись.

35

И.А. ЕФРЕМОВУ

12 июня 1947 г.

Дорогой Иван Антонович.

Я только что получил Ваше письмо и тотчас отвечаю.

Прочитавши его, я... удивился... и удивился многому.

Во-первых, удивился тому, что Вы прочитали какую-то мою работу в А.З. Какую?

* Далее не разобрано одно слово.

Вероятно, о гидро- и ксерофилах¹. Я ее еще не видел и оттисков не получал.

Во-вторых, удивился тому, что Вы ругаетесь... хотя, впрочем, это для меня не ново. Вы браните меня несравненно чаще, чем одобряете. Это, пожалуй, не очень хорошо.

В-третьих, удивился тому, что Вы считаете широкие и смелые обобщения менее ценными, чем строго анатомическое (полустуденческое) описание скелетов.

В-четвертых, удивился тому, что и Ю.А.О. с Вами согласен. Тот Ю.А.О., который одно время говорил, что А.Б., по-видимому даже не способен на что-либо другое, кроме точного описания анатомических объектов, не способен ни на что большее, чем то, чему его выучил Тонков... Все это я помню. Жаль, если автор этих соображений уже забыл все, что когда-то "соображал".

В-пятых, удивлен тому, что мне в 47 моих лет еще пытаются что-то диктовать, как какому-нибудь аспиранту, так диктовать, как диктую я, руководя работой по изучению граптолитов, трилобитов и мамонтов.

В-шестых, я удивлен тому, что Вы не понимаете, что в науке ничего не создается палкой; в ней все движется интересом. И Вы и я ведь делаем только то, что нам интересно, что нас захватывает, увлекает. Если Вы попытаетесь применить палку по способу Тонкова, то также ничего хорошего не выйдет из этого, как не вышло у Тонкова.

В-седьмых, я удивлен тому, что мой друг решил превратиться в моего воспитателя, да еще сурового, беспощадного...

Ну, словом, я удивлен многому... хотя пора бы привыкнуть не удивляться: не было ни одной работы, которая не вызывала бы порицания сразу же после ее опубликования у Вас и Ю.А.О. Я помню это... "Все это не то," – говорили мне...

Dvinosaurus – списан у Сушкина, зубы стегоцефалов – игрушка, зубы Crosso – одни неплохие иллюстрации... Вообще у А.Б. можно смотреть рисунки ("Здорово сделано" (Ю.А.О.)), а текст можно не читать ("Рисунки у него лучше текста" (Ю.А.О.))... А я... а я с любовью делал и то и другое, с одинаковой (заметьте) любовью, перерисовывал каждый рисунок *minimum* 4 раза и 4 раза переписывал текст... по-русски и в 5-й раз по-немецки или по-английски...

Ну, что же... о чем это говорит? О том, что мои друзья ко мне очень строги? Нет, это говорит о том, что они ко мне, по-видимому, не вполне доброжелательны. Впрочем, это, вероятно, не так. Дело проще; они почему-то вообразили, что Быстрова следует только бранить, и это вошло в их привычку. Что же касается меня, то я, видимо, оказался несравненно более тонким и гораздо бережнее отношусь ко всем, а к друзьям в особенности. Судя по всему, что говорил и говорит Ю.А.О. о моих работах, я делал их плохо (он всегда их побранивал), а сделал много хорошего (он их очень хвалил в сумме). Ну, простите, тут я ничего не понимаю. Ваше отношение к тому же вопросу, кажется, почти такое же... И это мне понять трудно.

Теперь о конкретностях. Парейазавров я закончу. Я не могу их планировать по лаборатории², которая, кстати, существует теперь и *de facto* и *de jure*, и заведу ею по приказу ректора я. Не могу планировать потому, что лаборатория должна заниматься силуром и девоном нашей области и ничем иным. Поэтому на моих плечах лежит ихтиофауна. Это не дает мне возможности двинуть парейазавров быстро. Но они движутся. Я заканчиваю их голову. Многое ведь (основное) было уже сделано. Посткраниальный скелет приеду дорабатывать к Вам. Думаю, что все ясно.

Я подозреваю, что Вы подозрительно относитесь к моим увлечениям ихтиофауной. Но Д.В.О., по существу, предлагает мне взять монополию на микроструктуру. Дело это очень трудное, но крайне интересное и важное. Впрочем, с этим Вы, вероятно, не согласитесь. Но я думаю, что А.Б. уже является палеонтологом, а не палеоинструментом, который можно употреблять по любому назначению, удобному тому или другому.

Чем я буду заниматься в будущем? Да, вероятно, многим: и рыбами, и амфибиями,

и рептилиями, словом, от силура до конца триаса. Я думаю, что вы согласитесь, что этого с меня хватит; диапазон достаточно велик. Дай бог всякому! Ведь тут четыре класса позвоночных.

За свои будущие работы я не жду похвалы от своих друзей... Они, очевидно, уже выработали крепкие привычки только бранить. Но что же делать? Я буду делать, что могу, а они – браниться, как могут. Таковы, вероятно, наши отношения были и будут. Одно только меня смущает: я, кажется, уже вышел из того возраста, когда воспитывают от руки, а мои друзья еще не достигли того возраста, когда люди начинают понимать, что роль воспитателей для них уже непосильна.

Вот те мысли, которые вызвало Ваше письмо, в котором так мало бережного отношения к тому человеку, которого Вы не раз называли своим другом...

Работы у меня много; работаю как черт, а конца и краю не видно. Буду работать все лето...³

Жду писем без брани... не надо ее. Без нее легче дышится. Жизнь и так достаточно богата всяким ненужным хламом.

Приветы Вам и Е.Д. от Ваших друзей...

Быстров

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 141. Л. 15. Автограф.

36

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

15 июня 1947 г.

Дорогой мой Алексей Петрович.

Должен признаться, что Ваше письмо меня огорчило больше, чем оно того бы стоило. Все Ваши семь пунктов с горькими сетованиями по адресу недостойных друзей – не более чем плод Вашего, распаленного минутой воображения, и о них не стоило бы и вспоминать, если бы они не показывали еще кое-что. Это кое-что заслуживает обсуждения, опять-таки не в порядке охаивания, как Вам это представляется, но для уяснения некоторых причин, вызывающих письма, подобные только что прочитанному мной.

Негодования и подозрения, высказанные Вами в письме, были бы неудивительны для человека, внутренне сомневающегося в своих заслугах и успехах или же считающего себя несравненно выше всех, но незаслуженно обиженного. Поскольку Вы, безусловно, не являетесь тем или другим, нужно думать, что письмо написано в момент аффектации. Однако хорошо ли писать серьезные обвинения людям, коих Вы сами же называете своими друзьями, сплеча, по принципу – что напишется, пусть чувствуют.

В самом деле, если бы Вы хоть немного поразмыслили над содержанием моего к Вам письма, ручаюсь, что у Вас не поднялась бы рука написать такую, как это Вы себе представляете, "отповедь"!

§ 1. На что Вы обиделись? На то, что я ругал Вашу работу? Но ведь если бы Вы прочли как следует, то уразумели бы, что такая "ругань" выше всякой похвалы. Руганью же она называется по давно установившейся у нас обеих терминологии, о которой Вы почему-то предпочли забыть.

Неужели Вам непонятно, что только при глубоком к Вам уважении, больше того любви и абсолютном доверии можно совершенно открыто передавать все свои впечатления. Или Вам хотелось бы внешней похвалы с затаенной критикой? Право же это недостойно нашей дружбы! Я предпочитаю, чтобы в отношении меня поступали также – чтобы друг помогал мне, указывая ошибки, и в то же время всегда готов был защищать меня перед кем угодно.

§ 2. Из-за этой же аффектации исходит и "явная передержка", которой Вы неладно пользуетесь в письме. Я вовсе не имел в виду "полустуденческих" описательных работ, поскольку у Вас таковых вообще не было. О чем тут речь?

Равным образом, я никогда не был против широких и смелых обобщений. Но ничего особенно смелого и широкого я в статье Вашей не усмотрел, т.е. именно того, что было бы выше прежних Ваших достижений. Тогда зачем же приписывать мне то, чего я и не мог иметь в виду? Этот способ полемики Вам, дорогой друг, наименее к лицу...

§ 3. Кто может вообще Вам что-нибудь диктовать? Я во всяком случае никогда не пытался это делать. Проще! Я считаю себя по роду своих занятий несколько более знакомым со всей суммой материала по тетраподам, имеющимся в нашем распоряжении, и, следовательно, способным дать хороший совет (пользу моих советов Вы сами не раз подтверждали) для пользы науки, одинаково любимой и Вами и мной. Что же теперь изменилось? Советы стали не нужны? Тогда об этом надо прямо и сказать, а я сделаю, разумеется, соответствующие выводы. Но не нужно надерганных положений, с помощью которых доказывается якобы пристрастное и подозрительное к Вам отношение. Как бы то ни было, я этого не заслужил.

§4. Это письмо я пишу Вам именно как другу, чтобы показать четко свое отношение к Вашему письму и стереть крайне неприятный осадок от него. Как к ученому – это другой вопрос... Но должен Вам напомнить, дорогой А.П.: а) нет и не было таких материалов, которых я не отдал бы Вам для обработки; б) нет и не было с моей стороны отказа Вам в помощи – любой, мне посильной; в) нет и не было такого случая, чтобы мои соображения шли когда-нибудь Вам во вред. Если бы Вы этого не забыли – ручаюсь, что письмо Ваше не было бы написано!

Еще одно. Между нами есть разница. Получилось так, что мне приходится опекать нашу отрасль науки со всеми материалами, заботиться об их накоплении, заботиться о том, чтобы это дело не погубило. Хорош тут я или плох – не мне судить, но, затрачивая на это огромное количество времени и сил, я тем самым вправе полагать, что мое мнение по вопросам науки это не случайное настроение, не пристрастное самодурство (как то зачеркнуто* в Вашем письме). На кой черт мне тратить время, убеждая дурака или неспособного идиота? Есть смысл вложить душу в убеждение стоящего человека, каковым я Вас считал и считаю. Но тогда примите это серьезно, не выдумывая несообразных вещей и не оскорбляя тех хороших чувств, с которыми это делается. Я Вам не ментор, а Вы мне не ученик. Но, пожалуй, в некоторых вопросах я сильнее Вас (так же как Вы – в других). И эти вопросы как раз лежат в той плоскости, в которой я и дал Вам некоторые советы. Что же Вас задевает это? Или Вы считаете, что нет палеонтолога Вас сильнее по всем вопросам? Жаль, это было бы печальным концом хорошего ученого.

Вы пишете об интересе и негодуете на воображаемую палку. Согласен, но кроме интереса есть еще долг – свой долг я вижу и выполняю его. А Вы, так негодуя на меня, осмеливавшегося высказать нелицеприятное мнение, в то же время жалуетесь, что, мол, у лаборатории тематика только по силуру и девону, что ограничивает Ваши возможности. Это не палка? И с ней Вы не считаете возможным бороться? Отчего бы не вести свою линию в том, чтобы добиться своей тематики? Трудно? Да, нужная тематика дается нелегко. Легче, гораздо легче проявлять оригинальность тем способом, каким Вы проявили ее в письме. Вот это именно мне и не нравится в Вашем письме и вызывает справедливое негодование.

Подвожу итоги. Такого письма я от Вас не ожидал. Я получал подобные и ранее, но тут тональность другая... И это меня еще больше убедило в том, что Вас ругать следует. Но, конечно, если Вы будете воспринимать это так, как изобразили в письме, – бог с вами. Я более не посмею ничего высказывать. Собирался я в конце недели приехать в Лен[ингра]д, обсудить кое-какие дела с Вами – теперь не приеду. Если мои

* Так в тексте. Вероятно, подчеркнуто.

попытки к координации работы по низшим позвоночным представляются Вам палкой и превращением Вас в инструмент – черт с ней и трижды черт с такой координацией. Я просто сброшу со счетов в деле, которое могло бы быть общим для нас, – развернуть большую работу, настоящую работу по нашим интереснейшим тетраподам. Нужно ли говорить Вам, какой ущерб для дела, если крупный ученый перестает быть надеждой в этом и в трудное наше время. Что ж, наверное, такое ощущение было в древней Руси у какого-нибудь призывавшего к объединению князя, когда перли враги, а другие князья занимались местничеством и счетами, чей род выше. По-видимому, и наука не освобождает от мелко человеческого! Извините за длинное письмо, но мне хотелось не оставлять более неясностей.

Большой привет Гильде Юрьевне.

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 4, 5. Авториз. машинопись.

37

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

29 июня 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович.

Получил Ваше письмо с хоанными измышлениями¹ и несколько раньше открытку с просьбой о бедре никтифруретуса. Второе легко исполнить, и я пошлю Вам, как только будет оказия, два хороших фрагмента.

Ваша идея с хоанами мне весьма нравится, настолько, что я советую Вам, не откладывая в долгий ящик, написать об этом статью, пусть небольшую – тем легче будет опубликовать. Кое-что соображали по этому поводу Ромер и Олсон, но без всякой настоящей морфологической основы, как получается у Вас. Однако, оперируя с зависимостью пища – дыхание, нельзя слишком тероморфизировать пресмыкающееся. У него дыхательный режим существенно иной, чем у млекопитающего. Вспомните хотя бы крокодила – ведь эта тварь способна страшно долго лежать под водой без всякого дыхания – я сам наблюдал. Т[аким] о[бразом] для травоядного при более медленном измельчении пищи возможность иметь дыхание важнее, чем для быстро глотающего хищника, однако развитие вторичного нёба мы имеем сначала, пожалуй, для хищных форм. В этом противоречии кроется какое-то важное заключение... Возможно, что дыхание этих хищных форм было подобным дыханию млекопитающих... но тогда, значит, они были теплокровны!

В общем, посмотрите еще несколько форм с различным способом питания, и получится интересная работа.

Сейчас в связи с новым законом печатание за границей, до напечатания у нас, кончилось! К счастью, положение с печатью у нас в Академии, как будто, начинает выправляться. В 48 году, по-видимому, произойдет значительное улучшение. Я пострадал на этом деле – моя статья², только что написанная для Королевского общества Южной Африки, по их предложению, в юбилейный сборник Брума, – погибла.

Теперь придется печатать ее здесь, что гораздо медленнее, да и интереснее она для них, так как касается преимущественно Южной Африки. Но что поделать! Во всяком случае теперь ни на какие конгрессы я не езду! К черту!

Да, еще чуть не забыл! Обратите внимание на у г л у б л е н и е хоанной области у некоторых травоядных форм – аномодонтов и дейноцефалов. По-моему, смысл этого заключается в поднятии хоанных отверстий над челюстными краями, чтобы вывести их из той плоскости, в которой перемалывается пища. У венюковин прямо имеется желобок на задней стороне хоанной ямки, по которому мог идти воздух.

Вы зацепили интересный вопрос, и его стоит опубликовать своевременно, не дожидаясь каких-то громадных обобщений. Интерес его вполне закончен и в той плоскости, в какой Вы его рассматриваете.

Что до Шестаковой, то я как-то ехал с ней в машине, и она рассказывала, что получила от Вас интересное письмо и собирается отвечать. Говорила, что Вы крайне категорически там высказываетесь. Вот и все, что я знаю. Но сейчас ей не до писем, в ИЭМе идет какая-то смута, что-то собираются сокращать, и она тревожится за свою судьбу.

Большой привет Вам от Е.Д. Она восхищена Вашим письмом. От меня, конечно, Г.Ю. и Вам.

Ваш всегда *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 6, 6об. Авториз. машинопись.

38

Президенту Академии наук СССР
академику С.И. ВАВИЛОВУ¹

5 июля 1947 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

В ответ на Ваш запрос Палеонтологический институт представляет следующие соображения о возможности исполнения в 1947 г. Монгольской палеонтологической экспедиции.

Мы считаем необходимым приложить все усилия к выполнению почетного задания и просим Вас рассмотреть нижеследующие соображения и план работ, представляющийся нам наилучшим.

1. Ввиду того, что организация экспедиции могла начаться только после постановления правительства, состоявшегося 24 июня, налицо крайнее запоздание с отправкой экспедиции. Ряд мероприятий, совершенно необходимых для дальней, громоздкой и зарубежной экспедиции, как-то: подготовка снаряжения, оформление выездных дел, виз, таможенных лицензий и т.п., не может быть проведен в несколько дней, а потребует, при самых лучших условиях, не менее месяца. Провоз машин и снаряжения до границы – также месяц. В итоге мы не сможем быть в пределах МНР ранее сентября и то лишь при неременном условии, если по всем отделам Президиума будет отдано распоряжение о немедленном исполнении всех мероприятий по экспедиции. По опыту прошлого года мы убедились в том, что даже немедленное исполнение затягивается на десятки дней.

2. Примером медлительности исполнения может служить положение с новыми штатными единицами для Монгольской экспедиции.

Монгольская экспедиция, в разрешенном правительством объеме, является крупным предприятием, для обеспечения нормальной работы которого институту необходимы дополнительные штатные единицы на вспомогательный персонал, особенно для помощника начальника экспедиции по адмхозчасти, а также младших научных сотрудников и препараторов-лаборантов. Эти люди должны быть заранее подобраны, проверены на работе и оформлены на выезд одновременно с основным составом. Однако заявка института, поданная на 4-х человек в марте с.г., до сих пор лежит без движения, и новые единицы вообще не получены и вряд ли будут получены ранее четвертого квартала. Таким образом, экспедиция не обеспечена нужными кадрами и не имеет даже хозяйственника.

3. По прибытии на место, в МНР, экспедиция не может немедленно приступить к работе. Необходим известный срок, чтобы получить продукты, вывезти бензин с пограничной базы Союзнефтеэкспорта, подобрать переводчика, рабочих и оформить

весь личный состав пропусками в монгольскую погранполосу. Все это, при специфике МНР, потребует минимум 20 дней с момента приезда всего состава и автомашин, так как без автомашин ничего сделать нельзя. Таким образом, и сентябрь практически уйдет на подготовку и на полевые работы останется только один октябрь. С первых же чисел ноября в Гоби наступает мороз, исключаяющий ведение палеонтологических работ. Для высокогорных западных районов, подлежащих рекогносцировочному исследованию по плану 1947 г., и октябрь не пригоден для полевых исследований.

4. В итоге совершенно очевидно, что экспедиция в попытке использовать полевой сезон 1947 г., при самом лучшем стечении обстоятельств, будет иметь не более месяца на полевую работу. И этот месяц может быть использован не для планомерного развития работ в том направлении, в каком нужно, а только для случайной эпизодической работы. Чтобы работать в октябре, нужно ехать на юг, в Гоби, а для серьезных раскопок в Гоби необходим срок, несравненно более долгий.

Представляется совершенно нецелесообразным занимать значительную часть квалифицированного состава института на работу, которая может дать столь ничтожный результат при долгой и трудоемкой организации, не говоря уже о непроизводительных затратах ассигнований. Нельзя забывать, что предварительное ознакомление с условиями работы в МНР и завязывание деловых отношений с монгольскими организациями уже проделаны экспедицией 1946 г. Поэтому следующая стадия палеонтологических исследований в МНР заключается непосредственно в продуктивной работе и не требует более никаких предварительных мероприятий, кроме рабочей подготовки транспорта, создания баз и завоза материалов. Но в то же время посылка экспедиции в 1947 г. только для этой рабочей подготовки слишком нерентабельна, поскольку составу экспедиции придется вернуться в Союз и ждать следующего оформления по разрешению 1948 г. Равным образом средства, затраченные на создание баз по горючему и продовольствию, останутся на балансе экспедиции, что не может быть разрешено по существующим законоположениям. Оставление состава экспедиции и автомашин в Монголии с сентября до следующего полевого сезона без работы в течение минимум четырех месяцев также является недопустимым.

5. Наиболее здравым решением для осуществления экспедиции нам представляется отправка экспедиции поздней осенью 1947 г. в полном составе автомашин и снаряжения и с большей частью людей (см. прилагаемый календарный план работ МПЭ 1947 г.²). Тогда за декабрь 1947 г., январь и февраль 1948 г. будет выполнено все необходимое и созданы все базы как для раскопок, так и для рекогносцировочных исследований. Полный разворот работ начнется с марта 1948 г. и экспедиция будет иметь восьмимесячный полевой сезон 1948 г.

Если такое мероприятие не представляется возможным, тогда остается только поставить вопрос о переносе работ 1947 г. на 1948 г. при непременно условии исхода-тайствования всех нужных разрешений (на валюту, людей, бензин и т.п.) к январю 1948 г.

Такое же раннее ходатайство необходимо и для обеспечения продолжения работ по первому варианту, т.е. при выезде в конце 1947 г.

Директор Палеонтологического института АН СССР,
заслуженный деятель науки, профессор

Ю.А. Орлов

Начальник 1-й Монгольской палеонтологической
экспедиции АН СССР 1946 г., профессор

И.А. Ефремов

АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1947. Д. 417. Л. 53-56. Подлинник.

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

19 июля 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я сразу не писал Вам, так как совершенно завертелся с монгольскими делами, бешено отбрыкиваясь от бессмысленного немедленного выезда. Это, наконец, удалось. Теперь выезд состоится в конце ноября, но зато на зиму и лето будущего года, с возвращением в октябре.

Пока я с завтрашнего дня в отпуску и буду жить на даче под Москвой, опекая сына и трудясь над тафономией. Е.Д. на будущей неделе отбывает в экспедицию – объезд пермских местонахождений в Татарии, Башкирии и Чкаловской области. М[ожет] б[ыть], и найдется что-либо интересное... Во всяком случае для моих зон жду важных данных.

Во второй половине сентября намерен быть в Ленинграде на довольно продолжительный срок. Тогда мне хотелось бы потолковать с Вами поподробнее о моей книжке о глубинах времен¹. Пишите мне по-прежнему, дорогой А.П., – я буду в городе во всяком случае раз в неделю и вполне могу регулярно отвечать на Ваши письма. А у Вас, видимо, голова до такой степени наполнена всякими интересными идеями, что Вам нужно побольше опубликовывать. Иначе Вы взорветесь...

А идеи очень и очень неплохи!

Большой привет Г.Ю. от Е.Д. и меня. Е.Д. буквально потрясена смелостью Ваших идей, но они ей очень нравятся!

Всегда Ващ *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 7,7 об. Авториз. машинопись.

А.П. БЫСТРОВУ

Москва–Абрамцево

30 июля 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я получил Ваше письмо в самый момент отъезда на дачу и не смог ответить немедленно. Пишу с дачи и переправлю в город с ближайшей okazji. Что Вы переутомились, дорогой друг, это, конечно, печально, но в этом нет ничего удивительного. Уж очень Вы яритесь в работе и гребете под себя много вопросов... Я как-то не так делаю – правда, тоже много, но вопросы разнообразнее, после моего включения в литературу.

Теперь Вам нужно отдохнуть и все придет снова само собой. Но так как отдыхать Вы не умеете (и я, признаться, тоже), то отдыхом для Вас будет перемена деятельности. Займитесь ну хоть египтологией, что ли, конструированием глубоководных чудовищ или еще там чем – Вам виднее. А еще лучше приезжайте в Москву и ко мне на дачу – места у меня много, и мы с Вами отлично проживем недели две-три.

Будем собирать грибы, понемногу толковать о разных вещах нашего интересного мира, и Вы отлично отдохнете. Верно, дорогой, подумайте серьезно...

Проезд Вам бесплатен по орденской, возьмете рейсовую карточку для хлеба, а с остальным – прокормимся. Хорошее молоко и свежую картошку гарантирую.

Вот было бы здорово!

Напишите, как Вы относитесь к таковому проекту. Е.Д. уехала в Приуралье, и мы, мужики, живем самостоятельно (я и сын). Если прибавится еще мужик – ничего кроме хорошего не будет.

Кстати, давно уже собираюсь Вам сообщить, но все как-то забываю. Я в своих египетских изысканиях дознался происхождения слова "зух". Оказывается, это египетское слово "зухи", что значит – крокодил. Когда греки захватили Египет и познакомились с крокодилами, это слово вошло в греческий язык и превратилось в "зухос", приняв греческое окончание. Латинизируя это слово, Брум и получил загадочное "зухус", которого нет ни в одном из доступных нам словарей. Итак, Ваше прозвище, надо сказать, довольно почтенно, как по древности происхождения, так и по животному, которое обозначает.

Большой и неизменный привет Гильде Юрьевне. Скажите ей, что я прошу ее подействовать мне в выпихивании Вас из Лен[инграда] ко мне на дачу.

Всегда Ваш И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 8. Авториз. машинопись.

41

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

2 декабря 1947 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я очень давно не писал Вам. Сразу же по приезде из Лен[инграда] я окунулся в такую кучу дел, по сравнению с которыми прошлогодня подготовка к экспедиции показалась пустяком. В этом году пришлось преодолеть такие трудности (и приходится продолжать преодолевать), что я начинаю серьезно задумываться над целесообразностью в дальнейшем формировать столь крупные экспедиции в наших конкретных условиях. Чудовищный бюрократизм, абсолютное чиновничье бездушие буквально в каждом деле создают совершенно непредвиденные препятствия, на которые уходят все силы и все время. И тем досаднее тратить их не на борьбу с реальными препятствиями, с пустынями, с природой, а на гнусную бумажную волокиту, из-за которой большое дело чуть не срывалось уже несколько раз. Стоило только опустить руки и – конец. Как бы там ни было, это не деятельность для ученого, особенно когда впереди так много еще нужно сделать настоящего, письменного... Ну вот, что называется, отвел душу.

Вдобавок ко всему мне пришлось, уже по ночам, подготавливать для печати свою тафономию, так что сейчас чуть жив.

Поэтому мне не хотелось писать Вам, особенно после теплых и откровенных наших вечеров, кое-как, только-только, чтобы написать первые попавшиеся слова.

Теперь, когда основные дела позади, и я уже не так измотан, могу писать по-человечески и – первое письмо – Вам.

Я думал лететь 4-го декабря, но опять возникло препятствие, и приходится задержаться, чему я очень рад – хоть чуть-чуть вздохнуть. Поеду поездом 9-го, так что ежели будет Ваше благоволение, успею еще получить Ваше напутственное письмо. Год – срок большой, многое может произойти в наше время. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы не забывали о существовании Вашего друга в далекой стране и время от времени посылали о себе весточку, имея в виду, впрочем, что письма идут минимум два месяца и проходят цензуру. Посылать надо обязательно авиапочтой по адресу: Монгольская Народная Республика, Улан-Батор, Комитет наук МНР, начальнику Палеонтологической экспедиции Академии наук СССР, профессору И.А. Ефремову. Будет очень приятно хоть изредка знать, что Вы живы, здоровы, узнать о Ваших успехах и все такое.

На прощание у меня к Вам есть просьбы – научные и ненаучные.

Научные заключаются в следующем: не забывать про котлассий с Камы (Молотово) и про котилозавра с Печоры ввиду их первостепенного стратиграфического

значения и для проверки моих зон, в частности. Геологи ждут. Также не хотелось бы, чтобы Вы совсем забросили северодвинских парейзавров. Они по плечу только Вам, и Вам ли объяснять все значение подобной работы для палеонтологии.

Ненаучные: пожалуйста, берегите себя, помня о том, что годы уже не те и что предупреждение уже было. Постарайтесь все же выехать хотя бы ненадолго в экспедицию от ПИНа или ЛГУ, все равно, посмотрите Ваших зверей в природе и сами вздохнете перед ее лицом, не терпящим мелочей и наших жалких повседневностей. Невероятно одиноко будет, если Ваша, столь хорошая и светлая голова выйдет из строя... Сейчас вот едешь надолго и думаешь – ну, если что, там есть Алексей Петров, с ним древнейшие позвоночные все равно пойдут*, огонек знания и работы не погаснет совсем...

Так-то вот, дорогой друг!

Об институтских делах не пишу, я за последнее время мало занимался ими. По-видимому, переезд в Лен[ингра]д отнюдь не исключение¹, и, кто знает, может я там уже получу приказ грузить вагоны прямо в Лен[ингра]д. В остальном у нас все же не совсем что-то ладно, начинаются как будто всякие интриги. Ну, об этом, я думаю, Вам напишет Ю.А., он сейчас в санатории "Узкое" на отдыхе и время у него есть. Д.В. там же, поправляется медленно, но верно. Кажется, после Нового года приступит к работе. Как чувствует себя дорогая Гильда Юрьевна? Пожалуйста, передайте ей мой самый лучший, самый теплый привет и, кроме того, большую благодарность от меня, как от ученого, за Вас. Если сами не поймете за что – она поймет.

Елена Дометьевна вкладывает сюда свою записочку – у нее к Вам просьба посоветовать, куда устроить в хорошую больницу ее подругу детства, почти сестру, которая при смерти сейчас в условиях весьма скверных. Вам нужно только посоветовать, куда и к кому обратиться, если к Вам обратятся за советом те, кто будет о ней хлопотать...

Ну вот, дорогой мой А.П., – до свидания на довольно большой срок. Пишите. О деньгах не беспокойтесь до моего возвращения, а если все будет хорошо, то и значительно дольше.

Неизменно Ваш *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 9,9 об. Авториз. машинопись.

42

А.П. БЫСТРОВУ

Улан-Батор

10 февраля 1948 г.

Дорогой Алексей Петрович.

Наверное, Вы еще ни разу не получали писем из Монголии, и я подумал, что сие Вам может быть приятно. А мне весьма приятно будет получить весточку от далекого друга из Ленинграда.

Я сижу в своем кабинете, залитом ярким монгольским солнцем. Перед окном – вид на помойную яму, но дальше из-за забора видна высокая белая башня монастыря Гандан, за ней округлые невысокие горы, а над всем – чистое, чистое небо, в таком прозрачном воздухе, какой бывает только высоко в горах...

Первый этап экспедиции закончен. Самое трудное – отрыв от родной земли и элементарное устройство на новом месте. Затем перевозка всего огромного снаряжения на центральную базу, в морозы, при нехватке шоферов и постоянных поломках машин.

Теперь нам нужно перевезти лес, перебрать все снаряжение, отремонтировать

* Так в тексте.

машины. Тогда можно будет двигаться на юг в Гоби. Не дождешься этого момента – уж очень надоели кляузные организационные дела и сидение в городе. Но все еще очень холодно, а палеонтолог – не геолог, копать в мерзлой земле не будешь. Как на грех, и зима этого года очень холодная, поэтому раньше 15-го марта в степь не двинешься. Следовательно, палеонтологическими новостями могу начать Вас снабжать не ранее апреля.

Настроение у меня кислое. В эту экспедицию поехал без всякого желания – много дел и помимо Монголии, дел значительно более интересных. А тут еще без меня сын заболел скарлатиной – не люблю я этой проклятой болезни, у ней ведь всегда тенденция к кляузным осложнениям. Сижу здесь как хомяк в норе, оторванный от всего... Кстати, тут хомячков очень много – так и прут в квартиру, грызут все напропалую и разносят злокачественный лептоспироз*. Я их стреляю из малопульки.

Попадалась ли Вам книга: Шредингер. Что такое жизнь с точки зрения физики?, изд. "Интернациональная литература", Москва, 1947 г.? Советую прочитать, весьма интересно. А если уже читали, не откажите сообщить Ваше мнение. Хотелось бы получить от Вас палеонтологические новости... Не забыли ли Вы про батрахозавра из Печоры? Меня очень интересует, что это за штука.

Я приобрел перед отъездом в нашем книжном отделе новейшую физическую антропологию (американскую). Думаю, что она для Вас будет интересна. Тогда напишите Елене Дометьевне, и она Вам ее перешлет с оказией, если Вы сами так и не соберетесь побывать в Москве. Я не знаю последних данных, но дело с нашим переездом опять воскресло из небытия и, по-видимому, имеет устойчивую тенденцию к дальнейшему развитию.

Я, в конце концов, начинаю думать, что может быть оно и к лучшему. Последний отрезок положенной мне жизни пройдет в более спокойной обстановке и, е[сли] ж[ив] б[уду], удастся сделать побольше...

Большой привет Гильде Юрьевне. Надеюсь, что Вы уже окончательно совладали с черными цветами?¹ Последние сведения о Вас были вполне благоприятны...

Будьте же здоровы, дорогой. Пишите по адресу: Монгольская Народная Республика, Улан-Батор, Комитет наук МНР, начальнику Палеонтологической экспедиции Академии наук СССР, мне.

Письма сейчас ходят гораздо приличнее, чем в прошлом году, всего две недели до Москвы в среднем.

Не откажите передать привет всем знакомым, кого увидите.

Ваш всегда И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 10, 10 об. Авториз. машинопись.

43

Ю.А. ОРЛОВУ

Улан-Батор

19 февраля 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

Должен признаться, что до приезда Вылежанина я не раз изрыгал черные слова в Ваш адрес, не в силах понять Вашего молчания по всем без исключения моим запросам. Этого можно было избежать, если бы Вы попросту протелеграфировали мне частным порядком о том, что отвечать не можете. Я бы все-таки сообразил бы что-нибудь... Очень буду Вас просить придерживаться этого в дальнейшем, иначе тут, на расстоянии шести тысяч километров, черт знает до чего додуматься можно. Вообще

* Острая инфекционная болезнь, характеризующаяся поражением мелких кровеносных сосудов печени, мышц, центральной нервной системы.

же над этим обстоятельством нужно крепко призадуматься. Если и в дальнейшем связь экспедиции с институтом будет находиться в том же положении, то придется попросту отказаться от столь экзотических предприятий. Например, сейчас я оказался как на необитаемом острове, так как не знаю решительно ничего. Вылижанин мне не сумел передать ничего толкового, то ли потому, что забыл (то ли потому, что ему не было ничего рассказано толком).

Если бы такое дело пришлось на середину сезона – черт с ним и трижды черт, но ведь сейчас я должен знать все, чтобы не оказаться в дураках и не спланировать невозможных задач. Например, как кредиты – уменьшены или нет, есть ли разрешение на бензин этого года, как дела с контингентом, каков план финансирования. Сейчас денег осталось пять тысяч – продолжать ли заготовку всего нужного или, если деньги задержатся, все приостановить? В зависимости от кредитов – как рассчитать маршруты, сколько заготовить и завезти леса, сколько набрать переводчиков и дополнительных рабочих и т.д., и т.п.

Необходимо любыми мерами известить меня по всем основным вопросам, или я не смогу обеспечить своевременного выезда и дельного начала работ – нельзя же гадать. Любой капитан знает же, сколько угля у него на судне, как без этого выйти в море, чужь невозможная.

Наши дела обстоят сейчас следующим образом: заканчиваем вывозку всего снаряжения с границы и на днях приступаем к ремонту машин. Будет очень важно своевременно получить запасные части и краску. Одновременно налаживаем все палатки, инструменты, водяную тару и заготавливаем большое количество ящиков. Первая порция леса будет распилена к двадцать пятому, бревна мы уже привезли. Продовольствие частью уже завезено на базу (здешнюю), на остальное не хватило денег. Если деньги придут не позднее первого марта, то можно считать, что все обошлось благополучно. В этом случае около пятнадцатого мы выедем в поле. Раньше выезжать при холодах этого года не имеет смысла, а дел хватит до самого выезда.

Научную силу на двух тяжелых машинах и козле, во главе со мной, я направляю в Сайн-Шанду, чтобы закончить долги 46 года. Три тяжелые машины, под началом Шкилева, будут возить в это время все нужное в Далан-Дзадагад. Около двух недель в Сайн-Шанде нам хватит – в самом начале апреля с грузом коллекций мы прибываем в Улан-Батор и выезжаем в Далан без всякого промедления.

Там я направляю научную силу в Баин-Дзак, где будет раскинут лагерь и оставлена одна машина. На всех остальных я отправлюсь на поиски хорошей дороги в Нэмэгэту. Как только дорога найдена, машины отправляются назад за второй порцией груза и научной силой, и мы начинаем обследование Нэмэгэту и сразу же Гильбэнту для определения самого богатого участка. Как только такой участок будет найден, там развертывается главный лагерь, который и служит основной базой для всех последующих работ.

Таким образом к концу апреля уже будет закончена Сайн-Шанда и раскопки в Нэмэгэту развернутся полным ходом, сопровождаемые исследованием всей цепи костеносных пород этой котловины. В мае можно будет приступить к организации Великого западного маршрута¹, с тем чтобы в конце мая отправиться в него (или в самом начале июня). Насчет этого маршрута у меня еще нет полной ясности, так как весьма многое зависит от размеров подлинных сметных ассигнований. Однако уже сейчас можно сказать, что прежний размах этого маршрута несколько фантастичен, ибо общие размеры и длительность наших перевозок в этом году, при удаче раскопок, потребуют напряжения всех сил нашего автопарка. Для столь дальнего маршрута нужно бы иметь более мощную автоколонну и значительно большее количество бензина, который зисищи жрут как голодающие. Поэтому, возможно, что придется отказаться от заезда в озерную котловину и повести маршрут прямо из Нэмэгэту, вдоль котловин южного склона Монгольского Алтая в Заалтайскую Гоби к краю Джунгарской Гоби, с выходом на Цаган-Олом, где будет создана бензобаза. Отсюда можно

будет завернуть петлю на восток, в район Орок-Нура, с выходом к подлежащим обследованию дополнительно местам в Гурбан-Сайхане и оттуда в Далан. Однако, если с ассигнованиями будет все благополучно, то при наступлении сильной жары в Нэмэгэту возможно будет бросить часть народа в озерную котловину налегке. Тут еще многое будет зависеть и от четкости работы машин, которая пока очень блестяща — плохие машины, и от наличного людского состава второй очереди. Таковы наши планы. Не откажите написать Ваше мнение. Я пишу только в самых общих определениях, но для Вас, конечно, все будет ясно.

Если средства будут сокращены, то, пожалуй, рационально будет сократить срок экспедиции, оставив прежнюю интенсивность работ, так как сокращение транспортировки лишь затянет всю музыку и не даст поэтому экономического эффекта. Отсюда следует, что при сокращении средств было бы хорошо Вам и Флерову прибыть сюда так скоро, как только это будет возможно. Тогда в самом начале мая можно бы было отбыть в маршрут и закончить его к середине июня. Но уж тут я не могу дать никакого прогноза — это видно только в Москве... Что касается людского состава следующей очереди, то опыт с Сытовой учит не возлагать никаких надежд на случайно привлеченных людей и опираться только на тех, чей интерес и желание являются подлинными. Лучше меньше, да лучше, а при трудностях с финансами и транспортировкой — и подавно.

Еще кое-что о наших делах. Финансовый отчет давно готов и сейчас будет отправлен при первой возможности. О сумме его уведомим телеграфом, так как отчет через миссию (другой возможности послать его нет) пройдет около двух месяцев, если считать по срокам прошлого года. Хотя, может быть, это сейчас ускорилось — не знаю.

Задерживает отчет нелепая вещь, совершенно подобная нелепостям, не раз случавшимся с нами во время этой экспедиции.

У меня сейчас сильная невралгия правой руки — воспаление брахиального нерва. Боли такие, что не дают спать, и рука не работает. Хорошо, что есть пишущая машинка — вот и пишу Вам левой рукой. Но в отчете мне нужно подписать более трехсот документов, и это никак невозможно.

Все наши люди приведены в сильное смущение вестями, которые привез Вылежанин по поводу переоценки спецодежды. Если таковая переоценка будет действительно иметь место и по тем ценам, которые нам сообщил Вылежанин, то будет неладно. Все собираются вернуть спецовку, так как действительно здесь можно приобрести подобный же хлам несравненно (в два-три раза) дешевле. Тогда придется отправлять назад целый груз спецодежды, ибо я не вправе принудить людей брать то, что они не хотят. Поэтому передайте Нине Леонтьевне, что мы с нетерпением ждем новых расценок. Только после этого будет окончательно разрешен вопрос со спецовкой и послан акт о количестве розданной и оставшейся спецодежды. Пока же никто не решается ничего брать.

Также я не имею ответа от Нины Леонтьевны по поводу метода активирования денег, пропавших в Наушках². Сумма (семь тысяч) настолько велика, что я не могу требовать ее ни со Шкилева, ни с Эглона, в распоряжении которых находились деньги. Сам я тоже, разумеется, ни в коем случае, ни копейки платить не собираюсь, так как хватит с меня бочек и прочей благотворительности, достойной лучшего употребления, а помимо всего прочего, я сам находился в это время в Москве. Деньги находились в Наушках в распоряжении Рождественского и Преснякова, так как с минуты на минуту должен был подойти лес и прибыть рабочие. Шкилев с Эглоном были в это время уже в Улан-Баторе и сразу же послали телеграмму, но она пришла семнадцатого. Семнадцатого было уже поздно посылать какие-либо отчеты, да это и было невозможно сделать за отсутствием Шкилева. Принять на перевод деньги категорически отказались с показанием суммы в старых деньгах, а только в новых (1:10). При обмене также категорически было отказано в какой-либо справке о

количестве сданных старых денег. Поэтому сейчас один выход – составлять соответствующие акты и судиться с ин[ститу]том. Нам нужно бы получить какие-либо указания на форму подобного акта. Если таковой не существует, нужно об этом сообщить – будем действовать тогда по собственному разумению³.

Ну вот, в общем все наши дела. И так письмо получилось с целую статью. Что до меня самого, то я пребываю в весьма кислом настроении. Чудовищные неурядицы с экспедицией, отвратительное положение дома (как ни храбрится Е.Д. в телеграммах – я ведь представляю себе, каково все это), мерзкая штука с рукой – все это, конечно, прошибло тот слой сала, на который Вы обычно ссылаетесь. Ну, с экспедицией дело, конечно, выправится, как оно выправится и со всем остальным, но мне крайне не по вкусу современное положение со связью. Раз нельзя быть в курсе научных дел, нельзя получать нужные оттиски и некоторые книги, то это значит, что здесь работать нельзя и, следовательно, немыслимо долго сидеть тут, кроме дисквалификации ничего не получится.

Равным и еще более сильным образом повлияла на меня болезнь сына и Е.Д., очевидно, что оставлять семью на столь долгий срок нельзя.

По всем этим, вполне здравым, по-моему, соображениям, если экспедиция будет проходить в полном объеме по срокам и приезд Е.Д. не состоится (а теперь я не знаю, как вообще все это будет по состоянию здоровья), я попрошу Вас сменить меня примерно в конце июня. К этому сроку все будет на полном ходу, основные маршруты сделаны и экспедиционная машина может быть принята от меня в совершенно налаженном состоянии, со всеми разрешенными вопросами. Останутся лишь доделки и обратный выезд.

Прошу учесть это совершенно необходимое мероприятие при комплектовании сил второй очереди.

Ну вот, теперь с делами все. Хотелось бы знать о Ваших делах, об ин[ститу]те, защитил ли К.К. диссертацию, о дальнейших ленинградских перспективах (о том, что мы не попали в первую очередь, я уже знаю от Вылежанина), о положении с зам-диром, наконец о своей тафonomie.

Пишите, дорогой Ю.А., письма ходят довольно регулярно, с двухнедельным сроком (авиа). Наш общий адрес теперь: МНР, г. Улан-Батор, почта, п/я 374. До выезда в поле я еще успею получить от Вас письмо, по которому и буду ориентироваться в дальнейшем, а в Улан-Баторе проездом я буду и в начале апреля, и в начале мая, не считая регулярной крейсеровки машин, которые будут доставлять нам в Гоби всю почту.

Привет Наталье Павловне и всем товарищам по институту.

А Вам бы не худо попасть бы в Гоби поскорее – ведь в Гоби забудутся все наши неурядицы и неудачи и останется чистая радость пути и исследования.

Неизменно Ваш *И. Ефремов**

P.S. Поскольку это письмо важно – не откажите уведомить телеграфом сразу по получении.

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 70–72. Машинопись с авторской правкой.

* Далее автограф И.А. Ефремова.

И.А. ЕФРЕМОВУ

12 марта 1948 г.

[Москва]

Дорогой Иван Антонович!

Большое спасибо за письмо от 19/II. Я не сомневался в том, что Вы бранили меня за медлительность в известиях о делах и московских новостях. Не имею возможности подробно пояснить причины медлительности, могу только сказать, что я менее виноват, чем Вы могли бы предполагать, и что за это время я потратил массу энергии и времени на преодоление всевозможных сложностей в делах института и вопросов, связанных с ним.

Сообщаю Вам повторно о том, что в постановлении начальства, копии которого направлены куда надо, сказано о том, что Министерство внеш[ней] торг[овли] должно поставить в МНР Палеонтологической экспедиции АН СССР в 1948 г. 30 тонн автобензина и соответствующее количество масел, а также обеспечить весь личный состав экспедиции продовольствием и промтоварами по нормам, действующим в МНР. О финансах Вам уже все сообщено Тимошевской. Бензиновые бочки для автобазы (40 шт.) готовы, равно как и запасные наши собственные 8 бочек – сообщаю Вам для справки.

Президиум АН СССР ввиду возросшего объема работы ин[ститу]та установил должность второго зам. директора, без увеличения штатов. Таковым, вероятно, будет Данильченко.

Меня очень огорчает Ваше, как Вы пишете, "кислое настроение" в итоге всех неурядиц, болезней дома и т.д. В общем, однако, все это постоянно улаживается. Единственное, чего я не могу уладить, так как это встречает отказ в соответствующих инстанциях (Волков справлялся, в том числе при мне, притом с очень убедительной мотивировкой у кого следует), – это направление Конжуковой с сыном в МНР. Я еще не оставил попытки выяснений, но больших шансов на успех не вижу, вернее, пока их не вижу вообще. Огорчительность этого для Вас, по причинам деловым и личным, пояснений не требует. Что касается Кирпичникова, то до его появления ничего гарантировать, понятно, нельзя. Флеров и я будем оформляться теперь, без промедлений, и, разумеется, если будет соответствующая виза, приедем к Вам в начале июня.

На меня навалилась масса дел (совещание у Малышева, непроторная комиссия у Кафтанова, вопрос с печатью и др.). Сондак завален потоком бумаг и распоряжений.

Как всегда циркулирует ряд слухов о предполагаемых реорганизациях и переорганизациях и репереорганизациях.

Хочу провести, вернее вынужден провести, если удастся, ремонт у нас в подвальном этаже и наверху, на втором. О реконструкциях в здании музея пока необходимо молчать.

Надеюсь, что нас пока оставят в покое и в Ленинград не повезут.

Жукова работает как ювелир! На подмогу ей в черновой работе, очистке костей от породы, помогают Сосновская (2 дня в неделю), Переславцева (3 дня в неделю), моя университетская лаборантка, очень хорошая (3 дня в неделю).

Щеглова сломала себе левую руку (лучевая и локтевая кости). Олечка Туровская переменила фамилию на Обручева; я так обрадовался, что даже поцеловал ее при всех.

Обнимаю вас всех.

Ю.А. Орлов

Улан-Батор

14 марта 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

Сие письмо полагаю важным для Вашей ориентировки в наших общих делах, поэтому прошу не отказать сообщить телеграфом о его получении, дабы избежать всяческого недоумения и разногласия.

У нас — весна. Правда, еще холодно, а по ночам сильно морозит, но ехать уже можно. Через два дня мы отбываем в Восточную Гоби, т.е. я и все "научники". Другая часть нас, под началом Шкилева, займется перевозками в Далан. Пока все идет по тому плану, который имел честь ранее переслать Вам. Экспедиция встала полностью на колеса. Для ясности изложения сначала оглянемся назад, а потом бросим взгляд вперед.

1. Испытание наших машин выявило множество дефектов, которые выказали чрезвычайно халатное комплектование нашей автобазой. Завтра составим общую дефектную ведомость* и пришлем ее Вам. Просьба перепечатать и один экземпляр направить Рябцеву, а другой Тарсису. Часть наших претензий относится к заводу, но большая часть — к автобазе. Этот ряд дефектов потребовал для своего устранения множество забот и крупные дополнительные расходы, не говоря уже о том риске, который бы получился, если бы мы сразу двинулись в Гоби на таких машинах.

Отсюда проистекает необходимость (не спешная) доставки нам, м[ожет] б[ыть] вместе с Вами, нижеиследующих запасных частей: а) бобин ЗИС-5 — 6 шт., б) аккумуляторов ГАЗ-67 — 1 шт., в) фар студебеккеровских — 1 шт. (из двух присланных одна оказалась негодной), г) фар ЗИС — 2 шт., д) трамблеров ГАЗ-67 — 1 шт., е) валиков 3 и 4 скорости коробки скоростей ЗИС-5 1 шт., ж) крышки блока мотора ЗИС-5 с прокладкой и вентилятором — 1 шт. Остальное, в том числе даже задний мост ГАЗ-67 (оказался серьезно дефектным), удалось пока достать здесь. Должно быть, недели через три, по возвращении из маршрута выяснится еще кое-что, тогда телеграфирую Вам дополнительно и кратко, а Вы имейте в виду, что это дополнение к настоящему списку.

2. Сей опыт учит на дальнейшее, когда в экспедиции машин много, отнюдь не полагаться на автобазу и ш о ф е р о в , о т н е е з а в и с я щ и х , а обязательно следить за комплектованием автоколонны своему человеку, достаточно разбирающемуся в автоделах.

3. Испытание людей пока выявило, что, несмотря на безупречную работу, Малеев и Новожилов находятся в жесточайшей депрессии, как по поводу крайне длинного срока экспедиции, так и по впечатлению от сих мест. Оба только и мечтают "отбыть" поскорее сие наказание и более сюда не возвращаться. Малеев вообще удручен перспективой ленинградского почтамта и ввиду этого в институте оставаться не собирается. Таким образом, из всех новых кадров, завезенных сюда для нашей смены, пока наиболее перспективен только Рождественский, работой которого, кстати, я вполне доволен. Это серьезный человек, пусть нудный, но работать он умеет и будет.

Все эти обстоятельства необходимо уже сейчас учесть, дабы наша экспедиция бесславно не кончила своего существования в дальнейшие годы попросту из-за полного отсутствия работников. Я здесь со своей стороны буду готовить Рождественского себе в заместители как наиболее пригодного на данный момент.

4. Сейчас заместить многое труднее и медленнее, чем в прошлом году, поэтому всякая вторичная организация на месте будет длительнее и затруднительнее, чем это было нами испытано раньше. Вследствие этого необходимо, во что бы то ни стало, перед

* Рукой Ефремова дописано: "Ведомость составим по выздоровлении Шкилева".

выездом экспедиции в будущие годы засылать сюда человека на месяц раньше всего остального состава.

Таковы итоги проведенной здесь нами зимы, в самой общей форме. Они дают материал для мышления о годах 1949 и 1950.

Какие мероприятия мыслятся с Вашей стороны на ближайшее время? Вот вкратце, что представляется мне отсюда:

1. Общее сокращение сметы хотя и не затронуло ее жизненных центров, тем не менее заставляет с осторожностью отнестись к последнему периоду ее существования в этом году, так как пока мы идем все время с известным превышением сметы в ее последней редакции. Однако, мне думается, что сокращение числа рабочих, или отрядов, или числа работающих машин – бессмысленно, поскольку приведет только к тому, что работу, которую мы можем сделать в пять м[еся]цев, мы сделаем в семь при той же стоимости. Посему, я буду ориентироваться на повышение темпа работ, пока еще вялого, опережение сроков разведочного маршрута, с тем чтобы закончить полевую работу к концу сентября, вывозку и погрузку к середине октября и окончательное оставление территории МНР всем без исключения составом в последних числах октября.

Сам я, по налаж[ива]нии последнего этапа работ – раскопок района Орок-Нура и обеспечении консервации экспедиции, планирую оставить свой пост в начале августа, самое позднее, о чем писал Вам в более раннем письме.

2. Для обеспечения предлагаемого плана работ с Вашей, московской стороны, совершенно необходимо:

а) перебросить все валютные ассигнования с IV квартала на II и III поровну, дабы не иметь бесполезных денег уже после ликвидации работ и тем самым не сократить еще более уже сокращенную смету;

б) к моменту Вашего приезда сюда иметь уже вполне четкое, подкрепленное соответствующими распоряжениями Президиума решение о характере ликвидации экспедиции и об оставлении здесь машин и снаряжения, характере консервации снаряжения и материалов. Необходимо также знать, оставим ли мы здесь человека (Шкилева) и на какой срок;

в) самый Ваш приезд, не говоря уже о Флерове, определяет начало разведочного маршрута, маршрут определяет, в свою очередь, перестановку раскопочных работ. Отсюда явствует, что запоздание Вашего приезда вызовет замедление всей работы экспедиции, что не должно, разумеется, иметь места. Однако сейчас я затрудняюсь определить крайний срок Вашего прибытия на место, ибо он выяснится только после Сайн-Шандинского маршрута (сколько последний займет времени, ибо у меня в отношении него есть новые планы, пока секретные: в случае удачи получите сюрприз, при неудаче – лишние три дня пребывания в маршруте). Поэтому окончательно сообщу Вам решительную дату о своем возвращении в Улан-Батор, что будет примерно после пятого апреля. С этого письма у нас с Вами связь прервется недели на три, так что не беспокойтесь вследствие этого;

г) само собой разумеется, что при сокращении контингента и сметы никаких лишних туристов в экспедицию не требуется, ибо, насколько я понял из Ваших писем, реальных работников на это и будущее время сейчас пока нет, а других и не нужно;

д) необходимо иметь в виду, что наценка на спецодежду и сокращение контингента приведут к значительному остатку спецовки в нашей экспедиции. Нужно иметь от дирекции установку, что с ней делать: т.е. можно ли ее оставить на складе до будущего года или переправить обратно. Последнее будет крайне дорого;

е) контрольная цифра работ этого года – т р и вагона материалов. Посему надо подумать о месте складывания этого груза и своевременно заказать вагоны на октябрь сего года. Вероятно, вагоны нужно будет заказывать не на ст. Наушки, а на ст. Сухэ-Батор, но это еще увидим;

ж) также своевременно нужно будет получить разрешение ГТУ на пропуск без

досмотра через Наушкинскую таможеню 60 тонн палеонтологических материалов в ящиках, с досмотром в Москве.

Таковы главнейшие дела в Москве, от которых зависит четкость исполнения нами здесь предположенных планов. Как видите, за исключением п. "а") они ничего невыполнимого сложного не содержат, да и п. "а"), в сущности, только хлопотлив. Из всего вышесказанного также следует, что с оформлением Вашим медлить ни в каком случае нельзя.

Наконец, чтобы закончить дела экспедиционные, остается упомянуть про необходимость нам привезти (а в случае запоздания Вашего приезда – прислать самолетом) нижеследующие вещи, упомянутые в оставленной мною Вам памятке: 1) шведские банки 6 шт., 2) формалин в расчете на емкость сих банок и с запасом (сезон коллектирования* через месяц будет в разгаре), 3) мыло мышьяковистое или иного состава для консервации шкур, 4) блесна и рыболовные крючки разного размера в пропорции, 5) черную краску дешевую и прочную кило два.

О всяких художественных принадлежностях я и не говорю – Флеров сам должен позаботиться, чтобы привести себе все нужное на большую и продуктивную работу, а в экспедиции денег на все это хватит.

Ну, вот наконец все. Что до меня, то рука у меня болит по-прежнему – такой злой напасти еще не видывал за все экспедиции. Надеюсь на Гоби и тепло, но если эта надежда не оправдается, то что-то нужно будет предпринимать серьезное, так как я не могу пока вести дневник, например, не будешь же таскать машинку с собой на обнажение. Молодых и хороших стенографисток здесь не предвидится, впрочем не предвидится и старых, поэтому пока центральная научная сила экспедиции не в состоянии оформлять свои наблюдения.

Затруднения с приездом Е.Д. и сына меня чрезвычайно обескураживают, но, конечно, раз таков закон¹ – ничего не поделать, нужно, следовательно, планировать свое существование и пребывание в экспедиции как-то по-другому.

Должен признаться, что ленинградский почтамт меня не слишком огорошил: я уже как-то свылся с мыслью, что подобная история и возможна, и в конце концов не будет совсем уж катастрофой. Однако, если штатных единиц не будет, то почти несомненно нужно будет предпринимать какие-то внутренние передвижки штатов, и в рассуждении* переезда, и в рассуждении монгольских материалов, иначе мы погибнем с обоими мероприятиями.

Что до тафономии, то Ваше письмо меня обеспокоило медлительностью Р.Ф. Если его темпы и в дальнейшем будут такими же, то несмотря на все мое доверие к нему и желание иметь его в качестве редактора, вынужден просить Вас передать редактуру кому-нибудь другому. Редактура в конце концов простая, так как учить меня писать, как некоторых, не требуется и никаких неистовств я не потерплю.

Не откажите передать привет Наталье Павловне, а также всем товарищам и доброжелателям. Наконец-то нудь зимнего сидения закончена и впереди – дорога.

Неизменно Ваш *И. Ефремов*

П о с т с к р и п т у м.

Приходится продолжать письмо, во-первых, потому что еще не все сказано, во-вторых, по некоторым изменившимся обстоятельствам.

Только что отвезли в больницу Шкилева с температурой 40°. Диагноза еще нет, но, по-видимому, или тяжелый грипп, или воспаление легких. Поэтому приходится изменить некоторые планы, ибо, что бы там ни было у Шкилева, на несколько дней он выбывает из строя и если вскоре и сможет приступить к хозяйственной работе, то ехать, конечно, недели две никуда ему нельзя. Решаю – усилить Сайн-Шандинский

* Так в тексте. Вероятно, коллекционирования.

* Так в тексте.

отряд, выехать в срок во главе его, но вернуться с первой же добычей обратно, оставив там добывать всех своих, и затем командовать Далан-Дзадагадской группой самому. Перестройка на ходу, по-военному. Основной смысл – не терять ни дня драгоценного полевого времени. Поэтому в Улан-Баторе я буду раньше, чем рассчитывал прежде, и Вы получите вести о нас раньше, чем через три недели.

Теперь позвольте еще о некоторых делах, о которых не вместились в первой части письма.

О нештатной зарплате Вам послана подробная телеграмма и, одновременно с Вами, пишу Тимошевской. Смысл моих подсчетов коротко: нештатная зарплата на рабочую силу повысится в полтора раза против сметы, т.е. будет около 24 тысяч. Зато остальные расходы понизятся, по всей вероятности, на 50% (речь идет только о советской валюте). Т[аким] о[бразом] нештатной зарплаты потребуются около 30 тысяч, а не 46, как то предполагено в смете. Однако, если наша контрольная цифра на коллекции будет превышена, то потребуются и дополнительная нештатная зарплата, но это может выясниться не ранее июля.

Затем, нам необходимо знать, послано ли распоряжение насчет бензина 1948 г. Я уже взял в счет будущего наряда три тонны. Прошу сообщить мне об этом, так как несмотря на многочисленные запросы к Вам, я до сих пор ничего не имею.

Наконец, я еще забыл о лекарствах. Совершенно необходимо привезти нам следующее: а) пирамидона, как можно больше, ну скажем, не менее тысячи таблеток. Расход его очень велик, и, в частности, я только и живу на пирамидоне со своей невралгией; б) солевые таблетки, как я писал в памятке, можно меньше, скажем 1500 штук; в) было бы хорошо привезти нам пенициллина, на всякий случай около миллиона единиц; г) каких-нибудь сердечных средств в сухих таблетках, здесь этой новой моды нет. Нужен ландыш с валерьянкой, строфант с валерьянкой или что-нибудь в этом же роде. Тут некоторые из нас мучатся с сердцем, как, напр[имер], Малеев, также немного Ян и др. Еще прошу захватить пару карборундовых кругов, среднего размера и зерна.

Ну, как будто все. Еще раз всего хорошего. Отбываем навстречу пыльным бурям гобийской весны.

Ваш И. Ефремов

Еще продолжение письма, уже 15/III.

Шкилева устроил в лучшую больницу, диагноза пока нет, подозрение на воспаление легких остается. Конечно, семье пока ничего сообщать не стоит, впрочем и к моменту получения Вами письма он выйдет из больницы, если все пойдет благополучно.

Я еще не упомянул Вам о необходимости привезти два хороших фотоаппарата, типа "Экзакта" или ФЭДа. Теперь, без коммерческой торговли их купить просто, так как счет, конечно, дадут. Два из трех наших ФЭДов ни к черту не годны – у одного оказалась расклеенной шторка, и местные специалисты не берутся отремонтировать с сохранением нужных скоростей затвора. У другого ФЭДа отсутствует координация между выдвиганием объекта и показаниями дальномера, следовательно, все снимки не в фокусе. Остается единственно мой ФЭД, если только его проверка, произведенная Скиндером, не погубила и этот, его я еще не пробовал. Большой аппарат Ика тоже оказался не в порядке – перестали двигаться салазки и диафрагма, но это мне удалось исправить самому. Такова подготовка фотоаппаратуры в дальнюю экспедицию, произведенная Скиндером. К этому нужно добавить, что часть пластинок 9 × 12 (серия 1662) оказалась с невыгодной, разложившейся эмульсией. Прибавить к этому нечего, кроме отборной матерщины, но в этом я надеюсь на Вас.

Прошу, при возможности, переправить мне бандеролью несколько оттисков моих статей о прошлой экспедиции, которые должны бы уже выйти из печати. Они тут крайне нужны и важны для дальнейшего, судя по впечатлению, произведенному моим коротеньким очерком в "Вокруг света"².

Осталось только Вам сообщить все названия наших машин, которые теперь изображены голубой краской на бортах, по-русски и по-старомонгольски.

1. Студер, как и раньше, – Дракон (Безбородов); ЗИСы: 2. Пронин – Дзерен, 3. Вылежанин – Волк, 4. Петрунин – Кулан, 5. Лихачев – Тарбаган; [6]. ГАЗ-67 – Козел. Все это крайне подходит и к характерам всех шоферов, за исключением Безбородова, который гораздо меньше Дракон, чем Андросов.

Еще раз с искренним уважением

И. Ефремов

А сердце, я думаю, у Вас шалит от невроза. Вот увидите, что здесь, несмотря на высоту, Вам станет сразу же гораздо лучше.

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 67–69. Машинопись с авторской правкой.

46

В.А. ОБРУЧЕВУ

Улан-Батор

16 марта 1948 г.

Выезжаем [в] Гоби по Вашему пути. Считаю честью продолжить Ваши открытия¹. Вся экспедиция шлет Вам сердечный привет, пожелания здоровья, успешной работы².

Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 3. Телеграмма.

47

Ю.А. ОРЛОВУ

Улан-Батор

8 апреля 1948 г.

Работы [в] Восточной Гоби закончены [с] успехом. Скелет [на] Баин-Ширэ выкопан, найдены еще цератопсы, разведано местонахождение Ардын-Обо – полторы тонны носорогов, титанотериев, хищники, грызуны, птицы, черепахи. Найдены новые материалы [в] Хара-Хутуле, всего на базу доставлено свыше семи тонн материалов. Организация работ [в] Нэмэгэту задерживается [в связи с] поломками машин, скверным снаряжением. Необходимо ускорить Ваш [и] Флерова приезд. Считаю крайне желательным прибытие не позднее 15 мая Флерова, лучше раньше, как возможно, оформить. Предусмотрите возможность срочной замены Шкилева, Малеева. Сообщу днями. Необходимо срочно выслать самолетом ряд вещей, список сообщу.

Привет.

Ефремов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 97. Л. 13. Телеграмма.

48

Ю.А. ОРЛОВУ

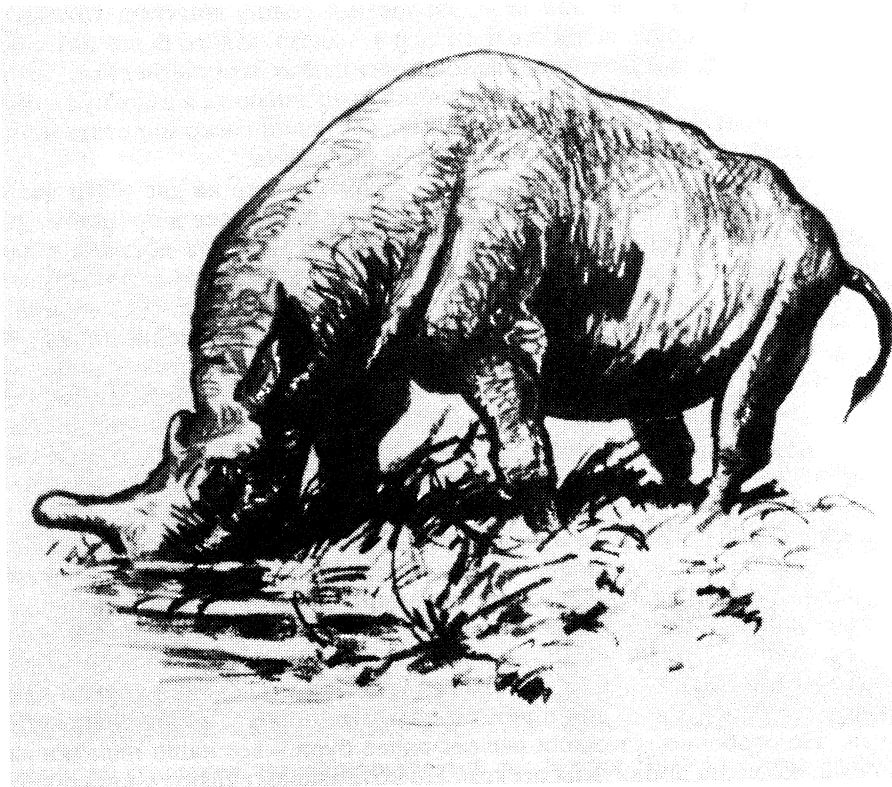
Улан-Батор

13 апреля 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

Не откажите известить телеграфно о получении сего письма, поскольку оно также содержит важные для дальнейшей работы вопросы.

Сначала несколько слов о первом маршруте. Мы выехали 18-го рано утром и 20-го уже были на Баин-Ширэ. Пока раскапывался скелет, я отправился искать Ардын-Обо

Титанотерий. Рис. К.К. Флерова

по целому ряду данных, извлеченных Рождественским из Эндрюса и Морриса¹. Все эти данные, несмотря на наши усилия разобраться, были столь же неточны, сколь и противоречивы. Однако поиски увенчались успехом, и на второй день их мы убедились, что Ардын-Обо найдено, даже гнездо орла, описанное Эндрюсом, оказалось на прежнем месте. Настоящее название этого места – Эргиль-Обо. Это гигантская штука, однако сравнительно бедная костями, и для успеха работы там необходимо отыскивать редкие скопления. Такое скопление мы разыскали и заложили там раскопку – оказалось поразительное богатство нижних челюстей – около 14 штук в одном маленьком участке. Есть и черепа. Большая часть остатков принадлежит носорогу, вероятно кадукотериуму, однако есть и совсем странные кости, возможно принадлежащие Ардыния прекокс, поскольку я не знаю, что это за штука. Титанотерии более редки, но есть ряд остатков крупных и хорошей сохранности – части черепов, нижние челюсти, кости конечностей. Извлечены полные челюсти маленьких грызунов, много челюстей мелких артиодактилов, совсем крохотных, есть крупные хищники типа гиенодона. Довольно много костей птиц (мелких), однако найдено бедро гигантской птицы. Очень много черепов, есть и почти полные панцири. В общем около двух тонн погрузили в машины (считая разумеется с тарой). Сия экскурсия и была тем сюрпризом, на который я Вам намекал и который готовился для Вас к весенним московским дням.

В выемке скелета на Баин-Ширэ мы испытали чрезвычайные затруднения как по огромным размерам скопления, так и по необычайной твердости этой распроклятой глины. Сначала разрубили все скопление только на две части, но получившийся огромный монолит, весом около четырех тонн, разбился при поднимании его с помощью

Студера. Наши техснабовские канаты – невероятное говно, лопнули, хотя мы, учитывая их непрочность, скрутили вместе ч е т ы р е каната. Много было матерщины в бесстыжие глаза Блиндера, Долгополова и прочих наших хоз[яйственных] деятелей. Разбившийся монолит собрали по частям в ящики, и, признаюсь, я вздохнул с облегчением – этот чудовищный "гранит" (как его называл Пронин) легко мог стать намогильной плитой для всей экспедиции и особенно для ее автопарка.

Вторую часть скелета я уже, не колеблясь, разрубил еще на две – эти два монолита взяли и отгрузили сравнительно легко. Теперь все это уже в прошлом, ибо сей зверь лежит на нашем складе в Улан-Баторе, однако мы едва доехали с нашими перегруженными машинами. Скелет весьма интересен, насколько можно судить, это какой-то нового характера цератопс. На соседней красной горке – "Створной", Малеев нашел таз и часть позвоночника крупного динозавра, взятые отдельным монолитом. Кроме того, в главном костеносном горизонте найдена часть скелета стиракозавра – часть черепа, позвонки, ребра, кости конечностей. Рождественский нашел в красных глинах почти полный скелет небольшой черепахи. Есть и другие находки. Предпринял еще краткую экскурсию на Хара-Хутул, там в очень интересном подбазальтовом горизонте мы нашли ряд более полных костей, чем в прошлом году. Рождественский нашел громадную глыбу с хорошими костями – не то череп, не то таз, но скорее череп. С оханьем и матерщиной все же погрузили в Дзерена. По-видимому, здесь какие-то зауроподы. Новожилов нашел тут же целый окаменелый лес, есть горизонты с вертикально стоящими пнями с сохранившейся корневой системой. Однако коллекции окаменелых стволов взять не удалось – до отказа все было забито костями.

Гоби еще очень неуютна – голая, совсем без травы, ни зеленинки кругом на сотни километров. Часто пасмурные дни с резким холодом, вообще необычайные броски температуры. Но особенно донимали нас песчаные бури – все наши палатки вдрызг разодраны ими, все вещи пропитаны песком. По котловинам гуляют громадные смерчи, попасть в сферу действия которых чрезвычайно неприятно.

Бывали пасмурные, душные вечера, в которые все кругом электризовалось – так много было атмосферного электричества.

Все мы чувствовали себя довольно плохо. Поражает отсутствие аппетита у всех без исключения, у рабочих также. За двадцать с лишним дней мы съели четверть наших, рассчитанных на месяц запасов. Вообще, весной в Гоби работать гораздо труднее. Я сам чувствовал себя значительно хуже, чем в прошлом году, в смысле работы сердца – очень уж тяжело лазать по обнажениям – ощущение такое, что вот-вот кончишься.

Но особенно туго пришлось Малееву – этот человек не из таких, чтобы жаловаться, но после рабочего дня валялся с посиневшими губами, скорчившись от боли в сердце. По приезде в Улан-Батор я немедленно отправил его к врачу, и самые худшие опасения подтвердились (делали и рентген) – ему нужно уезжать отсюда. Мне прямо невероятно досадно лишиться такого прекрасного работника и очень приятного человека, но нельзя же держать его здесь на погибель. Решили, что в Нэмэгэту он все же съездит и пробудет у нас до наступления жары, а затем, когда я в конце мая поеду встречать Вас, Малеев вернется в Улан-Батор и будет отправлен домой.

Что касается нашего снаряжения и машин, то все это заслуживает особо эпического описания, но, щадя стыдливость цензора, – а вдруг это окажется девушка, я воздерживаюсь от надлежащей квалификации всей этой техники. Палатки – неимверная дрянь, сшиты из тонкого и говенного материала, именуемого плащ-палаткой пропитанной, который у наших остряков получил название плачь-палатки... дальше уже совсем непечатно. Машины – самое больное мое место. В сие письмо вкладываю описание дефектов, которые необходимо довести до сведения Президиума, ибо все это возмутительно. Очень скверная заводская сборка, нисколько не была проверена в автобазе, а мы не можем же разбирать каждую машину до основания и затем со-

Участники Монгольской палеонтологической экспедиции (1948 г.). Слева направо: 1 ряд – Н.И. Новожилов, Е.А. Малеев; 2 ряд – Ван Фун-Ду, М.Ф. Лукьянова, Я.М. Эглон, В.И. Пронин, И.А. Ефремов, Т.Г. Безбородов, Н.А. Шкилев; 3 ряд – Н.А. Брилев, И.Н. Жилкин, И.Н. Сизов, Н.П. Вылежанин, В.А. Пресняков, А.К. Рождественский, Якубович, Н.З. Корнилов; 4 ряд – П.Н. Климов, Н.Л. Баранов, И.С. Сидоров, И.И. Лихачев, И.М. Александров, П.А. Игнатов

бирать ее снова*. Поэтому случаются всякие чудовищные неожиданности и никогда не знаешь, что именно полетит в машинах в следующий час пути. Дефектная ведомость покажет Вам, в чем дело, пока же скажу, что в первом маршруте у козла выкрошился подшипник второго шатуна, рассыпался руль (баранка), лопнула рама (по старому повреждению), полетела задняя рессора, развалился амортизатор, расклеилось лобовое стекло, потек сальник переднего кардана и развалился трамблер. Это все, не считая скрученного заднего моста, который заменили перед выездом в поле. И такое вот дерьмо автобаза направила для многолетней работы в Монголии, в труднейших и опасных условиях Гоби... Издевательство или беспредельная глупость... когда тут можно было бы добиться машин, специально проверенных и особо ответственно собранных на автозаводе, тем более что завод-то тут же, в Москве... Что и было бы, если бы мы комплектовали нашу автоколонну сами. Вообще немало горького в размышлениях о том, как это должно бы было быть и как оно есть на самом деле... А ведь с этими машинами мы должны совершить огромные маршруты в сердце пустыни, маршруты опасные, должны вывезти десятки тонн коллекций. И что же останется на следующий год, на последующий?..

Все эти вопросы доставляют немало беспокойства...

Еще одно плохое обстоятельство – не проходит моя рука. В Гоби дело не поправилось, а ухудшилось, так что я не мог залезать в спальный мешок и двадцать дней

* Ряд слов замазан черной тушью.

спал, не раздеваясь, во всей верхней амуниции, поверх мешка. Записывать что-либо – форменное мучение, а записывать нужно много. Сейчас вновь лечу лапу всякой там электризацией, но, увы, я слишком понимаю столь простые медицинские случаи, чтобы не представлять, что подобные невралгии лечатся, по существу, добрым словом... Съезжу в Нэмэгэту, посмотрю, что будет. Надеюсь все же, что с наступлением настоящего тепла рука поправится... Если не поправится – то я, конечно, не работник дальше... С сердцем как-то можно терпеть, ходить, как это ни нудно, помедленнее, а вот с рукой ничего не получается. <...>

Интересный эпизод из нашего возвращения из Восточной Гоби. Помните огромную светлую равнину, усеянную белыми камешками, где поломался "Смерч"? Она начинается от самой Сайн-Шанды и тянется на 90 км до самого Калганского тракта. Так вот, едем мы по ней: Волк, Тарбаган, Дракон. Я на Драконе, замыкающем, по обыкновению. Равнина тянется бесконечно, отъехали от Сайн-Шанды километров 50, я подумал: "Длинная окаймленная равнина, скорее бы проехать ее, пока не поломалась какая-нибудь машина, как в прошлом году"... И вдруг облако пыли от шедшего впереди Тарбагана оседает, рассеивается – Тарбаган остановился. Мы подъезжаем – Лихачев в ужасе – чем-то изнутри пробит кожух диффера, масло льется потоком. Пришлось вскрывать задний мост, и что же? – вдребезги рассыпался огромный подшипник сателитовой чашки, вследствие того, что при небрежной сборке не были зашплинтованы гайки крышки цапфы, их сорвало, разбило подшипник и куски его обоймы и шарики изуродовали все шестерни – ведущую, редуктор, планетарку... На Тарбагане три тонны груза, до Сайн-Шанды назад – 65 км, до сомона² вперед – 75. Экстренно созданный совет механиков из Безбородова, Лихачева и меня разобрал мост, подумал, закрепил оставшийся подшипник и решил, что все равно задний мост пропал и можно пытаться ехать, только осторожнее на поворотах. Я проехал с Лихачевым с пяток км, махнул рукой и разрешил ехать с обычной скоростью. Тарбаган дошел в тот же день до Чойрена, а на следующий прибыл в Улан-Батор со всем грузом, и за эту штуку мы расплатились всего лишь поврежденной полуосью... Прочная все же штука ЗИС, и будь настоящая работа – с такой машиной ничего бы нестрашно.

Однако довольно обо всяких происшествиях, еще много разных дел к Вам. Чтобы не сбиться, напишу по пунктам:

1. Сначала о финансах. Пора, давно пора, нам перевести ассигнования второго квартала, на текущем счету у меня остались копейки. Как бы не получилось заминки в работе.

2. Ассигнования в сов[етской] валюте и нештатной зарплаты нам понадобятся в этом году меньше, чем Вы нам даете. Выполним программу максимум и с меньшими средствами. Тем более, если случится какая особая экстренность, то можно будет, под сверхпрограммные тонны, выпросить у Президиума еще десяток тысяч. А будет худо, если мы сильно урежем институт в полевых работах, а сами не используем. Поэтому я полагаю, что Вы спокойно можете снять с Монголии тысяч 80, из них пятнадцать тысяч нештатной и распределить оную сумму между особо жаждущими, чтобы не было излишних воплей о том, что позвоночные всех зажали. Можно даже снять и побольше, не бойтесь.

3. Ликвидационный период экспедиции придется на октябрь, но не позднее, причем основные расходы будут в сов[етской] валюте – нештатная зарплата на погрузку и перевалку трех вагонов коллекций. В сентябре мы кончим полевые работы и выбросим всю научную силу из МНР к началу октября.

4. Нужно мне иметь ясное представление, на каких условиях и как здесь остаются машины и снаряжение. Было бы хорошо добиться частичной оплаты машин на время их консервации, что сильно уменьшило бы наши расходы. К этому есть все основания, так как машины в конце сезона потребуют капитального ремонта.

Ненужную спецодежду, которую никто в здешних условиях по новым ценам не возьмет, напр[имер] горные ботинки, я думаю упаковать и переправить вместе с кол-

лекциями в Москву для возвращения техснабу. Часть спецодежды – полушубки и валенки – я думаю считать прозодеждой* – неоплачиваемой и возвращаемой на склад.

5. Разберем вопрос о кадрах в свете всех новых данных. С невозможностью поездки Елены Дометьевны и выбытием с 1 июня Малеева мы имеем два вакантных места при разрешенном числе шестнадцать. Кого на них? Если нет подходящего нового кандидата (ну, скажем, Бурчака), то возможно себе представить эти единицы заполненными, скажем, Грозовым, Родендорфом (последнего, м[ожет] б[ыть], жена и пустит ввиду короткого срока?). Насчет Кирпичникова у меня жестокие сомнения. Ведь весь этот персонал нужно оформлять одновременно с Вами и Флеровым, ко всем чертам более поздних туристов. Если же Кирпичников появится только в июне, после полугодового отсутствия, пока побудет дома, пока оформится, – приедет он к нам не ранее августа, т.е. к шапочному разбору по новому плану работ. Тогда он и не нужен. Т[аким] о[бразом], я просто не знаю, как с ним быть, слишком много неизвестных "если", для того чтобы принять какое-то решение. Во всяком случае он нужен здесь лишь при б ы с т р о м приезде и определенном желании – посвятить себя работе здесь на весь срок экспедиции. Если вышеуказанные кандидатуры не будут возможны, то из всего наличного состава речь может идти, пожалуй, только о Мартыновой или Беляевой. Обе – работники, а не туристы, обе вынесут экспедицию и будут лишними "кадрами", знакомыми с местными условиями и местами. А то с кадрами дело обстоит так, что просто ужас берет. Смотрите сами там, Вам виднее. Г л а в н о е м о е требование – это скорое прибытие, иначе буду вынужден послать всех ко всем чертам и кончить работу с имеющимися налицо.

6. Вообще, насчет нашей экспедиции у меня грустные мысли. Когда сталкиваешься со всей сложностью этой организации, с большими задачами, которые необходимо выполнить, то приходишь к ясному представлению о не посильности этой махины для нашего ПИНа в его теперешнем состоянии. Но в то же время совершенно очевидно, что неиспользование в м а к с и м а л ь н о й степени предоставленных нам Правительством трех лет будет навеки преступлением перед советской наукой и грядущими поколениями (извините за высокопарные выражения). Мы должны за три года вырвать отсюда тонн полтора ста превосходных материалов, и тогда это будет такой взнос в нашу науку, который сам по себе оправдывает все существование кучки позвоночников. Однако мы должны б ы с т р о препаровать все эти материалы, любой ценой, иначе, если они лягут под спуд, у с п е х а не будет и для м у з е я т о ж е. Для всего этого нужны кадры, которых почти не дали новых и не дадут больше при современных установках. Следовательно, мы должны трезво отдать себе отчет в том, что мы будем делать дальше и т в е р д о провести или решение об отказе от экспедиции, или ощутительную перестановку кадров при решении эти работы продолжать. Основным решающим моментом, при поступлении громадных материалов, являются препараты, которых мы имеем пока три (с неопытным Пресняковым) – число, абсолютно недостаточное и для обычной позвоночной работы, не говоря уж об огромном монгольском предприятии. Тут еще многое можно сказать, но и без того письмо приобретает объем трактата, поэтому пишу прямо предложения:

а) какой-то там счетный работник для экспедиции – чепуха, вредная чепуха. Заменить препаратом, счетную работу за небольшую нештатную зарплату очень легко выполнить, не так уже ее много;

б) старший научн[ый] сотр[удник] (если это не Бурчак и если Бурчака не пропустят) должен быть заменен препаратом. Никто другой для Монголии нереален:

в) место Бишофа должно быть замещено полноценным работником;

г) препаратная работа Свиченской и Сосновской с серьезной точки зрения –

* Так в тексте.

белиберда. Не стоит даже задалживать Жукову на их обучение. Нужно пересмотреть штат музея – там многовато малополезных сотрудников типа Свиченской и прочих бабье-маше. Придется поступиться обеспечением экскурсоводства и разных там библиотек – сейчас это менее важно. Необходимо заменить препаратором и механиком для монтировки всех поступающих вещей.

Перечисленные мероприятия не выдуманы вдруг и под настроение. Они явились результатом долгих тревожных размышлений о судьбе позвоночного дела. Мы, как институт, затоварены профессорами, докторами и т.п., но работа наша совершенно не обеспечена. Это имеет совершенно особенное значение для позвоночных и, еще того более, для монгольских работ. Иначе все наши усилия и труды ни к чему, все развалится раньше или позже ко всем чертям.

Таковы мои соображения по поводу замещения штатных мест и распределения кадров, в которых я совершенно твердо убежден и буду стоять только на этой точке зрения.

Теперь несколько слов по поводу московских дел моего отдела. Я просил бы при самой малейшей к тому возможности не тормозить пермских работ³. Они вполне рентабельны, сулят новые и весьма ценные материалы, поэтому их надо продолжать при всяких обстоятельствах и ни в коем случае не прекращать по причине моего отсутствия в Монголии, которое и так уже наносит ущерб изучению пермских. Так зачем же еще больше усугублять этот ущерб? Я считаю совершенно необходимым (впрочем, я думаю это ясно и для Вас, знающего эти материалы) раскопать хотя бы в самом небольшом объеме Малый Уран и Пронькино, выделив специально на это дело нештатную зарплату в сумме тысяч четырех (только на раскопки). Уверен, что этот расход себя вполне оправдает. Поездка Вьюшкова на местонахождения (разъезды) в дальнейшем особой нештатной зарплатой не потребует, что до прочих статей, то из монгольской экономии наберется достаточно, чтобы всех отправить. Что касается машины, то с Рябцевым всегда можно договориться и выдавить из них еще машину, хотя бы ради того, что в Монголию они дали такую дрянь.

Что до тафономии, то я отнюдь не ругаю Р.Ф., но считаю совершенно нетерпимой такую задержку редакционной работы, во имя чего бы она ни делалась. Мне казалось, что для старого товарища по институту можно было бы немного пошевелиться в работе, по существу имеющей весьма малый объем, так как что мне, в конце концов, нужно за редактирование? – поправки суконных и неточных фраз, неизбежных при поспешном писании и только. Ничего другого не требуется, а в указанном объеме работа на займет более 3–4 дней. Поэтому мне смешновато и странно читать о том, что редактирование моей работы пришлось отложить на три месяца, потому-то и потому-то. Но подчеркиваю, что для меня будет чрезвычайно дико, нелепо и обидно, если я вернусь, а моя работа, с такими усилиями законченная до отъезда, еще не будет в печати. А дело идет к тому, это видно, и отсюда я ничего не могу сделать. Вот и получается, что я могу для ради института поступаться всем, а с другой стороны... да, что там говорить. Если возня с моей работой столь затруднительна для ин[ститу]та, прошу не отказать в любезности передать оную тафономию Меннеру, он брался ее напечатать в МОИП. Когда у нас упорядочится это редакционное священнодействие, прямо не знаю.

Еще одна вещь, относящаяся к делам московским. Конечно, комната для Херпичникова и дело хорошее и пусть себе получает на здоровье, однако не мешало бы нажать как-нибудь и на комнату для Лукьяновой, тем более что почва там в известной степени подготовлена и просто необходимо напоминать о ней. Иначе, когда Лукьянова вернется опять к своему безысходному существованию после долгой и тяжелой экспедиции, в которой всем порядком досталось и еще, ох, сколько достанется, и увидит, что никто и пальцем не ударил по вопросу о ее жилье, – это будет свинство и бардак, совершенно безусловные, тем более что работа ее здесь совершенно безупречна.

Перехожу к своим здешним планам. Послезавтра уходят машины, починенные и освещенные, в Далан и оттуда на Баин-Дзак. Через неделю вернутся обратно и тогда я уеду с ними прямо в Нэмэгэту. Шкилева я отправляю на две недели в санаторий, после чего он приступит к делам. Малеева задерживаю здесь до своего выезда, он пока немного подлечится. Вернусь с Нэмэгэту примерно к 25 мая, чтобы встречать всех вас, и привезу Малеева для отправки в Союз. С момента моего отъезда связь между нами будет прервана, поэтому я попрошу Вас через пару дней телеграфом о более или менее реальном сроке приезда. С выездом в Великий западный маршрут надо торопиться, чтобы проделать его до наступления адской жары, что очень важно для сохранности машин. Поэтому всякое, даже небольшое запоздание крайне нежелательно, и я прошу Вас постараться обеспечить прибытие в нужный срок. Если получится значительная задержка по каким бы то ни было причинам, прошу срочно сообщить мне, тогда я перестрою работу – выйду в западный маршрут без Вас, а Вас перевезут по прибытии сначала в Нэмэгэту, затем на Орок-Нур. Программа действий будет мною оставлена, но это, конечно, самый плохой исход. Очень хотелось бы, чтобы и Вы участвовали в этом интересном, хотя и трудном маршруте.

Всем, кто бы ни прибыл, необходимо лететь только самолетом – никакой возможности организовывать встречу в Наушках у нас нет, а добираться оттуда на свой страх и риск я ни в коем случае не советую. Нужно прислать нам по 6 штук фото каждого заблаговременно, для подготовки пропусков и т.д. Спецовки с собой брать не нужно, они у нас есть, за исключением женской. Равно есть спальные мешки и т.п. на всех, включая фляжки. Кружки и столовые приборы берите. Идеально было бы вылететь всем вам самолетом 24 мая, к чему нужно всемерно стремиться. До вашего выезда совершенно необходимо отправить нам самолетом следующие вещи, так чтобы они прибыли никак не позднее 25 мая. <...>

[Ефремов]

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 74–78. Машинопись.

49

Ю.А. ОРЛОВУ

Улан-Батор

20 апреля 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

В добавление к отправленному гигантскому письму и посланным телеграммам мне уже почти нечего сказать, хотя я только что получил Ваше последнее письмо. Посылаю несколько походных фото с личностями из только что проявленных, думаю, что страшные рожи, изображенные на них, доставят Вам некоторое удовольствие и рассеют меланхолию, которая звучит между строк в Ваших письмах. Боюсь только, что оные изображения доставят удовольствие и стенгазете. Последние дни доставили бесчисленные хлопоты – тут и очередные поломки, в том числе раздаточная коробка козла, и увольнение рабочих за дисциплинарные проступки, и перевозки на летнюю базу, и отправка неисчислимого (буквально) барахла в Далан, в общем постоянное удовольствие и развлечение в ненавистных хозяйственных делах. Ревизия (невольная) дел Шкилева вызвала полное мое неудовольствие – как только более или менее поправится, нужно жестоко песочить и, ежели к Вашему приезду не исправится, – прогнать. В связи с этой возможностью хотелось бы знать о наличии у Вас там подходящей кандидатуры (на случай) и можно ли ее быстро оформить. Конечно, основной признак должен быть в наличии. Как я слышал, Флерову разрешено быть в Монголии не больше пяти недель? Если это так – пусть не приезжает, не нужно. Мне нужна его работа около трех месяцев, а так – не стоит расходоваться на перевозки. Сердце у

меня в этом году, право, хуже, чем у него в прошлом, и если я не собираюсь по сему признаку быстро сбежать отсюда, то возиться с туристами никак не намерен.

Вообще, в подтверждение ранее написанного, – кто там не успеет быстро оформиться, пусть не едет. Обойдусь без них, так как главнейшая работа все равно пройдет без их участия, а шапочноразборников – к черту. Это не кадры, даже на самый наш безвыходный счет.

Приезжайте скорее сами, чтобы нам вместе двинуться в неизвестные пространства Гоби – сейчас наша экспедиционная машина должна вертеться на полный ход, чтобы успеть сделать уйму дела до жары. Ну, об этом нечего говорить, – сами гобиец и знаете. Уезжаю через неделю, оставляя здесь только Шкилева. Приеду 25 мая за вами всеми. С рукой моей после некоего лечения в Улан-Баторе (электрофорез) сейчас лучше, но Малееву после энергичного лечения стало еще хуже.

Привет всем товарищам. Желаю здоровья.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

P.S. Вкупе с Рождественским сражаемся с Эглоном за этикетаж.

Как Вам понравится следующая этикетка, написанная им в 20 экземплярах: "Сайн-Шанда, скелет Малеева", означающая части от скелета динозавра, найденные Малеевым на зап[адном] склоне Створной горки в Баин-Ширэ!

Вкладываю сюда еще Вашу записку из Лагерного обо¹ – это теперь документ исторический – для палеонтологов только, увы!

И.Е.

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 79, 79 об. Авториз. машинопись.

50

А.П. БЫТРОВУ

Улан-Батор

25 апреля 1948 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Было как-то странно читать Ваше письмо здесь, в Монголии, вернувшись из Гоби, должно быть оттого, что мы в прошлом году не переписывались отсюда. По тону письма вижу, что настроение у Вас действительно еще не прежнее. Оное письмо написано – подать весть другу, который "забрался черт знает куда" (сие определение мне понравилось), но без всякого, обычного для Вас наполнения мыслями и интересами.

Вы пишете, дорогой, что хотите умолять подарить Вам некую книгу, если она Вам окажется интересной. Сие ни к чему – если она Вам действительно интересна, то берите ее и пишите на ней свое имя, я буду этому только рад. Если же неинтересна, то по прочтении – верните, мне она пригодится, поскольку я в этих вопросах гораздо менее разбираюсь, чем Вы.

Слухи о пиновском переезде пока заглохли, вернее пишут мне о том, что как будто переезжать не будут. Однако гарантии в том, что так именно и будет, никакой нет. Вполне возможно, что нас поставят перед решительным приказом... Ну что ж, я, пожалуй, не против того. Как-то захотелось в Ленинград, к более спокойной работе без постоянного отрывания на подсобные дела. Еще надо много сделать, а если серьезно подумать, то времени в запасе не так уж много. Тем более, что со здоровьем у меня нелады. Не говоря уже о негодном сердце, тут навалилась новая напасть – плексит правой руки, перешедший в очень устойчивую невралгию (даже неврит, пожалуй) медианного нерва. В результате рука никуда не годна, а путешествовать однорукому трудно, трудно и вести всякие там записи и дневники.

Первый маршрут, из которого я недавно вернулся, прошел с успехом в смысле палеонтологических материалов. Выкопали цератопсов (некоторые из стиракозавров)

и разных эоценовых или нижнеолигоценовых млекопитающих: носорогов, титанотерий, грызунов, хищников и птиц даже. Хозяцкому скажите, что есть небольшая полная черепаха (скелет) из нового горизонта мела, а также целая куча крупных черепах из этого же нижнего олигоцена, откуда титанотерии.

Теперь через два дня еду на Н э м э г э т у устанавливать временный палеонтологический град для серьезных раскопок динозавров. За это время в Баян-Дзаке мои будут искать и яйца динозавров и меловых млекопитающих. Я совершенно с Вами согласен, что череп млекопитающего интересней всех цератопсов, а все это, вместе взятое, перекрывает скелет титанофонеуса или котлассии. И что было бы гораздо умнее, те же средства и силы бросить, скажем, на раскопки Ишеева... Однако как начальник экспедиции я все же меньшее внимание и время уделю меловым млекопитающим, чем тоннам громадных динозавров. Ибо при помощи этих ящеров, подобно тяжелому тарану, мы надеемся прошибить вообще прежнее отношение к палеонтологическим раскопкам, и отнюдь не исключена возможность, что те же динозавры обеспечат устойчивое поступление средств на наши пермские раскопки, если повезет и куча динозавров грозно встанет в нашем музее... Иногда приходится смотреть на палеонтологические дела глазами пропагандиста и популяризатора, а для сего динозаврии наиболее пригодны. А там доберемся и до настоящих древних зверей.

Я намерен вернуться, е[сли] ж[ив] б[уду], в Улан-Батор через месяц, чтобы устроить здесь разные дела снабжения и встретить наших профессоров: Орлова и Флерова и еще кого бог пошлет, так что не знаю кандидата на третье вакантное место. Поездка Елены Дометьевны с сыном ко мне, к сожалению, сорвалась. Пробуду здесь дня три и уеду снова на более долгий срок – в далекий западный маршрут, откуда вернусь сначала в наш главный лагерь, который к тому времени будет на Орок-нуре, в геометрическом центре Азии, а затем приеду снова в У[лан]-Батор и снова выеду на раскопки. Второй приезд сюда будет в начале августа. В сентябре хочу выбираться отсюда совсем, и так уж достаточно времени отнято от пермских исследований. Письма Орлова, которые получаю довольно часто по ходу дел, нагоняют на меня страшную тоску какой-то междустрочной полной бесперспективностью и растворением в мелких делах. Бедняга, видимо, сильно устал от администрирования, изнервничался и жалуется на сердце. Сочувствую, но ничем помочь ему не могу, ибо администрирование (не настоящее научное руководство, а именно администрирование) с моей точки зрения хуже чумы, хотя и я был столь глуп, что взялся за командование этой экспедицией.

Напишите, дорогой, еще о Ваших делах и самочувствии. Всякой весточке от Вас буду очень рад. Только пишите авиапочтой (а то это письмо шло очень долго) и по новому адресу: МНР, Улан-Батор, почтамт, почтовый ящик 374, мне.

Искренний и большой привет Гильде Юрьевне и Вам самому. Как чувствует себя Г.Ю.?

Ваш, как всегда, *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 11, 11 об. Авториз. машинопись.

Дорогой Иван Антонович!

Очень, очень хотелось бы поскорее увидеть Вас и переговорить с Вами обо многом, ведь обо всем не напишешь или, вернее, не обо всем напишешь.

1. Запасные части частично высланы давно, остальные – подавляющее большинство – должны пойти ближайшим самолетом, который должен вылетать 5-го (грузо-

вой). Представить себе не можете, какой все это возни потребовало. Кислота для аккумуляторов, как и мост, должна была уехать с географической экспедицией, т.е. на платформах не то вчера, не то сегодня.

2. Приобретен фотоаппарат "Киев" типа ФЭДа; другой такой же опробован и одобрен. Его посылать самолетом не решаюсь, советуют везти с собой.

3. Относительно направления на полевые работы завед[ующего] кафедрой палеонтологии МГУ и завед[ующего] Палеонтологическим музеем АН СССР¹ пока ответа нет; не исключена возможность, что оба эти лица в 1948 г. получат такие же направления, как Б.А. Трофимов и Б.П. Вьюшков. Во всяком случае, пока ничего неизвестно, а ускорить как-либо рассмотрение вопроса не удастся.

4. В жизни института нет ничего катастрофического пока, по крайней мере, и никаких особых достижений и очень больших провалов. Но хлопот и неприятностей всякого рода, по масштабам института и его директора, столько, что он (директор) превратился в нечто, довольно сильно напоминающее старую высохшую, завалившуюся за ванную, истертую мочалку.

5. В Вашем длинном письме я некоторое количество слов должен был замазать тушью, дабы письмо приобрело более общедоступную, удобочитаемую и популярную форму. Я охотно эти слова повторил бы здесь Вам, дабы выразить, до чего мне обидно не быть с Вами летом до сих пор: ведь я же весь свой весенний план жизни и все университетские дела перестроил так, чтобы в мае быть в Улан-Баторе, а вот и 3 июня я не вылечу и вообще не знаю когда. Я даже пробный полет самолетом совершил в Ленинград – ведь я никогда не летал.

6. Штатную единицу сотрудника по Вашей экспедиции пока, разумеется, никем не замещали. От Кирпичникова телеграмма: о прибытии в половине июня в Москву.

Жду от Вас с нетерпением известий, хоть бы уж Вы там здоровы были.

Привет всем.

Искренне Ваш Ю. Орлов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 80, 80 об. Отпуск машинописный.

52

Ю.А. ОРЛОВУ

Главный лагерь экспедиции на Нэмэгэту

1 июня 1948 г.

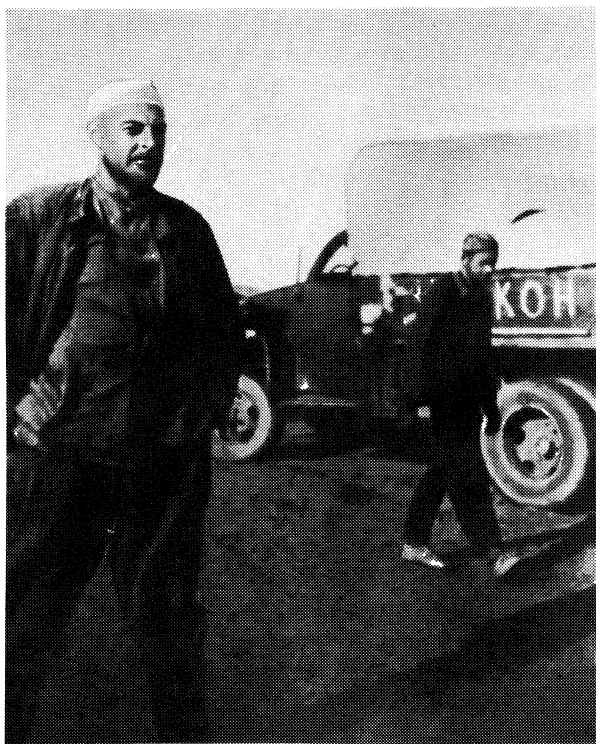
Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

Я получил Ваши телеграммы в Далан, как и естественно, с большим запозданием и должен признаться, что они вовсе меня не обрадовали. Странно, но почему-то в экспедиции всегда получается так, что из ин[ститу]т[а] получаешь известия преимущественно неприятного толка...

Если Ваша телеграмма о сроках приезда не перевернана и Вы с Флеровым действительно можете приехать только в июле, то, разумеется, ни о какой серьезной работе с вами не приходится говорить.

Маршрут в Заалтайскую Гоби будет исполнен, Нэмэгэту прикончено, и мы все переберемся в менее типично гобийские места. В них, пока Флеров сможет нас достигнуть, останется месяца полтора работы – для такой прогулки считаю приезд Флерова ненужным и возиться с лишними людьми не буду. Посему поездку Флерова придется отменить. Там разберемся с Вами в причинах, почему так нелепо случилось.

Что до Вас самого, то, конечно, все мы всегда будем рады Вашему приезду и возможности проветриться на степных просторах. Поэтому Вы выезжайте при первой возможности, но известите заранее в Далан, с учетом того, что телеграммы смогут нас достигнуть не ранее 10 июля.

И.А. Ефремов в Гоби (1948 г.)

Мои планы пока остаются неизменными – сегодня едет в Улан-Батор Рождественский, который отправит все письма и телеграммы и вывезет из Улан-Батора срочно необходимые нам вещи и бензин. Он вернется в лагерь около 15 июня, и мы с ним немедленно выступим в далекий западный маршрут, который рассчитываем завершить в месяц. За это время Эглон со всем остальным составом будет продолжать раскопки в Нэмэгэту и примерно к 10 июля вывезет лагерь в Далан. Оттуда около 15 июля, к нашему возвращению, мы переедем в район Орок-Нура, где будут раскапываться местонахождения млекопитающих, а также Оши. Туда, видимо, Вам и придется выехать по прибытии. Поддерживать регулярное сообщение с Улан-Батором нам сейчас необычайно трудно, по дьявольски плохой дороге – единственной, которую удалось найти после долгих трудов из котловины Нэмэгэту. Сейчас в Улан-Батор будут привезены следующие девять тонн наших сборов (3 с Баин-Дзака и 6 с Нэмэгэту). В июне месяце мы будем вывозить коллекции только в Далан, и связи с Улан-Батором у нас не будет до первой декады июля.

Таковы планы. Лишне говорить, что никаких других сотрудников к шапочному разбору также не требуется. Обойдемся и выполним задание с наличными силами, потому что всякий новый приезжающий – это возня в Улан-Баторе, с которым мы не можем быть постоянно связанными, возня, не оправдывающаяся той пользой, которую может принести оный человек в конце работы, когда самое тяжелое уже будет позади.

А трудностей у нас немало – погода с бурями, сменяющимися зноем и холодом, плохая вода, частые заболевания людей и, главное, неимоверно трудное передвижение по котловине и в районе раскопок – последнее попросту опасно.

Очень хитрое местонахождение, оказывается, Нэмэгэту. Мы переоценили распространение костеносных пластов в прошлом году весьма значительно, считая весь

И.А. Ефремов на раскопе в Нэмэгэту (1948 г.)

бедленд костеносным, в то время как костеносна только его западная часть, где проходит огромное русло древнего потока, врезанное в мертвые озерные отложения. Развалившихся скелетов, размывших на склонах, найдено еще больше десятка, а вот целое-то, скрытое в пластах, может быть обнаружено с очень большим трудом. Дело в том, что по гигантским размерам скелетов пустые участки костеносных пластов между ними также очень велики. Поэтому раскопки здесь должны быть целыми карьерами, на что, конечно, наших сил не хватит, и вообще я пришел к убеждению, что при таком рассеянном залегании нужны гораздо более мощные предприятия, которые нам не по зубам. Пока, в результате 20 дней поисков, пробных раскопок и извлечения наиболее полного [скелета], есть прекрасные сборы, но еще ничего сенсационного, вроде полного огромного скелета, что ли. Сейчас заложены подающие надежды раскопки на ужасных отвесных кручах, где слабонервный человек моментально (...) вниз и каюк ему. Положение таково, что требует моего постоянного присмотра и всевозможных доисследований, поэтому я прочно буду здесь до самого выезда в маршрут. Нэмэгэту – вовсе не легкий клад, а местонахождение такое, что требует уймы труда для получения приличных результатов. Исследованы также Гильбэнту и Алтан-Ула. Первое – чепуха, а второе, пожалуй, побольше Нэмэгэту, но еще более труднодоступно для машин. Там мы тоже покопаем всерьез.

Шофера Петрунина придется, видимо, отправить в Союз – возобновилось нагноение в ампутированном пальце и он выбыл из строя. Если не поправится в ближайшее время, придется ему уезжать. Возможно, что придется уехать и Новожилову – как только минует острая необходимость в нем – развалился совершенно в здешнем климате и психически деморализован множеством скорпионов. Эглон был так подавлен снижением своей зарплаты по телеграмме Тимошевской, что собрался в Союз. Ну, я, конечно, его не отпустил, но положение бедняги в самом деле неважно – он поизрасходовался в расчете на одну ставку, а теперь неизвестно, как выходить из положения. При его безусловно старательной работе такая оценка его трудов (от кого бы она не исходила) переносится им очень болезненно, и по-человечески его жаль. Неужели нельзя было ничего сделать в этом отношении?

Остается еще сказать о нужном нам снаряжении. Очень печально, что самолетом 23 мая не вышло выслать все по последнему списку, но это уже слишком долгое путе-

шествие того письма. Теперь необходимо послать как можно скорее все недосланное нам – гвозди, клей, лекарства, фото нам нужны позарез, до чрезвычайности!!! И без того в Заалтайскую Гоби идем без зоологического снаряжения, без надежных фотоаппаратов, а через две недели у нас не будет ни одного гвоздя, чтобы заделать ящик.

О запасных частях я и не говорю.

Сейчас в Гоби горит электричество, и наш приемник дает нам столь важную связь с внешним миром. Движок тоже оказался несусветным говном, но только после усилий наших механиков возродился вновь и работает удовлетворительно. Среди всех шоферов выделяется Безбородов – золотые руки в полном смысле этого слова, кажется нет такой вещи, которую он не смог бы починить. Недавно он ликвидировал очень серьезную поломку Студебеккера – в капитально отремонтированном моторе оказались железные подкладки под подшипниками – подсудное дело. Подшипники и полетели в момент подъема на Гурбан-Сайхан. Как человек Безбородов очень хороший – спокойный, серьезный, добрый, настоящий тип старого питерского рабочего. Я подговариваю его поступать к нам в музей механиком – это было бы превосходно, а он уже стар крутить баранку. Если бы он согласился, то нужно приложить все усилия, чтобы заполучить его в штат.

Ну, о всех этих делах – приедете – поговорим.

Что нужно обязательно выяснить до Вашего сюда приезда – это характер оставления здесь машин и снаряжения на зиму, какова процедура, кому бы можно и кому нельзя сдать на хранение и т.п. Также нужно заранее исхлопотать вагоны: три вагона крытых на октябрь месяц, начиная с первой декады. При этом нужно твердо узнать через министерство – нельзя ли эти вагоны получить на станцию Сухэ-Батор, а не Наушки. Таможенное разрешение на пропуск без досмотра также должно быть оформлено к сентябрю месяцу и никак не позднее.

Впрочем о всех делах все равно не напишешь – перечисляю только наиважнейшие, с остальным будет видно.

Не откажите передать привет всем товарищам по работе.

С искренним уважением и приветом

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 81-82. Авториз. машинопись.

53

В.А. ОБРУЧЕВУ

Улан-Батор

8 августа 1948 г.

Экспедиция закончила работу [на] Юге [с] крупным успехом, Ваши пожелания выполнены, выкопали сорок тонн зверей. Открыто громадное поле вулканов, область Вашего имени. Работы перенесены [в] Сорок-Нор*, члены экспедиции [с] любовью [и] уважением приветствуют Вас, шлют пожелания успешной работы.

Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 1. Телеграмма.

* В телеграмме опечатка. Должно быть Орок-нур. – Примеч. П.К. Чудинова.

Улан-Батор

27 сентября 1948 г.

Дорогой Юрий Александрович.

Пользуюсь случаем Вам передать небольшую записку с Яном. Он отправляется сегодня первой ласточкой, в единственном числе. Ввиду заболевания Рождественского придется задержать немного Нестора, да и М.Ф., чтобы Христопродавцев не пропал совсем. Он был очень плох и задал нам множество тревог и хлопот – все-таки организм у него слабенький, а семь суток не слезать с горшка в плохой больнице – это кого угодно приведет в ничтожество. Сейчас он уже вне опасности, скоро выйдет из больницы, отлежится дома и со следующим самолетом будет отправлен в Москву. Его заболевание мне значительно спутало карты, так как теперь я привязан во что бы то ни стало к экспедиции до фактического завершения дел, да и дел стало больше на одного меня. Невезение в общем продолжается, как видите, и я жду не дожусь, когда же мне удастся наконец покончить со всем этим. Все протекает как следует, в смысле ликвидации. Основной груз – уже сорок тонн – лежит в Сухэ-Баторе и там же будем грузиться. Теперь, с получением разрешения на визы, остается только иметь копию телеграммы о вагонах, чтобы приступить к погрузке. В этом мы зависим от Вас, и я прошу нажать, елико возможно, чтобы нам сообщить оную копию, тогда у нас есть надежда ликвидироваться в первой половине октября. Равным образом необходимо иметь еще деньги, этих не хватит, исключительно благодаря всей сумме затрат с вагонами и визами. Если выслать их не позднее, чем к пятнадцатому, будет невозможно – прошу немедленно сообщить мне об этом. Тогда я произведу здесь заем и сообщу, на чей текущий счет нужно будет перевести необходимые десять тысяч (тугриков, не рублей). Вот эти две вещи – копия телеграммы и своевременный перевод – это, пожалуй, последнее, что нам нужно от Вас для ликвидации здесь всего. Что до оставления здесь машин и снаряжения, то я и не предполагаю иного решения, ибо при внезапном решении возвращать машины потребуются новый заказ пяти платформ и теплушки, что возможно только на ноябрь, новые многократные визы, что будет реально только к декабрю, – в итоге экспедиция задержится здесь почти до самого конца года, а это будет так бессмысленно и дорого, что очевидно даже Президиуму. Поэтому я одновременно веду подготовку консервации машин. При перегрузке всех наших находок выяснилось, что первоначальный объем был определен слишком скромно и у нас не менее пятидесяти тонн. Куда их девать – вопрос, конечно, тяжелый, но я по-прежнему не хочу думать об этом, здесь также немало материала для размышления. Мне ясно только одно – нельзя заваливать музей, но и недопустимо хранить на морозе – против этого я буду биться и дойду до Геркулесовых столпов*. Также нужно своевременно поставить вопрос перед ГТУ о формах досмотра этого груза Московской таможней, так как совершенно ясно, что груз не может быть досмотрен ни на станции, ни сразу же где-то (в каком бы то ни было помещении). Пожалуй, самое лучшее решение вопроса будет распломбирование вагонов таможней, затем досмотр ящиков со снаряжением и зооколлекциями, которые сразу же пойдут в институт, затем опломбирование всех остальных ящиков, которые будут отвезены на склад, и, по мере подачи их в препараторскую, будет вызываться таможенный инспектор, в присутствии которого те или другие ящики будут вскрываться и идти в работу. Этот вопрос достаточно серьезен, чтобы подготовить его заранее, пока еще груз находится в пути.

Вот в основном то, что мне нужно было срочно сообщить Вам. Что до общих обстоятельств с нашим институтом и прочее, которое, как мне видно даже отсюда, стало весьма сложным и чреватым разными неожиданностями, то имею кое-какие

* По самым высшим инстанциям.

соображения, которые, разумеется, изложу уже по возвращении... Да, еще одно дело: тут пристают с разных сторон, чтобы я читал доклады об экспедиции. Сего мне не очень хочется, во-первых, по крайней занятости, во-вторых, во избежание последующих неприятностей. Поэтому запросил Вас официально телеграммой – можно ли мне оглашать в докладах результаты экспедиции, ибо если это нельзя, то доклад о ней никакого смысла не имеет. Прошу сообщить телеграфно.

Ну, хватит, заканчиваю. Большой привет всем, всем. Теперь надеюсь до скорого возвращения, если, конечно, еще какой беды не стрясется.

Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 84. Авториз. машинопись.

55

И.А. ЕФРЕМОВУ

*Октябрь 1948 г.**

Дорогой Иван Антонович!

Спасибо за записку с Эглоном. Надеюсь, сведения о вагонах дошли до Вас. Разрешение на визы послано, куда девалось непонятно, выясняем, вероятно, узнаете из телеграммы до получения этого письма. Сколь не безобразно, до сих пор никакого помещения для грузов в должном масштабе не могли найти. Подвалы завалены картофелем, свободных нет, ищем, пока безрезультатно, но что-нибудь найдем же в конце концов. Что касается того, что Вы будете биться за отопляемое помещение и дойдете до Геркулесовых столпов, то Вас вполне понимаю, но пока и только. Делаю все возможное. О формах досмотра грузов таможей выясняем, Ваши рекомендации, понятно, принимаем во внимание. Сведения о вагонах посланы, о чем повторно телеграфируем.

Из Ленинграда перевезли все сборы Амалицкого¹, уложили штабелем, как бут, около музея. Большую часть крыши музея заменили, покрыв новым железом (над вестибюлем и ротондой, над большим залом и над моим кабинетом). Красим ее, как оставшуюся не смененной над малым залом.

Многo хлопот с перестройкой плана работы института и вообще всяких хлопот в связи с решениями Президиума о перестройке работы Биоотделения².

Пока все. Привет всем.

Ю.А. Орлов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 96. Л. 85. Отпуск машинописный.

56

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

14 ноября 1948 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Возвратясь из дальних странствий и немного опомнившись после всех передраг, спешу приветствовать Вас уже из Москвы, на небольшом удалении от дорогого Ленинграда.

Я совсем ничего не знаю о Ваших делах и достижениях последнего времени и поэтому был бы очень рад, если бы Вы написали мне о своем житье-бытье.

Экспедиция моя возвратилась с победой – более 50 тонн первоклассных находок

* Датируется по содержанию документа.

уже лежат в институте и на складе, но должен признаться, у меня нет совсем настроения победителя. Более того, нахожусь в какой-то глубокой печали, жаль как-то всех моих друзей, и нет энергии на развязывание завязавшихся за время моего отсутствия узелков...

Тому причиной, я думаю, обычная встреча с цивилизацией и со всеми ее оборотными сторонами после великого простора и покоя безлюдных пустынь, после долгой борьбы с природой, с ясными целями и очень определенными задачами... Кроме того, пожалуй, усталость и некоторое разочарование в дальнейшем научном пути, неизбежное после того, как посмотрел своими глазами реальную обстановку. Я не буду в письме Вам ничего рассказывать об экспедиции. Это лучше сделать при личном свидании – в Ленинград я собираюсь приехать в отпуск в январе. Сейчас мне нужно кое-что доделать по отчетности экспедиции, отпечатать и разобрать фотографии и кинофильмы, а также представить все материалы для экспедиции следующего года. Затем займусь своими рукописями, научными и литературными, а затем уже, в начале декабря, уйду в отпуск, чтобы писать "Лууны Яс" ("Кости Дракона") – повесть об одной экспедиции¹.

Физически чувствую себя неважно – сердце и время от времени мучит все тот же неврит медиануса правой руки, который обучил меня свободе любить еще с февраля сего года.

Как Вы, дорогой друг? Здесь что-то говорят о Вашем неважном состоянии, но я этим источникам не вполне доверяю. Как Гильда Юрьевна?

Очень большой привет Вам обоим от меня и Е.Д. Рад, что в перспективе скорое свидание с Вами. Пишите.

Ваш всегда *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 12. Авториз. машинопись.

57

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

10 мая 1949 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Получил переданные с Ю.А. 500 руб. и оттиск. За оттиск большое спасибо, а вот за деньги – это, пожалуй, напрасно поторопились. Право, мне не было в них никакого спеху, а летом они могли бы Вам пригодиться. Но, как бы то ни было, а льщу себя надеждой, что как только Вам понадобится, Вы без всяких церемоний обратитесь ко мне, и я буду очень, очень рад этому.

Я был огорчен Вашим письмом с отказом приехать в Москву. Не столько самим отказом – в то время я еще рассчитывал сам приехать в Лен[ингра]д и повидать Вас, сколько тональностью письма и той совершенно ясной "браунинговской" усталостью от жизни, которая в нем проглянула. Помните Браунинга "Сад Прозерпины"? – "и даже самая усталая река должна когда-нибудь достигнуть моря..."¹

Если не читывали – попробуйте прочесть и проверить, насколько это совпадает с Вашим теперешним настроением.

Мои предотъездные дела, как обычно, осложнились разными затруднениями с экспедицией. Поэтому поездка в Ленинград никак не получается и даже свою Фрину² не смогу принимать сам, а должен поручить это другим людям.

Поскольку Вы не приезжаете в Москву, то, очевидно, с Вами до отъезда нам уже не увидиться.

Очень попрошу Вас, дорогой А.П., при малейшей к тому возможности, не забывать о существовании печорского котлассиоморфа, который давно уже лежит у Вас... А равно не забыть и о моем существовании по адресу прежнему: Мне, п/я 374, Улан-Батор, МНР.

Буду очень рад всякой весточке от Вас.

Научные дела здесь у нас становятся все сложнее и труднее. Прямо не знаю, куда оно пойдет дальше? Ведь для всякого подкручивания гаек нужно иметь соответствующие условия, которых нет, а приказ, невозможный для выполнения, перестает быть приказом и только дискредитирует отдавшего его...

У Вас там, конечно, поспокойнее, а здесь – прямо не знаю – уеду, а когда вернусь – может быть все, что угодно. Такое ощущение отнюдь не способствует упорству и целеустремленности в полевой работе! Поэтому – еду без охоты, только по долгу, ничего не поделав, нужно добивать до конца!

Д.В.О. сейчас отсутствует – болеет, но когда увижу его – напомним о Ваших рыбах.

Дипломатические отношения у нас с ним к моему удовольствию восстановились. Я писал Хозацкому о положении с ним. Но в последние дни вопрос еще более разъяснился. Поэтому прошу не отказать в любезности передать ему, что в единицах получен отказ, как нам, так и ЗИНу, на основании распоряжения Совмина о запрещении увеличения научных штатов в 1949 г. Может быть, еще что-нибудь удастся сделать, но практически шансов на это ноль, так как в Президиуме сейчас все новые лица, опереться не на кого, предыстория вопроса им неизвестна и все такое подобное. Меня не будет, а у Ю.А. и Данильченко я, к сожалению, не вижу никакого энтузиазма по отношению к Л.И.

Жаль до крайности, но тут уж я, по малости своей персоны, ничего не могу. По-видимому, вообще при современном состоянии дел нужно ставить крест на ленинградцах в смысле сколько-нибудь серьезной обработки наших материалов. Так получается и с монгольскими черепахами и с парейазаврами. Нужно кому-то поручать эти дела здесь, в Москве. Чудовищно нелепо, но жизнь заставит, ибо нельзя же это резервировать десятками лет, ожидая более выгодной ситуации. А ситуация-то делается все хуже, а не лучше!

Посылаю Вам пару фотографий³ из тех, которые обещал. Так и не успел всего напечатать и разобрать. Уж очень малы промежутки между экспедициями – едва только успеешь опомниться, как нужно собираться опять...

Ну, хорошо, теперь до осени, дорогой друг. Не хандрите очень и не забывайте, что есть люди, которым Вы по-настоящему дороги и которые искренне Вас любят. А посему – берегите свое здоровье – Вы должны еще много поработать и много написать.

Очень большой привет Гильде Юрьевне. Я попрошу Е.Д., когда выйдет моя новая книга и получатся авторские, послать Г.Ю. экземпляр.

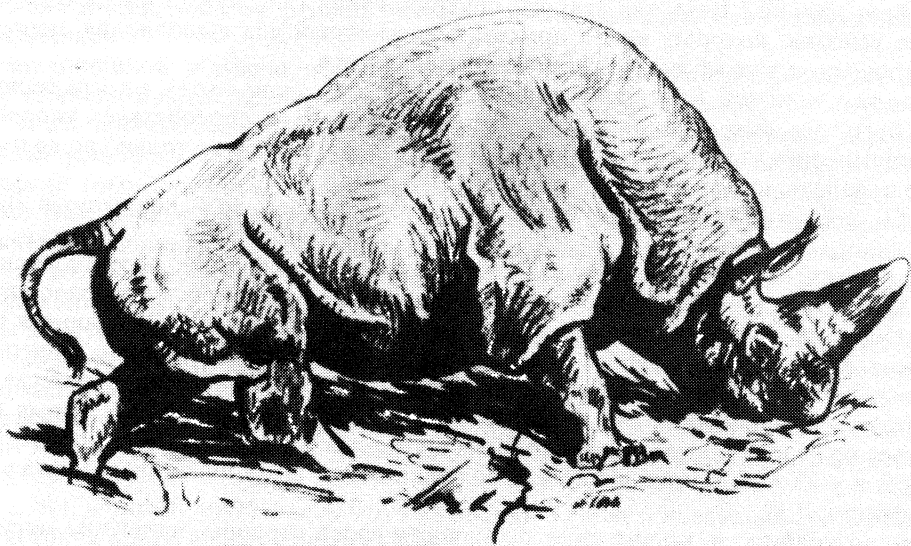
Приветы Вам и Г.Ю. от Елены Дометьевны. Она, наверное, побывает в Ленинграде раньше меня в сентябре.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 13, 13 об. Авториз. машинопись.

Дорогой Алексей Петрович!

Я давно не писал Вам (да и Вы тоже). Причиной этого отчасти было нежелание Вас в какой-то мере тревожить (Орлов мне писал в Монголию о плохом Вашем настроении и усталости) обычного порядка письмами, а такое, какое нужно, отсюда мне было писать неудобно. Теперь я рассчитываю, е[сли] ж[ив] б[уду], в декабре побывать в Ленинграде и повидать Вас, который мне не стал менее дорогим ни от длительного

Эласмотерий. Рис. К.К. Флерова

молчания, ни от некоторого охаивания моей скромной личности в письме к Ю.А. Он мне показывал Ваше письмо, явно написанное в депрессии.

Однако я сейчас не в силах писать Вам ободряющие слова и, не обращая внимания на брань и фыркание, твердить о Вашей нужности для науки, о том, что Вы еще совсем интеллектуально молоды и т.п.

Третий год работы в Монголии с акклиматизацией и реакклиматизацией, повторяющимися ежегодно, в какой-то мере выбили меня из обычной здоровой колеи: то ли я устал, то ли в самом деле безиодистые гобийские воды дали гипотериоз*, но как бы то ни было я утратил весь свой прежний бодрый тонус и потерял обычный живой интерес ко всему решительно. Вял, сонлив и апатичен, все функции организма снижены, пульс замедлен, давление крови снижено, обмен задержан. Как видите, весь механизм пришел как бы к безвременному концу, несмотря на мои всего лишь 43 года. Врачишки, по обыкновению, не смыслят, кормят иодом, а от него через три приема воспаляется горло и приходится прекращать лечение. Не знаете ли чего-нибудь такого сильно подбадривающего, чтобы вышибить меня из этого состояния? Вроде Вудхаузовского элексира бодрости для боевых слонов?

Путешествие этого года было довольно интересным: побывали в западной высокогорной части страны, боролись с ливнями и реками. Выкопали два скелета траходонтов с отпечатками шкуры и тела, скелет карнозавра, крокодила превосходной сохранности и опять множество разнообразных черепов. Однако самым интересным является находка крупного эоценового местонахождения – млекопитающие (одних черепов около тридцати), черепахи и крупные рыбы нижнего эоцена. Таких находок еще не было. Нашли еще множество носорогов, жираф, гиппарионов (в западной части МНР), из нижнего мела вытащили скелет небольшого динозавра, открыли гондванскую пермскую флору. Как видите, опять около 45 тонн, при хорошем разнообразии.

С нами был первоклассный кинооператор, который заснял шесть тысяч метров

* Правильно гипотиреоз – недостаточность функции щитовидной железы.

кинофильма. На днях я смотрел его пробы – получилось очень здорово, так что и у нас будет свой фильм об экспедиции и, кроме того, из этого материала киностудия сделает научно-географический фильм о нашей экспедиции в МНР¹.

В институте у нас очень тревожно: работает комиссия по обследованию его работы², и в составе ее Давиташвили неистовствует, мешая все с грязью и разводя беспардонную демагогию, а как-то получилось, что некому ему дать отпор. Ю.А. по своей структуре не может и другие члены комиссии – или робки, или им наплевать. Ожидают каких-то удручающих реформ, бедняга Ю.А. совсем извелся – такие переживания не для его нервишек.

Я, однако, как-то спокойно смотрю на происходящее и уверен, что ничего, особо серьезного, не будет. Правда, может быть, это оптимизм от безразличия и отсутствия энергии для переживаний.

Во всяком случае, перемены будут – по-моему, скорее, в смысле тематики, планов и т.д. К концу года увидим.

Как Вы сейчас себя чувствуете и что подделываете? Можно ли будет Вас попросить сделать несколько самых простых рисунков с наиболее определимых и хорошо сохранившихся частей скелета печорского котилозавра? Он, конечно, у Вас не стро- нулся с места, но я не собираюсь ни упрекать, ни настаивать на его обработке – не можете, и не нужно. Однако, так как геогносты давно уже требуют, то мне придется это сделать самому, хоть в краткой заметке. Поэтому, если у Вас есть возможность, время и охота – изрисуйте оттуда чего-нибудь. Если нет какого-либо из перечислен- ных компонентов – не нужно.

Получили ли мою "Ойкумену"?³ Е.Д. послала ее Вам летом по моей просьбе, но не имела никакого уведомления от Вас.

Как Гильда Юрьевна? Большой искренний привет ей от меня.

Ваш, как обычно, *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 14, 15. Авториз. машинопись.

Москва

23 апреля 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

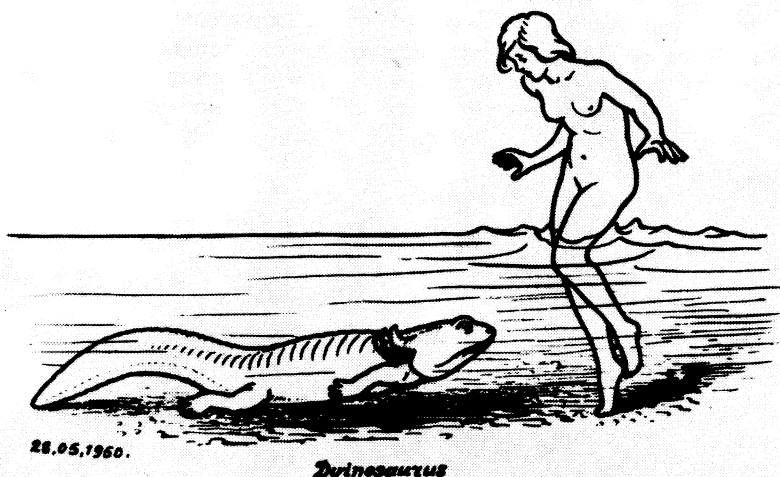
Завтра пошлю Вам свою "Тафономию", она наконец вышла. Не сердитесь, что с дразнительной надписью. В Вашем же конверте пошлю для Хозацкого и Хабакова. С Хозацким Вы часто видите, а Хабакову могут передать те из Ваших, которые часто бывают во ВСЕГЕИ, например, наверное, Александр Михайлович¹. Кстати, получил ли он от меня открытку, в которой я извещал его, что выполнил его просьбу и книгу передал ботанику А.А. Юнатову (геоботанический сектор Ботсада, ул. проф. Попова, 2), где ему и надлежит оную книгу получить. Открытку я послал давно, но с тех пор не было никаких известий, и я боюсь, что она попросту не дошла.

Очень смеялся над новыми фантазиями Федьки. Я спрашивал Ю.А., он также убежден, что его бумажка о степени – фальшивая.

Пока все еще пребываю в бо- лезнях* и сумлениях*, уж очень неудачно сложилось начало года. Завтра сделают последнее выжигание миндалин и тогда рассчитываю хворать не перманентно, как это было все последние три месяца.

Сумления мои, о которых ранее сообщал, также еще не окончились, поскольку экспедиция до сих пор не утверждена. Хотя и готовимся к отъезду все время и, по существу, все уже совершенно готово, но уверенности в том, что таковой отъезд состоится, никакой нет.

* Так в тексте.

Двинозавр. Рис. А.П. Быстрова

Конечно, развязаться с Монголией уже пора, хотя и жалко, но все же по науке еще написать надо непочатый край, а я все езжу и езжу. Ну, если все обойдется в этом году благополучно, то 1 ноября закончим Монгольскую экспедицию и одновременно отпразднуем двадцать пять лет академической работы.

Как поправлюсь окончательно, то, поскольку экспедиция задерживается, удастся приехать в Ленинград и повидаться с Вами. В общем, в начале мая все станет видно... Большой привет Гильде Юрьевне и Вам от Е.Д. и меня.

Будьте здоровы, дорогой.

Ваш И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 16. Авториз. машинопись.

60

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

1 июня 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Очень рад был получить от Вас письмо с таким приятным рисунком. Он мне понравился до чрезвычайности и навел на мысль просить Вас нарисовать побольше таких в часы отдохновения, на самые разные палеонтологические темы. Право же, это может служить отличным средством популяризации, лучшим, чем несколько страниц разных описаний, — сила цельного зрительного впечатления, притом объединенного с каким-то привычным нашим обыденным мыслям образом, объединенного не случайно, а композиционно.

Ей-бога, надо нарисовать их побольше и на разные (позвоночные, однако) темы. Если жив буду, ей-ей обеспечу Вам сбыв в виде заставок и концовок в своей научно-популярной книге¹, которая, кстати, уже стоит в плане ПИНа. Все равно, ближе к делу придется кланяться Вам насчет некоторых рисунков для оной книги... не только популярных, но и сугубо ученых!

Чтобы не забыть – некоторые замечания о рисунке:

а) двинозавр в этом повороте неэффектен – просто большой аксолотль;

б) выпуклые глаза двинозавра сомнительны мне – у него направление орбит существенно иное, чем у форм (современных) с выступающими глазами, дрейфующих на поверхности воды;

в) девушка не визжит, но очень хорошо растеряна. В то же время она не очень испугана. Для испуга лучше бы сделать "отрицающий" жест руке, как бы отталкивающий чудовище, и две-три незаметные черточки на лице – крик и испуг.

Дела с выборами² пока не ясны. Плохо то, что выборы отложили (по давлению свыше) на полтора месяца – до конца июня. Это понижает шансы Ю.А., я считаю, так как Недобитошваль³ теперь имеет гораздо больше времени для "подпольной" работы, в чем Ю.А. ему не конкурент. Таким образом, если Ю.А. ранее имел 90% за успех, то теперь не выше 60–70%. Но будем надеяться, что все обойдется, иначе с нашим ПИНОм дело будет плохо, и я, в частности, по скверне характера, не рассчитываю в нем задержаться много дольше своего 25-летнего юбилея (1 ноября с.г.). С экспедицией моей еще ряд новых, нелепейших и неожиданных рогадок. Если они не будут в два ближайших дня преодолены, то не исключена возможность, что сия доблестная работа придет к наиболее бесславному концу. Однако не думаю, чтобы наши президиумские чиновники настолько обнаглели уже в этом году; в будущем году, если кой-кого не выгонят, – не сомневаюсь. Поэтому все же ехать придется и 8-го должен улететь, к счастью, на более короткий срок, чем раньше, – денег хватит только на четыре месяца работы за все, про все.

С рисунками лантанозуха что-то неладно. Я говорил Вам, что хотел отыскать оригиналы и дать их переснять на хорошей бумаге, лучше, чем это бы сделали в ЛАФОКИ. Но до сих пор не смог найти оригиналов... Странно! Хотя все мои рукописи и материалы представлялись без меня, но все другое на месте. Буду искать еще, но времени уже совсем мало, и боюсь, что не успею переснять, когда найду, а без себя этого бы делать не хотелось.

По всем этим соображениям я сегодня же посылаю Вам те хорошие фотокопии, которые вернулись из издательства. Они местами запачканы, но это легко счистить. Насколько я понял, рисунки нужны Вам для диапозитивов – для этой цели посылаемые копии вполне годны.

А для более тонких целей после возвращения разыщу оригиналы и могу даже привезти их самих Вам в Лен[ингра]д.

Не забудьте мой монгольский адрес: МНР, Улан-Батор, п/я 374.

Большой привет Гильде Юрьевне и Вам, дорогой друг. В этот приезд не побывал у Вас и чего-то не хватает.

Ваш всегда И. Ефремов

P.S. Рисунки в другом, заказном письме в большом конверте.

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 17, 17 об. Машинопись с авторской правкой.

61

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

9 июня 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

С момента получения Вашего письма произошли некоторые события, результат которых можно свести к одному: я не еду в Гоби, равно как и не состоится 4-я экспедиция. Объяснение причин и сложно, и не годится для письма, в общем получилась большая нелепость. Но как бы то ни было – я буду летом в Москве и займусь, наконец, кое-какими долгами по пермским зверям.

Рисунки, конечно, разыщу и фото сделаю, но только я хорошо знаю, что они не в

натуральную величину черепа, а в $\frac{2}{3}$ ее. Но мне известно Ваше подобострастие к штрихам и штришкам, поэтому получите все, что есть.

Не скрою, что Ваша идеология "дружба дружбой, а наука – врозь" меня фразировала. Я сам не могу так смотреть, и для меня дружба с Вами не отделима от той науки, которой мы оба занимаемся. И Ваши успехи в ней меня радуют, а неудачи огорчают. Поэтому я и пишу Вам время от времени ругательные письма, а не потому, что, выругав Вас, я чувствую себя возвеличенным...

Может быть, теперь мне становится кое-что более понятно из Ваших прежних работ, что в свое время удивило меня, но было сочтено неважным и прочно забыто. Жаль, разумеется, но тут ничего не поделаешь – я сам по себе шел в науке, никогда не опасаясь – отдать. У Вас школа другая, зловредно-тонковская, и эту печать Вы пронесете всю свою жизнь, хотя по всем остальным Вашим качествам она вовсе к Вам не подходит. И мешает она и будет мешать светлой Вашей голове, и тянуть ее в "темную карму" по индийскому выражению. Ладно.

Теперь о лантанозухе. Любя Вас, советую – перед тем, как писать о лантанозухе, – перечитайте внимательно мою работу¹. Может быть, тогда Вы поймете, наконец, что с точки зрения ее для оценки группы батрахозавров совершенно неважно, рептилии они или амфибии, в свете обычных остеолого-морфологических данных. Вопрос о них стоит выше элементарных морфологических умствований, а так как Вы, разумеется, никакими решающими данными по ним не обладаете, то получится ерунда, пшик. И если Вы, совершенно справедливо, не "боитесь моего рыка", то ведь и я, ежели случится, накладу Вам по первое число, в Вашей же излюбленной морфологии, печатно или устно, когда угодно. Меня ведь тоже не "запугать" утверждениями, что "я мол то или другое сам проанатомировал"... Анатомировал, да не видал, так не смекнул. Бывает и так со всеми нами грешными, и Ваша милость от того же не свободна. Так что не заноситесь, тут перед Вами нет обожающих "вертихвосток", а есть только уважающий, но безусловно не худший ум.

Из этих строгих слов Вам должно быть ясно, что Ваше отношение к сеймуриям для меня огорчительно только потому, что я вижу слепоту друга в этом вопросе. И если к слепоте прибавляется надменноватое упрямство, то тут остается только развести руками. "Истинно говорю Вам – не хотящие увидеть – не увидят!"²

Почти тоже и с двинозавром. Вы изучили двинозавра "до мышц". Вы изучили аксолотля и тритона во всех подробностях. И, не собрав достаточного материала по миологии двинозавра, Вы невольно перенесли уродельные мышцы, кожу, жабры и прочее на двинозавра – именно потому, что запас Ваших знаний по двинозавру ничтожен, а по аксолотлю достаточно велик. Если бы Вы анатомировали бы преимущественно криптобранху, у Вас в контур двинозавра был бы вписан криптобранх. Что до глаз, то тут не так просто, как Вы себе это представляете. Нельзя вот так взять анурные глаза и вклеить их в двинозавра. Это, опять-таки, из-за малых сведений. Вы тут не виноваты – таков уровень науки. Но Вы виноваты в том, что перестали отдавать себе отчет в уровне достигнутого. В истинном уровне... Ну, хорошо, довольно ворчанья.

На меня нападают геологи, чтобы я посмотрел камских четвероногих. И батрахозавра с Печоры, который у Вас, и молотовские остатки из Г.-В. коллекции. Они в обиде на Вас, что Вы и ничего не сделали по этим остаткам, и прогнали их, отказавшись от определений. Нужно что-то сделать. И поскольку Вы не хотите, придется, видимо, мне. Приеду в Лен[инград], заберу печорскую тварь³, и, надеюсь, Вы не откажете мне в изучении молотовских материалов. А там, может быть, и удастся поставить в Молотове раскопки... А с Печоры выкопано еще что-то Шомысовым. Так что определения кое-какие могут получиться. Ну, сплешемся еще не раз.

Большой привет Г.Ю. и Вам. Не обижайтесь на некоторое поношение. Согласитесь, что Вы его заработали.

Ваш И. Ефремов

17 июня 1950 г.*

Многоуважаемый Иван Антонович!

Разбирая груды писем, пришедших на нашу дачу в Мозжинке, за время нашего пребывания в санаториях, я нашел прилагаемое письмо П. Саприновского со станции Зима на р. Оке в Иркутской области о нахождении мамонтовых костей в наносах правого берега реки. Так как мой сын Дмитрий в санатории, то пересылаю письмо Вам для передачи сотрудникам института, интересующимся ископаемыми четвероногими. Может быть, пользуясь летним временем, институт пошлет их на место для раскопок. Место это мне хорошо знакомо. В 1889 г. по поручению Ирк[утского] горн[ого] упр[авления] разведывал угленосные слои юры на этом берегу р. Оки в 5–6 км выше станции Зиминской, а по окончании разведки воспользовался наличием рабочей силы и инструмента, чтобы в течение 1 дня раскопать дно оврага по дороге в с. Зима, где из болотца торчал бивень мамонта, который мы все видели на пути из с. Зима к месту разведки. Мы накопили много частей мамонта и отправили все найденное (большой ящик) в Иркутский музей В[осточно]-Сиб[ирского] отд[еления] Геогр[афического] общ[ества], но копать до самого дна не могли, так как мешала вода. Эту работу я описал в Изв[ествиях] В[осточно]-Сиб[ирского] отд[еления] Г[еографического] общ[ества] за 1889 г.

Место, указываемое Саприновским, наверное, находится в той же местности в 2–3 км от с. Зима по правому берегу р. Оки, где этот берег расчленен оврагами, склоны которых состоят из четвертичных наносов, и, очевидно, заслуживает хорошей разведки; в моих сборах была кость хищного, кроме многих костей мамонта, очевидно от целого трупа. А Саприновский указывает еще место в той же части правобережья и укажет разведчикам его.

Я уже вернулся в Мозжинку и начинаю работать по подготовке к печати тома по географии Наньшаня¹, но очень мешает слабость глаз, кроме общей и дыхательной. В Барвихе мне даже определили "хронический бронхит", что сомнительно.

Палеонтологи института, наверное, уже собираются опять в дебри Монголии на раскопки, и Вы, конечно, готовитесь к отъезду, если не уехали уже².

С сердечным приветствием

В. Обручев

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 53. Л. 10. Автограф.

Москва

16 декабря 1950 г.

Дорогой Алексей Петрович!

С большим огорчением узнал (из Ваших писем Обручеву), что Ваша болезнь еще не оставила Вас в покое. Должен признаться, что сначала у меня не было к ней сколько-нибудь серьезного отношения.

Правда, этому виной одно из Ваших писем Обручеву, в котором Вы говорили о болезни в плюсквамперфектум.

Прежде всего совершенно не беспокойтесь о рукописи, засланной Вам отнюдь (подчеркиваю) не по моему желанию или совету. Также совершенно ни при чем здесь

* Датируется по содержанию письма.

автор ее, аспирант Вьюшков. Рано или поздно мы найдем способ извлечь ее в Москву, не причиняя Вам абсолютно никакого беспокойства. Кто-нибудь из наших поедет в Лен[инград] и заберет, а на защите обойдемся. Мудрецы, собираясь вместе, всегда перемудрят – это вольный перевод с греческого.

Знаете ли Вы, что в издательстве "Мак Гро Хилл" в Нью-Йорке вышла книга по функциональной анатомии позвоночных? На всякий случай подписываю здесь же Вам ее точное название – если захотите выписать через Ваш Дом ученых или университета.

Сейчас основное – Вам побережечь пока себя от всяческого напряжения, поэтому не худо побольше почитать и неторопливо поразмышлять. Если бы не скверное ленинградское небо, то было бы замечательно Вам достать школьный телескоп (менисковый) Максutowa – это замечательная вещь, дающая очень яркие изображения, и посмотреть в него двойные разноцветные звезды. Ничего более успока[ива]ющего, чем эти, красивее, чем самые лучшие драгоценные камни, огоньки из черной безмерной дали, я не знаю...

Научных новостей пока мало. Вот только в Казахстане в нижней перми найдены первые четвероногие – крупные сеймурии, по моему определению. Еще из нижней перми Инты должен быть скоро получен целый череп. Теперь пойдет нижняя пермь, а за ней и верхний карбон!

"Звездные корабли"¹ почему-то (впрочем, ясно почему) больше всех других моих книг переводятся. Сейчас они уже переведены на 6 языков! Это должно и Вам понравиться, как главному герою! Жаль только, что везде весьма посредственные рисунки...

Не побывав в Монголии, я чувствую себя гораздо лучше и энергичнее. Одна беда – поскольку перестал курить, то все толстею и тяжелею, а следовательно, и остареваю. Начать, что ли, снова курить, черт возьми?

Занимаю наукой все свое время, на литературу пока не остается. Надо уплатить по старым векселям – сократить описания и выпустить в печати, пока это возможно, каргалинскую фауну и котилозавров III зоны². Одновременно очень медленно движется книга о монгольских раскопках³ – это будет капитальное повествование листов на двадцать – так уж получается, никак не могу выписаться.

Ну, хорошо, думал написать коротенько, да не вышло. Кончаю. Поправляйтесь потихоньку, дорогой А.П., и как можно меньше заботьтесь о мелочах. А то они, при Вашей нервной сути, могут очень здорово Вас допечь!

"Будь прост, как ветер, неистощим, как море,

И памятью насыщен, как земля.

Люби далекий парус корабля

И плески волн, шумящих на просторе.

Весь трепет жизни всех веков и рас

Живет в тебе! Всегда! Теперь! Сейчас!⁴

Е[сли] ж[ив] б[уду], буду в Ленинграде в январе, привезу Вам женьшень, и тогда очень быстро вся хандра удалится.

Всего самого хорошего, а главное, здоровья, здоровья, здоровья!

Ваш И. Ефремов

P.S. Quiring Daniel. Functional Anatomy of the Vertebrates. Pp. 654. Mc. Graw. Hill. New-York. 1950. 550.

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 24, 24 об. Авториз. машинопись.

Ленинград

Не позднее 25 декабря 1950 г.*

Глубокоуважаемый Иван Антонович!

Я еще летом с большим интересом прочел Вашу книгу "Тафономия" как произведение широкого значения, захватывающее многие струны. Меня оно задело по трем направлениям: во-первых, там много есть штрихов, касающихся угольных месторождений, во-вторых, по линии палеофаунистики, в-третьих, по вопросу о среде захоронения, часто связанной с водными потоками континента. Мне хотелось бы поговорить о всех этих вопросах, но сейчас я не могу снова к ним возвращаться. В настоящий момент меня больше всего интересует среда отложения, и я хотел бы, чтобы Вы любезно мне указали (к сожалению, список литературы у Вас очень сокращенный), где бы я мог пополнить свои знания:

- 1) по поводу обстановки линз Амалицкого,
- 2) по Вашим местонахождениям по Сев[ерной] Двине и в Монголии, Чкалове и др.,
- 3) по мест[онахождениям] Джоггинса, Red Bed**, формации Моррисон¹ и вообще по заведомо речным или дельтовым формациям, с которыми Вы встречались.

Дело в том, что известное мне в угленосных отложениях говорит скорее за то, что большая часть таких потоковых песчаников отложилась в наземном потоке (в русле реки), а если в дельте, то в наземной части дельты, а не в подводной. Тем более, если они разделяются на отдельные рукава, напр[имер] Ваш рисунок № 11, если снос шел справа налево. Очень любопытно бы во всех этих случаях производить измерения косой слоистости (направление).

Я, разумеется, с еще большим вниманием буду прорабатывать Вашу книгу, столь захватывающую своим содержанием, необычным для рядовых палеонтологических работ. С нетерпением жду II части², как ждут продолжения увлекательного романа, остановившегося на самом интересном месте! Как еще мало пишут интересного в науках, уже собравших большой фактический материал, могущий послужить для реального восстановления минувшей жизни (и гибели). Ведь к этому и стремился покойный наш учитель А.А. Борисяк. Сколько еще можно порассказать о жизни Ваших двинских и др[угих] рептилиях и амфибиях для широкого читателя!

Я сейчас еду в Москву на несколько дней и буду стараться созвониться с Вами или навестить Вас в ПИНЕ.

А пока шлю привет.

Ю. Жемчужников

Семейный архив Т.И. Ефремовой. Автограф.

[Москва]

8 января 1951 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Ваши замечания по тексту моего романа о кладоискателях¹ очень пригодились мне для исправления недостатков, которые Вы отметили. Фома Кукушкин сделан теперь культурным человеком, сыном политического ссыльного декабриста, который дал сыну хорошее образование и приучил его к наблюдательности. С другой стороны,

* Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

** Красные слои (англ.).

консул, которого Вы почему-то сочли малосведущим, ему также очень помогал, и в этом отношении я по личному знакомству с консулом в Чугучаке, который в 1894 г. был уже драгоманом, т.е. толмачом, в Кульдже, а в 1905 г. консулом в Чугучаке, [могу утверждать, что он] действительно был интересный и образованный человек, каким он и обрисован мною.

Отмечено теперь и обилие монастырей и бездельников лам в Монголии в виде беседы Фомы с его компаньоном.

Вы указали, что в романе китайцы отмечены вообще как плохой народ. Это правильно, но соответствует действительности; путешественники всего более встречаются или с чиновниками, или с торговцами и хозяевами постоянных дворов, которые вообще малопривлекательны; с крестьянами – торговцами товаров, как Кукушкин, встречаться приходилось мало; поэтому они и не обрисованы; но неприязнь к китайцам вообще, которую Вы отметили в романе, по-моему, не бросается в глаза, а антагонизм китайцев и монголов не выражен.

Очень не понравилось Вам путешествие с немцами и раскопки в городе нечистых духов. Немцы обрисованы с комической стороны и разговора их ломаным языком не так много. Что же касается города нечистых духов, то я могу утверждать, что это замечательное место по сходству с сооружениями человека, и только геолог видит, что это работа воды и ветра. Я попал в город сначала в сумерки и сам принял его за развалины и только на следующий день понял, в чем дело. А Фоме и его компаньону, не видавшим подобного сочетания форм, похожих на башни, улицы, памятники, с ядрами в стенах, осколками, похожими на стекло, нужно было именно выяснить р а с к о п к а м и, что это не массивы зданий, а массивы породы. Я видел много эоловых форм во время своих путешествий, но целый эоловый город видел только один раз, и он заслуживает описания²; Фома и Лобсын должны были убедиться, что это не людские сооружения; смехотворного в их раскопках я не вижу ничего; они не были геологами.

Одобрение результатов раскопок со стороны специалистов уже имелось и еще добавлено. Связь с простыми людьми и их помощь (дружеская) отмечены в нескольких местах, но подчеркивать особенно я не считал нужным.

Вам очень не понравилось последнее путешествие в Кульджу; но это наша пограничная местность, очень интересный грабен Джунгарских Ворот, который требовал характеристики, как равно и свирепствующий там ужасный ветер, который до сих пор не дождался изучения метеорологами, несмотря на посещение у границы и легкую доступность. Я надеюсь, что роман побудит к этому, поэтому и уделил больше места описанию этих Ворот.

Наконец Ваши пожелания о более подробном описании путешествия в Тибет и характеристике страны Кам! Это хорошая задача для отдельной книги, которая будет интересной; присоединив сюда Наньшань, который примыкает с севера к Тибету и Каму, можно создать хороший приключенческий роман, и я им займусь, если позволит здоровье. Но прибавлять их к кладоискателю – это значит отложить издание последнего года на 2–3.

Небольшие сокращения в описаниях путешествия лучше сократить попутно при редактировании. Но книга должна ведь дать характеристики местностей на всем пути и нужно ли стремиться сокращать описания? Это географический материал, и читатель, не интересующийся им, может опускать его.

С этими исправлениями, за инициативу которых я Вам очень благодарен, передаю теперь роман на суд издательства.

С приветом

В. Обручев

Москва

18 мая 1951 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич.

Простите великодушно за нарушение Вашего покоя, но Вы в настоящий момент – единственный, кто знает во всех подробностях легенду о кисё-гии¹. Как Вы рассказывали в свое время Петру Петровичу Сушкину, эту легенду Вы слышали во время своего кульджинского маршрута.

П.П. Сушкин дополнял ее легендой о песчаном человеке – не помню сейчас его названия – и считал обоих этих диких людей (и Вашего камышевого и песчаного) подлинно существовавшими, но обязанными своим происхождением о д и ч а н и ю, в результате постоянных усмирительных войн и массовых бегств в пустыню.

Однако, мой друг, профессор И.И. Пузанов, вспоминая лично им слышанные от Вас рассказы, считает, что тут дело не так просто и, возможно, мы имеем дело с недавно существовавшей низшей ступенью человека².

Поскольку проф[ессор] Пузанов сейчас пишет книгу о происхождении человека³, ему очень нужно знать эту легенду во всех ее вариантах и подробностях.

Он просил меня ходатайствовать у Вас аудиенцию и прослушать эту легенду. Однако я думаю, что причину Вам меньше беспокойства, если обращаюсь к Вам письменно, с великой просьбой – написать, в свободную минутку, отданную воспоминаниям о Ваших походах, легенду о кисё-гиике и адресовать ее или мне, или прямо проф[ессору] Пузанову. Он использует ее в своей книге, разумеется, со всеми соответствующими указаниями на источник⁴.

Конечно, мы с неограниченным терпением будем ждать наступления у Вас "подходящей минутки"...

С глубоким и искренним уважением к Вам и просьбой передать сердечный привет Еве Самойловне.

Ваш всегда И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 4. Авторизов. машинопись.

67

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

1 июня 1951 г.

Дорогой Иван Иванович!

Все ожидал готовности Фрины¹ и ответа В.А. Обручева, чтобы ответить Вам, но с Фриной терпение мое иссякло – наш фотограф один раз снял неудачно и, обескураженный, не появляется – "вольнит".

Обручева теперь так, запросто навещать нельзя – всякий разговор его, оказывается, волнует. Можно переписываться, что я и сделал. Обязательный старик ответил мне аккуратно, заявив, что никогда он Вам этого не рассказывал (кисё-гиик) и сам ничего по этому поводу не знает.

По его предположению, Вам рассказывал об этом Сушкин. В.А. Обручев пишет, что он очень хорошо помнит все детали своих путешествий девятнадцатого века, хотя и забывает постоянно все происходящее с ним теперь. Он просит Вас написать ему, когда, при каких обстоятельствах и что именно он Вам рассказывал – тогда, может быть, ему удастся восстановить в памяти, хотя он и сомневается, что он когда-либо, что-нибудь знал о кисё-гиике, так как в дневниках и написанном ранее о путешествиях ни разу нет ни одного воспоминания об этом. Обручев уверяет, что такую интересную вещь он обязательно бы упомянул где-либо.

В общем, по-видимому, в самом деле он ничего не знает – дело, значит, в П.П. Сушкине – следовательно, в могиле...

У меня самое хлопотливое время – цейтнот с выполнением планов. У сына экзамены, у Елены Дометьевны – подготовка к экспедиции – в общем весь дом трудится с утра до вечера, не помышляя об удовольствиях и общении с широким миром. А тут еще не везет с автомашиной – оказывается совсем нелегко купить летом "Победу" – товар сезонный, вроде тапочек. Весьма возможно, что так и не купим и мирно поедем в Коктебель на вульгарном поезде... Но все же постараемся еще не сдаваться – время есть! {...}

Решили ли Вы, куда поедете в сем году? Если бы была машина, то обязательно заехали бы к Вам в Симеиз, так как будем в Крыму, е[сли] ж[ив] б[уду], во второй половине августа и в первой половине сентября. Но если мы окажемся простыми смердами в Коктебеле, то не появись ли Вы там в начертанное свыше время? Было бы очень хорошо, если бы Вы написали теперь уже поконкретнее о своих летних планах – уж очень приятно было бы встретиться с Вами в период вольного существования и пофилософствовать на идиллические темы. О красоте, уходящей из мира, например... и ее пришествии в мир – на следующем изгибе спирали!

О Крите и Мохенджо Даро, о гигантских пралюдях, о вертикальной (меридиональной) миграции человечества в его постепенном размножении и последовавшей затем великой широтной миграции средиземного пояса, что и отражено в старых легендах как смена Лемуров на Атлантиков. О эволюции общего идеала красоты человеческого тела в связи с общим развитием и сменой культур – в общем о весьма многом, что Вы сможете и оценить, и дополнить, и раскритиковать.

Большущий привет Вам от всего семейства, которое относится к Вам с искренней любовью.

А Фрину я все же pošлю Вам, как только удастся ее снять, добыв более чувствительную и мелкозернистую пленку.

С искренним уважением

Ваш И. Ефремов

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 1, 1 об. Авторизов. машинопись.

68

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

3 августа 1951 г.

Глубокоуважаемый и дорогой
Иван Иванович!

Решил попробовать написать Вам в симеизское уединение, так как летние планы уточняются. Почти абсолютно очевидно, что машины к отъезду в отпуск не достать – это оказывается товар сезонный, вроде тапочек – покупать надо только зимой, а сейчас нечего и думать достать. Отсюда следует, что все автосемейство отправится мирными поездными пассажирами в Коктебель, куда путевки получены с 22 августа по 16 сентября. Там и будем пребывать плотно, с выездом разве что в Кизылташ или Судак...

Когда Вы думаете попередвигаться по Крыму? Совпадет ли Ваш поход в направлении Коктебеля с периодом нашего там жития? Или же Вы уедете еще куда-нибудь – на погибельный Кавказ?

Не откажите отписать ответ – удостойте нас еще сюда, в Московию. Тогда будем знать, можно ли рассчитывать на встречу с Вами на крымской земле. Кстати, можно ли поселиться у Вас в Симеизе "дико живущими"? Две наши сотрудницы (одну из них Вы знаете – это О.М. Мартынова) мечтают почему-то именно о Симеизе и

упрашивали меня, чтобы я задал Вам сей вопрос при письменной оказии. Выполняя их просьбу, прошу не отказать написать о возможности здесь снять комнату, питаться и прочее с 1 сентября на месяц.

Все лето тружусь над древнепермскими дейноцефалами¹, оставив всякое попечение о литературной деятельности. И, к моему величайшему сожалению, не смогу раздаться до отпуска и придется корпеть и после. Значит, не получится приступить после Крыма со свежими силами к окончанию Монголии и закончить под один мах (это о беллетристическом описании путешествия)². Очень буду огорчен, если встреча наша в Крыму не состоится. Я как-то привязался к Вам душевно и не хватает Вас. Иван Ефремов сказал – ВАЛЕ*.

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 2. Авториз. машинопись.

69

В.А. ОБРУЧЕВУ

Москва

21 ноября 1951 г.

Многоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Приношу Вам самую искреннюю благодарность за Вашу, так любезно присланную мне книгу¹. В ней мне многое очень дорого – и от мечтаний юности, когда я сильно завидовал Вашим путешествиям, и от воспоминаний недавнего близкого знакомства с Центральной Азией, а главное – в ней Вы, так много от Вашей живой души и громадного запаса познаний.

Большое, большое спасибо!

Пользуюсь случаем попросить Вас, если можно, посмотреть мою статью о пермских континентальных толщах Центральной Азии (Монголии) и, если Вы найдете ее того достойной, представить для напечатания в "Докладах" или в "Известиях"². Впрочем, боюсь, что ее вообще не напечатают, сейчас перестраховка "экспертов", после всяких грозных приказов, достигла апогея.

С искренним уважением и благодарностью:

И.А. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 5. Авториз. машинопись.

70

В.А. ОБРУЧЕВУ

Москва

1 декабря 1951 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич.

Позвольте поблагодарить Вас от души за внимание к моей небольшой статье. Буду очень Вам обязан, если Вы решите сами, куда лучше направить оную. Конечно, если бы Вы смогли написать дополнение к статье, что очень лестно для меня, то статья должна идти в "Известия", геологическую серию, и задержка в этом случае никакого значения не имеет¹.

Я еще очень мало знаю Центральную Азию и, естественно, мог лишь слегка затронуть большой вопрос о континентальном палеозое древней азиатской суши. Однако с ростом изученности открывается все большее число верхнепалеозойских континентальных массивов и пересмотр прежних представлений – на очереди. Вернее, не столько прежних, сколько не очень давних, ибо с отодвиганием на юг границ

* Vale – будь здоров, прощай (лат.).

сибирской палеозойской суши вновь, в несколько иной плоскости, встает вопрос о "древнем темени Азии"².

Не обладая достаточными познаниями, я не могу разобраться, какая часть континентальных угленосных свит, развитых в Центральной Азии, принадлежит к перми, а какая – к юре. Однако, несомненно, что значительная, пожалуй большая, доля в этих отложениях – верхнепалеозойская.

Равным образом, граниты в юре – сомнительны. Большой массив мясокрасных кварц-порфиров внедряется в ноян-сомонскую пермскую толщу у Ноян-сомона, а немного восточнее есть небольшой гранитный массив особых плагиоклазовых порфировидных гранитов, по-видимому, связанных с кварц-порфирами и этой же нижнепермской толщей. Подобные граниты, рвущие нижнепермские континентальные толщи, вполне "естественны" и могут быть именно иеншанскими.

Но граниты, рвущие юрские толщи, в Азии нигде с несомненностью не наблюдались, что бы там ни писалось по этому поводу. Все это стали находить после известных Вам "геотектонических" измышлений – появился спрос на определенные факты – появились и самые факты в кавычках.

Нужно думать, что всякая континентальная толща с гранитными жилами и мелкими интрузиями гранит-порфиров (иеншанскими) – это толща заведомо палеозойская, отнесенная к юре по распространенному недоразумению.

Относительно отложений впадины Бага-Удэ мне не пришлось ничего нового слышать – постараюсь навести справки. Но мне известно, что заведомо пермские (по фауне листоногих – даже верхнепермские) отложения есть к югу от Сайн-Шанды, точнее к юго-юго-западу (южнее мелового массива Цзун-Баин). Не исключена возможность, что эти отложения составляют западное продолжение пермского массива Бага-Удэ, вполне возможное при широтном, в общем, простирании континентального верхнего палеозоя.

Как много еще нужно исследовать... множество интереснейших вопросов. И так жаль, что никак не получается хорошая центральноазиатская геологическая экспедиция – какую великую пользу она могла бы принести при достаточно широком и элементарно разумном подходе к ее задачам.

Но слишком много "заинтересованных" лиц и грошовых советчиков – вряд ли скоро удастся организовать что-нибудь настоящее, как случайно получилось с нашей Монгольской экспедицией (палеонтологической).

Извините за длинное письмо, многоуважаемый Владимир Афанасьевич, я рискую утомить Вас.

С искренним уважением и благодарностью

И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 6,7. Авториз. машинопись.

20 января 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

В конце декабря я уже собрался представить в редакцию "Известий", серия геологическая, Вашу статью о развитии континентального верхнего палеозоя в Центр[альной] Азии с небольшим примечанием о возможности развития юры и послепермских гипабиссальных интрузий¹, но задержало следующее: мне предложили просмотреть и представить к печати (по Монгольской комиссии) новую сводку по геологии Монг[ольской] Нар[одной] Респ[ублики], которую составил Маринов, один из геологов экспедиции Мин[истерства] геол[огии], работающей в МНР. Сводка пойдет,

к сожалению, в закрытой печати и ее будут привозить мне на просмотр на дачу сотрудники известной части. [Из] этой сводки я, конечно, мог бы узнать много нового и в отношении развития верхнего палеозоя и предполагаемой юры в МНР и соответственно этим данным лучше оценить интерес и значение Вашей статьи о континентальном верхнем палеозое МНР. Статью (монографию) Маринова² мне один раз уже привозили, и в ней я узнал, что в МНР определены пермо-карбон на 7 стр., пермь на 30 стр., континентальная на 8 стр., нижняя на 15 стр. и верхняя на 8 стр. В общем, как видите, много новых данных. Кроме того, я узнал, что имеется и юра, а также послепермские (но, скорее, домеловые) гипабиссальского типа интрузии. Все эти данные, вероятно, заставят отнестись несколько иначе к Вашим соображениям об истории развития МНР начиная с пермского времени. Но за несколько часов просмотра, занятого главным образом началом монографии – география и орошение, я не успел прочесть внимательно верхний палеозой и жду вторичного привоза монографии для продолжения работы.

Результаты дальнейшего ознакомления в отношении верхнего палеозоя (и мезокайнозоя) я сообщу Вам; тогда видно будет, нуждается ли Ваша статья в дополнениях и в каких; что она нуждается в них – стало уже ясным и поэтому лучше не торопиться с ее представлением к печати. В № 1, который должен выйти в начале января, она уже опоздала, и можно думать только о № 2, выходящем в конце марта – начале апреля, или даже № 3, если монографию привезут не в ближайшие дни.

Пользуюсь случаем послать Вам вышедшие недавно II и III тома сборника моих трудов по Азии, в которых также имеется материал по Центральной Азии, особенно в т. III (хотя и меньше, чем в т. I).

Искренне уважающий Вас

В. Обручев

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 58. Л. 4,5. Автограф.

72

В.А. ОБРУЧЕВУ

Москва

31 января 1952 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Не прогневайтесь, что я не сразу ответил на Ваше любезное письмо и в высшей степени приятный для меня подарок – еще две Ваши книги с автографами¹.

Дело в том, что в момент их получения у меня был грипп и я боялся передать Вам этот въедливый вирус через бумагу письма.

Позвольте же очень, очень поблагодарить Вас за Ваше, неизменно отзывчивое и приветливое ко мне отношение.

Вы так заботитесь о моей статье, что я право не знаю, чем я заслужил такое отношение и что мне делать, чтобы как-нибудь отблагодарить Вас за него. Никаких новых опусов литературных или научных у меня еще не напечатано (из тех, что могли бы представлять для Вас интерес).

Но есть три монгольские статьи геологического характера, в том числе моя итоговая статья², которые пока лежат у нас без движения, хотя и предназначались в первый же сборник работ по материалам Монгольской экспедиции.

Наши палеонтологические "эксперты" не решаются их подписать к печати, не будучи достаточно осведомленными, что можно и что нельзя.

Я, хотя и не согласен с ними, но ничего не могу сделать, а пускать эти статьи по закрытой печати настолько нелепо, что их там и не напечатают. Пока они будут лежать, я решил послать их Вам – там есть некоторые, совершенно новые данные по местонахождениям и палеогеографии Монголии, которые, возможно, будут для Вас интересны. Так как вопрос о их напечатании совершенно неясен, то они могут лежать

у Вас долгое время – "до востребования", и Вы сможете их просмотреть, когда это Вас устроит по делу.

Я буду очень обязан за каждый Ваш совет и указание по вопросам, там затронутым.

Что до моей статьи по континентальному палеозою, то ведь я отчасти рассчитывал на поверхностный характер сообщаемых сведений, как на содействующий облегчению вопроса с опубликованием. Если затронуть вопрос детальнее, а главное глубже, то, вероятно, статью не напечатают.

Но, может быть, Вы хотите, значительно дополнив и видоизменив статью, пустить ее по закрытой печати?

Или же Вы считаете, что при поверхностности сообщаемых в статье данных, из-за одного только открытия ноян-сомонской свиты и двух–трех весьма общих соображений ее публиковать не стоит? после работы Маринова? В общем, прошу Вас, высокоуважаемый Владимир Афанасьевич, не отказать в любезности взять решение вопроса со статьей в свои руки³.

Это будет наилучшая для нее (и для автора) участь.

Еще раз позволю себе принести Вам глубокую благодарность и наилучшие пожелания.

С искренним уважением

И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 8, 8 об. Авториз. машинопись.

73

И.А. ЕФРЕМОВУ

23 февраля 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я просмотрел все три статьи¹, присланные Вами, о некоторых итогах палеонто[лог]ических работ 1946–1950 гг. в МНР и полагаю, что они смогут идти в открытой печати в очередном выпуске "Трудов Монгольской комиссии". Но для представления их в РИСО нужно снабдить к а ж д у ю д в у м я э к з е м п л я р а м и препроводительного бланка, которые нужно получить в РИСО (Б. Калужская, 14), заполнить необходимым текстом, причем краткое содержание каждой статьи и краткую рецензию заполнить на оборотной стороне Вы сами, а подпишу рецензию я как гл[авный] редактор. Кроме того, две статьи нуждаются в исправлениях. У Рождественского конец стр. 10 нужно переписать на машинке и вставить на свое место в текст. Нужны ли карандашные надписи на оборотной стороне рисунков и фото? если нет – их можно стереть?

В статье Новожилова внизу стр. 2 исправления карандашом заменить машинописью и внизу стр. 17 примечание также карандашом как будто недописано, нужно выправить.

Получив обратно исправленные статьи и заполненные бланки к ним, я подпишу последние и отправлю с М.К. Расцветаевым в РИСО с бумагой, в которой буду настаивать на открытой печати в отдельном выпуске "Трудов М[онгольской] комиссии".

Расцветаева второй месяц я не вижу, он был в отпуску, а затем в командировке, но в начале марта я надеюсь его вызвать для сдачи в РИСО этого выпуска.

С приветом

В. Обручев

P.S. Вашу статью², предположенную для "Известий", я на днях направляю в редакцию журнала.

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 58. Л. 6. Автограф.

Москва

29 февраля 1952 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Сделав все, как Вы писали, посылаю Вам обратно монгольские наши рукописи.

Не знаю, сочтете ли Вы пригодными те отзывы (заключения), которые я составил для паспортов.

Позвольте принести Вам (в который раз!) самую теплую благодарность за Ваше неизменное участие в делах Монгольской экспедиции.

Право же, Вы не только учитель наш, но и совершенно по-отечески заботитесь о малых сих – рядовых работах по исследованию Центральной Азии, вся заслуга которых лишь в том, что сообщаются кое-какие новые данные.

Так трудно сейчас с продвижением подобных работ в печать – повсюду равнодушие и самостраховка "как бы чего не вышло".

Считается, что лучше задержать, чем рисковать хотя бы самой малостью, хотя бы и шло это в прямой ущерб развитию и славе нашей науки.

Извините за лирическое письмо – объясняется оно теми чувствами, которые возбудило Ваше участие после холодного равнодушия других.

С искренним уважением и благодарностью

И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 7. Авториз. машинопись.

3 марта 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

После промедления, вызванного желанием дополнить Вашу статью о МНР некоторыми соображениями о развитии проблематической юры, которую можно принять и за верхнюю пермь (ввиду отсутствия флоры и наличия дислокаций), я все-таки решил сдать ее в печать без дополнения, которое потребовало бы серьезных справок в литературе; и на днях отправил ее, но не в "Известия", где она дожидалась бы очереди долго, а в "Доклады" АН, куда она по своему объему вполне подходила и где будет напечатана скорее¹. Надеюсь, Вы не будете возражать?

Прилагаю рецензию нескольк[их] трудов палеоботаника Принады², умершего в 1950 г. и в общем малоизвестного. Мне прислали эти труды из Иркутского бюро печати с просьбой осведомить об их наличии интересующихся сибирской палео-фитологией? Рецензию я послал в "Известия" АН, серия геологическая, где ее напечатывают, а копию было бы хорошо поместить (конечно, без оплаты мне гонораром) в тех сборниках, которые Палеонтологический институт, насколько знаю, время от времени издает – для более широкого осведомления о времени и месте выхода из печати посмертных трудов Принады. Или же, если сочтете это более полезным, может быть, институт направит эту рецензию в "Бюллетень" Моск[овского] общ[ества] исп[ытателей] природы для напечатания (без гонорара).

Жду от Вас возврата трех статей, назначенных к печати Монг[ольской] комисс[ией] и посланных Вам для небольших поправок.

Уч[еный] секр[етарь] Монг[ольской] к[омиссии] Расцветаев в январе и феврале был в отпуску, почему я не мог их сдать ему для представления в РИСО. Теперь жду его на днях.

С приветом

В. Обручев

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 58. Л. 7. Автограф.

*Москва**15 марта 1952 г.*

Глубокоуважаемый Леонид Васильевич!

Позвольте горячо поблагодарить Вас за внимание ко мне в радостный день получения высокой Правительственной награды¹.

В успехе "Тафономии" есть большая доля Вашего участия – дружеской доброжелательной критики, поддержки и советов.

Ведь Вы – один из самых первых и самых искренних друзей этого нового и еще очень робкого направления, так нуждавшегося тогда в авторитетной поддержке².

И Вы с самых первых шагов тафономии, еще в 1945 г., неизменно оказывали эту поддержку, тем более ценную, что история литологических процессов мне, как палеонтологу, наименее знакома.

Нужно было обладать зоркостью настоящего ученого, чтобы за первыми, еще неловко сформулированными положениями увидеть то новое, что они несли в себе.

Поэтому мой успех – это также и Ваш успех, дорогой Леонид Васильевич!

Разрешите Вас от всей души с ним поздравить.

Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1630. Оп. 3. Д. 220. Л. 3. Авториз. машинопись.

*Москва**15 марта 1952 г.*

Глубокоуважаемый Отто Юльевич!

Позвольте горячо поблагодарить Вас и, в Вашем лице, редакцию журнала "Природа" за Ваше внимание.

Постараюсь оправдать высокую Правительственную награду и почетное звание лауреата премии имени Великого Сталина новыми научными достижениями и работой в Вашем (нашем) журнале под Вашим руководством.

Искренне благодарный Вам

И. Ефремов

АРАН. Ф. 496. Оп. 1. Д. 175. Л. 1. Авториз. машинопись.

16 марта 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Вчера прочитал в газетах о присуждении Вам Сталинской премии 2-й степени по геолого-географическим наукам за сочинение "Тафономия и геологическая летопись (захоронение наземных форм в палеозое)". Искренне приветствую Вас с этой наградой, но прошу разъяснить, что такое "тафономия"¹. Мне не приходилось встречать этот термин; означает ли он именно захоронение наземных существ только в палеозое или вообще? Будут ли остатки мезозойских и третичных форм также представлять "тафономию" или для них имеется еще другой термин? В связи с Вашими работами в Монголии процесс захоронения меня интересует и если у Вас есть книжка по этому вопросу – пришлите мне при случае на время для ознакомления.

Пользуюсь случаем сообщить, что все три статьи по монгольским раскопкам, которые Вы прислали мне в законченном виде, я на днях передал М.К. Расцветаеву для представления в РИСО с включением в отдельный выпуск "Трудов Монгольской комиссии", конечно, в открытой печати.

Недавно я получил из Америки изданную Геологическим обществом², членом которого состою до сих пор, книжку со списком палеозойских кораллов и описанием ордовичских тетракораллов. Палеонтологические книги, которые я получал из этого общества, я через сына Дмитрия передава[л] в Палеонтологический институт. Но теперь Дмитрий по болезни находится еще в санатории, и я прошу посылаемый том передать в палеонтологическую библиотеку.

С сердечным приветствием

В. Обручев

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 58. Л. 8. Автограф.

79

В.А. ОБРУЧЕВУ

Москва

20 марта 1952 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Афанасьевич.

Позвольте от всей души поблагодарить Вас за неизменное Ваше внимание, которым Вы никогда не обделяете меня.

Ваше поздравление, которым Вы столь любезно меня почтили, особенно дорого мне, потому что я считаю себя (может быть, несколько самонадеянно) Вашим учеником. Учеником, кроме геологии, еще в стремлении подражать Вашему удивительному умению замечать, казалось бы, самые "мелкие" явления окружающей природы и немедленно обращать их в научные заключения и сопоставления.

Тафономия появилась из непосредственных наблюдений находившихся в известном небрежении фактов и многолетнего их подытоживания.

Сама по себе тафономия – направление в исторической геологии и палеонтологии, устанавливающая причинность и закономерное течение процессов образования геологической летописи вообще и палеонтологической документации в частности. Аналогичное направление чисто геологического характера, как это я пытался показать в этой своей книге, может быть, названо литолеймонией, т.е. отраслью, изучающей закономерности сохранения осадочных толщ во времени, принимая, что геологическая деструкция действует избирательно.

Конечно, тафономия в равной степени приложима к любым отложениям любого геологического времени. Я остановился для первичного ее формулирования на палеозое и на континентальных отложениях, как на наиболее мне знакомых и наиболее нуждающихся в тафономических поправках. В этой же книге я даю краткий обзор тафономических особенностей материковых отложений мезозоя и кайнозоя.

В дальнейшем, если жив буду, то хочу написать вторую книгу, посвященную мезозою и кайнозою, но также гл[авным] образом континентальным отложениям.

Я сознаю, что в первой книге о тафономии есть много дефектов. Тут и неясно сформулированные положения, и непроверенные факты, и отнюдь не исключены прямые отдельные ошибки. Очень трудно было написать эту первую книгу, исходя из еще недостаточного, сырого материала, так как исследование местонахождений только, только начато. Но я решился на это, когда отчетливо осознал полезность тафономического направления для геологических и палеонтологических исследований.

Очень верно Ваше замечание, что процессы захоронения настолько ясно выступают в монгольских местонахождениях, что Вы и без всякой тафономии обратили на это внимание. Книга геологической летописи широко раскрыта в пустынных местах

Центральной Азии – именно там и надо познавать ее тайны.

Письмо получилось чересчур длинным – простите великодушно.

Прилагаю свою "Тафономию".

С искренним уважением и благодарностью

И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 10. Авториз. машинопись.

80

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

20 апреля 1952 г.

Дорогой Иван Иванович!

Напуганный раз навсегда грозной "проборщией"* в прошлом Вашем письме, спешу сообщить, что только вчера вернулся из Ленинграда, где был в командировке 17 дней.

Не откажите принять мою признательность за поздравление, сделанное, к моему большому удовольствию, совершенно во вкусе XIX века – это ведь так редко теперь...

Вы совершенно правы, что "Тафономию" из тех ее запасов, которые Вы заметили в шкафу, нацело разобрали.

Однако я срочно достану Вам экземпляр и pošлю бандеролью.

Равным образом, Вы точно отгадали намерение приобрести "тапочки"¹. Правда, "приложить" придется не пару тысяч, а много больше – ситуация изменилась в сторону еще большей трудности, но это еще полбеды.

Беда же в том, что премию, говорят, выдают чуть ли не через полгода после присуждения. Если это так, а со Зверевской финансовой политикой – вполне правдоподобно, то, как ни обидно, но мечты о "машинном" лете придется отложить еще на один год.

А жаль, потому что, помимо Крыма, мы хотели еще заехать в родные места – Павлоград и Херсон, а оттуда до Одессы, действительно, рукой подать.

Впрочем, еще посмотрим, может быть, удастся устроить заем...

Большое спасибо за интересное описание фрегата. {...}

Мечтаю еще раз услышать известные мне Ваши стихи и познакомиться с еще неизвестными.

Подвигается ли пинакопоэза о Фрине?

Кстати, как-то раз, не в прошлую, а в предыдущую встречу, Вы неосторожно мне пообещали прислать или вообще дать копию фото какой-то прекрасной черной или коричневой девушки², которая, по Вашему мнению, могла бы служить художнику-иллюстратору "Ойкумены" для прототипа Ирумы.

Обещанного ждут три года, но я решился напомнить через два, потому что, грешным делом, сам забыл, а то напомнил бы раньше.

Сейчас вроде собираются переиздавать "Ойкумену", и это было бы кстати.

Все семейство Вам кланяется и просит принять во внимание, что будет радо каждой весточке от Вас.

С искренним уважением

Ваш И. Ефремов

Постскриптум. "Парадная лауреатская" бумага – это просто латвийская, которую можно доставать у нас в Главбумсбыте. Если она Вам нравится, то могу приобрести для Вас запас и передать или переслать с оказией.

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 4. Авториз. машинопись.

* Так в тексте.

Москва

20 мая 1952 г.

Дорогой Иван Иванович!

Теперь могу написать Вам, не опасаясь передать заразу через письмо. Не то вирусный грипп, а может быть и более вульгарная ангина сразили меня внезапно, после одного ученого совета, и пришлось снова лежать.

На майские праздники, взяв по одному дню отпуска, мы всем семейством совершили пятидневную поездку (на чужой "Победе", с археологами) в старую Русь. Были в Переславле-Залесском, Борисоглебске, Ростове Великом, Угличе, Ярославле, осматривая преимущественно музейные церкви от XII до XVII веков. Почти переселились в шестнадцатый век сами, даже били в колокола: Сысой – две тысячи пудов, звучит в до бемоль; Полиелейный – тысяча пудов, ми; Лебедь – пятьсот пудов, фа диес, и так далее. Не понимаю, как можно сделать так, чтобы такая машина давала определенную ноту – этого я сообразить не могу – мрак безымянный в скудоумной голове моей.

Сняли ряд интересных снимков и очень довольные вернулись в Москву, где к уже испытанным удовольствиям прибавилось Ваше письмо. Но, увы, – пришлось расплатиться*.

Кстати, моряка не ругайте – он всячески хотел меня увидеть, но не смог, я был "в гонимбе", и письмо он оставил. Я не написал Вам о Катаеве, потому что хотел сначала познакомиться с этим произведением, но этого мне сделать до сих пор не удалось. А в Коктебеле он кажется был, когда мы приехали, но держался весьма особняком, как и подобает высокопоставленной особе. Поэтому я его и не видел, а если и видел – не обратил внимания.

Очерк¹ его обязательно прочитаю, как только немного управлюсь с делами – их прямо до невозможности много! (...)

Мне очень нравится идея написания биогеографии² в задуманном Вами плане. Я думаю, что это будет очень хорошо, интересно, а главное, своевременно, так как мелкие и мелкоплавающие специалисты, действительно, уж раздробили все до такой степени, что совершенно нет ничего для человека, не столь искушенного. У Вас есть еще одна, чрезвычайно ценная черта, которой я сам, увы, не обладаю, – это краткость, умение в десяти-двенадцатистраничной книге дать много материала и сказать все самое главное, что в науке есть. Многие даже не понимают, как это важно!

У Геккера я спрашивал о палеофонусе, но тот мямлил: "Что-то, давно по Циттелю известное", и мне стало ясно, что он ни фига не знает.

Я обратился к Родендорфу, и тот обещал мне раскопать литературу и сказать последнее слово по этому созданию. Как только он это сделает, а сделает он добросовестно, я напишу Вам сразу же.

Вспомнил еще. О Вашей пинакопоззии. Древним грекам это описание картин в стихах было ведь делом важным и привычным, как знаете. Вот я и разыскал, как же они называли такое занятие: экфразис. Конечно, лучшим "экфрастом" был Филострат.

Итак, Вы занимаетесь одновременно экфразисом и перизгезой, поскольку обходите местности, грады и веси, описывая их также. Это мне нравится.

Кстати, о Фрине – еще материал для очередного экфразиса (помните, Вы мне рассказывали про "решето"? – знаете ли Вы историю про Праксителя, его лучшую статую и Фрину? Ежели нет, то напишу Вам.

Очень сожалею, что не знал о Вашем "юбилее", почему и послал только "Тафономию". Ну, это можно будет исправить позднее...

Письмище получилось невероятно длинное, я явно злоупотребляю Вашим терпением, надо кончать.

* Так в тексте.

Все же позвольте еще несколько слов о лете.

У нас лето это, по-видимому, складывается своеобразно – семейство рассыплется. Сын собирается с археологами копать курганы в Танну-Туву (неплохо, а? Если бы мне в его возрасте это так было просто!). Я хлопочу отпуск более длительный, чем обычно, и на июль и половину августа собираюсь поехать на север в какой-нибудь, самый вульгарный дом отдыха или санаторий Рижского взморья, Карельского перешейка или тому подобное. После моих пяти гриппов этого года клапаны моего кора* пришли в невзрачное состояние, и я боюсь сразу же ехать на юг, а поеду туда к сентябрю, предварительно укрепившись на севере.

Елена Дометьевна будет сидеть в Москве, а затем хочет ехать на Кавказ, в какую-то голубую бухту Джанхот около Геленджика, на август. Я советую ей поехать все же в Крым – мне он как-то милее Кавказского побережья и мне приехать туда к ней будет проще и лучше.

Мы вспомнили о любезном Вашему сердцу Симеизе – нельзя ли там устроиться, сняв комнату с хозяйкой и обедом, так, чтобы без забот, пользуясь Вашей могущественной протекцией? Мы могли бы сразу же написать туда.

С тапочками³ дело обстоит плохо – еще труднее оказалось получить приличный гараж, а это то, с чего надо начинать. С прошлогодними дырявыми тапочками мы набрались кое-какого опыта, и все это в совокупности подсказывает, что и на этот год мы, вероятнее всего, будем без тапочек. Поэтому хорошо бы быть поближе к Вам, а Коктебель с его новым великосветским народом – как-то не привлекает.

Отсюда: мы оба с Е.Д. просим не оставить милостью и отписать, каковы Ваши летние планы и советуете ли избрать Симеиз основной базой и жильством Е.Д. на август.

Сейчас погода столь гнусная, что как-то даже на лето не похоже, но ведь сроки всех летних дел, если не по погоде, то по календарю уже на носу.

Привет Вам от всего любящего Вас семейства, мечтающего поскорее повидаться с Вами.

Ваш И. Ефремов

А моя пресловутая "лавреатская" бумага – тоже Кубла** и нисколько не лучше Вашей, только что клетки понахальнее выступают, как, впрочем, и подобает "увенчанному лавром"⁴

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 5. Авториз. машинопись.

9 июня 1952 г.

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я еще не мог поблагодарить Вас за любезную присылку Вашего труда о тафономии, так как сначала не имел времени познакомиться с ним ближе, а затем весь май я лежал в кровати и только недавно встал и понемногу возобновляю работу; сначала нужно было ответить на целый ряд деловых писем.

Я не представлял себе, что о захоронении остатков животных можно собрать столько интересных материалов, чтобы написать целую книгу, ограничив ее содержание наземными позвоночными, т.е. отбросив захоронение всех морских животных и растений. Поэтому я не нашел в книге сведений о захоронении археоциат кембрия и кораллов, которые меня тоже интересовали.

* Сердце (лат.).

** Так в тексте.

Особенно понравились мне Ваши указания ошибочности реконструкций местонахождений пермских позвоночных на Северной Двине и американских выводов о монгольских меловых и третичных животных. Как можно было говорить о пустынном режиме Монголии, познакомившись с этими богатейшими местонахождениями разных завров, жизнь которых нельзя себе представить в условиях сухой пустыни, а не в стране с обильными реками, болотами и озерами, в которых и захоронялись эти водолюбивые животные. И становится обидно, что Палеонтологический институт приостановил продолжение экспедиций в Монголию, вместо того чтобы настаивать на продлении их и распространении на площади, еще вовсе не затронутые раскопками на западе, востоке и юге этой сокровищницы древней жизни, и не приступил к изучению юрских (или триасо-юрских) местонахождений, так слабо известных нам и, кажется, не давших еще ни одной находки животных этого периода. Следовало бы устроить в институте публичную лекцию о монгольской фауне мела и третичного возраста с демонстрацией цветного фильма раскопок и реконструкций, чтобы ознакомить широкие круги с достижениями, заинтересовать результатами и побудить к возобновлению работ в Монголии и Китае. Поднимите этот вопрос в институте и устройте будущей зимой поездку нескольких лекторов с фильмами по нескольким крупным городам СССР для лекций о результатах наших и американских экспедиций (с критикой последних) в Монголию.

Эти захороненные на обширной площади Внутренней Азии научные богатства доказывают, между прочим, и правильность взглядов неотектонистов, что эта область испытала резкое изменение условий жизни в конце третичного периода, когда поднятия высоких гор Гималаев, Куэнлуня, Тяньшаня, Алтая отгородили эти области от влияния океанов на юге и севере и сделали их климат резко континентальным в противоположность очень влажному мелового и еще влажному третичного периодов. И опять встает вопрос о климате юры и необходимости обследовать юрские выступы Внутренней Азии и искать в них фауну (флора кое-где как будто найдена). Я еще не успел прочесть всю Вашу книгу и думаю, что она содержит много интересного и для меня, а не только для палеонтологов, материала, но потребует еще много времени для прочтения.

Мне кажется, что Палеонтологический институт слишком уединился в своей скорлупе. Следовало бы чаще выступать с лекциями и докладами о его работах и достижениях и печатать в популярной литературе сведения о его работах. Этим пожеланием закончу и извинюсь еще за неясности письма — на даче у нас кризис чернил, единственная чернильница содержит какие-то остатки!

С сердечным приветом

В. Обручев

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 58. Л. 9. Автограф.
Опубл.: Студенческий меридиан. 1977. № 10. С. 19.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Афанасьевич.

Большое спасибо на добром слове о моей тафономии. Ваше мнение, как всегда, особенно для меня ценно и как моего учителя в полевых исследованиях, и как единственного настоящего исторического геолога наших дней¹.

Захоронение морских беспозвоночных будет вкратце разобрано во второй части работы, посвященной в основном захоронению в мезозое и кайнозое, на материках этого времени.

Вы совершенно правы, что порицаете нас за прекращение монгольских работ и за слабое их популяризирование.

Кое-что мы уже пытаемся делать – мой помощник А.К. Рождественский выступал в Географическом о[бщест]ве в Ленинграде и здесь в О[бщест]ве распространения политических и научных знаний (в Политехническом музее)². Кстати, здесь это была одна из немногочисленных лекций (в этом году – первая), сделавшая полный сбор и вызвавшая многочисленные отклики.

Это показывает, как велик интерес в народе к центральноазиатским исследованиям. Кроме того, мы пишем (Рождественский и я), каждый по книге, о Монгольской палеонтологической экспедиции. Книги будут совершенно разные и пойдут по разным издательским линиям, но обе – научно-популярного типа³.

Я думаю свою закончить в конце этого года, у Рождественского будет готова ранее. В музее мы поставили гигантский скелет утконосого динозавра – зауролофа, фотографию которого Вы уже видели, наверное, в майском номере журнала "Советский Союз". В этом году будем ставить гигантского хищника типа тиранозавра, и дальше будут вырастать новые и новые скелеты, так ярко иллюстрирующие прошлую жизнь Центральноазиатского мезо-кайнозойского материка.

Но все же это такие вещи, которые будут иметь резонанс лишь через большой промежуток времени.

В то же время сейчас в Академии соотношение сил таково, что очень трудно сдвинуть с места вопрос о продолжении экспедиции.

Может быть, это смогли бы сделать Вы, Вашим авторитетом?

Вероятно, ставить вопрос "широким профилем", с геологией, с захватом Китая, сейчас нельзя – испугаются сложности взаимоотношений.

Но, может быть, поставить вопрос о продолжении палеонтологических раскопок и изучения континентальных костеносных толщ и только в пределах МНР?

Это сузит проблему канцелярского оформления, а добившись Правительственного решения, можно будет разворачивать все это дальше, отчасти на месте, отчасти исходя из новых полевых результатов⁴.

Я ничего не знаю о судьбе наших рукописей в "Трудах Монгольской комиссии". Издаются ли что-нибудь там или все остановилось?⁵

Было бы хорошо, чтобы ко времени постановки вопроса о возобновлении работ эти статьи были уже изданы, если, конечно, это возможно в условиях настоящего времени.

Несмотря на всю инертность Академии и Палеонтологического института, мы все же надеемся рано или поздно доказать необходимость центральноазиатских исследований, добиться их продолжения и порадовать Вас новыми фактами, подкрепляющими Ваши взгляды.

И это замечательно, что Вы указываете на необходимость исследования континентальной юры, не зная, что мы как раз на основании последних фаунистических сопоставлений пришли в точности к тому же выводу.

С глубоким и искренним уважением

Ваш И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 11. Авториз. машинопись.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

К большому моему сожалению, события, с головокружительной быстротой развернувшиеся в нашем институте и соединившиеся с обязательством сдать свой 40-листный трактат¹ до отъезда в отпуск, привели меня в полное ничтожество.

Пришлось отложить всякие помыслы о свободном времени и днями и ночами гнать и гнать работу, вперемежку с заседаниями и комиссиями.

Поэтому так и не пришлось привести в исполнение наши с Еленой Дометьевной мечты о новой встрече с Вами.

Однако обещанное Агнии Александровне и Вам исполняю:

1. Машинка для стрижки газонов не изготавливается ни одним из наших заводов, привозятся из Германии. В отделе механизации Треста зеленого строительства Москвы есть мастерские, которые могут изготовить такие машинки (или даже собрать их из частей отремонтированных импортных).

К сожалению, мой знакомый не мог тут же сказать мне телефона и прочих координат этого отдела механизации, а больше я с ним не виделся. Но думаю, что узнать это не так сложно и можно поручить хозяйственнику.

2. Рукопись "Костей Дракона"² при сем прилагаю и прошу прощения, что это второй экземпляр – первый никак не мог вызвать из издательства – редактор уехал в отпуск и где-то запер рукопись.

Покорнейше прошу не судить строго – ведь это совсем еще неотработанная вещь – практически первый свод записей и воспоминаний.

Извините за внешний вид рукописи – из-за плохой бумаги она истрепалась, хотя читали ее всего два-три человека.

Большой привет Агнии Александровне и Вам от всего семейства, а также от Людмилы Ильиничны Толстой – она просит передать Вам, что собирается нанести Вам визит, и, может быть, Елена Дометьевна тоже к ней присоединится.

Я сегодня уезжаю на Карельский перешеек, под Ленинград, в едва живом виде.

Ваш И. Ефремов

Академик Иван Михайлович
Майский (50-е годы)

АРАН. Ф. 1702. Авториз. машинопись.

Комарово

23 июля 1952 г.

Дорогой Петр Константинович!

Я узнал из письма Елены Дометьевны, что Вы с Вьюшковым¹ уже побывали в Голюшерме, и, следовательно, моя телеграмма в этом отношении лишняя.

Мне кажется, что Вы действуете совершенно правильно по экспедиции. Не беда, если этот год не даст большого, пригодного для диссертации материала – мы уже застрахованы решением обработки котилозавров и более ни от чего не зависим, так как не только рисунки, но даже фото есть. Т[аким] о[бразом] если Вам удастся в этом году как следует "распробовать" Очёр и Котловку, чтобы определить их пригодность для дальнейших раскопок, то это уже можно считать серьезным результатом, если причислить сюда еще и молотовскую "вышку", хотя она и "негативная", но тем не менее как-то решается.

На Котловку обязательно зарезервируйте сколько-то денег, чтобы прощупать. Большое спасибо, что взяли к себе сына, что позволило ему не лоботрясничать. Вы с ним поостроже – он парень неплохой, но надо цыкать, чтобы не ленился и приучался к настоящей работе, пусть не вдруг, но все же постепенно.

Если у нас выйдет с машиной, то, может быть, его и вызовем к себе, чтобы съездить с ним всем вместе в Крым, тогда пришлем телеграмму. Но если не получится, то пусть он будет у Вас до тех пор, пока будет нужен. Ему возвращаться в школу к 1 сентября.

Я здесь буду числа до 8 августа, так что если будет какая новость, можно мне сюда телеграфировать, а то* ушел на Москву, куда я попаду к 10-му августа.

Привет Вам и всем Вашим – Володе, Андрею и сыну². Ему напишу на машинке – он моего почерка пока не разбирает.

С искренним уважением

И. Ефремов

Личный архив П.К. Чудинова. Автограф.

86

И.А. ЕФРЕМОВУ

*13 декабря 1952 г**.*

Многоуважаемый Иван Антонович!

Я получил вчера прилагаемое письмо от В.И. Зубкова¹, с которым изредка переписываюсь по географическим вопросам. Он приложил к письму рисунок фрагмента челюсти животного из юрской глины, который заинтересует и Вас. Посылаю его Вам и думаю, что Вы захотите узнать непосредственно от него подробности относительно местонахождения этой кости и напишите сами ему. Адрес я прибавил к его письму. Ему я сообщу о передаче находки Вам для определения и дальнейших указаний.

Ваша книга о тафономии вскоре очень пригодится мне, так как я для "Природы" собираюсь писать очерк о меловой и третичной обстановке жизни в Центральной Азии², в которой все звери, которые теперь покоятся вечным сном во впадинах Гоби, оживут. Недавно мой сын³ принес мне прекрасное изображение утконосного динозавра, исполненное в Палеонтологическом музее, но не сказал мне, кого нужно поблагодарить за этот подарок. Вы, конечно, знаете, кто выполнил этот фотоснимок и будьте добры передать ему мое большое спасибо. Неужели институт не собирается возобновить в 1953 г. раскопки сокровищниц Гоби?

После нескольких летних и осенних вспышек воспалений легких я сижу безвыходно в комнате и до начала января провожу полный отдых, впрочем нарушаемый время от времени срочными делами.

С сердечным приветом

В. Обручев

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 58. Л. 11. Автограф.

* Далее не разобрано одно слово.

** Датируется по содержанию письма.

Москва

22 декабря 1952 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Я написал В.И. Зубкову предложение прислать находку к нам в ПИН для точного определения, потому что по плохому, дилетантскому рисунку нельзя сделать никаких достоверных определений.

Я написал статью о захоронении динозавров в Нэмэгэту¹. После перепечатки на машинке разрешите послать ее Вам, в надежде, что она пригодится для Вашего очерка. Держать ее у себя Вы можете сколько угодно и вообще не возвращать ее мне, так как в печать пойдет другой экземпляр.

Пригодится ли Вам для очерка статья о биологии и зональном распределении областей обитания динозавров?²

Если пригодится, то я могу перепечатать еще неопубликованную свою статью по этому вопросу и также послать ее Вам – только дайте мне знать, что она Вам нужна.

Мы мечтаем о продолжении монгольских работ и их распространении на Внутреннюю Монголию и дальше на юг, особенно в "Долину Бесов", куда мне очень хочется попасть, ибо, по Вашим описаниям, я предчувствую там новую сокровищницу палеонтологии.

Однако это очень трудно для нас, так как институт против возобновления этих работ, считает, что мы и так "затоварились" еще неотпрепарованными и немонтированными коллекциями, которые хранить негде...

А если так, то и поднимать эти очень трудоемкие и хлопотные экспедиции ПИНУ нерентабельно, ибо в последнее время всякие оформления стали крайне трудны.

Все же мы с этим не согласны и попытаемся, совместно с геологами, поднять вопрос, пусть не о большой раскопной, но во всяком случае исследовательской палеонтологической экспедиции в центральноазиатские места.

Извините за длинное письмо.

С искренним и глубоким уважением

всегда Ваш И.А. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 12. Авториз. машинопись.

Академику-секретарю Отделения биологических наук
академику А.И. ОПАРИНУ

Москва

13 августа 1953 г.

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

От имени палеонтологической науки обращаюсь к Вам с протестом против того распределения академических вакансий, которое было опубликовано в газете "Известия".

По этому распределению из всех имеющихся вакансий академиков и членов-корреспондентов ни о д н о й не предоставлено на долю палеонтологии.

Это положение нельзя признать нормальным и соответствующим потребностям развития советской науки.

Палеонтология, особенно в Советском Союзе, давно уже стала наукой перво-степенного значения как для разработки материалистического мировоззрения, так и для практики геологических поисков полезных ископаемых.

Коллектив палеонтологов Советского Союза, насчитывающий тысячи человек и

отвечающий за работу огромной важности, не может не быть представленным в штабе советской науки – Академии наук СССР – с правом голоса.

Положение усугубляется тем, что с 1944 г. т.е. в течение почти десяти лет, палеонтологическая наука Советского Союза не имеет ни одного академика¹, а из имеющихся четырех членов-корреспондентов², выбиравшихся в свое время по линии палеонтологии, в нашей науке сейчас не работает ни один. Поэтому я считаю своим долгом ходатайствовать перед Вами о пересмотре существующего распределения вакансий, учитывая серьезнейшую необходимость выделения на палеонтологию хотя бы одной академической единицы в этом году³.

И.о. директора ПИНа АН СССР, профессор,
доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии

И.А. Ефремов

АРАН. Ф. 534. Оп. 1–1953. Д. 40. Л. 127. Подлинник.

89

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

2 ноября 1953 г.

Дорогой Иван Иванович,

Только что получил Ваше письмо – немедленно отвечаю.

Как и почему могло возникнуть предположение, будто я на что-то обиделся? Разве лишь потому, что вследствие летних моих разъездов наша переписка временно прекратилась?

После Вашего письма из Закарпатья я так и не смог с Вами связаться, а, приехав в Коктебель, поджидал Вашего туда приезда, пока не пришло письмо от Вас Марии Степановне, в котором Вы выражали удивление, почему я не заехал за Вами в Симеиз, так как кто-то передал Вам, что я собираюсь это сделать.

Но это было уже поздно – для Вас. Я после того странствовал по Крыму на своей "Победе" без семейства, которое отбыло в Москву уже в октябре. В Москву я вернулся только в середине октября и собирался Вам писать, когда получил очень толстое послание. Но нет худа без добра – зато все семейство хохотало, читая действительно смешные истории, вдобавок рассказанные с таким мастерством.

Ради Бога ни о чем таком не думайте – все мы полны самых дружеских чувств к Вам и обладаем достаточным запасом юмора, чтобы не распаляться от дружеской насмешки.

Тороплюсь отправить это письмо, поэтому откладываю до следующего писание о летних приключениях и о моей неудачной баллотировке в членкоры Академии наук, на которой я провалился (с каким треском – еще не знаю, на днях узнаю о числе голосов за и против)¹.

Большой привет Вам от Е.Д., Аллана и меня.

С искренним уважением, симпатией и дружбой

Ваш И. Ефремов

Книгу посылаю сегодня же.

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 6. Авториз. машинопись.

Дорогой Иван Иванович.

Прямо не везет с быстрыми Вам ответами – письмо пришло в мое отсутствие – был в командировке, в Ленинграде.

Итак, прежде всего о книжке¹, Ваших вопросах и критике.

Фараон Джедефра, его разбитые статуи и маленькая пирамида – все это исторически точно. Баурджед – не существовал, это я перенес сюда из пятой династии казначея Бауркара, который был послан фараоном Джедкара (Асеса) в Пунт. Я изменил соответственно вторую половину имени казначея (по фараону), а сделал это по художественным соображениям показа строительства великих пирамид, вернее, не строительства, а его последствий.

Что до дефектов книги, то в общем с Вашими замечаниями согласен, за исключением того, что надо было показывать приключения в Пунте. Это не оправдано всей композицией вещи и, в общем, только повторило бы "Ойкумену".

В сопоставлении "учености" и "лавреатства" Вы попросту ошиблись – эта вещь написана в 1945 г., р а н ь ш е "Ойкумены" и только "подработана" в прошлом году, по редакторским советам – введение "народа", отсюда многоплановость и т.п.

Теперь о Ваших советах. Я думаю, что Вы правы в том, что современная тема всегда сильнее, но не правы, что мои исторические вещи слабее неисторических. Я бы оценил и те и другие цифрой 4 (5 за неисторические – многовато). А вот, что касается Сенкевича, то безусловно он велик, но не Брюсов и не Ян. С этими я считаю себя в силах вполне состязаться, только мои вещи несколько в иных планах, чем ихние.

И в дальнейшем я тоже планирую чередовать исторические и неисторические произведения, должно быть оттого, что мне, как палеонтологу, история очень по вкусу, и оттого, что в современных условиях в исторической вещи больше простору, немного легче дышится.

А что касается именно "Ойкумены" и "Баурджеда", то ведь это произведения одного и того же периода увлечения египтологией. Сейчас он давно уже миновал.

На следующей странице перечислю Вам для примера рассказы, запланированные для нового моего сборника, который, авось, когда-нибудь будет написан, а пока возражу на два Ваших замечания – остальные относятся к опечаткам. Кстати, одна из этих опечаток – морской еж дионема – это в Вашей собственной работе, откуда я и взял название, не проверив.

Гнилой запах океана у мыса Гвардафуй описан во всех без исключения лоциях, так что это вовсе не от моей кавасаки, а совершенно точно. Я полагаю, что когда Вы проплывали по оному месту, то любезничали в к а ю т е с хорошенькой мисс или же мирно спали, приняв соответственное количество против качки. Попробуйте порыться в памяти, и, я уверен, так оно и окажется.

Что до длинных рубах египтян, то прошу иметь в виду, что дело происходит в четвертой династии Древнего Царства, когда официальный костюм чиновника именно был длинной, до пят, рубахой. Тут нет ошибки, это точно...

Ну, вот, на описание путешествия по Крыму опять места не осталось. В следующий раз... Итак, рассказы:

1. Юрта Ворона – современный.
2. Кирангози – современный, но африканский.
3. Рыцари Лебеда – исторический, из времен крепостного права.
4. Камни в степи – доисторический.
5. Арабеска – современный.
6. Красный гигант М. – современный.*

*Далее автограф И.А. Ефремова.

7. 6 декабря 1240 года – исторический.

8. Нанга-Парбат – современный.

Как Вам понравится такой проект?²

Примите, дорогой Иван Иванович, большой привет от Е.Д., сына и меня – словом, всего любящего Вас семейства.

Когда собираетесь в Москву?

Искренне Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 7, 8. Авториз. машинопись.

91

В.А. ОБРУЧЕВУ

Москва

22 декабря 1953 г.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич.

Прилагая при сем проект письма в газету "Правда" о приключенческой литературе и создании приключенческого журнала, обращаюсь к Вам с просьбой от имени комиссии, созданной на этот предмет при Союзе советских писателей, и ее председателя, писателя А.П. Казанцева, согласиться поставить Ваше имя под этим письмом.

Письмо написано по предложению гл[авного] редактора "Правды" тов. Попова, который берет его опубликовать. Предполагается, что письмо будет подписано членами Президиума Союза писателей, видными учеными, прикосновенными к литературе и писателями соответственного профиля.

В последнее время "Литературная газета" подняла вопрос о необходимости развития жанра приключенческой и научно-приключенческой литературы¹.

Была опубликована большая статья и затем целый ряд откликов читателей, которые показали всю своевременность постановки вопроса.

В развитие этого была создана комиссия под председательством Казанцева, и в ней родилась идея опубликования письма в "Правде".

Излишне говорить, насколько важно Ваше участие в этом письме как виднейшего ученого, путешественника и автора широко известных научно-приключенческих книг.

Проект письма Вы можете изменить, как найдете нужным, и с Вашими исправлениями и визой его можно вернуть мне через Дмитрия Владимировича или любым иным путем. Очень прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич, по возможности не задерживать с ответом, чтобы редактор "Правды" случайно не забыл о своем обещании, как это иногда случается.

Помогите нашей молодежи, которая Вас так любит, получить интересное чтение².

С извинениями за беспокойство и бесконечным уважением.

Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 445. Л. 13. Авториз. машинопись.

Москва

22 декабря 1953 г.

Дир профессор Ватсон.

Я был очень рад узнать от профессора Обручева¹, что Ваши бедли иллесс* окончились и Вы снова квайт уэлл**. Очень благодарен за присылку вырезок "Таймса" о "Катти Сарк"² – это почти совпадает с моим рассказом.

Сообщенный Вами способ препаровки испытывается сейчас нами на разных объектах – пока результаты вполне обнадеживающие.

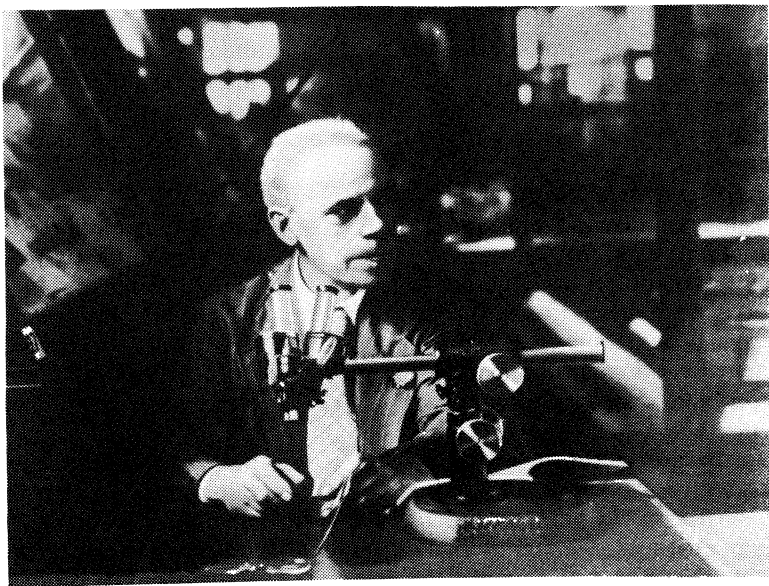
Я послал Вам свои последние работы³, в которых, к сожалению, мало чисто морфологического.

Однако, поскольку работа о фауне медистых песчаников⁴ наконец закончена и в настоящий момент ин принт***, я скоро буду иметь удовольствие послать ее Вам с восхищением по поводу Вашей всегдашней проницательности.

Действительно фтинозаурус оказался очень примитивной горгонопсией и прямым родственником "ропалодон" – по этому черепу, когда-то описывавшемуся Сили и Нопшей, я установил новый род фтинозухус и новое семейство фтинозухид.

Мрс.^{4*} Ефремов (Е. Конжукова)⁵ закончила несколько работ о пермских стегоцефалах, которые также печатаются и будут незамедлительно посланы Вам вместе с работой моего аспиранта о тероцефалах⁶. Новые котилозавры – предки парейазавров, сейчас находятся в обработке у другого моего аспиранта⁷.

Нашли мы и нижнепермских стегоцефалов и рептилий – к сожалению, еще в малом количестве и плохой сохранности, однако первые результаты работ интересны и скоро будут опубликованы. В текущем году найдены настоящие проколофоны, однако более

Девид Мередит Сирс Уотсон

*Тяжелые заболевания (англ.).

**В полном порядке (англ.).

***В печати (англ.).

* Так в тексте.

мелкие и примитивные, чем Ваши африканские, а также триасовые огромные дицинодонты, типа каннемейерии и крупные псевдозухии.

Первые результаты обработки монгольских динозавров также выходят из печати в будущем году, и я пошлю их Вам вместе с фотографиями полных скелетов крупных гадрозавров и гигантских карнозавров, установленных в нашем музее. Замечательно, что такие гадрозавры, как зауролофус, могли достигать чудовищных размеров – высота задней ноги животного не менее 3,2 м при массивности костей значительно большей, чем у зауропод, и очень слабом тазе. Вообще, наши монгольские находки дают множество очень интересных фактов морфологической характеристики динозавров.

С лучшими пожеланиями для Нового года.

Искренне Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 173. Л. 48. Авториз. машинопись.

93

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

13 января 1954 г.

Дорогой Алексей Петрович!

С большой радостью получил Ваше письмо, вернувшись из дома отдыха. Однако вернулся я с припадком стенокардии, уложен в постель и обязан лежать смирно еще несколько дней. Одна симпатичная леди взяла на себя, в данном случае, обязанности машинистки, и я могу Вам ответить незамедлительно.

Сначала о "деле". Я выписал и получил работу Ярвика "On the fishlike tail of the Ichthyostegidae... etc." В ней описываются задние конечности, тазовый пояс и хвост ихтиостегид, последний совершенно рыбьего типа. Также описан череп нового рода ихтиостегид. Как всегда – превосходные разрисованные фотографии и контурные рисунки. Во всяком случае, эта работа дает полное представление о конечностях и хвосте ихтиостегид, хотя общий вид скелета по-прежнему неизвестен.

Если эта работа недоставаема у Вас в Ленинграде, то я могу переслать Вам свою с оказией. Напишите.

С Вашим определением литературы я совершенно согласен и собираюсь биться за расширение выписки литературы... хотя бы. Что до Ваших сражений с квазиучеными и ультраавантюристами, то эмоционально их нельзя не одобрить. В то же время авантюристов и дельцов и вообще всяческих проходимцев развелось в науке такое множество, что не хватит никаких сил на истирание их в порошок. Это работа бетонного завода, а не одного ученого – полувывершенного отряда позвоночников.

Отсюда следует необходимость применения магического "ничто" и к той накипи, которая за последнее время столь плотно покрыла поверхность прозрачного озера науки.

Что до разговоров с деканом, то хотя я и не знаю его содержания, но могу вообразить. Скажите, дорогой А.П., а Вам никогда не приходило в голову сократить свою преподавательскую деятельность, выйти на пенсию и написать настоящую сравнительную анатомию позвоночных на физиологической или, как это модно выражаться, функциональной основе. Вот было бы дело, достойное Вашего таланта и знаний и дозарезу нужное. Впрочем, об этом поговорим еще как-нибудь. Большой привет Гильде Юрьевне и Вам самому, конечно.

Напишу подробнее, как встану.

Ваш *И. Ефремов*

СПбФ АРАН. Ф. 901, Оп. 3. Д. 49. Л. 19, 19 об. Авториз. машинопись.

Москва

17 мая 1954 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Я давно не писал Вам по причине некоей депрессии, которая захватила меня не столько из-за угнетения врачами, сколько из-за убийственно медленного осуществления планов намеченных дел. Это, пожалуй, единственное, из-за чего я способен по настоящему беситься.

Сейчас я управился с корректурами большущих медистых песчаников¹ и с аспирантской работой, которую пришлось подгонять, отложив все остальное. Понемногу управлюсь и с остальными долгами, как управился сегодня с завалом статей по "Природе"².

Кстати о "Природе" – я как-то советовал им обратиться к Вам насчет написания серьезной статьи о происхождении человека – обозрения последнего слова науки по этому вопросу.

Вы как-то зыкнули на редакцию и оные людишки в испуге отступили. А жаль... Не переменялось ли у Вас настроение по этому делу? Ведь кто еще может по-честному, без невежества и протитутирования и в то же время с полным владением всеми иноисточниками? Право, иногда жаль читателей – они-то уж ни в чем не виноваты!

С биологией назревает команда: "К расчету стройся!" Кажется, наверху начали понимать, вряд ли полностью, всю бездну, в которую ввергли нашу науку разные карьеристы, проходимцы и научные проститутки, стоявшие много лет у кормила биологии... Пока это выразится в перевыборах (срочных) Бюро Биоотделения³, пересмотре физиологических дел, а что дальше – господи веши. Увидим, е[сли] ж[ив] б[уду].

Врачишки меня не пускают в Крым в отпуск и не позволяют управлять автомобилем. Возможно, из-за этого окажусь на Карельском перешейке на июль-август. Тогда, ежели Вы будете достижимы и не против, смогу навещать Вас. {...}

Как Вы и что Вы? Пишите, дорогой А.П. Большое спасибо Вам за интересную книгу.

Привет Г.Ю. и Вам.

Ваш И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 20. Авториз. машинопись.

Москва

17 мая 1954 г.

Дорогой Иван Иванович!

Простите великодушно за долгое молчание. Я со своими хворостями впал в некую депрессию – единственно мне свойственную – бешенство от невозможности выполнить намеченные планы, затягивающиеся на неопределенный срок.

Мне свойственна скифская нетерпеливость, и иногда я прихожу в ярость, как крупное и смирное травоядное.

Сейчас понемногу начал управляться с делами и приходиться в равновесие. С здоровьем еще не все ладно – например, врачишки категорически не пускают меня в этом году в Крым – ни весной, ни осенью даже. Придется ехать в какой-нибудь дом отдыха, скорее всего на Карельский перешеек, и мирно сидеть в сырости и комарах июль и половину августа... выгоняют из М[оск]вы на жаркий период.

Аллах кончает школу и будет поступать в МГУ или МГРИ – на геологию. Он не отличник, и поэтому ему, а следовательно и Елене Дометьевне, сидеть все лето в

Москве и держать конкурс. Поскольку он не уверен в своих силах полностью при адском конкурсе, то, заранее подготавливая себе линию обороны, он просит меня спросить Вас, зная Вашу связь с моряками, есть ли шансы и возможности ему поступить в Одесскую мореходку в случае провала на конкурсе и кому бы мне писать слезное письмо на этот случай?

Дометьевну мы отправили в Крым – сейчас прогуливается по Коктебелю, очень довольна, хотя и сетует на ледяное море. Но, все же, я думаю, что ее сильнейший бронхит пройдет там (она всего лишь на две недели).

У нас в биологии назревает команда – "к расчету стройся". Наверху стали кое-что понимать, хотя и вряд ли осознали до конца, в какую бездну спихнули нашу биологию научные проходимцы и титулованные проститутки из АН.

Пока будут срочные перевыборы Бюро отделения и разбор физиологических дел. К чему все это приведет – неясно, во всяком случае, сразу крутого перелома не будет. Но все же есть сдвиги, и на том хоть спасибо...

Большой привет Вам от всего любящего Вас семейства. Как Ваши летние планы? Не собираетесь ли быть в наших краях? Огромное спасибо за чехословацкую Африку¹ – много интересных фото...

Ваш неизменно *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 10. Авториз. машинопись.

96

Академику-секретарю Отделения геолого-географических наук АН СССР
Д.И. ЩЕРБАКОВУ

К ЗАДАЧАМ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (докладная записка об организации Института стратиграфии)¹

27 мая 1954 г.

Задачи палеонтологии много раз формулировались в статьях на эту тему и докладных записках. При всей правильности постановки этих задач совершенно упускались из виду конкретная целеустремленность и деловая постановка исследований, подменявшиеся очень хорошими, но малополезными общими рассуждениями.

Определение задач советской палеонтологии должно исходить из следующих положений.

Палеонтология может и должна развиваться только как биологическая наука, иного пути для нее нет, не может быть, ибо она имеет дело с жизнью прошлого, а не с отвлеченными знаками и символами явлений природы. Вместе с тем применение результатов ее исследований идет двумя путями. Во-первых, это восстановление конкретного хода исторического развития органического мира в неразрывной связи с условиями существования, выяснение причин и направлений формообразования, вымирания и смены форм и целых фаун, построение филогенезов и обоснование систематики. Этот круг вопросов имеет важнейшее значение и непосредственное применение в биологии.

Во-вторых, установленная последовательность развития и смены форм, фаун и флор служит целям геологической стратиграфии, определяя последовательность отложений. Равным образом, для геологии важно восстановление образа жизни органических форм, посредством которых раскрываются особенности среды жизни прошлых геологических эпох, предоставляя тем самым данные для палеоклиматологии, палеогеографии и вопросов образования фаций.

В том и другом случае для геологии имеет значение не сам по себе органический мир прошлого, а те показатели геологического времени и физико-географической среды, которые могут быть о п р е д е л е н ы на основе его изучения. Распростра-

ненной ошибкой является мнение, что практическим целям геологии служит палеонтология сама по себе, со всем многообразием её чисто биологических вопросов. Нередко деятели геологии заявляют о том, что им нужен именно биологический подход к палеонтологии, сугубо биологический характер исследований. Эти ошибки основаны на недоразумении, ибо для геологии важна и нужна отнюдь не палеонтология вообще, а только диагностика тех остатков жизни прошлого, которые находятся в слоях земной коры и могут служить показателями времени, вернее последовательности напластования, и характеризовать условия отложения. Ничего другого и практическим, и теоретическим целям геологии не требуется. Причисление палеонтологии к наукам геологическим означает лишь полную путаницу в естественном разграничении наук, необходимом для правильной организации исследований.

Здесь необходимо подчеркнуть, что было много выступлений как в печати, так и на различных совещаниях, где отделение палеонтологии от геологических наук рассматривалось как отрыв теории (палеонтология) от практики (геология).

Из сказанного выше совершенно очевидно, что все подобные заявления – результат неглубокого продумывания вопросов или, подчас, беспочвенной демагогии, запутывавшей не только деловую организационную постановку вопроса, но и естественную дифференциацию наук в их развитии.

Так, например, естественное разграничение целей исследований в биологическом и геологическом направлениях часто трактовалось, как существование двух палеонтологий – якобы биологической и якобы стратиграфической, по поводу чего велись споры философского порядка, ничего общего не имеющие с деловой постановкой необходимых стране работ. Столь же нелепо и бесплодно обсуждение вопроса о том, является ли палеонтология "служанкой" геологии или, наоборот, геология служит целям палеонтологии. Все подобные рассуждения очень далеки от настоящей организации и не могут серьезно приниматься во внимание.

Очевидно, что разные направления в исследованиях должны развиваться там, где они дадут наибольший эффект для народного хозяйства или культуры. Поэтому нелепо требование постановки общебиологических палеонтологических исследований в системе геологической службы, там, где нет для этого ни реальной почвы, ни реальной надобности. Эти исследования должны сосредоточиваться в Биологическом отделении Академии наук СССР.

Исследования, служащие геологической стратиграфии, – это, с одной стороны, непосредственная определительная практика отраслевых лабораторий геологической службы. Однако для объединения всех этих работ и повышения их качества необходимы научные исследования, разрабатывающие методы и способы палеонтологической стратиграфии. Эти исследования должны быть сосредоточены в Геологическом отделении Академии наук. Нет никаких двух палеонтологий, есть лишь одна – биологическая. Но сферы применения ее результатов различны и очень четко разграничиваются на два направления:

а) выполнение и разрешение сложных биологических проблем, представляющих длительную и трудоемкую работу, неразрывно связанную со всеми отраслями биологических наук, с взаимно переплетающимся материалом исследования;

б) диагностика ископаемых остатков как показателей времени и условий отложения, неразрывно связанная с изучением условий залегания и захоронения ископаемых остатков, их сохранности и фоссилизации. Эта диагностика должна производиться ускоренным путем, чтобы давать реальные ответы на вопросы геологической практики, ведущей свои исследования несравненно более быстрыми темпами, чем разрешение биологических проблем палеонтологии.

Диагностика, необходимая геологической практике, вернее, ее качество, зависит от развития общих палеонтологических исследований. Поэтому биолого-палеонтологические исследования должны вестись с прямым учетом обеспечения диагностики

распространенных в геологической летописи групп растений и животных. Однако ясно, что разработка диагностики ископаемых остатков должна вестись самостоятельно, ибо общебиологические исследования в палеонтологии по своему характеру и наличным кадрам не могут быть ускорены настолько, чтобы обеспечить собою основу диагностики во всей геологической службе.

Требование чрезмерного ускорения этих исследований в условиях конкретного состояния палеонтологии нереально и ни к каким положительным результатам привести не может.

Для диагностического направления исследований, однако, существенно важны общие результаты биологического направления как проверяющие и направляющие методы второго направления.

Применение результатов палеонтологии по двум направлениям определяет и организационное разграничение задач будущих исследований, именно в отношении цели работ, осуществляющихся разными методами и разными путями.

1. Задачи биологического круга вопросов, сформулированные в начале записки, осуществляющиеся путями и методами ботаники и зоологии, + специфические палеонтологические методы, касающиеся лишь обработки ископаемых остатков. Цель – история органического мира.

2. Задачи геологического круга вопросов, берущие из биологического круга лишь данные о месте ископаемых форм жизни в линии их исторического развития и данные об условиях их жизни, выраженные в определении физико-географической среды обитания (только!). Исследования осуществляются методами геологических работ – стратиграфической основой, биостратомией, палеоэкологией, изучением захоронения, фоссилизации (тафономии) с литологией местонахождений для обязательного и необходимого выяснения степени связи органических остатков с вмещающими осадками, характеристика которых по времени и условиям отложения и является конечной целью задач геологического круга вопросов палеонтологии.

Совершенно очевидно, что оба направления палеонтологических исследований с разной методикой работ, служащие разным целям, должны быть организационно разграничены. Объем и размах работ в обоих направлениях должны быть различны, в соответствии с практической значимостью для нужд настоящего периода социалистического хозяйства.

Если исследования первого направления будут обычно выполняться сравнительно небольшой группой высококвалифицированных специалистов, показавших свою пригодность к разрешению сложных задач биологического круга вопросов, то исследования второго направления необходимо должны вестись большим количеством специалистов по разным систематическим группам ископаемых животных и растений. Широкий охват групп в этом втором случае обязателен, иначе с освоением новых и новых геологических районов все время будут вставать неразрешимые стратиграфические вопросы вследствие неразработанности систематических групп, характеризующих данные серии отложений.

Из всего сказанного встает необходимость организации в Отделении геолого-географических наук Академии наук СССР Института биостратиграфии или палеонтологической стратиграфии, который взял бы на себя обеспечение разработки методов биостратиграфии в аспекте геологического направления исследований в палеонтологии.

В задачу Института стратиграфии должны входить:

- а) разработка методов диагностики ископаемых остатков по самым различным группам ископаемых организмов, включая споровые и пыльцевые анализы;
- б) разработка методов сопряженных с ископаемыми остатками геологических исследований – стратиграфической последовательности по фауне и флоре, биостра-

тиграфии, биостратомии, тафономии, сохранности и минерализации палеонтологических остатков с литологическим изучением вмещающих пород, для выяснения условий залегания органических остатков и проверки данных по их биологическим показателям;

в) разработка методов ускоренной препаровки, резания, шлифовки ископаемых остатков для создания наиболее быстрых и упрощенных способов их выявления в породе;

г) составление справочников и определителей временных таблиц и списков. Фауны по типичным регионам и стратиграфическим эталонам.

Только такой институт сможет реально удовлетворить потребности геологической практики, особенно при том непереносимом условии, что охват систематических групп будет достаточно широким.

На существующий в Отделении биологических наук Палеонтологический институт в этом случае ложится задача обеспечения разработки общепалеонтологических вопросов палеонтологии, на которых институт должен сконцентрировать свои исследования, возможно, передав часть своих кадров Институту стратиграфии.

Нет никакого сомнения, что такая концентрация и целеустремленность работ повысит продуктивность Палеонтологического института и даст возможность гораздо более углубленной разработки общепалеонтологических вопросов палеонтологии.

Что до значения этих последних исследований, то пора решительно покончить со схоластическими рассуждениями на тему о том, оправдано или не оправдано существование палеонтологии и чьей "служанкой" она является. Палеонтология – одна из трех наук, владеющих исторической перспективой развития, является, особенно для советского общества с его материалистическим мирозерцанием, отраслью знания величайшей важности и ее исследования будут развиваться, несмотря ни на какие ошибки ее организаторов.

Профессор И.А. Ефремов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 176. Л. 48–55. Авториз. машинопись.

97

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

22 июля 1954 г.

Дорогой Иван Иванович!

Очень благодарен, что Вы не забыли обо мне и в трудные для каждого русского человека часы отъезда, когда неизменно не хватает одного дня.

Я все же решил ехать в Крым и даже договорился по этому поводу с эскулапами. Однако обстоятельства складываются так, что мне не придется туда поехать раньше половины сентября или так примерно десятого сентября, т.е., увы, после Вашего отъезда. Тут еще предстоит возможность поехать в Аргентину¹, и если это выйдет, то в Крым я вообще смогу выехать лишь в октябре, но все равно поеду, хоть поглядеть на море, да и отдохнуть все же надо. Как будто бы ничего серьезного не сделал, а устал больше, чем от большой работы, – так нудны эти заседания, отчеты, планы – все, что не стоит выеденного яйца и придумано английской "Интеллидженс Сервис"² для разрушения русской науки... используя партийное невежество, как очень метко выразился один мой знакомый.

Впрочем, говорят, будто бы в сентябре намечается руководящий пленум специально по вопросам культуры и науки... давно пора! Очень давно!

Сейчас, кажется, есть категорическое распоряжение наладить всякий там обмен отписками, переписку и заграничные командировки ученых, именно ученых, не путая с ними посланцев мира или представителей на разных официальных юбилеях. Ежели сие

не будет чиновниками испохаблено и извращено, то следует ждать некоей пользы для нашей науки!

В отношении стихов – не спорю, Клюева – поэтесса доморощенная, я с ней познакомился в Монголии, где она была доцентом в Монгольском гос[ударственном] университете. Я ей при случае – видимся очень редко – передам Вашу критику или попрошу это сделать Дометьевну, по-женски мягко. Тогда же попрошу у ней оригиналы.

За фото фантазов³ буду очень признателен, особенно тех, которые заставляют задуматься. Бредовых – не люблю, я скучный академист по натуре. Марафета-Карапета буду ждать – это будет полезно для ознакомления друзей.

У нас пока все продолжается мирная занятость – Аллан зубрит, готовясь к конкурсу, который скоро наступит (с 1-го). Дометьевна "создает условия". Машина починена (не помню, писал ли я Вам, что Аллан разбил ее, столкнувшись с автобусом), но ездить на ней некому – мне пока еще запрещено, Аллану некогда.

Жара, к счастью, окончилась, и можно соображать и трудиться. Я написал рецензию, очень спешно, очень коротко, на африканскую книгу чехов, и ее уже напечатали, правда, подредактировав ее так, что она получила заостренный антиколониальный смысл. Это – в "Знание – сила", № 6, 1954.

Если поеду в Крым поздно, то, может быть, можно занять Вашу комнату в Симеизе? В октябре на восточном побережье будет холодно, нужен Симеиз или Мисхор. А купаться в октябре в Симеизе можно? Поеду, наверное, без машины, но, может быть, и возьму ее, особенно если в восточный Крым и если с питанием будет плоховато, как это можно ждать по этому году.

Ну, однако, пора кончать. Очень большой привет Вам от всего семейства и меня – особый. Пишите, дорогой Иван Иванович, я буду все время в Москве и если выеду, то на два–три дня – в Ленинград.

Пусть Вас не смущает доморощенное заклеивание конверта – я в некоторых случаях переклеиваю их, так как в целых перлюстративных или еще там каких они едва склеены.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

Как Вам нравится из Тютчева*:

"Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речь вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!"

Как это верно!⁴

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 11–12. Авториз. машинопись.

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

19 ноября 1954 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Только что вернулся из сорокадневного отпуска, проведенного на юге, где утешался после обидной неудачи с попыткой высунуть нос в дальние южные места – я имею в виду аргентинскую поездку¹.

Я, конечно, намеревался послать Вам экземпляры медистых песчаников², но не

*Далее авторграф И.А. Ефремова.

раньше, чем получу авторские, которых пока еще нет, и поскольку Вы приобрели, то разумеется не буду (29 руб. экономии). Соответствующий автограф, ежели есть интерес, поставлю при встрече – собираюсь на несколько дней в Лен[ингра]д в начале декабря.

Оттиски монгольских работ еще не получены³, но я их Вам все же передам 2–3 для Ваших сподвижников, на всякий случай. Ожидается выход в свет еще двух работ, но это будет, наверное, в самом конце года.

Писали ли Вы или посылали что-либо Ватсону? Он не отвечает на письма, м[ожет] б[ыть] с ним что-нибудь случилось?

У нас пока все по-старому, т.е. по-старому плохо и медленно, но, верно, становится все хуже. Впрочем, это, наверное, общее для всей Академии наук явление. {...}

Жду разноса по поводу "медистых песчаников".

Как Ваши дела в науке и жизни?

Большой привет Г.Ю. и Вам от Е.Д. и меня.

Ваш И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49. Л. 21. Авториз. машинопись.

99

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

5 января 1955 г.

Дорогой Алексей Петрович!

Извините за некоторую задержку с ответом, но мы с Вами поменялись местами. Вы вышли на работу, а я с 22 декабря уложен в постель после припадка ангиоспазма*. Если добавить к этому, что порванное сухожилие на правой руке еще не зажило, то затруднения, связанные с писанием, станут Вам очевидны.

Очень рад, что горгонопе¹ наконец кончен и увидит свет – рассчитываю на оттиск. Ежели выход из печати задержится, то попрошу Вас прислать мне диагноз и копию рисунка черепа сбоку для того, чтобы включить его в справочник. Рукопись справочника² должна быть сдана к 1 мая.

Что до парейазавров, то, конечно, ПИН напечатает эту работу³. Издают сейчас неплохо, как Вы можете видеть по томам наших "Трудов". Однако предвижу некоторые затруднения у Вас с нашей редколлегией. У нас привыкли диктовать всем авторам писание по определенной форме. Исключение составлю, пожалуй, один я, слывающий автором-анархистом. Думаю, что при известном нажиме со стороны Ю.А.О. сойдете и Вы за анархиста. Кроме того, Ваша работа не описательно-монографическая, а морфологическая, поэтому мы можем объявить, что инструкция для авторов ПИНа к ней неприменима. Еще один вопрос – объем работы. Если работа с рисунками у Вас не меньше семи листов (самое меньшее – пять), то она пойдет отдельным выпуском и напечатание ускорится примерно вдвое. Если же меньше, то ее надо будет включать в сборник, и она должна такого сборника дожидаться. Но вот сейчас, к счастью, есть такой сборник – он собирается из работ по пермским позвоночным. Если бы мы получили Вашу работу в конце января – феврале, то мы бы прямо включили ее туда.

Вы пишете, что отказываетесь от посткраниального скелета парейазавров. Это меня не удивляет, потому что я знал с самого начала наших разговоров об этом, что парейазавров делать Вы не будете, т.е. парейазавров в целом. Как я пришел к этому заключению, расскажу как-нибудь при встрече, но это совершенно закономерно.

Теперь разрешите два вопроса:

*Сужение просвета артерий, предвещающее ишемическую болезнь сердца.

а) можно ли считать наш парейазавровый материал свободным для передачи его в обработку другому лицу?

б) будете ли Вы изучать парейазавров из коллекции Гартман-Вейнберг как таковых, т.е. с полным описанием, систематической характеристикой и т.п.? У нас есть семь скелетов из того же местонахождения, и я пушу их также в обработку, присоединив, если разрешите, Ваши материалы.

Не откажите в любезности эти вопросы разъяснить.

Что до Вашего избавления от постоянного руководства в кавычках, то, по моему глубочайшему убеждению и сожалению, именно отсутствие хорошего товарищеского руководства обусловило то, что Ваши успехи оказались малы не по способностям.

Все мы становимся с возрастом с какой-то стороны мудрее, и я теперь вижу, что к организации научных исследований, в том числе и своих собственных, Вы никогда не были способны. Если бы к Вашим талантам, работоспособности и широким познаниям приложить бы дальновидную и широкую организацию Вашей работы – мало бы кто мог с Вами сравниться. К сожалению, это своевременно не было понято ни мной, ни Вами, да и не знаю, понято ли это Вами и сейчас. И в результате – удовлетворению самолюбий была принесена в жертву наука, наша наука, где так мало людей по-настоящему действенных и умных. Что Вы погрязли в девонском болоте – беды нет, если это болото будет только девонское⁴.

Не сердитесь, дорогой А.П.! Это не осуждение и не упреки, а спокойная, даже слишком, констатация наших общих ошибок в научном пути.

Желаю здоровья и настоящих успехов. Большой привет Г.Ю.

Ваш И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 3. Д. 49, Л. 25, 26. Авториз. машинопись.

100

ПРОФЕССОРУ Ф. ХЮНЕ

Институт и Музей геологии и палеонтологии
Тюбингенского университета
(Тюбинген, Западная Германия)

12 января 1955 г.*

Многоуважаемый коллега!

В ответ на Ваш запрос¹ сообщаю, что одновременно с этим письмом мною посланы Вам некоторые печатные работы, касающиеся палеозойских и мезозойских ящеров, описанных мною и моими коллегами в СССР². Также направляю свою последнюю работу по общим вопросам фаунистической стратиграфии континентальных перми и триаса в СССР. В этой работе содержится наиболее полный перечень описанных форм. В текущем году выйдет еще одна большая работа "Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР", и я буду иметь удовольствие послать ее Вам, так же как и новый сборник работ по пермским ящерам и стегоцефалам, который также скоро выйдет из печати³.

Предварительно сообщаю краткие данные по интересующим Вас формам, которые перечислены в присланном Вами списке.

1. *Acrolepis* и *Platysomus* – это рыбы из группы *Palaeoniscidae*, описанные еще Эйхвальдом и встречающиеся во многих пермских местонахождениях Европейской части СССР.

2. *Scharshengia*, а именно, *Sch. enigmatica*, описана Вами из эотриаса V зоны с р. Шарженги на Волго-Двинском водоразделе.

*Датируется по сопроводительному письму ПИНа АН СССР в Иностранный отдел Президиума АН СССР.

Фридрих фон Хюне и И.А. Ефремов в Палеонтологическом институте (1957 г.)

3. *Jugosuchus* – лабиринтодонт, описанный А.Н. Рябининым из пермских отложений IV зоны р. М. Сев[ерной] Двины. Систематическое положение находки неясно (известна только нижняя челюсть), однако этот лабиринтодонт, видимо, не родствен *Dvinosaurus*.

4. *Enosuchus* – стегоцефал не вполне ясного систематического положения, представитель особого семейства, по общему хабитусу близкого к *Brachyopidae*. Описан Е.Д. Конжуковой по крыше черепа из местонахождения Ишеево, Средняя Волга. Верхняя пермь, II дейноцефаловая зона.

5. *Plagiogorphus* – крупный лабиринтодонт с параболическим черепом, родственный *Plagiosauridae* Западной Европы и, вероятно, представитель семейства *Brachyopidae*. Описан Е.Д. Конжуковой из зотриаса V зоны Башкирского Приуралья по обломку затылочной части черепа.

6. *Buzulukia* и *Chtonosuchus* – два рода батрахозавров, возможно, представителей нового семейства, близкого к *Seymouriamorpha*. Описаны по неполным фрагментам Б.П. Вьюшковым из пермских отложений IV зоны запада Чкаловской области (местонахождения Малый Кинель и Пронькино).

7. *Chtonosaurus* – тероцефал нового семейства *Annidae*, близкого к *Pristerognathidae*, описанный Б.П. Вьюшковым из пермских отложений IV зоны западной части Чкаловской области (местонахождение Пронькино).

8. *Nyctiboetus* – мелкий котилозавр группы *Procolophonodae* семейства *Nyctiphruretidae*, описанный П.К. Чудиновым из пермских известняков Шихово-Чирки на р. Вятке близ г. Кирова (II зона по Ефремову).

9. *Leptoropha* – парейазавроидный котилозавр нового семейства *Rhipeosauridae*, описанный П.К. Чудиновым из известняков Шихово-Чирки на р. Вятке близ г. Кирова (II зона по Ефремову).

10. *Parabradysaurus* – парейазавроидный котилозавр семейства *Rhipeosauridae*. Описан И.А. Ефремовым по челюсти из пермских отложений II зоны р. Камы ниже г. Саратова*. Ранее был описан Штукенбергом как *Rhopalodon wangenheimi* Fischer.

11. *Admetophoneus* описан И.А. Ефремовым из каргалинских рудников как самый

*В письме опечатка. Правильно г. Сарпула. – Примеч. П.К. Чудинова.

крупный поздний представитель хищных дейноцефалов семейства Brithopodidae. II зона по И.А. Ефремову или верхний фаунистический комплекс медистых песчаников.

12. *Phreatosuchus* – представитель нового семейства *Phreatosuchidae* неясного систематического положения. Вероятно, эдафозавроидные тероморфы. Описан И.А. Ефремовым вместе с другим представителем семейства, близким к *Caseidae* (из нижнепермской фауны Северной Америки), – *Phreatophasma* из I зоны верхней перми – самых низких горизонтов медистых песчаников.

13. *Phreatosaurus* – представитель семейства *Phreatosuchidae*. Описан И.А. Ефремовым из средних горизонтов медистых песчаников Приуралья.

Все перечисленные выше формы исчерпывают Ваш список. К ним могут быть добавлены еще стегоцефал *Tryphosuchus* семейства *Melosauridae*, описанный Е.Д. Конжуковой из местонахождения Ишеево (II зона); тероцефал *Porosteognathus*, описанный Б.П. Вьюшковым из того же местонахождения; дицинодонт *Rhadiodromus* из нижнего триаса VI зоны Чкаловской области, описанный И.А. Ефремовым (ранее описан им же как *Lystrosaurus*); горгонопс *Phthinosuchus*, представитель нового семейства *Phthinosuchidae*, описанный И.А. Ефремовым из средних горизонтов медистых песчаников Приуралья (ранее описан как *Rhopalodon* Seeley). Кроме того, из нижней перми СССР стали известны новые находки: а) стегоцефал *Intasuchus* – представитель нового семейства *Intasuchidae*, родственного североамериканским трематопсидам, описанный Е.Д. Конжуковой вместе с другим, родственным ему лабиринтодонтом *Syndyodosuchus* из нижней перми северного Приуралья; б) батрахозавр *Gnorhimosuchus* из семейства *Seymouridae*, описанный И.А. Ефремовым из нижней перми Северного Казахстана.

Более подробные сведения об указанных формах Вы найдете в посылаемых Вам оттиках работ.

Мне было приятно узнать, что Ваша большая книга о палеонтологии и филогении низших тетрапод наконец закончена. Я буду и впредь готов содействовать Вам в чем могу для пополнения Ваших работ новыми данными и открытиями, опубликованными в этой области палеонтологами СССР.

С уважением и приветом

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 219. Л. 5–8. Авториз. машинопись.

101

И.И. ПУЗАНОВУ

Мозжинка (поселок академиков)

6 августа 1955 г.

Дорогой Иван Иванович!

Очень обрадовался Вашему, как всегда остроумному и брызжущему энергией письму. В последнее время по моим болезням виделся с Вами мало и – так не хватает более длительного общения с Вами.

Я послал Вам стихотворение "Сад Прозерпины"¹, вовсе не надеясь, что оно понравится Вам по смыслу, но лишь тщась доставить Вам удовольствие некими красотами стиля. Что до содержания, то оно нравится мне – во мне есть такая грустная струнка, которая отсутствует в Вашем массивном, цельновырезанном Я...

Здесь, в Мозжинке, я вовсе не потому, что причислен к сильным мира сего, к которым Вам упорно хочется меня отнести. Здесь я – презираемый плебей, снявший дачу до сентября по причине отсутствия владельцев². И вообще, что я сейчас такое? – отставной профессор, уволенный (именно!) из Академии по временной инвалидности на пенсию в 1200 руб. без мундира и квартиры. Хорошо, что временной, а ежели бы постоянной? И от этого было не столь далеко!

Моя временная инвалидность продлится до ноября. За это время я хочу съездить в сентябре–октябре в Коктебель. Может быть, если с литературными делами (книга о Монголии, с которой сейчас вожусь) получится все как надо, то я задержусь на инвалидности еще на полгода (есть такая возможность). Тогда, избавленный от дурацкого академического часоотсживания, я мог бы продвинуть новые рассказы и закончить новую повесть.

У нас усиленно заговорили о сокращении оплаты ученым. Якобы должен быть подписан декрет, по которому ставка старшего сотрудника – 2 тыс., доктора – 3, зав[едующих] кафедрой или лабораторией – 4. Все платы за звание академикам и членкорам должны быть отменены. Это последнее было бы здорово – вся сволочь, которая налезла в Академию, ринулась бы куда-либо, в промышленность что ли, а академический воздух через пяток лет бы сильно очистился!

Однако с уменьшением ставок необходимо отменить и часоотсживание – раз, дать по-серьезному больше лабораторий и квартир ученым – два, выписывать множество (именно множество!!) иностранной литературы. Боюсь, что всего этого невежды, коим надлежит сие ведать, не поймут и получится опять неладно. Ну, шут с ними, все равно неладно, пока лысенкоподобие продолжается. Попадалась ли Вам книга Frank W. Lane "Animal Wonder World" и его же "Nature Parade", 1953 и 1954 гг. издания. Там автор собрал много интереснейших зоологических фактов о питании, скорости, силе, сне, заботе о потомстве и т.п. у различных животных. Интересна глава о загадках-зверях, включая снежного человека Гималаев, австралийского тигра из Северного Квинсленда, медведя Нанди, гигантскую гиену, чимизета, нунду и чипекве из Восточной и Центральной Африки. Интересно сообщение, что изображения чипекве есть на воротах Иштар в Вавилоне, недавно раскопанных каким-то английским профессором.

Я думаю, что не следует ли перевести оные книги, издав их единым сборником.

Ну, вот видите, сколь длинное письмо, целая статья!

Не откажите написать на московскую квартиру, где я буду в начале сентября, – будете ли Вы в Симеизе до октября или обязательно уедете в начале сентября.

Привет Вам от всего семейства. Е.Д. послезавтра улетает на месяц в Казахстан, Аллан – на Кавказе, в экспедиции, коллектором. Один я веду оседлую жизнь и перебираюсь лишь с санатория на дачу!

Ваш неизменно И. Ефремов

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 13. Авториз. машинопись.

102

И.И. ПУЗАНОВУ

Коктебель

17 октября 1955 г.

Дорогой Иван Иванович!

Премного благодарен за то, что не забываете меня письмами и за подарок моей "Алмазной Трубы"¹, об украинском издании которой, как водится, я даже не подозревал.

Что до Монголии, то книга о ней не получилась у меня так, как задумывалось². Вероятно, еще не успело все как следует отстояться, вернее мешали отстояться всякие новые задачи и работы. Ведь прежние великие путешественники, кроме того, что они великие, были счастливее нас тем, что могли ничем, кроме своих азиатских или африканских дел, не заниматься.

Поэтому, получив от автора экземпляр, не браните его уж очень придирчиво – помните, что автор заранее поднимал лапки вверх.

Сейчас, сидя в Коктебеле, понемногу набираю разбег для звездной повести³. Вещь

очень трудная, но тем интереснее. Погода отличная, и здесь очень много народу, так что уединения не получается и нет настоящего сосредоточения. Мария Степановна передает Вам самый хороший привет. Приветствуют Вас и Шульцы, только вчера поминавшие Вас теплым и добрым словом.

Очень меня соблазняет Ваш проект заезда в Одессу на обратном пути, но все же придется от него отказаться. Еще далеко не надежен я в отношении самой пустяковой выносливости – например, когда добирался сюда самолетом, то начал пропадать при подъеме, не от морской болезни – она меня не берет, а от какой-то сердечной немощи. Пароходные сообщения здесь для веселья мало оборудованы.

Кроме того, требуют к сроку на переосвидетельствование, а то перестанут платить пенсию, что будет плохо, так как с деньгами временная немощь тоже.

Здесь все увлечены домостроительством – покупают дома, берут участки и возводят саманные строения. Даже Шульцы и те купили дом над морем. Я пока что устоял от этого поветрия, но боюсь, что стойкость эта больше вызвана отсутствием денег и необходимостью сначала оборудовать хорошее жилье в Москве.

Кроме того, мне хотелось бы построиться в каком-либо более уединенном и экзотическом месте, например в Новом Свете или при подъезде к нему, там на низком мысу, под дорогой, где стоит коробка превосходного четырехкомнатного дома. Если решить способ подвоза материалов и с кем-нибудь скооперироваться, то можно получить чудеснейший дом прямо над морем.

Иначе же, как на берегу моря, по-моему, строиться не имеет смысла. Вместе с тем хочется иногда и еще более удаленный дом – например на окраине пустыни Гоби в Монголии или где-нибудь далеко на севере.

А Вы еще не болели этой болезнью? Или уже давно запланировали себе виллу?

Не порекомендуете ли какой-либо новый и доступный для получения труд по описательной географии Цейлона?⁴ Мне это понадобится для звездной повести. Он там фигурирует у меня в качестве Острова забвения...

В Коктебеле я буду до первого ноября, затем прочно в Москве. Очень завидую Вашему сыну⁵ – молодой и под тропиками. Хорошо!

Пишите, дорогой Иван Иванович.

Любящий Вас

Ваш И. Ефремов

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 14. Авториз. машинопись.

Москва

24 декабря 1955 г.

Дорогой Иван Иванович.

Давно не получал от Вас никакой весточки, а тут еще на днях, выйдя на работу, услышал о Вас недобрые вести. Спешу проверить лично...

Якобы Вы подверглись некоему гонению за статьи и, по-видимому, еще в большей степени за стихи¹, которые будто бы зачитывались на многих заседаниях. Поскольку Трофимовская клика² за последнее время в самом деле как-то активизировалась, то я обеспокоился за Вас.

Напишите, пожалуйста, как обстоит дело, как Вы, что Вы и т.д.

Я переведен был, по возвращению из Крыма, на третью группу временной инвалидности на весь 1956 г. Эта группа дает право работать, и я вернулся в ПИН, попросив Обручева заведовать вместо меня лабораторией на полгода еще³. Сам пребываю в чине старшего научного сотрудника.

В институте и Академии дела не радуют – в особенности в нашем ПИНе.

Руководства фактически никакого нет, направление работ вперед неясно – видимо, хотят жить, как большинство академических институтов, по принципу: чего изволите, а вернее без всякого принципа. Народ расхлябался, нет ни товарищеской спайки, ни уважения к тому, что не является непосредственной тематикой данного лица или лаборатории. В общем, мне кажется, что институт идет к деградации в смысле научных достижений и кадров. Единственно возможной и действенной реформой было бы разделение нас на два института – биологической палеонтологии с морфологией и филогенией и стратиграфической палеонтологии⁴, коему место в Отделении геологических наук*.

Но Орлов нипочем не решится проводить оную реорганизацию, поэтому впереди довольно нудная неопределенность.

Вчера вернулся Флеров из Китая после двухмесячного турне. Рассказывает много интересного, весьма восторженно отзывается о стране. Вообще порассказать Вам нашлось бы довольно много. Когда собираетесь в Москву?

Пишите, дорогой Иван Иванович, мы все по Вам соскучились.

Большой привет Вам от всего семейства.

Ваш И. Ефремов

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 15. Авториз. машинопись.

104

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

21 марта 1956 г.

Дорогой Иван Иванович!

Вы, конечно, браните меня за предисловие справедливо, но и напрасно. Ведь я французского языка не знаю и перевода проверить не мог¹, а они для художественной выразительности и написали разные "экспедицелли"². В русском оригинале никакой "исключительности" не было.

И конечно, так, как Вы предлагаете изменить предисловие, – будет лучше... Но ведь это – Вы! А сам автор что может сделать, если приходится писать о себе? Мрак безымянный в скудоумной голове моей!

Сейчас что-то взялись писать обо мне доклады и предисловия – сразу несколько. Я и не подозревал в себе такой проницательности и мудрости, какая мне приписывается. То, что делаешь, повинуюсь лишь глухому инстинкту, в глазах литературоведов становится глубокой проницательностью. Если это так со мной – маленьким человеком, то что же накручено вокруг больших писателей прошлого – воображаю!

Сейчас еще одно интересно – достигли куда-то мои писания насчет сравнительной анатомии². Из одной высокой инстанции мне сообщили, что согласны с поставленными мной вопросами и будут ставить их перед Биоотделением АН в его новом составе. Может быть, удастся сделать что-либо в отношении лаборатории или института сравнительной анатомии?

Пошли бы Вы на руководство таким предприятием?

Чувствую себя по-весеннему плохо – что-то еще во мне неладно. С писанием тоже не клеится – все труднее становится совмещать два дела. Может быть, следует мне совсем покинуть Академию или взять трехгодичный отпуск из нее? Как Вы посоветуете?

*Так в тексте. Имелось в виду Отделение геолого-географических наук.

**Исключительный, особенный (франц.).

Все, что смогу, конечно, сделаю в Комитете по авторским правам. Мне кажется, что сам комитет заставит издательство уплатить Вам. Во всяком случае – десять тысяч под ногами не валяются. Советую попробовать с комитетом, а там видно будет.

Пока ничем блеснуть Вам в ответ не могу – "Дорога Ветров" все задерживается с печатанием – не везет. Но в "Молодой гвардии" скоро выйдет мой сборник³ – рад буду презентовать, тьфу, какое нехорошее слово, простите – подарить.

Спешу отправить письмо, поэтому молчу о разных новостях – об этом в следующем.

Большие приветы и лучшие пожелания от всего семейства.

Ваш всегда *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 16. Авториз. машинопись.

105

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

14 апреля 1956 г.

Дорогой Иван Иванович.

Увы, приходится Вам все посылать назад¹.

Дело в том, что Комитет по защите авторских прав занимается теперь только художественной литературой и с наукой н и к а к о г о дела не имеет.

Я попробовал было доказать, что научно-популярная литература имеет те же права гражданства, что и художественная, но безуспешно.

Единственно, чего я добился, – это упробовал тамошнего спеца юридического отдела комитета посмотреть все Ваши материалы, с тем чтобы посоветовать – какова беспспорность и каковы шансы на выигрыш дела судом.

Он продержал десять дней и сказал, что не может высказать окончательного суждения, потому что надо сличать текст старого издания с дополнениями и текст вновь изданной книги, чтобы узнать, какая доля Ваших вставок действительно принята издательством и вошла в книгу. Для такой работы у спеца не было времени. Ему надо было, вероятно, заплатить, но, посоветовавшись с товарищами, я выяснил, что гонорар составит рублей триста, а то и пятьсот. Только за с у ж д е н и е, по моему, столько платить не стоило, и я забрал материалы.

В общем все получилось неудачно, и мне жаль, что эта моя выдумка только затруднила Вас и ни к чему не привела.

В общем спец сказал, что думает, что можно заставить издательство заплатить, но это будет стоить труда или денег, если адресоваться к адвокату.

Может быть, есть смысл сделать так: сдать все это дело в концессию какому-нибудь юристишке, пообещав так: выиграет – половина, не выиграет – нет гонорара. Тогда Вы ничего не потеряете, и в то же время кляуза со всякой сволочью Вас минует.

Пока больше ничего не пишу – надо успеть послать на почту. Есть разные новости, но о них потом. А Вы совершенно правы в своих устремлениях, и я бы присоединился к ним с величайшей охотой, но ... возраст?

С приветами от всего семейства.

Всегда Ваш *И. Ефремов**

P.S. Извините, что подписал за Вас заявление – не очень искусно.
АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 17. Авториз. машинопись.

*Далее автограф И.А. Ефремова.

Москва

6 мая 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Пользуюсь Вашей великой любезностью и посылаю данные о столь необходимых мне книгах. Их пока еще нет ни в одной библиотеке, мне доступной, и даже в Ленинской, в любых фондах¹. Вот эти три книги:

1. Wiener Norbert. "The Human use of Human Beings" (revised edition). Eyre and Spottiswood Publishers, London, 1954.

2. Thomson George, Sir. "The Foreseeable Future". Cambridge University Press, London, 1955.

3. Bartlett M.S. "An Introduction to Stochastic Processes". Cambridge University Press, London, 1955.

Я не знаю сейчас переводного курса, но общая их стоимость будет примерно рублей шестьдесят, на наши деньги.

Как только понадобится вносить — позвоните, и я немедленно пошлю в кассу Книжного отдела, конечно, через кого-нибудь, так как не стоит, чтобы они знали, что это не для Вас.

Вообще срок заказа книг миновал 1 апреля, но для академиков они делают всяческие снисхождения.

Не откажите принять приветы и лучшие пожелания Агнии Александровне и себе самому от всего семейства.

С искренним уважением и благодарностью.

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1702. Авториз. машинопись.

Москва

20 мая 1956 г.

Профессору Алексею Петровичу Быстрову

На добрую память.

Сия картинка¹, означающая будущее палеонтологии позвоночных, к коему она будет низведена старанием А.П.Б. и его возможных последователей.

Картинка предположительно изображает И.А.Е. в 65-летие, отправляющегося в экспедицию с силами и средствами тогдашнего уровня вертебральной палеонтологии*².

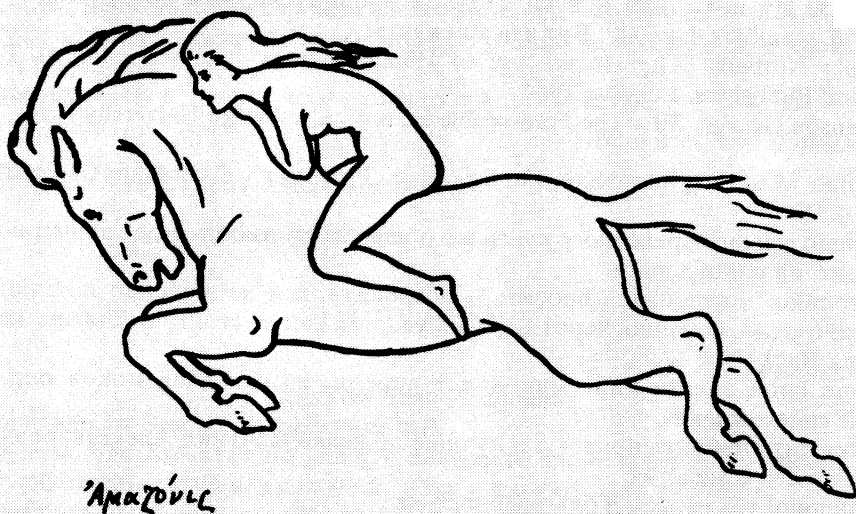
С искренним уважением

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 66 (4). Л. 117. Копия.

*Палеонтология позвоночных.

Профессору И. В. Ефремову, потерпевшему Коллегой участь. 27.01.1956.

Амазонка. Рис. А.П. Быстрова

108

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

20 июня 1956 г.

Высокоуважаемому профессору А.П. Быстрову.

Преподношу его любимый вид наземного позвоночного¹. При повороте этого изображения на 90° отчетливо виден направленный назад угол голеностопного сустава, который профессор Быстров иногда путает с коленным.

И. Ефремов

СПбФ. АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 66 (4). Л. 139. Копия.

109

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

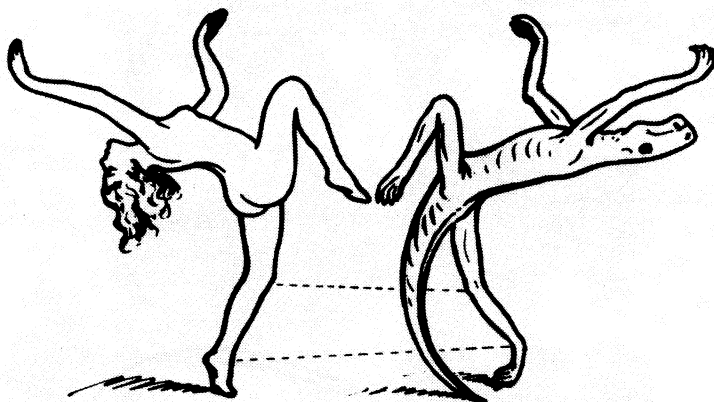
8 июля 1956 г.

Представляю уважаемому профессору один из аспектов излюбленного достойным профессором Быстрым вида (и пола) позвоночных как доказательство того, что при значительной длине голени и соответствующей позе коленный сустав может быть скрытым¹.

Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 66 (4). Л. 157. Копия.

Профессору Ефремову, потерявшему Коллатис считает. 26.07.1966

Балерина и горгонопсика.
Темпловские суставы соединены линиями.

Балерина и горгонопсика. Рис. А.П. Быстрова

110

И.А. ЕФРЕМОВУ

Ленинград

14 июля 1956 г.

Профессору И.А. Ефремову.

И.А. Ефремов, очевидно, считает, что профессорское положение позволяет ему утверждать, что бывают такие положения, когда коленные суставы у людей оказываются "скрытыми". Прилагаемый рисунок показывает, что никакое положение тела человека не делает его суставы скрытыми, если ... все открыто.

Быстров

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д.66 (4). Л. 161. Автограф.

111

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

20 июля 1956 г.

В знак признания убедительности доказательств посылаю высокочтимому профессору еще один излюбленный этим профессором вид позвоночного — с а м ы й л у ч ш и й и з к о л л е к ц и и!¹ Нижайше прошу обратить внимание:

14 июля 1956

Профессору И.А. Ефремову.

И.А. Ефремов очевидно считает, что профессорское положение позволяет ему утверждать, что бывает такое положение, когда коленные суставы у людей оказываются "скрытыми".

Прилагаемый рисунок показывает, что никакое положение тела не делает коленные суставы скрытыми, если... всё открыто.

Том 1956

Ленинградка Нина Хорела
(рисунок с фотографии).

Фотокопия письма. Рис. А.П. Быстрова

1. На левой конечности выделяется только голеностопный сустав.
2. Если представить себе согнутую правую конечность прикрытой низким пузом пресмыкающегося, то сразу бросится в глаза выступающий назад угол голеностопного сустава.

С заверением в совершенном уважении. Многоуважаемому А.П. Быстрову.

Ефремов

СПбФ. АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 66 (5). Л. 1, 2. Копия.

112

И.А. ЕФРЕМОВУ

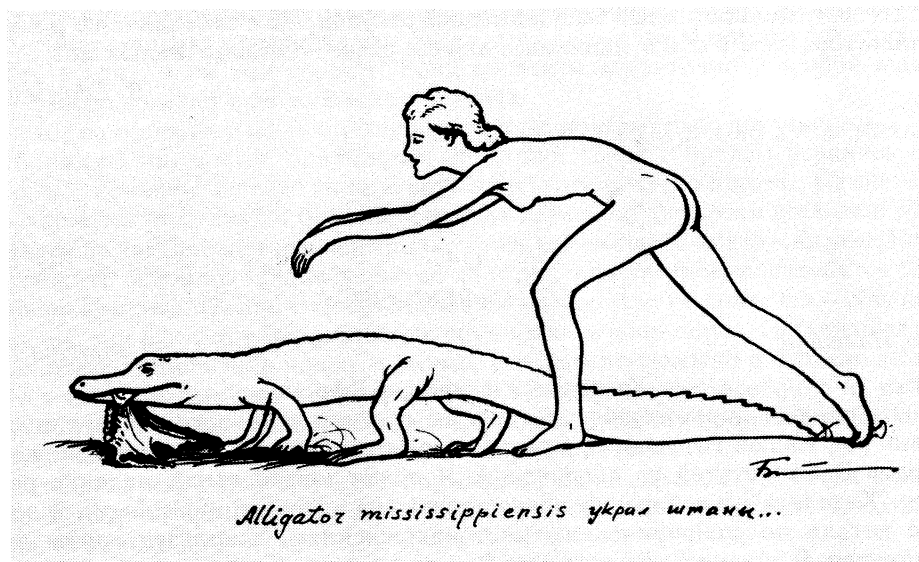
Ленинград

24 июля 1956 г.

Профессору И.А. Ефремову.

До сих пор в нашей высокополезной дискуссии о колене профессор Ефремов пытался во что бы то ни стало выкрутиться из того положения, в которое он попал.

До выяснения сути вопроса я посылаю рисунок, изображающий то, что могло случиться на одном из курортов США. В этом рисунке для меня важно, конечно, не

Аллигатор миссисипский. Рис. А.П. Быстрова

то, что крокодил у чьей-то "сопляжницы" [украл] штаны, а то, что рисунок не дает права спекулировать ни на "длине голени", ни на "своеобразии позы", ни на "низком пузе" рептилий...

Если после внимательного изучения этого рисунка уважаемый профессор Ефремов все же не найдет в себе мужества признать свою ошибку, я буду считать себя вправе думать, что он решительно ничего не понимает в морфологии позвоночных.

Быстров

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 66 (5). Л. 3. Автограф.

113

А.П. БЫСТРОВУ

Москва

30 июля 1956 г.

Глубокоуважаемый профессор!

Неужели при всей проницательности Вашего ума Вам не было ясно, что поддерживаемая мной "дискуссия" была просто предлогом послать Вам несколько красивых фото симпатичных позвоночных и посостязаться в остроумии с известным остроумцем Быстровым?

Ни "выкручиваться", ни с мужеством признавать свою ошибку" профессору И.А. Ефремову не надо, ибо он признал ее в момент шутливого ответа высокоученому коллеге и вовсе не старается защитить свою грубо и неумело нарисованную схему.

Кстати, умение рисовать у И.А. Ефремова отлично известно А.П. Быстрову, поэтому нападение на этот незащищенный борт есть открытое пиратство, тем более что для разбираемого в моей книге вопроса эти суставы не имели решительно никакого значения.

Достопочтенный профессор А.П. Быстров угрожает мне считать себя вправе думать, что И.А. Ефремов ничего не понимает в морфологии позвоночных! Но не говоря уже о "праве", И.А. Ефремов думает, что Быстров н и к о г д а не сможет так думать, даже если бы очень хотел...

Кстати, вот скопированный Ваш последний рисунок, где я заменил о ч е р т а н и я лап аллигатора о с е в ы м и линиями... или все равно – Carthago delenda est*.

И. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 66 (5). Л. 12. Копия.

114

И.А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго, Иллинойс

1 августа 1956 г.

Уважаемый профессор Ефремов.

Ваше письмо и приложенные материалы пришли в целости и сохранности. Я искренне рад Вашей готовности доверить мне публикацию краткого изложения и переводов Ваших статей на английском. Я почти завершил составление резюме Вашего "Каталога"¹ и собираюсь предоставить его в "Journal of Geology". Я опустил многие детали по специфическим местонахождениям, используя карты для их демонстрации. Я, конечно, предоставлю Вам полный отчет о проделанной работе, но ответственность за перевод беру на себя.

Я Вам очень благодарен за вложенную рукопись. Находки капториноморфа и казеида весьма интересны. Я с огромным интересом ожидаю описания по ним и надеюсь, что проявятся другие группы, которые относятся к Северной Америке. Радуется, что, по крайней мере, наши разрезы имеют определенное сходство.

Этой весной, как я, возможно, указывал ранее, мы начнем производить раскопки в Сан-Анджело. К настоящему моменту нами обнаружено 9 видов, 4 из которых, по крайней мере, являются новыми. Они включают форму Labidosaurikos-подобную и трех довольно маленьких плотоядных пеликозавров (?). Раскопки еще далеки от завершения. Я надеюсь завершить их следующей весной. Это дополнит уже имеющуюся информацию о фауне Сан-Анджело.

С наилучшими пожеланиями

Эверетт К. Олсон

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 87.

115

И.М. МАЙСКОМУ

Мозжинка

19 августа 1956 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Большое спасибо за весточку из балтийских мест. Удивлен, что у Вас там хорошая погода – здесь дожди так и не прекращались с самого Вашего отъезда. Льют днем и ночью, холодно – нам привезли уже вторую порцию дров. Дуют сильные ветры и из-за них единственная небольшая беда случилась на даче – бурей сорвало антенну Вашего приемника. Но через два дня придет Саша, и к Вашему приезду все будет починено.

Я не очень сетую на погоду – из-за нее у меня почти нет визитеров и работа идет. Рассчитываю закончить, правда, не к Вашему приезду, но к своему отъезду, примерно к 10 сентября.

* Карфаген должен быть разрушен (лат.).

На даче все благополучно. Пушок здоровствует и явно тоскует по хозяевам. Мы разрабатываем проект постройки ему будки, а то из-за плохой погоды пса приходится впускать в дачу, а он там грешит. Если достанем достаточно большой ящик, то успеем сделать дом псу еще до Вашего приезда.

Прогноз на осень плохой до середины сентября, поэтому надо пса устроить.

С дорожкой, по-моему, получилось неудачно. Саша с братом возились целую неделю, но, конечно, не смогли пригнать плиты достаточно плотно. Камня не хватило – уложено от кухни до березки и оттуда примерно две трети дорожки. Метров пятнадцати не хватило до гаража и там осталось самое сырое место – низина. Если бы здесь уложить бетонное продолжение до калитки, то, наверное, понадобится больше полутонны цемента. Песок, Вами выписанный, до сих пор не привезли – обещают со дня на день, так как у них мобилизовали грузчиков на уборочную. Оставшийся песок, засыпанный в промежутки между плитами, уже нацело вымыло и осадило дождями, так что в темноте дорожка стала опасной для передвижения, особенно на каблуках (дамских). Мне бы казалось целесообразным заделать все эти промежутки цементом – тогда и дорожка получится прочной и цемента уйдет немного.

В остальном как будто все идет нормально. Дача вымыта, клубника срезана и выполота, огурцы прополоты – это то, что мне видно при прогулках. Отдыхайте и лечитесь спокойно.

Здесь открылся пресловутый клуб – пока от него польза, что каждый вечер идут кинофильмы, некоторые из них хорошие, чем мы и пользуемся. Любители бильярда тоже выгадали и Топчиев все время там сражается. Понимаю, отчего он так ратовал за сохранение клуба...

Большой привет Агнии Александровне от меня и Таси. Вам Тася тоже кланяется.

С искренним уважением

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1702. Авториз. машинопись.

116

И.А. ЕФРЕМОВУ

Кемери

22 августа 1956 г.

Дорогой Иван Антонович.

Только что получил Ваше письмо от 19.VIII. Спасибо за столь полный отчет о даче. Огорчительно то, что Вы пишете о дорожке, – придется что-то придумывать, когда вернемся (а это уже близко: рассчитываем попасть на дачу 31-го или 1-го). Ай-ай-ай! Как Пушок нехорошо себя ведет!.. Но все-таки мы его любим.

Да, насчет погоды в Кемери, оказалось лучше, чем [в] Москве. Правда, и тут то и дело поливает с неба, но дожди в Прибалтике какие-то легкие и короткие, а лужи необычно быстро исчезают. Бывает и солнце. Недавно ездили в Сигулду – так наз[ываемую] "латвийскую Швейцарию". Остались довольны: очень красиво, и денек выдался славный.

Усиленно лечимся: ванны, ингаляции, массажи и пр. Как будто бы есть толк, но все же, как говорится, будем считать цыплят по осени, т.е. уже по приезде в Москву.

Рад, что у Вас работа идет хорошо. С нетерпением жду момента, когда можно будет с ней ознакомиться¹.

Шлем сердечный привет Вам и Тасе.

[И.М. Майский]

АРАН. Ф. 1702. Отпуск машинописный.

И.М. МАЙСКОМУ

*Мозжинка**15 сентября 1956 г.*

Глубокоуважаемые Агния Александровна и Иван Михайлович!

Опасаясь вас не застать до отъезда, спешу письменно поблагодарить вас за еще одно хорошее лето – не в смысле погоды, а приюта, доброго отношения и отличной работы.

Повесть *написана*¹ – теперь буду отделявать, а после перепечатки разрешите подвергнуть* ее к вашим стопам для чтения и суждения.

С приветом и искренним уважением

И. Ефремов

От Таси – большой привет. <...>

АРАН. Ф. 1702. Автограф.

И.А. ЕФРЕМОВУ

3 марта 1957 г.

Дорогой Иван Антонович.

Посылаю Вам свою "частную рецензию" на Ваш роман "Туманность Андромеды"¹. Как бы Вы ни отнеслись к тем или иным моим замечаниям, об одном убедительно прошу: облегчите текст от многих слишком научных терминов, а что нельзя снять, объясните. От этого роман сильно выиграет.

Если позволите, рукопись я еще немного задержу, так как с ней хотела ознакомиться А.А.

Получил на днях "Дорогу Ветров" – большое спасибо. Еще не успел прочитать, но сделаю это в ближайшем будущем.

Сердечный привет от нас Е.Д. Крепко жму руку.

И. Майский

АРАН. Ф. 1702. Отпуск машинописный.

П.К. ЧУДИНОВУ

*Мозжинка**20 августа 1957 г.*

Дорогому

начальнику Очёрской экспедиции в качестве премии за успешную работу – замечательную книгу о настоящем сверхчеловеке¹ – вот каким должен быть охотник, а не слепым избивателем беззащитной дичи.

Не мешало бы и таких охотников для людей-людоедов! Когда-нибудь будут!

С приветом

И. Ефремов

Личный архив П.К. Чудинова. Автограф.

* Так в тексте.

Москва

8 октября 1957 г.

Уважаемый профессор Олсон!

Я только что получил одну копию Вашего перевода "Каталога". Вы достигли прекрасных результатов. Вы очень доступно суммировали все важные данные и прояснили не совсем понятные моменты. Перевод точен, так же как и транскрипция, данная на кириллице, за исключением списка литературы. Здесь Вы найдете редкую фотографию, связанную с процессом тафономии: стадо гиппопотамов, обреченных на гибель в небольшой илистой яме, расположенной среди пустынных просторов и высыхающей после разлива.

Мне кажется, что это является иллюстративным примером, характерным и для рептилии пермского периода. Я надеюсь, что в этом году Вам удастся найти терапсид в Сан-Анджело.

Искренне Ваш И.А. Ефремов

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 88.

Чикаго

16 октября 1957 г.

Уважаемый профессор Ефремов.

Большое спасибо за Ваше письмо, касающееся краткого изложения "Каталога". Я в высшей степени доволен, что Вы нашли его в достаточной степени удовлетворительным. Я посылаю Вам 10 экземпляров этого изложения. У меня есть много запросов из некоторых университетов США, а также Англии, Франции, Финляндии, Германии, Южной Африки, Австралии и т.д. Как Вы можете видеть, интерес к Вашей работе широко распространен, но несомненно и то, что имеется слишком малая возможность читать на Вашем языке.

Я благодарен Вам за книгу под названием "[The] Land of Foam" ("Пенная земля"). Я только что закончил чтение книги "Дорога Ветров" ("The Trail of the Winds"). Для меня были сложны употребляемые Вами русские выражения, не связанные с техникой. Моя книга, написанная вместе с Робертом Л. Миллером и названная "Morphological Integration", должна выйти из печати в следующем месяце. Я надеюсь скоро ответить Вам взаимностью на те книги, которые Вы мне прислали, отправив Вам экземпляр своей. Конечно, это не такая приятная для чтения книга, как "The Land of Foam", но, возможно, некоторые из мыслей, содержащихся в книге, окажутся интересными.

Пожалуйста, засвидетельствуйте мое почтение профессору Орлову и скажите, что я скоро ему напишу.

Искренне Ваш Эверетт К. Олсон

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other of Side the Medal. Los Angeles, 1990. P. 89.

*Узкое**8 февраля 1958 г.*

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

После Вашего возвращения пытался Вам позвонить, но два раза попадал в Ваше отсутствие, а Агнию Александровну не решался беспокоить.

И вдруг мне неожиданно дали путевку в "Узкое", о которой давно хлопотал. Дали с условием ехать в тот же день. Я поехал на следующий, но уж ничего не успел сделать.

Я слыхал, что Вы довольны поездкой в Цхалтубо. Как здоровье Агнии Александровны, она ведь привыкла не щадить себя в увлечении домоводством?

А я снова отличился сердечным приступом, как летом. Уложили, гноили в постели и дома, теперь отправили в санаторий.

Если так часто повторяются ангиоспазмы – это знак, что какую-то из моих муз надо покидать. Но какую?

Не раз Вы любезно предлагали мне выписать для меня литературу через Книжный отдел. Если Вы не исчерпали еще своего лимита на текущий год, то я воспользовался бы Вашей заботой, однако, при условии, что Вы разрешите мне возвращать Вам стоимость, уплаченную Вами в нашей валюте. Иначе мне делается совсем уж неудобно...

Прилагаю список нужных книг в порядке важности¹. Книжный отдел АН принимает заказы по 1-е марта, так что еще есть время.

Я собрался было сделаться Вашим соседом, но, увы, это оказалось лишь быстро разбитой мечтой. В ЖКО мне сказали, что Лаврентьев и Христианович будут спешно продавать свои дачи и будто бы нет покупателя! На самом деле оба сибирских зачинателя и не думали расставаться с Подмосковьем...

Большое Вам спасибо за "Испанию"². Многое там для меня слишком детально и специально, но многое интересно и пошло на пользу. Пока не могу Вас ничем отдарить, так как "Туманность"³ все еще туманится, надо же было мне дать такое название – забыл о моряцком суеверии.

С лучшими пожеланиями и искренним уважением

И. Ефремов

АРАН. Ф. 1702. Авториз. машинопись.

*Москва**25 февраля 1958 г.*

Уважаемый профессор Олсон!

Я в чрезвычайной степени заинтересован в Вашей новейшей работе, озаглавленной "Morphological Integration". Чего бы это ни стоило, но нужен один экземпляр этой книги для всей нашей группы, включающей еще и профессоров Орлова и Обручева.

Отвечаю на Ваш вопрос о смысле, который я вкладывал в термин "Лауразия"¹: "Лауразия" является старым европейским названием для огромного северного материка, противостоящего Гондване² и включающего Лаурентию и Евразию (Эраи + Ангарида + Синиа). Такой материк, однако, никогда не существовал, как Гондвана. И Вы совершенно правы, говоря, что элементы фауны Гондваны были вкраплены в Ваши фации пермского периода, распределяясь где-то на северном континенте. Моя статья называется "Гондванские фации северных материков"³. Жаль, что Вы не читали мою книгу "Тафономия и геологическая летопись", которую я выслал

несколько лет назад. Возможно, Вы единственный VP*, который стоит очень близко ко всем идеям тафономии и может себе ясно представлять всю значимость этих законов.

Искренне Ваш *И.А. Ефремов*

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 90.

124

И.М. МАЙСКОМУ

Москва

10 марта 1958 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Очень большое спасибо за книгу, но, увы, – они выписали ее Вам вторично. Это не беда, так как книга нужная и ей найдется дело. Что до моего заказа**! а Вам большое спасибо и извинения за хлопоты.

Очень плохо, что Детгиз так задерживает Вашу книгу¹. Она нужна сейчас особенно.

Но я сам взял от них "Туманность" и вернулся в "Молодую гвардию", где сейчас гонят во всю ее редакцию. На этой неделе закончу и тогда разрешите позвонить Вам.

Большой привет Агнии Александровне и Вам от всего семейства.

Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1702. Автограф.

125

Э.К. ОЛСОНУ

Москва

26 апреля 1958 г.

Уважаемый профессор Олсон!

Большое спасибо Вам от меня и от моих коллег за Ваши интересные статьи. Последняя статья о Веил-Чоза¹ является по-настоящему тафономической. Ваша другая великая книга "Morphological Integration" за пределами моего понимания. Мне кажется, что подобные экстраполяции являются путеводными к будущей науке в той же мере, что и особенности кибернетических механизмов – мезоны и т.д.

В настоящее время мы планируем большую палеонтологическую экспедицию в Центральную Азию совместно с энергичными китайскими палеонтологами, которая должна начаться в 1959 г.² Но сам я останусь в Москве из-за своего сердечного заболевания.

Что касается посещения местонахождений ископаемых пермского периода, то это будет сложно организовать, так как весь наш штат полевых сотрудников будет отсутствовать в Центральной Азии.

С наилучшими пожеланиями.

Искренне Ваш *И.А. Ефремов*

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 91.

* Палеонтолог позвоночных.

** Далее не разобрано одно слово.

Москва

9 июля 1958 г.

Дорогой Иван Иванович.

Количество яду в Вашем письме меня так устрасило, что отвечаю немедленно по прочтении. Забыв или пожалев вложить обещанную фотографию "изумительной красавицы", Вы отказались даже умастить елеем мои многочисленные раны от жалящих острий...

Завидую, конечно, ибо жалок тот, кто не завидует столь замечательному плаванию и вообще отдыху в Крыму с потрясающими красотками.

Я же буду действительно пребывать на указанных Вами широтах до сентября или октября, когда уеду в Китай на месяц¹.

Дальнейший мой путь еще не вполне ясен, но не исключена возможность, что мне удастся добиться длительного отпуска и пожить в Крыму, скажем, около полгода. Но это выяснится лишь к поздней осени...

"Туманность Андромеды" должна будет выйти из печати в "Молодой гвардии" примерно в сентябре, и я немедленно пошлю ее Вам. Конечно, как Вы сами знаете, издательства способны на любые фокусы, но все же не советую Вам читать журнальный вариант. Если книга задержится, то лучше я пошлю Вам рукопись, переплетенную и в последнем варианте.

"Фараон" у меня есть², старый (1936) и новый (1956). Книга интересная, но малохудожественная, так как Вы совершенно правы – у автора плохо размешана наука с художеством – все время попадают комья.

Имею к Вам вот какой вопрос: поскольку Вы – старый друг Филатова, то, что Вам известно о том, как родилась идея "Бегущей по волнам" Грина?

Здесь стало известно, что якобы Филатов в одном из своих литературных опусов³ придумал сказку о дальнем острове среди моря и девушке, бегавшей по морю и спасавшей людей от кораблекрушений. Грин, явно будучи хорошо знаком с Филатовым, использовал идею для "Бегущей" и в благодарность вывел в романе самого Филатова под именем д-ра Филатра, у которого тоже уходит и возвращается жена. Можете ли Вы проверить, легенда это или быль.

Напишите бога для о Ваших странствиях. Я если уеду, то дней на 20 под Москву, куда письмо всегда доставят.

Ваш неизменно И. Ефремов

АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 293. Л. 18. Авториз. машинопись.

Москва

4 августа 1958 г.

Дорогой Петр Константинович.

По-видимому, дела с раскопками идут отлично и, действительно, надо к черту добить Очёр (в смысле получения максимального количества материала), так как дальнейшие ассигнования уже будут на другие объекты, да и Вам с китайскими работами¹ будет некогда.

Поэтому, ежели Вам понадобится, то 25 тысяч считайте Вам обеспеченными дополнительно на завершение работ.

Но вот как с разведочными поездками? Что-то ничего не слышно... Вам будет направлен еще Шишкин – наш новый лаборант, он числа 8-го поедет на Яренгу, а числа с 20–25 прибудет к Вам на последние усилия – я думаю, что Вы задержитесь числа до 15-го, мужской частью экспедиции особенно.

К нам прибыл аспирант-монгол для практики в палеонтологии. Как Вы относитесь к тому, чтобы прислать его Вам поразбирать костеносный пласт и практиковаться во взятии монолитов? Наша дирекция (Малеев) пошлет Вам официальную телеграмму, как выяснится документация на монгола.

Он вроде парень старательный, так что с ним Вы поэкономите нештатную зарплату.

Посылаю Вам любительский перевод одного научно-фантастического американского рассказа. Почтайте и пусть еще почитает, кто хочет, только побережнее, а потом отдайте его Елене Дометьевне. Ей скажите, что это перевод Большого Миши – пусть посмотрит, какой способный парень – ведь он только что начал изучать язык. Вот как надо медведей стрелять...

Ваше изображение (лихо развалившимся на автомобиле) висит в стенгазете – большая карикатура о "принципах неравномерности" – видите, наше бабье-маше не может Вам простить большой экспедиции. Ох уж, а что было, когда была Монголия – нашей же нештаткой все пользовались и про нас же кричали, что Монголия всех задавила, нет возможности работать...!

О впечатлениях поездки в Лондон² пока еще ничего не знаю. Все разбежались немедленно по возвращении.

По науке ничего нового – летнее затишье.

Передавайте приветы всем товарищам. Вам – пожелания всяческих успехов не только в кубометрах породы и костей.

Ваш И.А. Ефремов*

P.S. Дайте М.Ф. сшить рукопись.

Личный архив П.К. Чудинова. Авториз. машинопись.

128

И.А. ЕФРЕМОВУ

17 декабря 1958 г.

Глубокоуважаемый Иван Антонович.

Очень рад был получить вашу "Туманность Андромеды" – наконец-то! Перечитаю ее сейчас и потом скажу Вам о своем впечатлении.

Посылаю Вам и своего младенца – "Близко-далеко"¹, который тоже наконец появился на свет и позавчера оказался в моих руках.

Какое совпадение: оба произведения писались одновременно на одной и той же даче в Мозжинке (помните, Вы стучали на машинке наверху, а я внизу?!), потом оба прошли 2,5 года всевозможных мытарств в процессе издания, и оба оказались на книжном рынке в декабре 1958 г. Их можно назвать кузенами. Посмотрим, какова будет их дальнейшая судьба.

Слышал, что Вы были в Китае², – интересно? Не отразилось ли это путешествие на Вашем здоровье?...

Мы что-то не очень здоровы. А.А. вот уже несколько месяцев борется с обострением своего старого недруга – миньера** – и пока еще не одолела его. Я недавно перенес грипп и тоже еще не вполне от него оправился.

Надеюсь в недалеком будущем повидаться. Привет от А.А. всему Вашему семейству. Жму руку.

[И. Майский]

АРАН. Ф. 1702. Отпуск машинописный.

* Далее автограф И.А. Ефремова.

** Правильно миньер – заболевание, сопровождающееся приступами головокружения, шумом в ушах и приводящее к постепенному снижению слуха.

Ян Чжун-чян и И.А. Ефремов в Институте палеонтологии позвоночных. Пекин (1958 г.)

И.А. Ефремов в Летнем Императорском дворце. Пекин (1958 г.)

13 января 1960 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

В настоящее время вновь, как много раз до этого, возник вопрос о месте Палеонтологического института в отделениях Академии наук СССР. В этом вопросе нет должной ясности ни у сторонников перевода института в ОГН, ни со стороны сотрудников и дирекции ПИНа. У нас в Академии наук не принято советоваться с отдельными учеными, не принадлежащими к администрации. Однако разрешите мне, одному из основных сотрудников Палеонтологического института, проработавшему в нем без малого тридцать пять лет, изложить Вам некоторые принципиальные соображения. Они не продиктованы никакой корыстью, кроме интересов дела. В настоящий момент я не занимаю никакого поста, находясь на временной инвалидности по болезни.

Существо вопроса в том, что Палеонтологический институт составлен из двух разнородных частей и слишком долго сохранял свое статус кво. 60% научных сил института принадлежит к палеонтологам-стратиграфам с геологической специализацией, около 40% относится к палеонтологам-биологам с биологической специализацией. Первые – палеонтологи беспозвоночных (за исключением палеонтомологов), вторые – палеонтологи позвоночных. Это разделение совершенно естественно. Позвоночные – наиболее сложные организмы, могущие ответить на вопросы современной науки. Беспозвоночные – преимущественно индикаторы геологического возраста и условий отложения осадков и в гораздо меньшей степени могут служить объектами биологического исследования высокого класса.

За десятки лет совместной работы обе группы научных сил института не ассимилировали друг друга и не сумели объединиться в общих исследованиях. Наоборот, противоречия между ними проявляются с каждым годом глубже.

Это не мешало на первых этапах работы института, но теперь, когда требуются все более глубокие теоретические исследования, при огромных темпах развития смежных биологических наук, различие целей и методов ведет к деградации института. Наше время фантастически быстрого развития естественных наук, в том числе и биологических. Вооруженные новейшими методами физики и химии, математики и кибернетики биологические науки сейчас поднимаются на качественно новые ступени исследований. Геология же, оставаясь важнейшей практической наукой, все более отстает в теоретических исследованиях. Поэтому расхождение биологического и геологического направлений в палеонтологии становится все более резким.

Цель биологической линии в палеонтологии – пользуясь всеми методами биологических наук, восстановить ископаемые вымершие организмы и в последовательности их изменений строить историю развития жизни на Земле.

Цель геологической линии в палеонтологии – пользуясь биологическими данными палеонтологии, установить уровень развития ископаемых организмов, определить его геологический возраст, а также условия отложения осадков по чертам приспособления организма.

В первом случае палеонтологические остатки являются объектом исследования, для которого привлекаются сравнительные данные из всех отраслей биологии, во втором – средством для раскрытия возраста и фациальной характеристики отложений земной коры.

В этой двойственности сущность всех противоречий, непониманий и различия целевых установок как внутри института, так и в требованиях, предъявляемых институту извне.

Биологическое направление палеонтологии дает серьезную теоретическую базу для биологических наук, представляя собою и с т о р и ч е с к у ю о с н о в у морфологии

и сравнительной анатомии – абсолютно необходимую для материалистической науки нашего общества.

Палеонтология геологического направления опирается на эту же базу и не должна затрачивать времени на чуждые ей методы и пути исследования, а сосредоточиться на углубленном познании фаунистики, стратиграфического и фациального распространения и условий захоронения ископаемых организмов. В Палеонтологическом институте имеет место организационный разброд. Не подготовленные биологически сотрудники занимаются чисто биологическими проблемами, палеонтологам-биологам приходится решать вопросы геологического порядка.

Распространение печатной продукции – научных трудов Палеонтологического института за все годы его существования – с полной ясностью показывает потребителям его исследований. Подавляющее большинство печатных исследований геологического направления (палеонтологии беспозвоночных) остается непроданным, лежит на складах издательства, идет в макулатуру или хранится в фондах библиотеки института. Почти все работы по палеонтологии позвоночных расходятся очень быстро и распроданы полностью в магазинах без остатка и в настоящее время остались лишь в ничтожном числе экземпляров в фондах библиотеки ПИНа. Это различие является безошибочным индикатором фактической потребности в печатной продукции Палеонтологического института и ее значения не только для биологических наук, но и для широкого круга ученых-естественников и философов. Однако малая потребность в печатной продукции по беспозвоночным отнюдь не означает бесполезности геологического направления в палеонтологии. Существо дела в том, что для выхода палеонтологии в геологическую практику нужны только конечные выводы по стратиграфии и фациальной приуроченности с фаунистической характеристикой тех или других отложений. Эти выводы становятся известны и находят применение еще задолго до выхода исследования из печати. Сами же печатные исследования, по отсутствию в них нужных для биологии теоретических вопросов, нужны только узкому кругу специалистов как справочники, приобретаемые лишь отдельными библиотеками.

Разнородность работ Палеонтологического института находит яркое подтверждение в потреблении его печатной продукции.

Мне представляется, что сохранение Палеонтологического института в его настоящем виде более не имеет организационного и делового смысла.

Однако передача института полностью в Отделение геолого-географических наук будет крупной организационной ошибкой. Рано или поздно, несмотря ни на какие заверения, там элиминируется биологическое направление палеонтологии. Надо подчеркнуть, что руководящие ученые ОГГН, стоящие за передачу института в это отделение, просто не знают, что делать с его исследованиями по палеонтологии позвоночных и палеозоологии. Отсюда возникло предложение передать эту часть ПИНа Зоологическому институту, который не обладает материальной базой для освоения ПИНа и правильной постановки больших биолого-палеонтологических исследований. Кроме того, это потребует обратной перевозки части ПИНа и его музея в Ленинград.

При всех условиях биологическое направление палеонтологии, можно называть его для краткости палеозоологией (палеофитологии я не касаюсь по отсутствию таковой в Палеонтологическом институте и по специфике ее организации), должно развиваться в Отделении биологических наук – среди тех наук, от которых, как от основы, зависит палеонтология позвоночных и вообще – высших организмов. В то же время палеонтология среди биологических наук находится на стыке с науками геологическими и по характеру материала занимает особое место. Поэтому неправильным было бы слияние биологической части ПИНа с любым из существующих биологических институтов. В прошлом такая проба уже делалась акад[емиком] А.А. Борисяком в 1936 г. (слияние с Ин[ститу]том эволюционной морфологии)² и привела

лишь к поспешной реорганизации ПИНа снова в самостоятельный институт в 1937 г.

Палеонтологический институт в Отделении биологических наук для будущего нашей науки и ее дальнейшего успешного развития должен сохранить самостоятельность.

Для геологического направления в ПИНе объединение этих исследований с Институтом геологии ОГГН, точнее с отделом (конечно, в этом случае с расширением его в самостоятельный сектор) палеонтологии и стратиграфии, вполне возможно. Благодаря очень близкой методике, а в ряде случаев и полной аналогичности проводимых работ, палеонтологические исследования по беспозвоночным ПИНа не потерпят ущерба. Более того, расширение территориальной базы и количественный прирост материалов принесут несомненную пользу для переводимой части ПИНа. Присоединение к Институту геологии сильного коллектива высококвалифицированных палеонтологов даст возможность резко расширить его палеонтолого-стратиграфическую базу, превратив его в Институт геологии, палеонтологии и стратиграфии, и обеспечить для геологических исследований ту самую палеонтологическую основу, о которой пекутся геологи.

Подведем итоги. В настоящий момент представляется наиболее целесообразным разделить Палеонтологический институт на две части. Одну, представленную работниками геологического направления в палеонтологии беспозвоночных (несколько большую по численности), передать в виде сектора в Институт геологии ОГГН, превратив последний в Ин[ститу]т геологии, палеонтологии и стратиграфии.

Другую часть ПИНа, состоящую из палеонтологов позвоночных и палеозоологов (биологическое направление), оставить в ОБН, на базе Палеонтологического музея, в виде небольшого Палеозоологического института, с целью разработки биологической палеонтологии и сохранения того небольшого отряда высококвалифицированных палеонтолов-биологов, который составляет и всегда составлял ядро Палеонтологического института.

Мне представляется неправильной позиция директора Палеонтологического института чл.-корр. АН Ю.А. Орлова³, старающегося во что бы то ни стало сохранить устаревшую организацию института, считая себя не вправе изменять сделанное основателем института академиком А.А. Борисяком. Чл.-корр. Ю.А. Орлов забывает, что ПИН в настоящем виде сформировался еще в 1937 г., почти четверть века тому назад. За это время в науке произошли гигантские сдвиги вместе с огромными изменениями организационных форм руководства и управления в нашей стране. Излишне говорить, что будь жив академик А.А. Борисяк, он, безусловно, уже провел бы не одну реорганизацию института, как он делал три раза на протяжении восьми лет, с 1929 по 1937 г.⁴

Для всех становится ясно, что окаменелые формы организации ПИНа далее нетерпимы по совершенно закономерному расхождению различных разделов палеонтологии. Мне кажется, что коллектив Палеонтологического ин[ститу]та еще не понял и не продумал необходимости реорганизации ПИНа и в этом идет на поводу у дирекции. Следует признать, что в отдельных случаях защита стабильности института вызвана и личной заинтересованностью ведущих сотрудников и не имеет ничего общего с нуждами науки. Это – опасение утратить ведущее положение или руководящий пост ведущей лабораторией, так как в ин[ститу]те много мелких лабораторий, которые при переходе в крупный Геологический институт, вероятно, будут расформированы.

Но потребности науки заставят в конце концов решиться на серьезную реорганизацию работы Палеонтологического института. Пусть это будет раньше, в ногу со всей страной, чем тогда, когда работа института серьезно деградирует, а коллектив, состоящий в основном из ученых, уже близких к пенсионному возрасту, не сможет отвечать на требования жизни⁵.

Профессор, доктор, лауреат Сталинской премии

И.А. Ефремов

И.А. ЕФРЕМОВУ

23 марта 1960 г.

Дорогой Иван Антонович.

Большое спасибо за то, что прислали Вашу новую книжку "Юрта Ворона"¹. Прочитал ее с большим интересом и удовольствием. Есть там старые, хотя и переработанные вещи, с которыми я уже знаком. Они мне всегда нравились, нравятся и сейчас. Из новых вещей мне больше всего по душе "Сердце Змеи"² – в рассказе много захватывающего, много интересных и необычных мыслей. Очень неплоха "Юрта Ворона" – это в духе Ваших прежних вещей, типа, напр[имер], "Озера Горных Духов"³. Меньше всего мне понравилась "Афанеор"⁴ – она написана ниже Ваших возможностей. Этот рассказ точно склеен из кусков разной ценности. Все, что касается жизни и быта туарегов⁵, прекрасно. Недурно показаны французы, экспедиция, взаимоотношения между экспедицией и Тирресуэном. Но вот последняя часть рассказа, посвященная поездке Тирресуэна в СССР и его беседам на эту тему с Афанеор, как-то не удалась. Плохо веришь, что Тирресуэн мог так чувствовать и говорить. Вернее, говорить. Чувства туарега, изображенные в рассказе, понятны и естественны, но должны находить какое-то иное, более примитивное выражение.

Надеюсь, Вы не посетуете за мои критические замечания. Мне так хочется, чтобы все Ваши произведения были вне упреков, и я по старой, но не стареющей дружбе откровенно передаю Вам свое впечатление. Может быть, учтете его при переиздании книжки.

Как живете? Как Ваше здоровье? Был бы рад повидать Вас, если попадете как-нибудь в город. Привет от А.А.

И.М. Майский

АРАН. Ф. 1702. Отпуск машинописный.

Б.А. ТРОФИМОВУ

Абрамцево

4 августа 1960 г.

Дорогой Борис Александрович!

Я задержал ответ на Ваше письмо (так уж с ним не везет), так как был в отъезде в Ленинграде и только недавно вернулся.

Поскольку раскопки в Маорту¹ кончились, обсудим вопросы захоронения при личном свиданий. Пока же я никакой "смеси" динозавров в Маорту не вижу, потому что далеко разобщенные пункты, хотя бы и идеально одновозрастные, могут обладать (и обязательно обладают) весьма различными условиями захоронения. Даже в совсем рядом расположенных костеносных линзах могут быть разные условия тафоценоза, потому что они могут образоваться в двух полосах течения разной скорости и, следовательно, с очень резко отличным гидродинамическим подбором. Нахождение анкилозавров вместе с хищными и изоляция завропод идеально подтверждают мою схему.

Сильно огорчен общим положением дел в экспедиции и ограблением млекопитающих, в частности. Вообще, конечно, трудно нам состязаться с 600-миллионным народом в поисках и раскопках млекопитающих – видимо, в Китае придется копать только динозавров² (если вообще придется), а это снижает научную ценность экспедиционных работ на 50–60%.

Пишите еще о Вашем житье-бытье. Привет Вам от Е.Д. и Таси и от меня, само

собой. Марафет – в экспедиции Чудинова в Очёре, где блестяще идут дела – новые звери, рогатые черепа, черепа лабиринтодонтов и т.п. Она очень жалеет, что поторопилась уехать из Китая, и очень хотела бы закончить работу с Вами, но что уж тут поделать!

Передайте привет всем Вашим товарищам. Когда должен приехать назад Прозоровский? Скажите ему, что у меня для него есть срочный заказ – надо напечатать ряд его монгольских снимков для Чехословакии, сможет ли он это сделать в сентябре? Пусть напишет немедленно.

Всяческих успехов и всего хорошего.

Ваш И.А. Ефремов

Личный архив Б.А. Трофимова. Авториз. машинопись.

132

Ю.А. ОРЛОВУ

Абрамцево

31 января 1962 г.

Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

Когда Вы в последний раз навестили меня, я остался с чувством глубокого разочарования и тревоги. И не потому, что Вы фактически дали понять, что не заинтересованы в моем возвращении в ПИН, сейчас во всяком случае. Не потому, что в беседе с разными лицами в институте Вы извратили существо нашего разговора и почему-то обвинили меня в утрате интереса к науке. Это – дело личное, ничего не меняющее по существу. Я ведь давно знал от разных лиц, что Вы (справедливости ради надо сказать, что это было не всегда, иначе я бы изменил отношение к Вам) говорили обо мне такое, чего не было и чего я, во всяком случае, не заслуживал. Неприятные примеры вспоминать не буду, кроме упорного утверждения Вами, что я написал какую-то порочащую бумагу на Рождественского на 10 страницах. Я звонил, как Вам говорил, в Иностранный отдел¹, и они мне заявили официально, что там н и ч е г о, кроме обычного отзыва на сотрудников экспедиции 1950 г., нет. Мало того, значения этот отзыв не имеет, так как перекрыт более обширными поздними. Как же тогда считать Ваши слова о трудности утверждения Рождественского² из-за этой бумаги. Я привожу этот пример т о л ь к о для того, чтобы Вы перестали себя дискредитировать утверждением, фальшь которого уже давно вскрыта и всем известна.

Равным образом, зачем Вам было унижать себя, говоря обо мне то, чего не было? Ведь моя ценность как ученого и сделанное в науке уже не зависят ни от каких отзывов, будь то авторитетное высказывание директора или пустозвонная болтовня научного щелкопера без году неделю в палеонтологии. С другой стороны, никак не могу поверить, чтобы такой принимающий науку всерьез человек, как Вы, не смог бы понять, что нужно делать, чтобы при любых условиях сделать попытку вернуть в свой институт одного из лучших палеонтологов СССР (ради Бога, примите это как чисто деловую оценку и не используйте как пример пресловутой ефремовской похвалы. Люди могут выдумать куда хлеще, если понадобится, как Вы сами любили говорить, "мазать дегтем про всякий случай"). Я и не поверил, хотя мне говорил это мой старый старший товарищ, с которым бок о бок я прошел довольно тернистый путь ПИНа на протяжении более 30 лет. Следовательно, были какие-то другие мотивы? Тогда почему было мне не сказать честно и прямо – какие?

Если возможность того, что я могу перейти дорогу кому-то в членкоры, благо есть вакансии, то сколько раз я говорил, что н и к о г д а больше не выставлю своей кандидатуры, поскольку один раз Академия ее уже отвергла³. Донкихотство или нет, но это так, и Вам не было никаких оснований мне не верить – вся моя жизнь прошла в настойчивом упорстве. Можно было еще раз спросить меня и еще раз

удостовериться. Можно было открыто спросить меня еще раз, как много раз уже спрашивали, и удостовериться, что я не собираюсь конкурировать с Вами насчет директорского поста и копать под Вас. Все, что я делал на протяжении 30 лет и для науки и для Вас в частности, говорит против такого предположения.

Если же Вы все это понимали (а мне хочется надеяться, что это так!), тогда значит Вы просто повели открыто оппортунистическую линию в руководстве институтом и просто не хотите ничего делать, что было бы хлопотным, причиняло бы или могло бы причинить впоследствии беспокойство.

Отсутствие какой-либо линии в развитии института за последние годы, явная деградация нашего ПИНа (сейчас стрелка барометра его научной ценности стоит максимально низко, а ведь это может предвещать бурю!), деградация позвоночных, необеспеченность будущего – то, о чем мы с Вами говорили в последний раз, – все это тревожные симптомы, которые не могут не тревожить и меня, но совсем не из-за того, что я хочу как-то сыграть на этом. Что-то, но уж это-то Вы могли бы знать, чувствовать и понимать, а потому и отнестись к нашему разговору совсем по-другому, так, как это должен был сделать настоящий ученый и настоящий человек, тот самый русский интеллигент, в полном смысле этого слова, каким я долго считал Вас.

И если Вы отнеслись к этому, как типичный служащий недоброй памяти эпохи, то это тоже свидетельство ацедеи – страшного равнодушия человека или полностью сломанного, или думающего только о своем личном благополучии. Вам и только Вам решать, что с Вами и как Вам поступать с тем, пусть небольшим, но в какой-то степени чистым делом не слишком славной науки, которая волею судеб оказалась в Ваших руках.

Я всегда высоко ценил Вашу осторожность и широкую осведомленность – качества, которыми я не наделен. Но ведь эти качества нужны только для того, чтоб проявить дальновидную мудрость и предвидеть трудности и особенности будущего (не бояться, а заранее к ним подготовить вверенное Вам дело).

Но посмотрите сами в себя – есть ли у Вас настоящая преданность науке с е й ч а с (я не говорю о прошлом), действительно ли Вы ведете науку или плывете по течению, плюя на все, кроме того, чтобы Вас не трогали и не занимали Вашего времени. Своей работы Вы давно не ведете, в институте бываете совсем мало, а если и бываете, то для чисто бумажной возни или пустяковых мелочей, и то стараетесь переложить все на Ваших помощников. В университете тоже Вы делаете очень мало, перекладывая все на других, как то постоянно заявляют Ваши помощники там. Вам виднее – может быть Вы решаете судьбы науки в более высоких инстанциях, став теперь академиком?⁴ В этом Вы должны быть сами себе судьей, ибо если и там Вы ведете ту же линию, то что же у Вас тогда, где то оно, главное в жизни?

Помните, как в старинной украинской песне: "Стань, обернись, глянь – задывись, которы знаешь много..." А вдруг Вы только потому и пользуетесь поддержкой главных пиновских сил, что Вы равнодушны ко всему, сами не знаете пути-дороги и с Вами можно делать в науке все, что хочется, а главным образом – ничего не делать? Думали ли Вы об этом?

Я написал Вам об этом не для того, чтобы обвинять, тыкать указующим перстом и чувствовать, какой я сам хороший. Поймите это. Ведь если я не скажу, то кто же скажет, ясно и четко выразив все одолевающие сомнения? Те, которым плевать, лишь бы дожить оставшееся время спокойно и на приличной зарплате? Или узкие фанатики, считающие, что превыше их маленькой стежки в науке нет ничего и стежку эту надо охранять во что бы то ни стало.

Обвинять Вас уже поздно (а для подлинной оценки Вашей деятельности – рано), учить и даже советовать, пожалуй, тоже поздно.

Но вот товарищески окликнуть: "Стань, обернись!" еще можно, и я пытаюсь это сделать настоящим письмом, после серьезной тревоги за наше дело, да и за Вас самого.

Правда, может быть Вы совсем не тот, каким казались мне все эти многие годы, может быть у Вас и не было тех целей, какие я Вам приписывал, а все пространенная погоня за карьерой, такая же обычная, как многое вокруг? Пока не верю, не могу поверить. Будущее покажет, но и тогда Вы можете быть спокойны – я буду вмешиваться в дела ПИНа лишь при явной и полной деградации, когда уже гражданская совесть не позволит оставаться в стороне.

Если же Вы и впредь не хотите моего возвращения в ПИН, то не надо для этого никаких обходных маневров (я имею в виду будущее не столь уж близкое). Можно прямо сказать мне об этом, и мы вместе найдем удовлетворительный и не возмущающий спокойствия путь, скажем, моего перехода в ЗИН, ГИН или иное учреждение системы АН. А может и не нужно этого? Мне кажется, что я в науке все же нужен в любом качестве. Если это не так – представьте доказательства, и я соглашусь с Вами.

Только не надо тайных вывертов, подземных ходов и дискредитирований "по-маленьку". Не таковы были наши с Вами отношения и не таковы мои дела и место в науке и жизни⁵.

С искренним уважением.

И.А. Ефремов

Личный архив Т.И. Ефремовой. Авториз. машинопись.

133

И.А. ЕФРЕМОВУ

[Москва]

6 февраля 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

После наведения справок по всяким инстанциям, кончая А.В. Топчиевым, сообщаю Вам единственные в настоящее время варианты Вашего участия в работе института, так как предположения о консультантах¹, подобных существующим в некоторых учреждениях военного ведомства, в Академии наук так и остались до сих пор только предположениями. Тут еще к тому же пошла "полоса" контролей, строгостей, ревизий и проверок по разным линиям и вопросам... Варианты эти, повторяю, пока единственные существующие, хотя ни один из них, вероятно, не удовлетворил бы Вас:

1) полная ставка старшего научного сотрудника с докторской степенью и, следовательно, "полным" рабочим временем;

2) половинная ставка той же категории с половинным рабочим временем; это – варианты, дающие стаж, пенсионность;

3) $\frac{1}{4}$ ставки – той же категории, не дающая ни того, ни другого;

4) консультантство с "почасовой" оплатой, не дающее ни того, ни другого, притом с оплатой из продолжающей, по распоряжению свыше, сокращаться рубрики "внештатная" зарплата.

Как видите, все это "типичное не то", что Вас устраивало бы, насколько я себе представляю, а другого пока ничего нет и не известно, когда будет (имею в виду консультантство, подобное существующему в некоторых местах).

Ваше длинное письмо получил еще три дня тому назад, но ответить на него смогу лишь на той неделе², так как всю эту неделю, все дни на заседаниях обязательного свойства, к вечеру прихожу домой совершенно разбитый, да еще никак не могу прийти в себя от тяжелой депрессии по разным причинам, в том числе – от смерти брата, хотя и прошел уже месяц, как он умер.

Искренне Ваш Ю. Орлов

Личный архив Т.И. Ефремовой. Авториз. машинопись.

[Москва]

13 февраля 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Наконец я вырвал время написать Вам ответ на Ваше письмо от 31.1.62.

Такой "обвинительный акт" на четырех страницах Вы могли написать только в состоянии полного и яростного возмущения, негодования от незаслуженно полученного оскорбления в ответ на многолетнюю работу и – поразившего Вас б е с с о в е с т - н о г о, фальшивого поведения человека, которому Вы д о в е р я л и всю жизнь, к которому хорошо всегда относились.

Ваше письмо написано, невольно, весьма эмоционально; поэтому местами Вы повторяетесь и на него трудно ответить в нескольких словах и не повторяясь. В сущности, если Вы уверены в правильности всех Ваших положений, Вам надо требовать товарищеского суда, привлечь виновного к ответственности за клевету и, главное, с р о ч н о в м е ш а т ь с я в д е л а и н с т и т у т а, р а з у В а с е с т ь "гражданская совесть", написав, куда надо, заявление о быстром ходе института под уклон – к неизбежной катастрофе; надо у ж е спасти дело, приехав сначала в институт и ознакомившись с его работой в целом и лично.

Что до меня, то будь я согласен с Вами в Ваших обвинениях, я должен был бы, получив Ваше письмо, не уходить со своего поста, а... б е ж а т ь, бежать без оглядки; вообще из Москвы!

Но я не имею возможности согласиться с Вами в обвинениях. Для простоты ответа буду писать его в порядке Вашего письма. Обо всем, что думается, и не напишешь!

Как так, почему я "не заинтересован" в Вашей работе в институте? Что я извратил по поводу Вашего интереса к науке? Как я писал Вам еще в ответ на Ваше предыдущее письмо о делах немного более года назад¹, мое мнение таково, что Вы будете получать удовольствие от чего-либо интересного в палеонтологии, но что это для Вас гораздо б о л е е пройденный этап – если говорить о научной работе, чем Вам самому кажется; что Вы далеко не "четверть" прежнего работника, как Вы писали, а м н о г о м е н ь ш е.

Мне и теперь так кажется. Помнится, еще до нашей поездки в Китай² с Вами был разговор в институте. Вы говорили: «Как быть, когда становится трудно "служить двум богам", когда литературная работа хорошо и удачно идет – и на миллионы людей, а не на десятки, как палеонтологическая, она нужна людям; что не бросать же литературную и как же быть с наукой; что Вас это, естественно, беспокоит, нервирует и т.д.». Мое мнение было: не бросать науку, а работать и приносить ей пользу – сколько сможете. Не помню, говорил ли Вам, но многим другим всегда говорил, что если бы я мог – я охотно платил бы Вам полную ставку впредь пожизненно, без всякой работы с Вашей стороны, просто за то, что Вами сделано у ж е. Другое дело, что я бессилен платить так, что в моем распоряжении в настоящее время имеются лишь возможности, о которых я недавно наспех Вам писал. А высказанное Вами при нашем последнем свидании предположение об относительной доступности продления Вашей инвалидности на год – по Вашему положению в области литературы – привело меня тогда к представлению, что, вероятно, этим надо воспользоваться – пока; а дальше, может, установится же, наконец, штатное консультантство. Последнее время Вы, насколько я себе представляю, заняты целиком литературной работой, и в данный момент, пока, Вам не до палеонтологии – в смысле повседневного интереса и занятия ею. Был бы рад ошибаться.

Недавно в разговоре с Вашим бывшим заместителем по Гоби³ (1948–1949), который легко доводит меня до "трамвайного происшествия" своими наскоками и полным нежеланием понять всю беспросветную мучительность моего "положения", загруженность хлопотами и обязанностями, один перечень которых, вероятно, удивил бы

его самого, – так вот в разговоре с ним, когда он стал "пояснять" мне, что Вы много сделали, полезны, что нужно основать новую, палеофаунистическую лабораторию и Вас сделать заведующим, я сказал в ответ на это совершенно нереальное в теперешней обстановке предложение что-то вроде того, что "нечего мне пояснять, кто Вы; что я Вас знаю тридцать с лишним лет; что в рекомендации его Вы не нуждаетесь; что и меня Вы знаете, как облупленного" и т.д.

Заведование лабораториями стало сейчас повседневно много хлопотнее, чем было недавно; я себе не представляю, как при Вашем объеме литературной работой Вам себе это заведование брать. Если бы Вы видели, как мы сейчас мучимся, когда уже не ученый совет, и не директор, и не Биоотделение, и не президент, а какая-то "секция Госкомитета" над нами начальство, когда со всем этим приходится "париться" целые дни и дирекции, и "завам", – Вы бы меня поняли...

Что такое "упорное утверждение о порочащей бумаге" на Вашего зама? Ведь, конечно же, не десять страниц о нем одном, но в этом, как Вы пишете, "обычном отзыве на сотрудников экспедиции", сейчас не помню сколько по объему, написано и о "заме" и, настолько отрицательно, что меня вызвал Иностраннный отдел, показал это мне; я должен был всячески успокаивать и урезонивать, именно указав, как и Вы пишете, что все это было перекрыто "более поздним". Мне стоило немалых усилий тогда парировать это; сообщил об этом я тогда же только Вам, но Вы ничего вспомнить не могли, прошло десять лет, как-никак... В настоящее же время дело уже не в этом отзыве, а в том множестве жалоб, которых так боялся Иностраннный отдел и которые были и в Китае, и здесь; в том нежелании ра б о т а т ь с ч е л о в е к о м, которое существует, а не выдуман кем-либо.

Предполагаю, что если бы Вы не ограничились телефоном, а нашли тогда время лично приехать в Иностраннный отдел, то убедились бы, что я ничего не придумываю (зачем это мне?), что тут нет никакой фальши, в чем Вы неправильно убеждаете других и "зама", что не надо меня так легко обвинять в ней, в лжи... Вся беда в том, что в Вашем отзыве б ы л о много горькой правды (в характеристике), как показало позднейшее...

По поводу того, что невероятно, чтобы я не понимал, что именно нужно делать, чтобы "при любых условиях сделать попытку вернуть Вас в институт"... Как это положение, так и первые две трети второй страницы Вашего письма мне непонятны. О каком "перехождении дороги в членкоры" (и – кому[?]) Вы говорите? Пока никаких вестей о членкорах и т.п. нет и пока по палеонтологии очень маловероятны. По поводу возможности Вашего возвращения я мог говорить (и говорил) – с кем? С отделом кадров Академии, с Шидловским, с Топчиевым (в т[ом] числе недавно), с Черкашиным, с заменяющим его сейчас работником в ЦК. Итог этого выяснения пока ничего не дал, кроме того, что мы и так с Вами знаем: полное штатное место или половинное старшего научного сотрудника – доктора, дающие и стаж, и пенсионность; четверть ставки и консультантство по часам, т.е. с почасовой оплатой, и ч е г о не дающие... Если бы Вы могли мне п о д с к а з а т ь что-то Вас устраивающее и реальное, был бы благодарен Вам. Если Вы решили бы идти на один из первых двух вариантов, то стал бы хлопотать о штатной единице и, уверен, добился бы ее довольно быстро.

Быть может, я все неправильно понимаю, т.е. Вы предполагаете, что надо Вас просто возвращать на заведование лабораторией вместо теперешнего заведующего⁴, а его "сместить" в сотрудники? Если я н е з н а ю, как делать, н е у м е ю сделать то, что нужно, то вряд ли меня за это надо считать оппортунистом, лентяем и т.д.

Вторая половина второй страницы и первая третьей обвиняют меня в том, что институт никогда не стоял так максимально низко, как сейчас, в деградации позвоночных, в необеспеченности будущего; в том, что я не настоящий ученый и человек, а полностью "сломан" и думаю т о л ь к о о своем благополучии и, п л ю я на все, кроме своего спокойствия; что в институте, если и бываю

изредка, то только для чисто "бумажной возни", как и в университете, да еще "став теперь академиком". — От института я не в восторге; но так ли низко он стоит, как Вам кажется?

Что до Вашей информации о моей жизни и работе, то эта информация находится "на уровне" котельной нашего музея; или, быть может, на чуть более "высоком уровне" — нашей препараторской, но не выше; либо исходит от кого-нибудь, чем-либо уже очень недовольного. Больше всего мне все это напоминает статью от 22 ноября 1949 г. в "Правде" под названием "Крупные ошибки одного института"⁵. Могу лишь сказать, что с 1945 г. живу почти полностью по суждению Д.И. Менделеева (1884), которое я себе вписал в две первые страницы моей записной книжки вместе с некоторыми другими любимыми: "Первое и главное в жизни — труд для других"...⁶

"Чисто бумажная возня", — но это каторга (на которую, сейчас вспомнил, жаловались весной на конференции в Париже, говоря, что "был каменный век, был железный век, а теперь наступил век бумаг"). Ведь за этими "бумажками" стоят живые люди, их жизнь, их труд, их квартиры, болезни и много всякого горя... Иногда у меня и в университете, и в Академии, выражаясь образно, пол слезами закапан — и не думайте, что я преувеличиваю. Как-нибудь пошлю Вам схему теперешнего управления нашей наукой, когда до нас добирался карандаш счетовода из Госкомитета по координации при Совете Министров и получается бог знает что...

Как в Академии, так и в университете я делаю — что в силах; в Академии во все более и более трудной обстановке для нашей науки. Ведь, академик-палеонтолог м е н ь ш е научного сотрудника по ядерным делам (и уж конечно — любого сержанта ракетных войск)...

В заключение Вы пишете, что будете "вмешиваться в дела института лишь при явной деградации, когда уже гражданская совесть не позволит оставаться в стороне".

Но все Ваше предыдущее изложение говорит о том, что этот момент уже н а - с т у п и л, что дело института находится в руках опустившегося, потерявшего совесть человека, что и побуждает Вас писать мне. Если это так, то с Вашей стороны было бы поистине "бессовестно" молчать об этом... Ведь, я же говорил Вам, что если бы Вы, раскритиковав меня в обращении в Президиум Академии, в ЦК, в Министерство геологии, в Министерство государственного контроля (не помню, как называется точно), в "Правду", — куда хотите — если бы вы этим п о д н я л и науку на должную высоту, то я купил бы бутылку красного вина и мы с Вами распили бы ее, отметив успех дела.

Хотел бы сказать, что в университете⁷, хотя м[ожет] б[ыть] и незаслуженно, я пока не пользуюсь столь дурной славой, как Вы пишете; там я делаю тоже все полагающееся и посильное (вплоть до затрат своих тысяч рублей в старом исчислении), тоже добываю людям жилье и т.д.

Не могу перечислить всяких комиссий и перекомиссий, редактирования (в том числе с вычиткой учебников), всевозможной повседневной "возни с мелочами", т.е. практически н е и з б е ж н о г о в н и к а н и я в о в с я к и е д е л а, которые этого требуют, — совсем не только потому, что я всего-навсего "большой человек на мелкие дела", а и потому, что такова жизнь. Ведь я не Капица, не Цицин, не Бочвар, не Векслер и т.п.; ведь, чтобы добиться 20 шкафов в наш круглый зал для библиотеки, я был вынужден около 15 раз ехать с а м на завод, изготовлявший шкафы, и в с е — так... Ведь, все эти библиотечные комиссии, Комитет по Ленинским премиям, ученые советы и т.п. — все это бедственное положение с академиками — зоологами и ботаниками, насильственное членство в Бюро ОБН с поручениями и т.п. и т.д., обязательность обсуждения и согласования каждого мало-мальски серьезного дела с общественными организациями, когда даже н а н и м а е м о м у л а б о р а н т у делают смотр и партчасть и местком, все это трата последних остатков жизни. Конечно, я "слепой" директор. Как Вы знаете, я и не просился на это место, н е п р а в и л ь н о с о г л а с и л с я и мучаюсь скоро уже 17 лет; хуже всего то,

что на меня (на институт) наваливается все большая и большая ответственность за судьбу палеонтологии вообще — кроме, конечно, огромной "палеонтологической службы" Министерства геологии. Я о б я з а н заботиться о палеонтологии беспозвоночных — мало того, что в нашем институте, да еще и вне его, если работы сколь-нибудь "нашего профиля" и в какой-то мере — о палеоботанике.

В самом конце вы повторяете, что я не хочу Вашего возвращения в институт и для этого "прибегаю к обходным маневрам"; что же Вам — идти в ГИН, в ЗИН? и т.п.; что все же Вы в науке нужны в любом качестве и просите меня представить доказательства того, что Вы бесполезный в науке человек!

Только кровная обида на меня, возмущение мною, негодование и представление обо мне как о бессовестном человеке побуждают Вас к такой "концовке".

В настоящее время Вы заняты, не один год, очень успешной и большой, значит и очень трудоемкой, литературной работой. Это б о л ь ш о й тяжелый т р у д, а не "просто так": что-то взял, нацарапал и послал петитом в "Вечернюю Москву". Поэтому мне и казалось, что при такой большой нагрузке, как писал Вам год назад, Вам трудно работать хотя бы и "в четверть" прежней силы; но я никогда не думал и не говорил, что Вам не надо работать в науке. Кажется, я писал Вам тогда же, что всерьез работать, занимаясь наукой "между прочим", — невозможно. Но сколько-нибудь — можно. Обвинять меня в нежелании видеть Вас в палеонтологии, в науке вообще, только потому, что я не знаю, как сделать это, т.е. как Вас устроить в институте, — неправильно. Считать Ваши ежегодные обвинительные акты индикатором "активного" интереса к палеонтологии трудно... Предполагать, чтобы Вы, вложив за много лет много сил, умения и труда в палеонтологию, махнули совсем на нее рукой, — невероятно. Мне приходится быть повседневно составной частью института в целом, от которого я себя не отделяю; Вы довольно долгое время — в значительной мере наблюдатель⁸. Уже по одному этому мы можем не совпадать в своих оценках положения института. Со стороны многое виднее бывает, но во многом и ошибаться легко. Если Вы видите, что имеете силы, время, интерес к тому, чтобы помочь Вашими знаниями, опытом и т.д., то прекрасно; но лучше не питаться слухами и жалобами, а лично ознакомиться с делом, которое интересует и Вас, и работающих в институте, в том числе "даже" меня...

В Вашем письме Вы уже не называете меня "дорогой", а — "глубокоуважаемый". В конце Вы подписываетесь с "глубоким и искренним уважением". А содержание Вашего письма отчетливо говорит о том, что Вы его потеряли. (В таких случаях в старину писали "милостивый государь".) Это Ваше дело.

Мне Вы — дороги.

Искренне Ваш Ю. Орлов

Личный архив Т.И. Ефремовой. Авториз. машинопись.

135

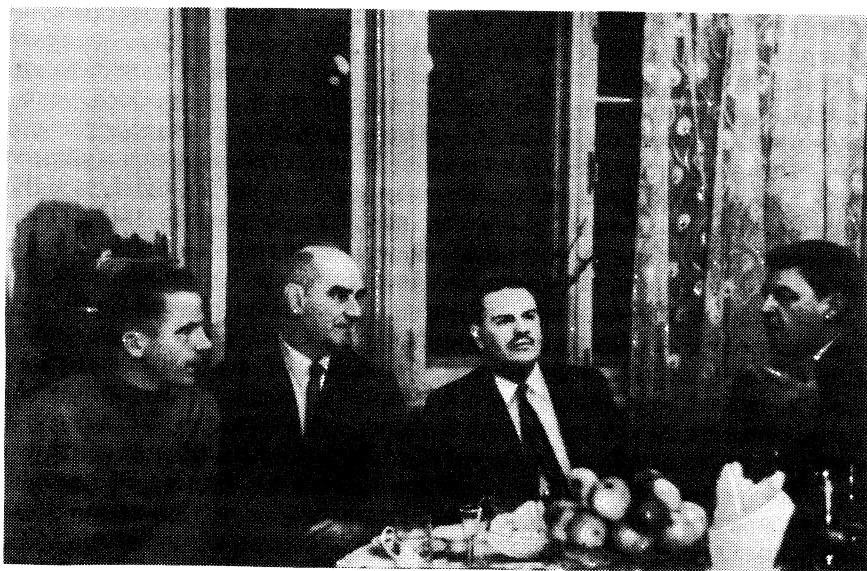
Э.К. ОЛСОНУ

Москва

15 февраля 1962 г.

Уважаемый профессор Олсон.

Я был рад получить от Вас известия на Вашем необычном, но очаровательном русском, а то я действительно стал забывать Вас. И я должен упрекнуть Вас за Вашу большую, блестящую и, несомненно, очень дорогую книгу об исчезнувших цивилизациях¹, которую Вы мне прислали. Вы оказали мне огромную помощь (в своей стране Вы не можете оценить это в действительности), посылая мне многие и разнообразные книги, и в настоящее время у меня гораздо лучшее понимание Вашей

На квартире П.К. Чудинова (1961 г.). Слева направо: П.К. Чудинов, Ю.А. Орлов, Э.К. Олсон, И.А. Ефремов

научной фантастики, а также других направлений современной литературы. Но не посылайте мне дорогих книг и, пожалуйста, продолжайте высылать более дешевые.

Но, к моему ужасу, мы не получили экземпляров книги по пермскому периоду в России и Америке². В чем же дело? Когда Вы выслали их мне, д[окто]ру Чудинову и другим? Я очень сильно опасаюсь, что некто последовал Вашему же совету и украл все эти книги. Потому что Вы, конечно, выслали все эти книги почтой 2-го класса, а негодяи их украли. Таким образом, ни у кого из нас нет Вашей работы, и я устал от "охов" и "ахов" д[окто]ра Чудинова, которому в данный момент очень сильно нужна Ваша книга, потому что он сейчас работает над некоторыми фантастическими компиляциями.

"The Structure of Science", которую я также читал, ослепила и ошеломила подходом к естественной науке и математике. В некотором роде эта книга вредна, в частности потому, что автор абсолютно игнорирует диалектический метод исследования. Я ожидаю очень недоброжелательного отношения со стороны формальной логики и других формальных методов исследования, поскольку наша планета строго поделена на два лагеря, и они не имеют никакого опыта практического использования диалектической философии (конечно, я не имею в виду так называемую "диалектику" в политических проблемах). Я все более и более убеждаюсь, что наша цивилизация со своим формальным подходом идет вперед все более и более неверным путем к некоторым катастрофическим вещам. Но я надеюсь, что эта дорога перед долгим возвращением домой...

О более приятных вещах. Есть ли у Вас "Darwin and the Naked Lady" А. Комфорта? Мне кажется, что Вас смутит название этой книги, несовместимое с добродетелями профессора, но я не могу сопротивляться собственному любопытству.

И, пожалуйста, вышлите мне "Photography Annual" за 1962 и 1963 годы³. Может быть, возможно умыкнуть экземпляр откуда-нибудь из офиса или из аэропорта?

Как всегда, Ваш друг *И.А. Ефремов*
(старый Эфраим – медведь гризли)

Абрамцево

22 ноября 1962 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Много времени уже не писал Вам и не звонил, хотя и очень по Вам соскучился. Но целая цепь разных обстоятельств, тяжелых и так сказать обычных, житейских, но требовавших безотлагательных действий, случилась за последние два года. Вы уже знаете, что долго болела и умерла Елена Дометьевна, но не знаете о приходе нового человека – у сына появилась дочь, и у меня, следовательно, внучка – Дашенька. Я получил новую квартиру – Академия после семилетней волокиты, наконец, решила меня осчастливить и теперь живу на Ленинском проспекте. Прежний телефон я утратил, а новый обещают дать еще через полгода (и это – в лучшем случае), поэтому приходится пользоваться телефонами, к чему я не привычен пока. Переезд со всеми моими книгами и рукописями был очень трудоемок и дорог и продолжался с бумажной волокитой почти три месяца.

По всем этим обстоятельствам я ничего существенного не написал, точнее не закончил, так как 23 листа нового романа уже написаны и осталось листов пять, для завершения коих я сейчас на месяц удалился на дачу в Абрамцево¹.

Мне кажется, для Вас будет интересна моя статья о литературе в "Вопросах литературы"², поэтому разрешите послать ее Вам сразу же, как вернусь в город, в декабре. Тогда же разрешите посетить Вас, если у Вас будет к тому настроение и хорошее самочувствие. <...>

Как сейчас здоровье Агнии Александровны? Я слышал, что она болела, но потом все стало благополучно. Сердечный ей и Вам привет от Таси и от меня, конечно.

Искренне Ваш И. Ефремов

АРАН. Ф. 1702. Авториз. машинопись.

Москва

7 декабря 1962 г.

Дорогой Иван Антонович!

Как хорошо, что Вы, наконец, дали о себе знать! Мы с А.А. не раз поминали Вас в течение этих двух лет и сожалели, что связь между нами как-то оборвалась. Но теперь она восстановлена и уже не должна порываться. Будем очень рады Вас видеть при первой же Вашей возможности.

Живем мы больше на даче, где я занимаюсь писанием своих мемуаров¹, поэтому, на всякий случай, сообщая Вам наше приблизительное расписание на декабрь: сегодня, 7-го, едем на дачу, 12-го вечером возвращаемся в город, 14-го или 15-го опять уезжаем на дачу, возвращаемся в город 17 и будем здесь до 22 (в эти дни будет происходить Всесоюзное совещание историков)², 22–26-го снова на даче, потом до 28-го в городе, а затем уезжаем на месяц в Кисловодск.

Одновременно заказной бандеролью посылаю Вам мою только что вышедшую книжку "Кто помогал Гитлеру".

Здоровье наше пока в общем благополучное. Желаем Вам всего лучшего.

И. Майский

АРАН. Ф. 1702. Отпуск машинописный.

И.М. МАЙСКОМУ

Москва

13 ноября 1963 г.

Глубокоуважаемые Агния Александровна и Иван Михайлович!

Давно очень хочется с Вами увидеться – соскучился по вам обоим. Но как-то не получается – то Вы уезжаете, то мы, и пребывание в городе не совпадает. Сейчас я прочно в городе, но свалился с приступом стенокардии, уже начал немного вставать, но еще слаб. Как только поправлюсь и буду выходить, сразу напишу или позвоню Вам (телефона у меня пока нет и нескоро будет).

Большое Вам спасибо за*. Тася шлет вам обоим сердечные приветы и я тоже – от души.

Искренне Ваш И. Ефремов

АРАН. Ф. 1702. Автограф.

П.К. ЧУДИНОВУ

Москва

25 октября 1964 г.

Дорогой Петр Константинович!

Спасибо за письмо в Ленинград. Я не спешил отвечать на него, так как Вы все равно в поле и только теперь письмо будет более или менее "свежим".

Мы с Тасей очень хорошо путешествовали в Эстонию и в Ленинград. В Эстонии кормили невероятно хорошо, а в Ленинграде наши охотники набили бекасов и вальдшнепов, и мы наслаждались ими, зажаренными в сметане, – кремлевская еда! К несчастью, последние дни пребывания в Ленинграде были омрачены смертью Николая Ивановича Кучерова – помните такого веселого астронома – нашего большого друга? Погиб от воспаления поджелудочной железы.

Мы с Тасей вылетаем в Крым послезавтра – должны были сегодня, но у меня заболел зуб, а Софья Марковна сломала себе руку и не может лечить – поэтому пришлось немного задержаться. В Крыму будем до 20-го ноября, а потом уже перейдем на оседлый образ жизни.

Здесь все идет пока своим чередом, несмотря ни на какие новшества, хотя последние вызвали много передвижек начальствующего персонала. Из них наиболее отрадное – осиновый кол в известного Вам народного биолога. Не встанет!¹

В институте турок мало показывается. Юлит, чтобы почуять ветер. Ваш материал препарируется понемногу. Енот мне показывал новый череп – хоть и неполный, но интересный. Какой-то широколобый сиодон с выпавшей палатальной частью и без затылочных флангов. Отпрепарировался превосходно – до конца. Вернулся Рождественский – ему удалось накопать много костей динозавров, в том числе целый таз зауропода с бедром².

Получены письма от Олсона и Вами и мною. В моем он как-то очень тепло отзывается о Вас. Существенных новостей пока у него нет, разве известное разочарование с оклахомскими материалами³. То, что он считал фтинозухом, выходит вульгарная, хоть и древняя форма *Vagapors*. Очень Вам сочувствую с Намнандоржем⁴. Это наихудший вариант, в какой можно было попасть. Не знаю, что Вы там с Б.А. успеете сделать до серьезных морозов, а если встанет вопрос, чтобы съездить еще раз позже, то не давайте себя уговорить – работать с раскопками в Гоби позднее начала (самых первых чисел) ноября – несерьезно.

* Далее не разобрано одно слово.

Между прочим, Рождественский уверяет, что "новое" местонахождение, судя по тому, как ему рассказывал монгол-аспирант, находится вовсе не на северном, а на южном склоне Алтан-Улы, между "Могилой Дракона" и нашим "Главным лагерем" под Нэмэгэту⁵. Там, действительно, есть хитрый поворот склона Алтан-Улы, как бы заворачивающийся к северу. В общем, с нетерпением буду ждать Вашего приезда, чтобы все узнать доподлинно. Думаю, что к моему возвращению Вы уже будете дома.

Тася Вам шлет наилучшие пожелания и приветы, говорит, чтобы Вы берегли себя и не морозились, памятуя о радикулите. Енот также шлет привет. Передайте сердечный привет Борису Александровичу.

Ваш *И.А. Ефремов*

Личный архив П.К. Чудинова. Авториз. машинопись.

140

Н.Ф. ЖИРОВУ

Москва

29 апреля 1965 г.

Многоуважаемый Николай Феодосьевич!

Сердечное спасибо за поздравление и память. Я в этом году тоже проболел всю зиму и только что вернулся из санатория. "Атлантида" Ваша¹ – превосходная вещь, я не знаю в нашей литературе ничего подобного, да и в зарубежной с ней мало кто потягается. Кстати, не осталось ли у Вас экземпляра? Достать ее в магазинах невозможно, а у меня просит ее один ученый-геолог из Америки – ее уже знают и там. Не соберетесь ли Вам с силами и не написать ли что-либо подобное в виде популярной сводки о древнейших культурах или об этрусках – словом о загадках и легендах, о каких так мало у нас пишут? Будьте здоровы! С праздником!

Ваш неизменно *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 26. Л. 8. Авториз. машинопись.

141

И.М. МАЙСКОМУ

Москва

16 января 1966 г.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Так как я проболел всю последнюю треть прошлого года и долго был в Доме писателей, то мы с Тасей ничего не знали о Вашей болезни. Позвольте пожелать Вам скорейшего выздоровления! Я уверен, что Ваше железное сибирское здоровье надежно справится с болезнью и Вы скоро сможете продолжать Ваши интереснейшие и очень важные для понимания нашего времени мемуары¹.

Прошедший год по тибетским календарям был плохой – год белой змеи. Наступивший – год белой лошади, по тем же приметам, должен быть куда как лучше. У меня тоже сдало сердце, и я работал совсем плохо, а книга-то как-будто получается интересной – популярная палеонтология с происхождением человека и взглядом в будущее².

Сердечный привет Агнии Александровне и Вам от Таси и меня.

Пожалуйста, поправляйтесь скорее!

Искренне Ваши *Ефремовы*

АРАН. Ф. 1702. Авториз. машинопись.

Москва

5 октября (Sic) 1966 г.

Уважаемый профессор Олсон.

Ваше 2-е письмо за 7 октября пришло с удивительной скоростью (однако вполне нормальной для нормальных обстоятельств), через неделю после отправления, что, как я верю, является показателем теплеющих отношений. Но первое письмо за 28 сентября пришло только вчера.

Вы не должны чувствовать себя виноватым за свои вопросы¹. Я отвечу Вам на большее число вопросов, если смогу это сделать.

Вопрос 1. Профессор Давиташвили далек от того, чтобы быть уважаемым здесь. В 30-е и 40-е годы он занимал очень ортодоксальную позицию, поддерживая линию режима и Лысенко, и доставлял много трудностей более открытым палеонтологам. Из-за этого мы называли его "Davite shval", объясняя его полную непригодность. Но, конечно, он является "много читающим человеком" и много лучше, чем кто-либо из наших других палеонтологов, знаком с мировой литературой, особенно это касается книг по общим вопросам и брошюр научно-популярного характера. С другой стороны, он всего лишь кабинетный работник (чиновник) и очень мало знает о полевых исследованиях и геологии как настоящей науке. Вы совершенно точно заметили, что он не приемлет все перспективы, открывающиеся новым отраслям биологии; это касается молекулярной биологии, биохимии, геохимии и многих других.

Частично в ответ на Ваш 2-й вопрос. Л.Ш.Д. в конце 40-х был страстным последователем догм Лысенко, но сейчас написал несколько брошюр против последнего, следуя традициям Мичурина, который, как создатель нового направления в биологии, является, как я считаю, весьма мифологизированной фигурой, во время же своей жизни не претендовавший ни на что большее, чем возможность называться хорошим селекционером, как, например, Л. Бербанк. К тому же сколько хороших старых сортов было безжалостно повреждено непрофессиональным внедрением новых мичуринцами, отличавшимися в целом большим уровнем невежества.

Вопрос 3. Вы совершенно ясно сформулировали основную суть в отношении линии критики книги в самом вопросе. Диалектическая основа книги Давиташвили, на мой взгляд, довольно слаба и формальна, будучи сформулированной только на бумаге, и кажется некой мистической силой.

"Направляющее" использование Вами терминов (ортогенетический является старым названием, к которому я больше привык), по моему мнению, необходимо для каждого глубоко образованного палеонтолога, потому что все материалы, имеющиеся в наших руках, не могут быть объяснены в другом плане. Но среди всех наших ученых (включая Давиташвили), возьму на себя дерзость сказать, кажется, только я стараюсь объяснить ортогенетическую суть эволюции в диалектическом смысле. Остальные открыто игнорировали такие усилия и упоминали только слово "диалектический материализм", не наполняя его смыслом. Мне кажется, что общая естественная среда жизни выступает как некий "коридор", чьи параметры весьма "ограниченны", но направлены на силы эволюционного процесса в целом. Целью же, поскольку главной чертой живого организма является постоянство внутреннего состояния (гомеостаз), без которого вся наследственность и работа биоорганизма невозможна, есть свобода от окружающей среды настолько широко, насколько она возможна. Больше свободы – больше хранения информации и т.д. Эта борьба за свободу, если относиться целно, есть аристократизм по Осборну, или ароморфоз по Северцову. Ортогенетический (прямой) коридор общего естественного развития окружающей среды – это номогенез по Бергу, если относиться как к единственно возможному пути в эволюции (в целом). По неодарвинизму, возможность адаптации эволюции к окружающей среде, как и процесс отбора, ведущий к усложнению и высокому уровню организации, является

понятной, однако без "моста" к общей цели и поэтому без осознания механизма как целого процесса. Действительно, я верю, что этот "механизм" является совершенно диалектическим: необходимость, превзойденная посредством множества случайностей. Здесь необходимость является свободной от окружающей среды, а случайности – возможностями к адаптации.

Поэтому в органической эволюции у нас есть план (не зависящий от поворотов судьбы) вместо слепости (или даже случайности) самого процесса. Это тоже диалектическая точка зрения – две стороны целого или единство противоположностей. Конечно, историческая цепочка к общей цели завершилась на Земле в Recent*, но таков наш научный способ приобретения знаний. У меня закрадываются сомнения, понимаете ли Вы это все на моем далеком от совершенства английском, но если Вы понимаете основное направление мысли, то это может Вам пригодиться.

В книге Давиташвили есть только рекомендации для "западных ученых", как познавать диалектический материализм. Однако достигнуть такого познания посредством цитат из Маркса и Энгельса – задача безнадежная, поскольку сама "проблема" сегодня по сути много сложнее, чем век назад. Я представляю, что Вы могли бы открыто критиковать эти рекомендации, однако уяснение "слабых" сторон в западных теориях очень полезно для каждого палеонтолога, и для этой цели книга Давиташвили была бы хорошо применима. Но для понимания метода "диалектического материализма" автор, на мой взгляд, ничего не сделал.

Я считаю, что среди современных ученых есть трое, кто серьезно занимается эволюционным процессом и чью работу я могу очень высоко оценить, – это Вы, А. Ромер и Дж. Симпсон. Последний, как это ни странно, чем-то очень похож на Давиташвили, но по другую сторону истины. Он, как другие ученые, придерживающиеся традиционного стиля исследований, игнорирует побочные открытия, появляющиеся вне поля узкого исследования. Давиташвили игнорирует все противоположные факты, если они не могут быть уложены в давно устоявшуюся обобщенную научную схему. С другой точки зрения, "диалектический материализм" очень старое философское направление, которое в оккультных книгах имеет название "Great Mystery of Duplicity (or Double)**". Попытка рассматривать каждый факт или событие как сумму двух противоположностей в настоящее время, конечно, имеет более высокий уровень, чем у формальной линейной логики, и безгранично сложнее, и поэтому возможна только при наличии выдающихся способностей. Диалектический ход мысли включает также исторические аспекты всех событий, и это является причиной того, что палеонтологические исследования являются более диалектичными, чем в других науках, не имеющих исторического базиса.

Кардинальное различие между диалектическим материализмом и диалектическим нематериализмом лежит в "Primo Motore" (т.е. общей причине событий). Если "Primo Motore" является результатом явных материальных событий в соответствии с общими физическими законами, тогда этот взгляд является материалистическим. Если "Primo Motore" проявляет себя, оставаясь неопознанным, – каким-либо другим образом помимо общих законов материального мира, тогда это является "приземленным", "реакционным" и "ненаучным".

Еще один пример. Очень широкое использование формулы Маркса "бытие определяет сознание" в подобном виде является действительно метафизическим, потому что ей недостает 2-й части: "сознание определяет бытие", в настоящее время для марксистов очень медленно, но становится очевидным, что сознание является реальной силой, особенно в приспособляемости, преодолении трудностей и нахождении своей дороги в материалистическом мире в целом. К тому же, если дух является высшей

* Современный (лат.).

** Великая тайна двулличия. – Примеч. переводчика.

формой материи, то что же из этого следует? Почему он не может быть реальной силой и неизбежной "обратной стороной" в диалектическом мире?

Как Вы можете видеть, все это согласуется с Вашими размышлениями о 4-м вопросе, потому что истинные ученые не могут быть подвержены никаким догмам, и что аксиоматичные ответы на все вопросы дает только религия, не являющаяся наукой. Ученому тоже нужен "гомеостаз", но только адаптируемый к быстро изменяющимся знаниям, и если знания исходят от истолкователей, эта адаптируемость тоже должна быть достаточно быстрой. Поэтому только прямое объяснение открытий диалектическим способом мышления имеет под собой научную ценность. И нужно иметь светлую голову, чтобы таким образом мыслить. А иначе мы будем вынуждены выдерживать односторонние официальные суждения.

Между нами девочками, у меня есть две идеи в отношении двух определенных вопросов, довольно еретические для профессионального ученого. Процесс приобретения знаний является в целом диалектическим (двусторонним). Ученые, с одной стороны, объясняют новые вещи старыми ортодоксальными понятиями. Другие, со своей стороны, объясняют старые и новые факты и события изобретательной и таинственной "метафизикой". Обе точки зрения представляют единство противоположностей, а человеческое знание развивается между ними, как я пытался показать в моем романе ("The Razor's Edge")². Только выдающиеся личности могут найти это самое лезвие бритвы сразу.

Мой 2-й тезис представляет собой следующее – Вселенная в настоящее время представляет собой такой взаимосвязанный комплекс, что теперь мы можем открыть все (заметим, что если ты намереваешься сделать что-либо) и можно предсказать любые открытия! Мы можем предсказать точно и определенно все, если мы только формулируем событие с удовлетворительной ясностью и учитывая общие физические параметры Вселенной. Это похоже на вырубание чего-либо из снежной стены – мы можем сделать каждую фигуру от куба до Афродиты. Итак, я не ценю так называемые "предсказания" в современной науке, потому что имеются миллионы статей подобного рода, и успех с тем или иным предсказанием совсем не доказывает, что этот путь исследований является истинным.

Результатом неожиданной (ожидаемой диалектической философией) сложности Вселенной является то, что полученный прогноз становится все более или более неудобоваримым и бесполезным. Мы потонули в глубоком океане фактов и экспериментов, и гордая башня науки все более и более становится похожей на Вавилонскую башню, постепенно разрушаемую самими учеными: 240 000 брошюр в химической науке каждый год, 90 000 в физической и т.д., и это число имеет тенденцию к увеличению! Мы представляем собой ученых в старом хорошем смысле этого слова... Но достаточно об этом! Вы должны иметь крепкие нервы, я же сам боюсь читать эти заметки.

Подытоживая, я думаю, что Ваше мнение об этой книге является правильным и что не нужно с легкостью высмеивать книгу из-за содержания критических аспектов по многим "теориям". Но, конечно, даваемые рекомендации слабы из-за слишком большой обобщенности формулировок, которые не имеют ничего общего с конкретным материалом.

Я только что выслал Вам три книги. Одна, написанная Семеновым, о происхождении человека³, в целом типична для линии Давиташвили с еще большим цитированием и провалами. Вы, конечно, можете найти ее интересной как пример новейшей и серьезной книги, которая в действительности является "старой песней", догматичной и метафизической, в целом не учитывающей 2-й уровень эволюции человека – духовный. "Стадо" – только его он видит на ранних ступенях эволюции.

Как всегда, Ваш друг *И.А. Ефремов*

P.S. Пожалуйста, сообщите о получении этого письма как можно скорее.

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 139–142.

И.А. ЕФРЕМОВУ

Чикаго

2 декабря 1966 г.

Уважаемый профессор Ефремов.

Статья в "Комсомольской [правде]" "Диалектика в науке"¹ пришла и является в наивысшей степени актуальной. Я все еще углублен во всю проблему, в то, как я и мои коллеги с Запада в действительности ее видим. Мы не являемся сознательными диалектиками, но я не знаю, в каком ином смысле может быть представлен этот предмет, конечно, это двойственность, и может показаться, и к чему надо относиться критически, – этот дуализм играет определенную роль в мышлении, или даже есть некая двойственная прямолинейность с несущественным пересечением. Я думаю, что поставленная Вами проблема отнюдь не является простой, и разделение на категории области культурного развития по тому или иному принципу теряет видение картины настоящего, и, более того, это разнообразие приходит к определенному человеку и влияет на то, что он думает о той или иной вещи.

Спасибо за новые книги, которые Вы мне послали. Одна – о происхождении человека² – очень похожа на то, что говорят об этой проблеме наши антропологи, однако, имея под собой различные догмы. Мне кажется, что это характерно для многих специалистов, работающих в данной сфере, или, говоря проще, они верят, что концептуальная схема работает без вопросов, и все на этом базируется. Это строит некие мощные башни, но у меня есть довольно тяжелое чувство о самой основе. Конечно, вся наука делает то же самое, устанавливая некоторые базовые аксиомы и некоторые ограничения, но сверх этого присутствует эмпиризм, которого нет в большинстве работ, посвященных человеку и обществу.

Когда я действительно закончу то, что собираюсь написать по проблеме, поставленной книгой профессора Давиташвили и другими книгами, подобными ей, я бы хотел послать Вам статью для Вашего комментария. Как Вы к этому отнесетесь и найдете ли время и желание ее просмотреть? Экземпляр статьи возвращать не надо, но нужны Ваши комментарии. Если Вы посчитаете, что это неплохо, пожалуйста, напишите об этом³.

С наилучшими пожеланиями.

Как всегда, Ваш друг *Эверетт К. Олсон*

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 142.

Э.К. ОЛСОНУ

Москва

8 января 1967 г.

Уважаемый профессор Олсон.

Сразу отвечаю на Ваши вопросы.

1. Конечно, я буду рад просмотреть Вашу статью о Давиташвили. В любом случае пошлите только третий или четвертый экземпляр, чтобы избежать опасности того, что статья может не вернуться.

2. Я с Вами согласен полностью в Вашей оценке книги Семенова. Та же самая полуфантастическая тенденция, но имеющая диаметрально противоположные основы.

3. Моя книга "Лезвие бритвы" ("The Razor's Edge") не может быть Вами применима. Мне нравится Ваша идея о диалектическом направлении мысли как двух пересекающихся линий линейно противоположных точек зрения. К тому же, моя тафономия¹ основывается на противоположной стороне отстаивания геологической летописи –

И.А. Ефремов в рабочем кабинете

процессе разрушения. Иными словами – другой стороне медали², как у нас говорят. Очень интересно взглянуть на другую сторону, так как многие из ваших ученых, отнесясь к проблеме снисходительно, могли ее просмотреть.

Как всегда, Ваш сердечный друг

И. Ефремов (Старый Эфраим)

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 143.

145

И.И. ПУЗАНОВУ

Москва

4 апреля 1968 г.

Дорогой Иван Иванович!

Я только недавно выбрался из подмосковной секлюзии*, куда укрылся на два месяца, чтобы наконец закончить свой новый роман "Час Быка" и – закончил (22 печ. листа)¹. Пришлось принять эти чрезвычайные меры, чтобы спастись от напора звонков и посетителей – преимущественно скверно воспитанных газетчиков и тронутых маньяков. Впредь мне наука – не писать о вещах, какие давно не обсуждались нашей литературой: йоге, подсознании, психических чудесах и возможностях человеческого организма². Теперь в глазах сумасшедших я, очевидно, кажусь чем-то вроде гуру**, который и просветит и даст утешение при личном свидании. А я – какой гуру, всего лишь 60-летний отставной ученый, изрядно больной и порядком усталый, где уж мне!

* Заточение (лат.).

** Учитель, духовный наставник (санскрит).

Ни материальных возможностей, никакого авторитета у власть имущих... помните, как у поэта "Сам я и беден и мал, сам я смертельно устал... Что я могу? Чем помогу?"³.

Все же теперь, при официальных статьях в газетах о телекинезе, о летающих тарелках, и газетчики тоже прут.

Вот в ближайшем номере "Литературной России" должна быть моя статья о палеонтологии и космосе⁴, правда, сильно сокращенная, посмотрите, как Вам понравится.

Я не согласен с Вами в оценке (сравнительной) "Собачьего сердца" и "Мастера и Маргариты"⁵. Последняя вещь многоплановая, очень глубокая, и в ней есть такая великая печаль, что дух захватывает. А первая – это, конечно, очень зло и верно в смысле залезшего куда ему не надлежит люмпена, но все же, например, мне не понравилась. И без того это осточертело!

К сожалению, желаемого Вами перевода не смог достать и как-то о нем мало известно. Ежели попадется – организую.

Очень жаль, что обстоятельства против Вашего приезда в Москву, но искренне надеюсь, что Вашей жене лучше и Вы все же выберетесь как-нибудь в московские края.

Зима у нас тоже была очень сурова и многоснежна, но сейчас снег здорово подался, сегодня выезжал в "Узкое", и поля процентов на 50 свободны от снега, прилетели жаворонки и скворцы. Седьмого – Благовещение. Помните жаворонков из сдобного теста с изюминками вместо глаз? Бегали ли Вы на ближайший холм и пели о приходе весны, затем с аппетитом съедая жаворонка? (...)

Посылаю Вам вырезку из американского журнала с забавными карикатурками на пришельцев с иных миров. Будьте здоровы. Таиса Иосифовна шлет сердечный привет, и я, разумеется, тоже.

Всегда Ваш *И. Ефремов*

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 293. Л. 19. Авториз. машинопись.

146

Э.К. ОЛСОНУ

1969 г.*

...Еще один момент. Несчастье с Вашим садом¹ из-за "вшивого" парня сейчас широко распространено, и я думаю, что во всем мире. Некомпетентность, леность и шаловливость "мальчиков" и "девочек" в любом начинании является характерной чертой этого самого времени. Я называю это "взрывом безнравственности", и это мне кажется гораздо опаснее ядерной войны. Мы можем видеть, что с древних времен нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной действительной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения.

Когда для всех людей честная и напряженная работа станет непривычной, какое будущее может ожидать человечество? Кто сможет кормить, одевать, исцелять и перевозить людей? Бесчестные, каковыми они являются в настоящее время, как они смогут проводить научные и медицинские исследования?

* Датируется по содержанию письма П.К. Чудиновым.

Экслибрис библиотеки И.А. Ефремова

сердца пожелать Вам и Лиле всего самого доброго и крепкого здоровья.

Как всегда, Ваш любящий друг

И. Ефремов (Старый Эфраим)

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 151. .

147

Э.К. ОЛСОНУ

Москва

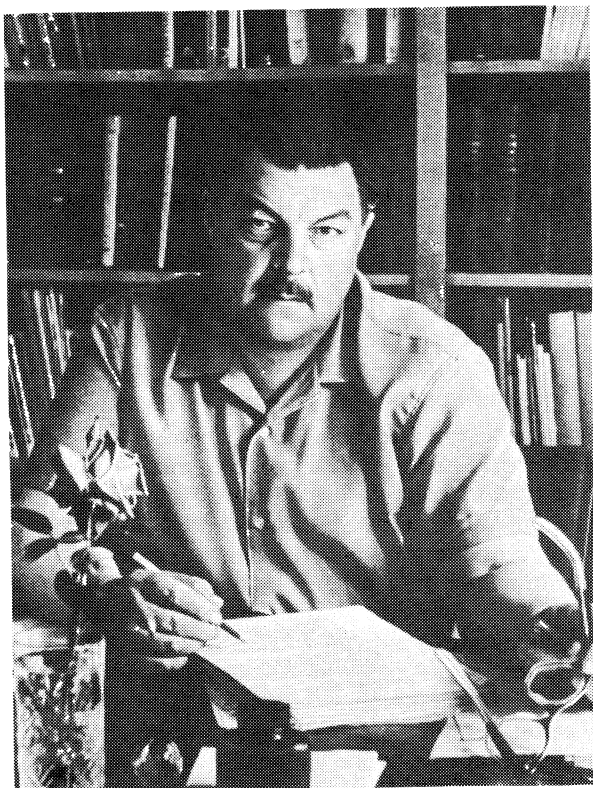
18 июня 1971 г.

Уважаемый профессор Олсон.

Что касается Вашего плана в отношении "Писем Ефремова"¹. Он кажется мне весьма интересным и явится своеобразной данью нашим VP** если Вы сможете написать книгу, основываясь на геологическом базисе эволюции, и Вы являетесь единственным человеком, который бы мог справиться с подобной задачей. Ефремов не обладает такими личными достоинствами, как и не является великим палеонтологом. Если бы Вы использовали мои письма для характеристики того или иного достижения нашей палеонтологии или в качестве сравнения с точкой зрения наших западных коллег – это было бы хорошо. Но не в качестве главного названия всей книги! Ефремов заметит, что до его исследований, например, на территории СССР было 5 или 6 местонахождений низших тетрапод², а после 1950 г. они насчитывали более 200, затем Вы можете процитировать одно или два письма. Если Вы говорите, что Ефремов был первый, кто сделал стратиграфическую колонку по тетраподам, тогда возможно снова заглянуть в мои письма и т.д. Подобно этому, письма могут быть распределены в соотношении с общей картиной наших стратиграфических местонахождений и специфической позицией наших фаций – между двумя великими материками, содержавшими тетраподную фауну, Лауразией и Гондваной, а также третьей провинцией, включающей Китай! Подобная книга могла бы иметь огромный общественный интерес у людей, занимающихся зоологией и геологией; а если бы Вы могли

* Начало самоуничтожения США. – Примеч. переводчика.

** Палеонтология позвоночных. – Примеч. Э.К. Олсона.

Ученый. Писатель. Человек

дополнить ее каким-либо своим комментарием, она могла бы получиться еще интересней. Но "Письма Ефремова" "не озвучены", как говорят наши молодые люди.

Как всегда, Ваш друг
профессор *Ефремов* (Старый Эфраим)

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 120.

148

Э.К. ОЛСОНУ

[Москва]

*Не позднее октября 1972 г.**

...На земле все довольно уныло, особенно это будет ощущаться в скором будущем. Это совпадает со старыми индийскими и тибетскими пророчествами о высших и низших пиках. Графически я изобразил их на диаграммах. Низший пик в 1972 г. (это было в 1969 г.), подъем в 1977 г. и огромный провал с колоссальными войнами в период между 1998 и 2005 гг. – временем Белого Всадника из Мейтреи. Но я не доживу до этого времени, может быть, доживете Вы?..**

[И. Ефремов]

Публикуется по кн.: E.C. Olson. The Other Side of the Medal. Los Angeles, 1990. P. 149.

* Датируется по содержанию письма.

** Э.К. Олсон умер в 1993 г. – Примеч. П.К. Чудинова.

НЕИЗДАНЫЕ РАБОТЫ

ЛЕНА-АЛДАНСКАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ (ПОЛЕВОЙ) ОТЧЕТ ОЛЕКМО-ТЫНДИНСКОЙ ПАРТИИ¹

[1932 г.]

Задачей Олекмо-Тындинской геологической партии было геологическое освещение мало исследованного участка между р. Тындой Амурской системы и р. Олекмой Ленской системы по ходу 12-й партии Сибстройпути. Чрезвычайно поздняя организация вообще всей экспедиции, задержка по сплаву карбазов² из-за чрезвычайно низкого стояния воды и др. было причиной того, что партия выступила с начального пункта своего рабочего маршрута – устья р. Нюкжи на р. Олекме – лишь 18 сентября, на 10 дней позже партии Сибстройпути. Небывало поздний выход требовал максимального облегчения и подвижности партии в смысле передвижения. Поэтому партия с начала пути перешла исключительно на оленный выючный транспорт с расчетом закончить работу при снеге и уменьшила личный состав до пределов возможности. В составе партии были: геолог И.А. Ефремов, начальник партии; ст. коллектор Г.А. Прошкурат, студент Харьковского университета; 1 промывальщик; 1 проводник и 2 рабочих-оленевода.

Маршруты партии были проведены следующим образом:

I. От устья р. Нюкжи вверх по ее долине по ходу 12-й партии до устья р. Талумакит, захватывая попеременно оба берега.

II. От устья Талумакита партия разделилась на два отряда. Один отряд под моим руководством на оленях прошел параллельно долине р. Нюкжи в области окраины Алданско-Олекминского нагорья до долины р. Чильчи, по которой спустился до устья р. Чильчи на р. Нюкже. Второй отряд с Г.А. Прошкуратом прошел по долине р. Нюкжи вверх до устья р. Чильчи следом за 12-й партией Сибстройпути, исследуя преимущественно правый берег, так как левый был обследован партией инженера Бобина в 1928 г. до устья р. Марехты. На левом берегу производились преимущественно инженерно-геологические наблюдения для трассы железной дороги. В устье р. Чильчи оба отряда вновь соединились.

III. От устья р. Чильчи партия прошла правым берегом р. Нюкжи до устья р. Верхней Ларбы, осветив ход 12-й партии до устья ключа Аммунача между Нижней и Средней Ларбой и далее следуя самостоятельно.

IV. От устья В[ерхней] Ларбы партия вновь разделилась на два отряда. Отряд под моим руководством прошел от устья В[ерхней] Ларбы вверх по ее долине, следуя левым берегом до устья р. Аммуначи, затем поднялся в вершину этой речки, перевалил Становик и р. Тапаски, спустился в долину Геткана. Следуя вниз по долине Геткана, отряд пришел в Тынду.

Отряд Г.А. Прошкурата от устья В[ерхней] Ларбы перевалил водораздел Ларба-Уркума долиной р. Уркумы, поднялся в ее вершину, перевалил Становик в вершину р. Геткан и долиной Геткана пришел в Тынду, сделав ряд боковых маршрутов на крупные гольцы.

Общее протяжение всех рабочих маршрутов около 600 км.

По всем маршрутам выполнена глазомерная компасная съемка масштаба 1:500 000

с определением относительных высот барометром. Хорошее покрытие района обнажениями, большое количество точек и достаточное уравнивание съемки между опорными пунктами позволяют в порядке перевыполнения плана работ дать геологическую и геоморфологическую карту всего района в масштабе 1:500 000 вместо миллионного.

Окончание работы 6 ноября в глубоком снегу и при сильных морозах не уменьшило степени детальности работ.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЙОНА

Область между Олекмой и Тындой исследовалась очень мало. В 1909–10 гг. Я.А. Макаров производил исследования в области Становика в вершинах Нюкжи, Уруши и Ольдоя, дав лишь предварительные отчеты. В 1915 г. весь район пересек Е.К. Миткевич-Волкаский, который прошел со станции Ерофей Павлович по Уркуану, Нюкже, Н[ижней] Ларбе на Тимптон, дав также только предварительный отчет (Известия Геологического комитета. 1916. Вып. 6). В 1928 г. партия инженера Бобина Е.С. обследовала водораздел Нюкжа–Олекма и левый берег р. Нюкжи от устья р. Марехты до Олекмы. Полный отчет находится в печати в ЦНИГРИ Союзгеоразведки.

Смежные районы Тимптона, Тынды, Гилюя и Ольдоя исследовались гл[авным] инженером М.И. Ивановым в 1903 г. и В.И. Зверевым – геологом Алданской экспедиции 1912 г. У обоих этих исследователей также имеются лишь предварительные отчеты, у первого в "Геологических исследованиях золотоносных областей Сибири" – Амурско-Приморский золотоносный район и в "Известиях Геологического комитета" за 1913 г. у второго.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Морфологически изученная область представляет собою, в сущности, три различной высоты сильно расчлененных плато. Для всего района характерны хорошо разработанные долины рек и мягкие округленные формы рельефа.

От устья р. Нюкжи на р. Олекме протягивается на восток область сильно расчлененного плато абсолютной высоты в среднем свыше 1000 м. В этой части долина р. Нюкжи сравнительно узкая и изобилует многочисленными переломами русла. Течение реки очень быстрое, террасы аккумулятивного типа плохо выражены и представлены только 2-мя: первой надпойменной 3-метровой высоты и второй надпойменной 7-метровой. Вторая терраса встречается редко в виде небольших обрывков.

Это плато прорезывается р. Нюкжей на протяжении около 120 км и посредством слабо выраженной ступени в 100–150 м переходит в пониженную область 600–700 м абсолютной высоты восточной долины р. Чильчи, правого крупного притока Нюкжи, стекающего с Алданского хребта. Алданский хребет подходит с севера к области развития 1000 м плато в вершине рек Талумакит, Сюбальга и Чильчи. В этом месте хребет представляет собой почти ровную столовую возвышенность около 2000 [м] абсолютной высоты, протягивающуюся в ВСБ* направлении и слегка понижающуюся к востоку. Он переходит в 1000 м плато к югу через прекрасно выраженную систему 2-х ступеней, относительно слабо расчлененных. I ступень имеет высоту около 1500–1800 м и носит гольцовый характер, II – около 1200–1300 м [и] имеет на себе растительность – заросли кедрового сланца**. Отдельные массивы I и II ступени в виде остатков рассеяны в довольно большом числе по всей области 900 м плато. Далеко к востоку видны зубчатые альпинотипные вершины водораздела Тимптона и Иенгры, кулисовидно заходящие за хребет и возвышающиеся над ним. На С склонах Алдан-

* Так в тексте. Вероятно, ВСВ.

** Так в тексте. Вероятно, кедровый стланник.

ского хребта в вершинах вышеперечисленных рек прекрасно развиты полуцирк[и] интенсивного врезания и эрозии. Все крупные правые притоки Нюкжи, протекающие в области 1000 м плато, носят горный характер. Течение их быстрое, изобилующее переломами русла, в руслах много крупных камней. Однако долины их хорошо разработаны, с серией из 4-х террас до 50 м общей высоты. Весьма замечательно наличие в области 1000 м плато 2-х древних денудационных поверхностей, обнаруженных [Е.В.] Павловским в рельефе Приамурья, выраженных в виде ступеней плато 150 и 300 м. Эти поверхности встречены преимущественно в области долин рек, но также нередко служат второстепенными водоразделами рек в области 1000 м плато. Равным образом, в долинах рек иногда развит другой элемент рельефа Приамурья, котловины. Котловины здесь небольшие и узкие, однако выдерживающие установленное Павловским простирание СВ румба³. Интересно отметить, что древние денудационные поверхности 150 и 300 м как бы связаны с котловинами, так как в области 1000 м плато наибольшая площадь развития ступеней 160 м приурочена к пунктам развития котловин. Ступени 300 м над дном долин рек как бы окаймляют полосами верхнюю поверхность плато 1000 м, возвышающуюся над ней всего на 100–150 м.

Следующим крупным элементом рельефа изученного района является пониженная область плато 700 м. Эта область охватывает громадную площадь, начинаясь от долины р. Б[ольшая] Кара-рюрка (прав[ый] приток Нюкжи) и п[р]отягиваясь в широтном направлении до Олекминского Становика. Вначале эта область расширяется весьма постепенно и преимущественно к северу, затем сразу делается очень широкой, простираясь почти до Алданского хребта к северу и до притоков Тунгира к югу. Эта область почти целиком представлена 150 м денудационной поверхностью, на которой довольно часто встречаются сглаженные остатки 300 м денудационной ступени. Гольцовые группы очень редки, разбросаны далеко друг от друга и высятся остаточными островками, не принимая никакого участия в дальнейшей формировке рельефа. Долины как самой Нюкжи, так и ее крупных притоков – Нижней, Средней и Верхней Ларб, Лобчу, Большого и Мал[ого] Эльгакана – очень широки и заполнены значительными толщами аллювия. Прекрасно развитая серия шести террас до 80 м высоты, извилистое и сравнительно спокойное течение рек значительно отличаются от области 1000 м плато. Эта пойменная область загибается немного к Ю Олекминского Становика и имеет внутри себя целую серию огромных котловин, заболоченных аллювием. Далее к югу вновь начинается 1000 м плато с преобладанием 300 м денудационной поверхности.

Наконец, третьим большим морфологическим участком является область Становика, водораздела Амура и Лены. Как это отмечалось и прежними авторами, в сущности, никакого хребта Олекминский Становик не представляет. Водоразделом Амура и Лены служат различные в морфологическом отношении участки. В пределах, охваченных нашим исследованием, Становик является аналогом 1000 м плато низовьев Нюкжи, на которых развиты округлые и массивные гольцовые группы, возвышающиеся над плато от 300 до 500 м. Гораздо выше частные водораздельные массивы, поднимающиеся на 1000 м над Становиком, принимающие нередко альпинотипные формы и пропиливаемые долинами рек, стекающих с 900 м плато Олекминского Становика. Далее к северу Становик резко повышается, частью принимает альпинотипные формы. Так, по-видимому, водоразделом является более молодое поднятие.

И здесь присутствуют столь характерные денудационные поверхности 150 и 300 м, являющиеся как бы ступенями от дна долины Ларбы к 1000 м плато Становика. К более высоким альпинотипным коротким хребтам также выражены две переходные ступени, подобно Алданскому хребту. Область западного склона и водораздела Амура и Лены расчленена сравнительно слабо. Долины рек, стекающих в бассейн Нюкжи, очень широки и заполнены аллювием. Даже в вершинах этих рек у самого водораздела развиты мощные 12–15-метровые аккумулятивные террасы.

Суммируя вышеприведенные данные, можно прийти к следующим заключениям:

1. Исследованная область содержит в себе 3 или, вернее, 2 морфологически различных участка – 1000- и 700-метровые плато.

2. История этих двух участков совершенно подобна истории рельефа Приамурья, так как и тут присутствуют две древние денудационные поверхности – 150 и 300 м.

3. После появления приамурского рельефа вся исследованная область снова претерпела разнотипные вертикальные движения, установившие современное состояние рельефа и оказывающие влияние и поныне.

4. Под именем Становика объединены разнохарактерные морфологические единицы и главным способом полоса 1000 м плато с большим количеством округлых гольцовых групп и, вероятно, одновременные поднятия молодых коротких массивов СЗ и СВ простираются. Не исключена возможность, что на формирование Становика как водораздела оказало сильное влияние его географическое положение, почти на окраине кристаллической плиты Вост[очной] Сибири и области развития метаморфических сланцев Приамурья, т.е. в области, подверженной наиболее сильным движениям и разломам, с одной стороны. С другой стороны, процесс формирования громадных котловин Амура также повлиял на выработку Становика как водораздела. Самого Становика как хребта не существует и не существовало прежде.

5. Таким образом, вся исследованная область раскола серии молодых разломов, начинавшихся в послелюрское время. Огромные полосы выходов эффузивных пород порфиритов, гранит-порфиритов и кварц-порфиров также указывают на довольно значительные разломы. Местами поднятия отдельных участков продолжаются и поныне, на что указывает наличие молодого врезания верховьев рек в Алданском хребте, хребте Чернышева и т.д.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Геологическое строение исследованной области довольно однообразно. Вся область представляет собою в общем дальнейшее продолжение на восток кристаллического массива Восточного Прибайкалья. От р. Олекмы и до р. Тынды по всему району развита мощная серия ленточных и других гнейсов, ставролитовых, слюдяных и кварцитовых сланцев, амфиболитов и т.д., прорезанных сложным комплексом основных, кислых и щелочных изверженных пород. В этой серии предварительно возможно наметить 3 свиты, или толщи. Первая и наиболее древняя подстилает с угловым несогласием вышележащие толщи. В состав этой толщи входят рассланцованные и перенятые* мелкозернистые граниты, гранито-гнейсы и серые точечные биотит-гнейсы. Измяты чрезвычайно сильно, азимуты простираения колеблются в пределах 8 румбов между С и В.

Вторая толща заключает типичные для Нюкжи ленточные гнейсы, представляющие серию переходов от лейко- к меланократовым и наоборот, тонкополосатые хлорит-гнейсы, двуслюдяные и роговообманковые гнейсы. Отличительной особенностью этой серии является тончайшая слоистость, в результате чего отчетливо наблюдается сильнейшее развитие микроскладчатости и богатство слюдой, местами выделяющейся в полосах, прослоях и "узлах" в виде чистой слюдяной (биотитовой) породы. В самой нижней части этой свиты залегает горизонт амфиболитовых пород, довольно постоянный и мощный. Амфиболиты черные, блестящие, преимущественно почти чисто роговообманковые или кварцево-роговообманковые. Полевошпатовые амфиболиты встречаются реже и знаменуют переход к роговообманковому гнейсам, связанным с ними серией переходных типов пород. Обычно амфиболиты измяты менее сильно и менее слоисты, чем ленточные гнейсы, но залегают согласно с гнейсами средней толщи. Верхняя толща развита не повсеместно и нигде не удалось фиксировать ее непосредственного налегания на нижележащие породы.

* Так в тексте.

Вообще, при крайне сильной дислоцированности пород кристаллического комплекса для района характерно чрезвычайно сильное срезание всех пород денудации, вероятно, в весьма продолжительный геологический период, так как кристаллическая толща не покрыта никакими иными новейшими образованиями. Этим и объясняется то, что вместо обнаружения крупных тектонических форм мы постоянно натываемся на появление обрывков или островков – массивов той или иной свиты кристаллического комплекса, нигде не фиксируя непосредственных налеганий, контактов и т.д. По-видимому, при значительной мощности всех толщ мы имеем дело лишь с "корнями" сильно сжатых тектонических форм. Именно в виде таких островков и залегает верхняя толща. Она включает в себе свиту листоватых лейкократовых хлорит-гнейсов, ставролитовых сланцев, листоватых светлых мусковитовых кварцитов, кварцит-гнейсов, темных массивных слюдяных кварцитов, кварцево-сланцевых и настоящих слюдяных сланцев. Все эти породы сильно измяты, разрушены в большей степени, чем породы нижних толщ.

Предварительно в дислокациях средней и верхней толщ нельзя заметить существенных отличий. Простирации в этих толщах обходят весь компасный круг, но подавляющее количество простираций лежит в квадратах СЗ и СВ.

Местами в области Олекминского Становика и северных склонов Алданского хребта появляются участки выходов еще одной, 4-й по счету толщи. Выходы этой толщи сильно разрушены, поэтому она встречена была повсюду лишь в виде россыпей или делювия и не дает никаких точных данных об условиях своего залегания. Здесь преобладают метаморфические сланцы, эпизоны, чистые кварциты, филлиты, серицит-хлоритовые сланцы, глинисто-хлоритовые сланцы и, по-видимому, метаморфические слюдяные песчаники, первые со слюдяными сланцами и эпидозитовыми породами. Эта толща весьма напоминает самые низы метаморфической толщи Приамурья, Сихотэ-Алиня и Буреинского хребта. Однако незначительность имеющихся данных заставляет упомянуть о ней лишь в самых общих чертах.

Комплекс изверженных пород необыкновенно разнообразен. Наиболее древними по времени являются интрузии серых гранитов, образующие значительные массивы, дайки и жилы в серии кристаллических сланцев. С ними, по-видимому, связаны многочисленные мощные жилы пегматитов, обильно представленные в районе и рассекающие гнейсы во всех направлениях.

Красноватые мелкозернистые граниты, поздние по времени, пересекают и прорывают серые, нигде не образуя таких мощных тел или даек, как серые граниты.

По-видимому, наиболее молодым комплексом гранитных пород являются огромные массивы гранит-порфиров по окраине 1000 м плато и в долине Н[ижней] Ларбы. Они связаны, по-видимому, с послепалеозойскими разломами, так же как обильная серия мелких жил эффузивов – афанитов, фельзитов и порфиритов. Не ясно положение во времени основных пород, довольно часто встречающихся в районе диабазов, габбро, пироксенитов, перидотитов. Не исключена возможность их постпалеозойского появления, но наряду с этим много данных говорит за их палеозойское происхождение. Равным образом не ясны во времени жильные породы районы – спессартиты, лампрофиры и также кварцевые порфиры, сиениты и сиенит-порфиры. Имеются указания на присутствие в районе типичных фельдшпатолитов.

Весьма многие изверженные породы сильно рассланцованы, и все рассланцованы слегка, измяты и местами раздроблены. Тектоника выразилась и на них очень интенсивно. Плоскости скольжения, дробления и кривая серия прекрасно выраженных отдельностей – все это встречается очень часто.

Встреченные среди гнейсов метаморфические сланцы типа зеленых сланцев или эфлогитов нужно приписать метаморфизации диабазовых жил и даек.

Осадочные породы встречаются в районе очень редко в виде уцелевших от смыва обрывков в котловинах у устья р. Эльгакан и вдоль р. Тимгрон. Эта серия глин, песчаников и глинистых сланцев, реже конгломератов без следов метаморфизма. По

находимым прежде остаткам растений предположителен их юрский возраст, что соглашается и со сравнениями их с юрой Буреи и других мест Вост[очной] Сибири. В этих отложениях встречены довольно мощные пласты угля, по типу бурого с высоким содержанием С. Эти отложения дислоцированы довольно сильно и смяты в серию мелких складок СЗ простирания, что отличается от залегания юры в Прибайкалье. По-видимому, островки этих юрских пород террасовидно прислонены к массивам кристаллических пород, хотя не исключена возможность тектонического (сбросового) контакта.

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Уже в силу однообразного характера кристаллических пород района можно не ожидать в нем большого разнообразия полезных ископаемых. Пробы на золото почти не производились мною ввиду хорошего опробования р. Нюкжи Миткевичем-Волкаским в 1915 г. Нами намечен на карту ряд заявочных площадей – б. Верхне-Амурской компании в бассейнах Талумаки, Сюбальги и Чильчи. В области Олекминского Становика, ввиду усиленной там шурфовой разведки, я ограничился лишь сбором геологических данных. Присоединяясь к Миткевичу-Волкаскому, нужно заметить, что аллювиальные отложения Нюкжи в пределах 700 м плато довольно богаты золотом и представляют интересный объект для исследования. Равным образом интересна зона контактов массивов гранит-порфира с кристаллической серией по окраине 1000 м плато, где вела разведку ВАЗК^о в 1911–13 гг., судя по остаткам шурфовочных линий и заявочных столбов.

Золото вообще, конечно, будет являться главным полезным ископаемым района и при более детальном исследовании района, возможно, поднимет к нему интерес. Неоднократно наблюдаемая пиритизация кристаллических сланцев в пределах исследуемого района, большое количество гранита в породах средней толщи, являющегося спутником золота в шлихах в бассейне р. Нюкжи, значительная область контактовых зон гранитных массивов позволяют полагать, что поиски золота в нашем районе имеют некоторые перспективы. В полном отчете я попытаюсь выяснить генезис золота в районе, учитывая мощную и продолжительную денудацию района, особенно, заостряя вопрос об изучении его морфологической структуры и четвертичного картирования для поисков площадей накопления древних аллювия и делювия, неоднократно перемывание которых дало очень мелкое, пылевое (косовое) золото Нюкжинских кос.

Не исключена возможность нахождения промышленного золота на древних денудационных поверхностях 150 и 300 м, как то показывают шурфы ВАЗК^о.

Весьма интересно отметить наличие в районе хорошо дифференцированных массивов основных и ультраосновных пород, могущих служить источников платины, что, кроме всего, необходимо учесть при разведках на золото.

Слюда в довольно значительном количестве была обнаружена в двух пегматитных жилах на правом берегу р. Нюкжи между Олекмой и Сюбальгой. Правая вертикальная жила имеет около 5 м мощности и в центральной части около 1–1,5 м мощности, содержит черную слюду в виде крупных кусков до 0,50 [м] в длину, переполняющую материнскую породу. При высоте жилы в 40 м и простирании ее и дальше внутрь склона горы месторождение заслуживает отметки. Другая жила обнаружена между реками Талумаки и Сюбальга, пересекает под углом 60° гнейсовую толщу и при мощности около 1 м включает в центральной части слюду. Вообще нужно отметить богатство средней толщи слюдой, которая образует мощные плиты и пласты по зальбандам пегматитовых жил, но в противоположность вышеописанной слюде в середине пегматитовых жил всюду встречается в виде мелких листочков, что делает такую породу внешне сходной с блестящими черными м[елко]з[ернистыми] амфиболами низов средней толщи.

Пирит был обнаружен на левом берегу Нюкжи у р. Талумакит в пачке интенсивно пиритизированных роговообманковых гнейсов и биотит-гнейсов, рассеченных жилой афанита, также рассланцованного. Практического интереса месторождение не представляет.

Уголь встречается в юрской осадочной толще. Месторождение в устье р. Эльгакан было подробно обследовано Миткевичем-Волкаским в 1915 г., и я, имея в руках все материалы, опишу его в полном отчете.

Строительные материалы имеются в районе в большом количестве, за исключением глин, которые в большинстве случаев сильно песчаны и лежат [спорадично] в виде гнезд в массе аллювиальных отложений, заполняющих долины Нюкжи и ее притоков. Более чистые аллювиальные глины развиты на склонах и вершинах обоих плато. Преобладание разной крупности галечного аллювия обеспечивает дорогу балластом. Высокие песчаные террасы низовьев Чильчи, Нюкжи у Караюраке, Средней и Верхней Ларбы чрезвычайно удобны для добычи чистого песка. Самая кристаллическая серия гнейсов и сланцев удобна в качестве строительных материалов при наличии сильной сланцеватости, раздробленности и измятости. Однако наличие больших массивов гранитов, зачастую без значительного раздробления, обеспечивает и с этой стороны. Особенно пригодными для строительства являются вязкие и плотные породы – амфиболиты, диабазы и габбро и некоторые крепкие контактовые и эффузивные породы.

ИНЖЕНЕРНАЯ ГЕОЛОГИЯ

Предварительно сообщаю – особых геологических трудностей в районе при прокладке дороги не предвидится. Тектонически вся область весьма устойчива, принадлежит к группе жестких плит или щитов. Большая часть трассы идет в пределах наиболее прочного участка – грабена 700 м плато. Таким образом, по современному уровню знаний говорить о сейсмичности района не приходится.

Общими благоприятными чертами района являются повсеместное преобладание выходов твердой основы кристаллической серии и устойчивость гидрографической сети при хорошо разработанных "зрелых" долинах рек в наибольшей части маршрута. При проходке выемок и уступов по долине р. Нюкжи сильный кливаж пород весьма облегчит работы, хотя в то же время ослабит устойчивость выработки (имея в виду и вечную мерзлоту). С этим, однако, легко будет бороться, учитывая падения и простирания пород и срезывая откосы выработок враскос против падения. В случае подобности на каждом отдельном пункте можно специально указать особенности напластования и устойчивости пород в пределах масштаба съемки. Наличие большого количества россыпей также несколько затруднит работы по проведению дороги. Россыпи на участках в долинах В[ерхней] Ларбы и р. Аммуначи устойчивы вполне, так как лежат на 18-метровых песчаных террасах этих рек.

Вечная мерзлота наблюдалась повсюду в районе (до наступления сильных морозов и снегопада; однако нет сомнения, что вечная мерзлота охватывает весь район). Благоприятным условием является огромное преобладание песчано-галечных фаций среди аллювия, что создает нормальную кривую подземных вод и позволяет теоретически точно учесть поверхность вечной мерзлоты в районе. Как правило, залегание вечной мерзлоты* фиксировано было неглубоко. Так, в пределах аллювиальных отложений I и II над[пойменных] террас, даже и на III, вечная мерзлота залегала в 0,45–0,80 м от поверхности, реже погружалась до 1,2–1,5 м (определения щупом). На высоких террасах мерзлота залегает глубже и, по-видимому, не ближе к поверхности, чем 2–2,5 м. В области склонов и вершин сопков 700 и 1000 м плато вечная мерзлота залегает сложнее, обуславливая сильное заболачивание и местами (на перевалах в

* Часть машинописной строки утрачена.

области 1000 м) подступая прямо к поверхности в виде наледей, бугров вспучивания и т.д. Несмотря на эти обстоятельства, мне не приходилось по пройденному маршруту наблюдать где-либо более или менее крупных нарушений, производимых мерзлотой. По-видимому, общее однообразие пород, рельефа и водного баланса района создает здесь довольно благоприятные условия для борьбы с вечной мерзлотой при инженерных сооружениях.

Начальник Олекмо-Тындинской партии

И. Ефремов

АРАН. Ф. 174. Оп. 5. Д. 32. Л. 1–8. Копия.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПРИБАЙКАЛЬСКАЯ ГЕОЛОГО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, ВЕРХНЕ-ЧАРСКАЯ ПАРТИЯ

*ОТЧЕТ О РАБОТАХ В ВЕРХНЕ-ЧАРСКОЙ КОТЛОВИНЕ В 1934–1935 гг.*¹*

*Не позднее 14 августа 1935 г.***

Задачей партии являлось геологическое маршрутное исследование Верхне-Чарской котловины – 100-километрового отрезка долины р. Чары (от истоков до порожиистой части) в 1 000 000 масштабе со специальным выявлением возможной нефтеносности района.

Вследствие экспедиционных неполадок, изложенных в предварительном отчете, партия вынуждена была добраться до котловины кружным путем через совершенно неисследованные области. В результате полевой период работ партии весьма затянулся, и было попутно осуществлено маршрутное исследование огромного нового района нижнего течения р. Олекмы, южной окраины Ленско-Алданской плиты, долины р. Токко и т.д.

Партия дошла по р. Токко до устья р. Ульгулук – левого притока р. Токко, перевалила в долину р. Тарын – правого притока р. Чары, в области порогов, спустилась вниз по р. Тарын в долину Чары, выполнила боковой маршрут вниз по Чарским порогам и поднялась вверх по р. Чаре до Чарской котловины. В Чарской котловине было произведено пересечение котловины по длинной оси, затем несколько пересечений по короткой оси из котловины в нагорье, в область хребтов Кодар и Удокан, ниже Хакукана Нижнего, ниже Хакукана Среднего и по р. Нюруннакан. Затем особое внимание было обращено на устья рек Абсат и Кемень как весьма важных в структурном отношении для познания генезиса Чарской котловины. Закончив работу к 12 января 1935 г., отряд выступил в обратный маршрут, проехав по долине р. Кемень до вершины и перевалив в долину озерной цепи Аммудига, откуда выехал на р. Калар и на прииск "11-ть Октябрей" на р. Кетэмяхте.

Вернувшись в середине марта 1935 г., при условии немедленного приступления к камеральной работе, партия имела в своем распоряжении всего 1,5–2 месяца для выполнения задания в срок.

Само собою разумеется, что обработать или хотя бы пересмотреть весь огромный материал, собранный партией, в такой короткий срок невозможно. Поэтому настоящий отчет является только предварительной частью работы, которая должна производиться минимум в течение целого года.

* В соавторстве с А.А. Арсеньевым.

** Датируется по дате резолюции на отчете.

Отчет охватывает только собственно Чарскую котловину и вновь открытую Верхне-Токкинскую котловину как весьма сходную область (т.е. только задание нашей партии с небольшим превышением в виде Верхне-Токкинской котловины) и представляет собой часть предварительного отчета нашей партии, исправленную и дополненную краткой петрографической обработкой части важнейших шлифов, структурных и картографических построений и дополнений.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО РАЙОНУ

Собственно Верхне-Чарский район был посещен всего лишь двумя серьезными геологическими экспедициями – Д.В. Никитина в 1917 г. и Е.В. Павловского в 1930 г. Топографическая экспедиция поручика Усольцева в 1857 г. не дала никаких материалов по геологии района, равно как и экспедиция англичанина Тикстона и французская – Joseph Martina, причем две последние вообще не оставили после себя никаких серьезных материалов.

Д.В. Никитин в 1917 г., пользуясь путем через г. Читу и пос. Романовское на Витиме, прошел с геологической съемкой от р. Витим вверх по р. Ронде и Чульбану и перевалил на озеро Ляпринда (Лемберме), откуда произвел целый ряд маршрутов в области Чарской котловины, преимущественно вдоль хребта Кодар, ограничивающего с севера Чарскую котловину. Хребет Удокан, ограничивающий котловину с юга, был исследован тремя пересечениями по рекам Кемень, Икабия и водоразделу речек Курум и Тарыннах. Из котловины через хребет Кодар Никитин перевалил в долину р. В[ерхней] Торы, спустился по ней до устья на р. Чару и Чарой сплыл до пос. Ярхан, откуда вышел на г. Олекминск.

Д.В. Никитин дал, к сожалению, лишь предварительный отчет о своих исследованиях с рукописной (неизданной) картой масштаба 1:840 000. Исследования этого геолога охватили весьма подробно и добросовестно прилегающие к котловине горные массивы, так что о неиспользовании его материала приходится пожалеть.

В 1930 г. Е.В. Павловский прошел со ст. Могоча через Тупик и прииск "11-ть Октябрей" вверх по р. Калар и долине озер Аммутига, перевалив из Аммутига в долину р. Кемень в Чарскую котловину. Отрядом П.Э. Григорьева, входившим в партию Павловского, было сделано пересечение хребта Удокан по р. Четканде, через перевал Хани-Курум в долину р. Курум и долиной этой речки в Чарскую котловину. К сожалению, геология этого интересного маршрута осталась необработанной и использована лишь в геологической карте Павловского по всему исследованному им району.

Выйдя по р. Кемень на якутский пос. Кюсюкамду близ устья Абсата, Павловский подверг исследованию сложные обнажения метаморфических сланцев в устье р. Абсат. Отсюда пройдя вдоль Кодара левым крылом Чарской котловины, партия Павловского двумя пересечениями по рекам Хакукан (Сокукан) Нижний и Сулумат перевалила горную группу Кодар в долину Б[ольшой] Торы, подвергла изучению долины рек Б[ольшой] и М[алой] Торы до устьев на р. Чаре и по Чаре сплыла до пос. Ярхан, откуда перевалила на Лену.

Е.В. Павловским дан полный отчет с картой масштаба 1:500 000, охватывающий нижнюю (восточную) половину Чарской котловины, и двумя профилями. Весьма подробно и точно разработана геоморфология посещенного района. Особое внимание уделено оледенению, которому придается большое значение в формировании рельефа и образовании комплекса позднейших (рыхлых) отложений Чарской котловины.

Уточняя и дополняя наблюдения Никитина, Павловский вкратце, без детальной петрографии описал гнейсы, слагающие горную группу Кодар, граниты Удокана и уделил особое внимание метаморфическим сланцам, относимым им к эозою. Толща метаморфических сланцев разделена им на две между собою несогласные свиты – Удоканскую и Деборенскую. Указывается резкое угловое несогласие с гнейсами метаморфических сланцев, залегающих на гнейсах в устье Абсата. Обнаружен остро-

вок юрских песчаников на дне котловины, у подножия горы Отт-хая. Указывается на состав горной группы Кодара исключительно из гнейсов и гранито-гнейсов, в то время как Удокан в основном сложен гранитами, окаймленными вдоль котловины узкой полосой гнейсов. Условия залегания черных глинистых метаморфических сланцев (относимых к Деборенской свите) р. Четканды совершенно неясны. Граниты Чарской котловины разделяются на две группы, из которых одна (красные граниты) моложе другой, и прорывают ее. Возраст обеих групп гранитов определяется как постархейский, но докембрийский, т.е. эозойский. На основании общих суждений геоморфологического характера области и залегания юры, с одной стороны, на вышших гипсометрических точках (водораздел Абсата и Хакукана Среднего, по Никитину) и в дне котловины – с другой, определяется генезис Чарской котловины как грабена, расположенного между двумя горстами – Кодаром и Удоканом.

Приведенными работами исчерпывается перечень прежде произведенных исследований собственно Верхне-Чарского района.

Прилегающие к Верхне-Чарской котловине районы посещены рядом других исследователей.

Исключая проспекторского характера разъезды геологов – сотрудников "Союззолото", как не оставившие после себя сколько-нибудь достоверных и фиксированных материалов, в первую очередь нужно отметить исследования Е.С. Бобина.

Этот геолог в течение 3 лет, 1928–30 гг., с несколькими сотрудниками вел исследования междуречья Олекма–Калар, примыкающего в западной своей части к району Верхней Чары. Далее им произведена маршрутная геологическая съемка р. Олекмы от устья р. Тунгир до впадения в р. Лену и р. Тунгир от пос. Турик на р. Тунгир до впадения в р. Олекму, а также участка между пос. Турик и устьем р. Тунгир по летней вьючной тропе. В результате своих работ Е.С. Бобин издал полный отчет о своих исследованиях с площадной геологической картой масштаба 1:1 000 000, охвативший все междуречье Олекма–Калар, междуречье Олекма–Нюкжа, тракт Могоча–Турик и долину р. Тунгир от пос. Турик до устья на р. Олекме.

В последнее время Олекмо-Чарский район был посещен геологами Е.В. Павловским и Л.Г. Котельниковым в 1932 г.

Е.В. Павловский прошел по долине р. Олекмы от устья Нюкжи вверх до устья р. Дырынды и затем по Дырынде вверх, перевалив на прииск "11-ть Октябрей" на р. Кетэмяхте. Л.Г. Котельников прошел из г. Бодайбо на озеро Ничатка, откуда через вершину Бурхая перевалил в р. Абсат и долиной Абсата дошел до пос. Кюскамада в Верхне-Чарской котловине.

Отчеты об исследованиях находятся в печати и известны из рукописей. В смежных участках в западной части исследованного района необходимо отметить исследования А.П. Герасимова в 1902 г. А.П. Герасимов спустился вниз по р. Жуе до ее впадения в р. Чару, затем Чарой прошел до устья ее на р. Олекме близ впадения последней в р. Лену. Выйдя на Лену, Герасимов прошел вверх по Лене правым берегом до Мачинской дороги.

В результате исследований А.П. Герасимов дал краткий предварительный отчет и превосходную маршрутную геологическую карту масштаба 1:840 000. Полного отчета, равно как и обработки всех собранных материалов, произведено не было.

В 1928 г. Е.В. Павловский исследовал район озера Ничатка, прилегающий с севера и с запада к горной группе Кодар. Им опубликован геологический отчет Ороно-Ничатского района с геологической и геоморфологической картой масштаба 1:1 000 000. В работе впервые разработана история оледенения района и дано новое освещение геологии метаморфических сланцев и гнейсов Ничатского района.

Сказанным исчерпывается перечень работ, известных для района Верхней Чары. (...)*

* Далее опущен список литературы, использованной И.А. Ефремовым.

Район Верхне-Чарской котловины целиком находится в одной крупнейшей морфологической области. Область, охватывающая Верхне-Чарскую котловину, – это область нагорья с обнаженными прямо на поверхности древнейшими кристаллическими породами. Само нагорье чрезвычайно отчетливо разделяется на три участка разного возраста и генезиса. Наиболее древним участком, сохранившимся лишь в пунктах нагорья, удаленных от крупных местных базисов эрозии, является участок древнего Витимского пенеплена. Этот участок захватывает область левых головных притоков р. Калар, Каларскую котловину, примыкает к южному склону хребта Удокан и в виде отдельных обрывков занимает верховья рек Дырынды, Таса, Имангро и Тукалachi. На западе обрывки этого участка сохраняются в Чарской котловине, в районе озера Ляпринда, р. Ламакит и, частично, в устье р. Абсат.

Типичным для этого участка является поверхность очень мало расчлененного пенеплена с платообразной поверхностью, относительными высотами не более 80–100 м, с чрезвычайно широкими пологими склонами огромных долин, по которым в настоящее время текут лишь весьма незначительные ключи и речки. Поверхность древнего Витимского пенеплена покрыта мощной толщей элювиальных и аллювиальных отложений, местами отложениями озерных бассейнов. Позднейшими поднятиями участок Витимского пенеплена, прежде занимавший гораздо более широкую площадь, был поднят на значительную высоту (1400–1200 м абсолютной высоты в среднем) и уничтожен последующим расчленением. В настоящее время он занимает лишь весьма незначительную площадь, главным образом вдоль южного склона Удокана, все время уничтожаемую с востока чрезвычайно энергичным врезанием левых притоков р. Олекмы.

К востоку от участка древнего Витимского пенеплена, в области среднего течения р. Олекмы, от Тунгира до Хани, и далее на восток до Гилюя располагается участок рельефа амурского типа, впервые разобранный и изученный работами Е.В. Павловского. Этот рельеф характеризуется, при сильной расчлененности округлых сопков, наличием двух древних денудационных поверхностей 300 и 150 м относительной высоты над дном долины. Более древняя 300 м поверхность сильнее расчленена и является остаточной по отношению к 150 м поверхности, совпадающей с крупными долинами более древних рек и не совпадающей с мелкой современной гидрографической сетью. Над этими поверхностями высятся отдельные останцы еще более древней гольцовой поверхности. Эти останцы разбросаны там и сям, округлы в плане и обычно окаймлены 300-метровой поверхностью, при образовании которой и произошло уничтожение гольцовой поверхности с оставлением сглаженных групп гольцовых вершин. Долины рек хорошо разработаны с трапецеидальным профилем, с большим числом эрозионных и аккумулятивных террас, с широкой поймой. В Верхне-Чарской котловине, преимущественно в верхней ее части, вдоль хребта Удокан развит остаточный рельеф, именно амурского типа.

Третьим, наиболее интересным геоморфологическим участком нагорья является огромная область новейших поднятий, пересекающая весь район в широтном направлении от р. Витим до р. Алдан, почему мы и предлагаем назвать ее Витимо-Алданской зоной молодых разломов и поднятий.

Типичным для этого участка является наличие гигантских молодых горстов с опущенными между ними значительными грабенами – котловинами, в которых сохраняется остаточный древний рельеф амурского типа или типа Витимского пенеплена.

В области Верхней Чары Витимо-Алданская зона поднятий образована двумя параллельными друг другу широтными горстами – хребет Кодар и хребет Удокан с целой серией котловин, заключенных между ними. Таковы котловина Верхне-Чарская, Усть-Тарынская, Верхне-Тарынская и Верхне-Токкинская. Именно к этим молодым поднятиям приурочено развитие древнего оледенения горного типа.

Все реки и речки, текущие в Витимо-Алданской зоне молодых поднятий, отличаются чрезвычайно крутым падением и энергичным врезанием в горные массивы горстов, долины имеют V-образный целевидный профиль без террас, иногда и чрезвычайно узкие каньоны с отвесными высокими стенками. С горстов в котловины выносятся огромные массы грубообломочного материала, дающего в устьях рек и ключей огромные конусы выносов.

Этот характер эрозии создает в горстах целый хаос острых пиков, ребер, гряд и высочайших пирамидальных вершин, создающих настоящий альпийский ландшафт в более расчлененных участках горстов. Горсты, мало затронутые расчленением в тех пунктах, где слабо развита по тем или иным причинам гидрографическая сеть, имеют характер высоких ровных плато с чрезвычайно крутыми склонами, изрезанными полуцирками начинающейся эрозии. Таков, например, хребет Кодар в порожистой части р. Токко.

В крайней северной точке описываемого района, в Витимо-Алданской зоне молодых поднятий, долина р. Токко представляет собою чрезвычайно узкую щель, местами каньон. Ширина долины (водотока) от 80 до 30 м. Вплотную к реке, обрываясь в ее долину, подступают высочайшие гольцы района – Бурный, Волчий, Меридиональный, Алешка – от 900 до 1500 м относительной высоты над Токко. Русло реки перепороживаются серьезные пороги. Выше р. Богоухты Верхней долина р. Токко вступает в область Верхне-Токкинской котловины. Течение реки замедляется, река дает чрезвычайно сложные кривуны и имеет такой характер почти до самой вершины.

Северный край Токкинской котловины образован хребтом Кодар, два крайние гольца которого – Волчий и Ледниковый – круто обрываются прямо в котловину. Самая котловина имеет вид неправильного овала, который р. Токко режет по короткой оси. Поверхность котловины не плоскодонна, в котловине сохраняется чрезвычайно пологий рельеф в виде незначительных сопок 200–100 м высоты. Долины второстепенных рек, в пределах котловины, чрезвычайно широки и пологи. Местами по котловине разбросаны округлые отдельные останцы от 250 до 300 м относительной высоты.

Аллювиальные отложения котловины в низших террасах сложены торфяно-глинистыми, местами глинисто-песчаными образованиями, весьма напоминающими такие в области Ленской платформы. Длина котловины около 50 км, ширина от 15 до 20 км. В северо-восточной части котловины находится группа озер Мундунга. С севера и запада котловину обрамляет горст Кодар, обрывающийся в котловину чрезвычайно круто. Здесь его и пререзает порожистая часть р. Токко. В этом месте Кодар расчленен очень слабо, представляя собою группу длинных, очень ровных платообразных гряд, почти столового характера, в 800–1200 м относительной высоты. Горст уходит на восток за водораздел Чирода–Токко, обрамляя в долине р. Чироды Чиродаканскую котловину.

Явственных следов оледенения в этой части Кодарского горста нами не встречено. Лишь гольц Ледниковый несет на своих южном и юго-западном склонах три больших, превосходно развитых кара.

Южный, юго-восточный и восточный края котловины образованы горстом Удокан, представляющим здесь величественное зрелище. Хаос острейших зубцов, ребер и пирамид, значительно большей, чем Кодар, высоты, создает огромный альпийский хребет, протягивающийся еще далеко на восток в вершину рек Атбастах, Чирода и Олдонсо. Над хребтом резко возвышаются два высочайших пика – пик Усольцева и пик Подлунный в 3000–3200 м абсолютной высоты. Между этими пиками виден огромный трог шириной около 5 км. Меньшие трог, цирки и кары в изобилии наблюдались на склонах хребта. Хребет не обрывается непосредственно в котловину, как Кодар, а имеет две явственные переходные ступени, из которых высшая имеет также альпийский характер, но менее расчленена, около 700 м относительной высоты, а вторая в 500 м относительной высоты представляет собой идеально ровную,

платообразную гряду, к которой непосредственно примыкают 300–250 м, расчлененные положительные элементы амурского рельефа дна котловины.

К востоку от Верхне-Токкинской котловины, отделенная от нее лишь 300 м водоразделом, расположена небольшая узкая котловина вершины р. Чироды – Чиродаканская. Около трети площади котловины занимает озеро Мун-Коль около 8 км в длину. Озеро глубокое, проточное, служит истоком для р. Чироды.

К юго-западу через еще более пологий и пониженный водораздел, около 200 м высоты, Верхне-Токкинская котловина смыкается с небольшой и узкой Верхне-Тарынской в верхнем течении р. Тарын и через последнюю с котловиной р. Курум-Урях, составляющей непосредственное ответвление Чарской котловины. В нижнем течении р. Тарын, между Тарыном и Курум-Уряхом, высятся отдельная группа гольца Хмурого, окаймленная мысом 500 м плоской ступени Удокана, вдающимся далеко на запад к долине р. Чары. Против устья р. Тарын, в излучине р. Чары, снова наблюдается котловинообразное небольшое расширение около 10 км в длину и 6–7 км в ширину, заполненное невысокими округлыми сопками. По ту сторону этой Усть-Тарынской котловины высятся хребет Кодар, пересекаемый р. Чарой ниже и выше устья р. Тарын. В этом пункте Кодар расчленен значительно сильнее и образует ряд острых пиков, несущих явные следы оледенения, но не имеющих альпийского характера.

Усть-Тарынская котловина к северо-востоку продолжается в котловину р. Гонны (Конды), отделяясь от нее водоразделом Гонны и Тарына около 200 м относительной высоты.

В 25 км выше устья р. Тарын оканчивается порожистая часть р. Чары и начинается Верхне-Чарская котловина, занимающая все верхнее остальное течение р. Чары до самых истоков.

Эта котловина уже описана в работах Никитина и Павловского, поэтому, не занимаясь повторением этого описания, мы укажем здесь лишь те особенности морфологии, которые были пропущены или неправильно истолкованы этими авторами.

Чарская котловина не замыкается слиянием Кодара и Удокана в порожиистой части р. Чары. Против устья р. Икабии хребет Удокан начинает отклоняться на восток, обходя и ограничивая серию котловин, тянущихся вдоль его северного склона, как продолжение Чарской котловины, и разделенных лишь невысокими перемычками остатков древнего рельефа. Эта серия котловины расположена совершенно точно по прямой линии и описана вкратце нами выше. Порожиистая часть р. Чары прорезает лишь хребет Кодар, который у нижнего конца котловины имеет явно платообразный характер. Выше по котловине массив Кодар расчленен несравненно сильнее и имеет совершенно особый "лжеальпийский" характер, обусловленный чрезвычайно энергичным врезанием многоводной гидрографической сети, и сравнительно невысокий (600–700 м относительной высоты), но чрезвычайно крутой молодой горст. Этот характер Кодар имеет до устья р. Абсат. В устье Абсата хребет дает дугообразный изгиб, образуя полукруглое расширение котловины, в котором сохранились остатки древнего Витимского пенеплена. Выше Абсата протягивается такой же прямой линией острых вершин еще на 20–25 км и далее снова принимает нерасчлененный платообразный характер до самого окончания Чарской котловины на озере Ляпринда.

Следы древнего оледенения совершенно явственны в виде хорошо разработанных трогов, курчавых скал, бараньих лбов, ригелей, кар, больших валов конечных морен и т.д.

Хребет Удокан резко выражен только до долины р. Кемень, т.е. до половины Чарской котловины. К западу от долины р. Кемень протягивается только первая ступень Удокана в виде групп округлых гольцов. Альпийская ось хребта отклоняется на юг в вершине больших левых головных притоков Чары, Саныха и Ламакита, где сливается с Каларским хребтом. От озера Ляпринда до долины р. Кемень к Удокану

примыкает широкая полоса древнего Витимского пенеппена, составляющего вторую ступень хребта в описании Е.В. Павловского.

Оледенение в Удокане выражено значительно сильнее, чем в массиве Кодар.

Плоскодонность Чарской котловины по данным наших исследований приходится категорически отрицать. В равной степени нигде на более или менее значительном протяжении котловина не окаймляется 50 м террасой. 50 м терраса есть аккумулятивная терраса р. Чары, кое-где сохранившаяся в крутых излучинах реки вблизи границы нагорья и котловины. Поверхность котловины значительно повышается на юг к хребту Удокан, где более половины ширины котловины составляют плоские 200–300 м сопки реликтового амурского рельефа, сложенные, несомненно, коренными породами. Такое же повышение поверхности котловины наблюдается на запад – вверх по р. Чаре к озеру Ляпринда, где также очень значительная площадь верхней части котловины занята реликтовым амурским рельефом. Немного выше рек Абсат и Кемень, прямо в центре котловины, расположены 200 м округлые останцы, за которыми протекает р. Чара в большой излучине к хребту Удокан. Между останцами и Кодаром пролегает также широкое древнее русло р. Чары.

Таким образом, площадь, занятая наиболее низким уровнем котловины (700 м абсолютной высоты), заваленная мощными новейшими отложениями, значительно сокращается. Наиболее глубокая часть котловины расположена в виде узкой полосы вдоль хребта Кодар около 10 км в ширину. Строение Верхне-Чарской котловины в точности подобно строению Верхне-Токкинской и отличается лишь большей многоводностью гидрографической сети и, вследствие этого, более энергичной эрозией. Распространение и значение комплекса моренных отложений представляется нам значительно меньшим, нежели это установлено работами Павловского. Главнейшее значение в формировании отложений поверхности дна Чарской котловины имеют огромные конусы выносов и отложения, скорее, пролювиального характера, что и было правильно подмечено Д.В. Никитиным.

Долины крупных рек, стекающих с хребта Удокан, – Икабьекан, Икабия, Кемень – прорезают нацело альпийскую ось хребта и стекают с поверхности древнего Витимского пенеппена (второй ступени Удокана), очень близко сходясь (почти захватывая) с вершинами притоков рек Калар-Витимского бассейна. На основании произведенных исследований предлагаем следующую предварительную схему генезиса Верхне-Чарской котловины и остальных главнейших геоморфологических элементов изученного района.

В истории своего образования Верхне-Чарская котловина непрерывно связана и составляет одно целое с цепью подобных же котловин, протягивающихся в широтном направлении, в зоне Витимо-Алданских молодых поднятий. Таковы котловины – Муйская, Кондо-Чульбанская, Верхне-Чарская, Верхне-Токкинская, размерами мало чем уступающие друг другу и связанные серией более мелких котловин.

Для всех этих котловин типичным будет их смешанное, сбросово-эрозионное происхождение с сохранением остатков рельефа амурского типа, а также расположенные между двумя огромными линиями горстовых поднятий – Кодарской и Удоканской. Эти две линии также тянутся в широтном направлении от Витима и, вероятно, от озера Байкал и разделяются на несколько участков разновременных поднятий различной высоты.

Удокан представляется наиболее древним горстом, претерпевшим два последовательных поднятия одно за другим – Удоканское и Кодарское. Массив Кодар испытал только одно поднятие – Кодарское, происшедшее в самое недавнее время и, возможно, послечетвертичное.

Последнее обстоятельство доказывается аллювиальными галечниками, залегающими прямо на поверхности платообразных вершин Кодара на абсолютной высоте в 2000 м. Первый горст Удокана образовался до эпохи первого оледенения путем поднятия всей площади, занятой древним Витимским пенеппеном. Это поднятие

произошло по той же линии широтного направления и по возрасту моложе 300 м денудационной поверхности амурского рельефа, распространенного прежде здесь и значительно более широко.

На всей площади Удоканского поднятия и развивалось первое оледенение. Вторичное Кодарское поднятие образовало мощную альпийскую ось хребта и вызвало появление второго оледенения.

Не исключена возможность, что известная часть массива Кодар являлась прежде частью Верхне-Чарской котловины эрозионного происхождения в 300 м денудационной поверхности амурского рельефа и лишь в самое последнее время резко поднялась вместе с остаточными частями Витимского пенеплена, обрезав северо-западную часть котловины резкой прямой линией. Приблизительно в средней части Чарской котловины заключен еще более древний элемент отрицательного рельефа – довольно глубокая котловина, выполненная юрскими отложениями, достигающими здесь свыше 500 м мощности. Эта котловина ориентирована приблизительно в меридиональном направлении и была размита последующей широтной гидрографической сетью амурского рельефа, а затем расколота Удоканским и Кодарским поднятиями. Поверхность этой котловины впоследствии явилась поверхностью древнего Витимского пенеплена, частью образовавшегося горста Удокана, каким является в настоящее время Каларская котловина Бобина и Павловского, отнюдь не грабенного происхождения.

Генезис рельефа амурского типа по всей полноте установлен Е.В. Павловским, поэтому разбирать его в отчете представляется ненужным.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В строении всей площади Верхне-Чарской и Верхне-Токкинской котловин принимают участие отложения только трех геологических формаций – архея, кембрия и юры. Древнейшие свиты повсюду вскрыты непосредственно на дневной поверхности и только в значительных отрицательных элементах рельефа – котловинах – скрываются под незначительной мощности покровом четвертичных и современных рыхлых отложений.

Главное значение в строении нагорья принадлежит архею, с которого мы и начнем рассмотрение геологической структуры района.

А р х е й. Обширный и чрезвычайно сложный комплекс архейских кристаллических сланцев исследованиями 1934–1935 гг*. удалось расчленить на несколько отдельных свит различного генезиса, времени и степени метаморфизма, для которых местами установлены резкие несогласия.

Разделение архея на отдельные свиты произведено на основании материала, собранного в смежных с Верхне-Чарским районах, описание которых в настоящую работу не входит**.

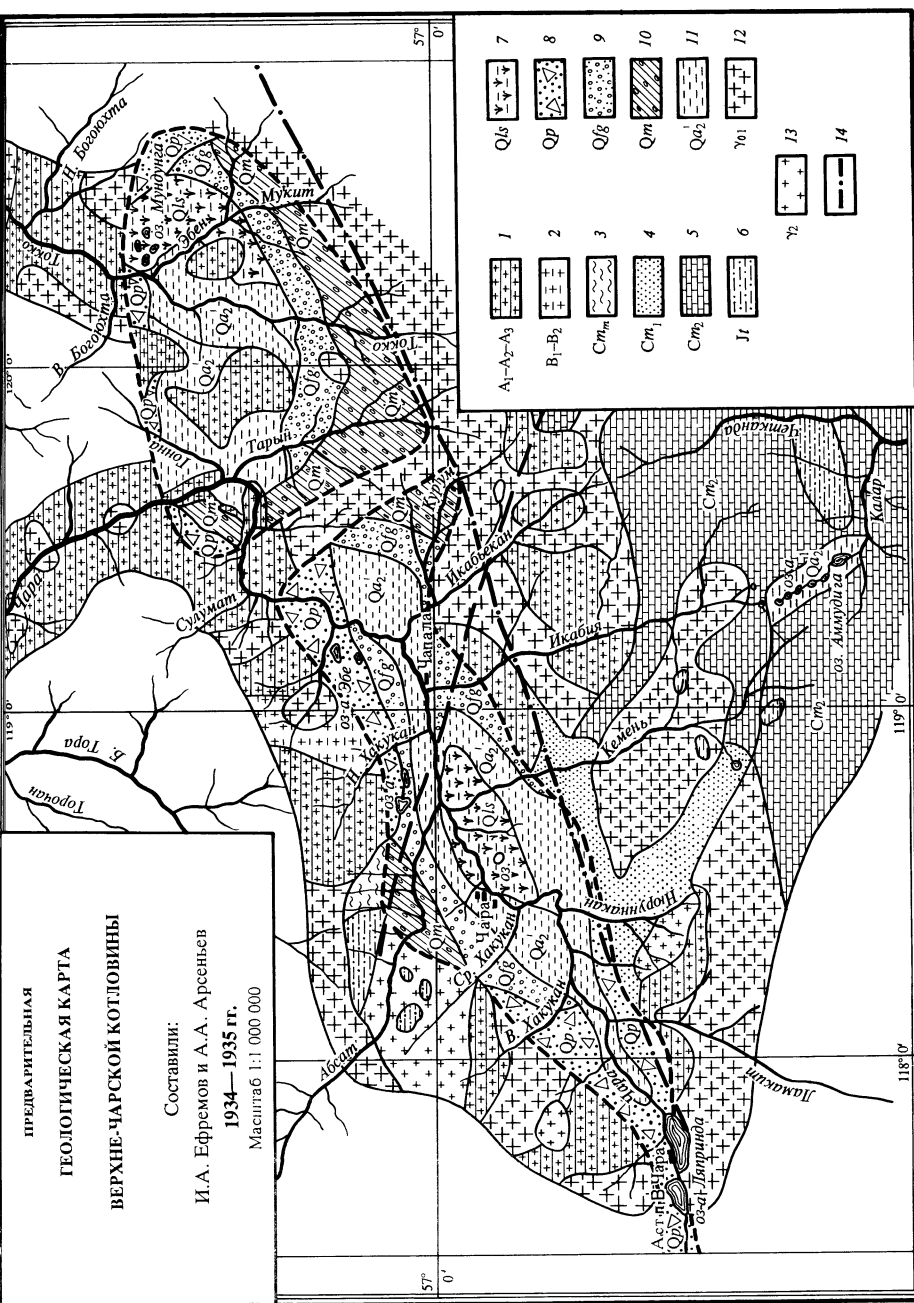
Как это будет показано в дальнейшем изложении, все эти свиты до самых верхних включительно являются докембрийскими. Ввиду отсутствия пока сколько-нибудь точно разработанной стратиграфии архея мы все эти свиты включаем в архей без дальнейшего уточнения, полагая, что в течение архейского периода возможно значительное число несогласий. Свиты в их стратиграфической последовательности обозначаются условными индексами. {...}***

К е м б р и й. Кембрийские отложения были обнаружены нами лишь в области хребта Удокан и в устье р. Абсат. Ввиду отсутствия в наших материалах определенной фауны возраст этой группы отложений определен точно быть не может.

* Это работа лишь 1934 г. с камеральной обработкой в 1935 г.!? – *Примеч. А.Н. Чуракова* (автограф). Исследования были в 1934 г. и 1935 г. – *Примеч. И. Е[фремова]* (автограф).

** Чрезвычайно важно обработать этот материал. – *Примеч. А.Н. Чуракова* (автограф).

*** Далее опущена часть текста с характеристикой фундамента архейской толщи, свит А₁, А₂, А₃, В₁ и пород, их составляющих.

Геологическая карта Верхне-Чарской котловины

1 – нижние свиты архей; 2 – средние свиты архей; 3 – сильно метаморфизованные кембрийские отложения; 4–5 – норм[альные] кембрийские отложения; 6 – кварцитовидные песчаники, 7 – известняки и сланцы; 8 – континентальные юрские отложения; 9 – более древние и молодые речные; 10 – озерно-болотные, 11 – флювиогляциальные, 12 – моренные, 13 – архейские граниты и ортогирсы; 14 – молодые, предположительно – каледонские, граниты; 15 – линии предположительно герцинских разломов

Мы относим эти отложения условно к кембрию, основываясь на их полном литологическом тождестве с изученными нами породами кембрия Ленско-Алданской плиты, а также руководствуясь прослеженными закономерными изменениями фациального состава, связующими их с кембрием Ленской плиты. Некоторые фации этих кембрийских отложений обнаружены нами уже вне пределов описываемого района и будут описаны только по выполнению всей работы.

Кембрий, залегающий в районе Верхней Чары, представлен морскими отложениями различных фаций, но главным образом известняками, черными глинистыми сланцами, известково-глинистыми песчаниками и известковистыми мергелями.

Эти отложения, прежде занимавшие несравненно более широкую площадь распространения, теперь уцелели в пределах нагорья лишь в наименее подвергавшихся эрозии пунктах. Поэтому они встречаются обрывками в древних грабенах, по нашему предположению, герцинских. Эти грабены процессами новейших поднятий были расколоты и части их стали горстами Кодар и Удокан, и поэтому явилось возможным более точное установление условий залегания кембрия, вскрытого эрозией до самых базальных слоев.

Отложения кембрия налегают непосредственно на размытую поверхность архея, сложенную преимущественно гнейсами A_{1-3} и гранитами.

В области хребта Удокан в долинах рек Икабия и Кемень кембрийские отложения залегают непосредственно на размытой поверхности архейских гранитных батолитов, частично на гнейсах.

Отложения *Ст* местами сильно метаморфизованы и образуют толщи метаморфических сланцев. Этот метаморфизм наблюдается исключительно лишь в пунктах непосредственного соприкосновения кембрия с массивами каледонских гранитов и нигде более.

В остальной своей части отложения кембрия дислоцированы весьма слабо со слабым тектонометаморфизмом. Местами же они залегают горизонтально и не несут никаких следов метаморфизации.

Распределение кембрийских отложений по фациям следующее:

1) абразивные фации – грубые конгломераты, мелкогалечные конгломераты, грубозернистые песчаники; 2) мелководные фации – песчаники разной крупности зерна, песчанистые мергеля; 3) стабильные фации более глубоких вод – известняки, известковистые мергеля; 4) глубоководные фации – черные глинистые сланцы, богатые органическим веществом, кремнисто-глинистые и кремнистые сланцы*. {...}**

Ю р с к и е о т л о ж е н и я. В области Верхне-Чарской и Верхне-Токкинской котловин юрские отложения уцелели еще более редкими участками, чем отложения кембрия. Это обстоятельство стоит [в связи] с их генезисом в депрессиях доюрского рельефа. В процессе своего образования эти отложения были приурочены к отдельным замкнутым континентальным бассейнам, разбросанным там и сям по стране, нигде не образовывали сплошной покрывки, как отложения кембрия.

В пределах Верхне-Чарской котловины юрские отложения образовывались, по-видимому, в эпоху интенсивной эрозии и составлены преимущественно псаммитовыми образованиями довольно грубого зерна. Эти породы залегают непосредственно на размытой поверхности более древних геологических формаций – архея и кембрия, имея в основании базальный конгломерат с галькой всех подстилающих пород.

В устье р. Абсат, где на дневной поверхности доюрского рельефа был обнажен каледонский гранитный массив и метаморфизованный им участок кембрия, юрские отложения заключают в себе гальку этих гранитов и всех метаморфических сланцев кембрия, залегая на их размытой поверхности.

Разрез юрских отложений в общем однообразен. Главнейшую часть его слагают

* Не окажется ли это протерозоем? – Примеч. А.Н. Чуракова (автограф).

** Далее опущена часть текста с характеристикой кембрийских отложений по фациям.

песчаники разной крупности зерна, образующие как очень мощные слои, так и тонкие пропластки. Местами песчаники переходят в конгломераты с мелкой галькой. Песчаники переслаиваются с глинисто-песчаными образованиями типа глинисто-песчаных мергелей, изредка переходящими в настоящие глинистые сланцы, в зависимости от той или иной фации, выраженной в данном месте.

В песчаники заключены обугленные растительные остатки. В более грубо-зернистых пластах растительные остатки редко рассеяны во всей массе песчаников, в виде отдельных крупных листьев, обломков стволов и пней. Более тонкозернистые фации значительно обогащаются уже сильно истертым растительным материалом, давая углистые песчаники. Между этими песчаниками залегают прослои чистого угля от 40–50 см мощности, а местами и значительно более.

Наилучше сохраненные растительные остатки находятся в глинисто-песчаных и глинистых образованиях. Таким образом, распределение и сохранение растительных остатков находятся в полном соответствии с условиями образования тех или иных юрских фаций*.

Флора, представленная в этих отложениях, из-за плохой сохранности в полевых условиях трудно определима. {...}**

СХЕМА ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕРХНЕ-ЧАРСКОГО РАЙОНА

История развития района в архейский период слишком малоизвестна. Выясняется несколько последовательных несогласий, связанных с перерывом в отложениях, и, по-видимому, несколько фаз интрузий гранитной магмы.

В эпоху кембрия поверхность архейских свит была абрадирована кембрийским морем, отложившим мощные свиты осадочных пород. Смена фаций показывает на сравнительную близость береговой полосы.

В эпоху каледонской складчатости происходил частичный анатексис архейского фундамента с локальными подвижками и вторжениями гранитных батолитов, метаморфизовавшими частью кембрийские отложения.

В более позднюю тектоническую фазу, вероятно герцинскую, район претерпел значительные радиальные дислокации, сформировавшие огромные грабены, в которых уцелели от смыва кембрийские отложения. Такой грабен находился на месте Верхне-Чарской котловины от хребта Кодар до верховьев р. Калар.

В юрское время наступил длительный континентальный период, сопровождавшийся образованием значительных эрозионных депрессий с последовавшим отложением в них мощных толщ юрских континентальных осадков.

В это же время начала формироваться 300 м денудационная ступень амурского рельефа и позднее Витимский пенеплен.

Континентальная фаза просуществовала всю третичную эпоху, по-видимому, все время при отсутствии аккумуляционных условий, ввиду оживления эрозии альпийскими вертикальными движениями.

В четвертичное время поднятие удоканской эпохи сформировало широкий горст, вытянутый в широтном направлении и определивший основное направление Верхне-Чарской и Верхне-Токкинской котловин. Эрозия этого горста окончательно сформировала широкую площадь как Витимского пенеплена, так и Верхне-Чарской котловины, оставив в последней лишь сглаженные останцы амурского рельефа преимущественно вдоль Удоканского горста.

Поднятие кодарского времени в сравнительно очень недавнее время подняло еще

* Почему же они не были отданы для определения? – *Примеч. А.Н. Чуракова* (автограф). Давно определены и описаны В.Д. Принадой. – *Примеч. И. Е[фремова]* (автограф).

** Далее опущена часть отчета с характеристикой отложений юры, массивно-кристаллических пород архея и палеозоя с анализом минералогического состава гранитов и пород, их составляющих, а также описанием тектоники и геологического районирования Верхне-Чарского района.

выше центральную часть Удоканского горста и почти отвесной стеной Кодарского горста обрезало и отграничило обе котловины с севера, придав Верхне-Чарской котловине вид настоящего грабена. Процесс Кодарского поднятия не закончен и продолжается в настоящее время.

В эпоху Удоканского поднятия имело место первое оледенение, в эпоху Кодарского – второе, последнее, значительно меньшего масштаба.

Оба процесса молодых поднятий (Удоканское и Кодарское) происходили на фоне общих колебаний базиса эрозии всей страны при бореальной трансгрессии Северного моря и последовавшей затем регрессии. Эти колебания, например, значительно ослабили эрозию в эпоху Удоканского поднятия и, наоборот, усилили в эпоху Кодарского.

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Н е ф т ь. Полученные в двух пунктах исследованного района указания на наличие прямых выходов нефти на поверхность воды по проверке оказались обычными ирризирующими пленками железных окислов.

В основном участке работы – Верхне-Чарской котловине, подлежавшей изучению для выяснения геологических предпосылок наличия нефти, нами не было получено ни одного факта, хотя бы косвенно подтверждавшего предполагаемую нефтеносность Верхне-Чарской котловины.

Вначале эрозионное происхождение котловины, наличие прямых выходов коренных пород в ее дне и состав рыхлых отложений, заполняющих наиболее глубокую ее часть вдоль склона горста Кодар, преимущественно из грубых новейших пролювиальных и моренных образований, – все это, вместе взятое, дает весьма неблагоприятную оценку Чарской котловины как возможного вместилища нефти.

Вероятный генезис котловины дает возможность полагать отсутствие мощных свит более древних, например третичных, отложений в ее дне под покровом новейших.

Лишь в средней части котловины, против устья рек Кемень (Гевен) и Абсат, должны залегать частично уже сильно размытые юрские отложения, развитые и изученные в хороших обнажениях на поверхности Витимского пенеплена (Каларской котловины) и в долине р. Абсат, где нет ни малейших указаний на наличие хотя бы незначительных битуминозных прослоек во всей массе угленосных юрских пород.

Сказанное относится и к другим представителям той же серии котловин: Верхне-Токкинской, Усть-Тарынской, Верхне-Тарынской и т.д.

Конечно, при легкой подвижности нефти, обуславливающей ее так характерную эпигенетичность в месторождениях, нельзя принципиально отрицать возможность проникновения ее даже в новейшие отложения, нагроможденные в котловине Чары.

Но так как Чарская котловина находится в области Витимо-Гилюйской кристаллической массы, где кроме архейских свит уцелели лишь незначительные участки кембрийских и юрских отложений и нет никаких других, затруднительно подыскать первоначальное вместилище могущей мигрировать нефти. Что касается всего пояса котловин к западу и востоку от Верхне-Чарской, то возможно, что там сохранились какие-либо свиты с возможной нефтеносностью при несколько другой истории образования данной котловины.

Представляется интересным принципиальное обследование одной из таких котловин для выяснения нефтеносности, что возможно путем бурения. Все остальные виды поисков не дадут определенного заключения.

Ввиду того, что Чарская котловина есть остаток древнего рельефа, сформированного архейскими породами и обрезанного стеной горста Кодар, т.е. даже не грабен в полном смысле этого слова, нужно предположить нерациональность дальнейших поисков нефти в Чарской котловине.

Уголь. Угленосность юрских отложений в пределах наших маршрутов весьма незначительна и не дает угольных месторождений.

Однако лежащие вне пределов исследования участки развития юрских толщ по р. Четканде (Каларской) дают более или менее значительные пласты угля от 20 до 170 см мощности. Таких пластов наблюдается от 2 до 5, они сравнительно постоянны по простиранию, но, фациально изменяясь, содержат то чистый уголь, то ту или иную углистую породу.

Угли относятся по типу к лигнитам, но дают переходы от бурых и каменных и, по-видимому, содержат довольно много летучих*.

Месторождение угля в долине Четканды по незначительности как самого бассейна, так и его угольной массы серьезного промышленного значения не имеет и может быть использовано лишь для местных нужд, в связи с развитием горного приискового дела в бассейне Калара, когда будут значительно израсходованы местные лесные фонды.

Известняки и доломиты. Почти все известняки и известковистые мергеля кембрия хребта Удокан являются хорошим цементным сырьем, за исключением, конечно, кремнистых и песчанистых фаций, как слишком обогащенных SiO_2 . Наличие разнообразных переходов от чисто рыхлых и плотных известняков к мергелистым известнякам и доломитам дает широкую возможность для изготовления как извести, так и различных видов цемента.

Горный хрусталь. Нами получены изустные сведения (с предъявлением образцов) о нахождении довольно значительных кристаллов кварца (горного хрусталя) в вершине ключа Джалинда, стекающего в долину р. Нарги с южного склона горста Кодар, между реками Абсат и Хакукан Средний.

Золото россыпное. А. Новейшие россыпи. Лотковое поверхностное опробование производилось нами по всем маршрутам. В верхнем течении р. Токко, долине р. Тарын и долине р. Чары количество пробных точек пришлось сократить до минимума из-за наступления сильных морозов и местами развития наледей.

При поверхностном опробовании пунктов, имеющих непосредственный промышленный интерес, нами не обнаружено. В пробах имеются лишь знаки, максимальное количество которых выражается цифрой от 5 до 11 знаков на лоток. Знаки мелкие, легкие, что, вероятно, объясняется взятием проб с поверхности.

Наибольшее количество проб со знаками получено в косах долины р. Чары от устья р. Гонны до речки Хакукан Средний, т.е. более половины Чарской котловины. В этих участках пробы, взятые прямо с поверхности речных кос, обнаруживают наличие очень мелкого, сильно тертого золота в количестве от 2 до 5–7 знаков на лоток. Такие же знаки встречены в долинах рек Курум, Икабия, Хакукан Нижний, Абсат и, особенно, [в] ключ[ах] Джалинда и Нарга в пределах котловины.

В пределах Верхне-Токкинской котловины из-за отсутствия благоприятных поверхностных пунктов, несмотря на явный интерес этой области, проб взять не удалось.

Б. Древние россыпи. Некоторые фации кембрийских и юрских отложений, составленные продуктами непосредственного размыва сильно пиритизированных золотоносных толщ верхних свит архейских кристаллических сланцев B_1 , B_2 , C_1 и C_2 при наличии обогащения золотом, могут дать и промышленные золотые месторождения типа литифицированных древних россыпей.

Точные сведения по золотым месторождениям этого типа в пределах исследованного района будут сообщены только по производству химических анализов серии взятых проб.

Золото рудное. Непосредственно видимого рудного золота в пределах

* Надо было исследовать угли на количество летучих. – *Примеч. А.Н. Чуракова* (автограф). Анализированы Бобинным в 1930 г. – *Примеч. И. Е[фремова]* (автограф).

исследованного нами района не было обнаружено. Однако установленные обширные зоны термальных постмагматических явлений, наличие весьма многочисленных кварцевых сульфидных жил дают возможность полагать наличие золота в этих участках. Окончательное заключение оставляем опять-таки до производства химических анализов на золото, что позволит сразу решить остающийся еще неясным ряд вопросов.

Наиболее обширное развитие термальных постмагматических явлений наблюдается в области горста Кодар, ограничивающего с севера и северо-запада Верхне-Чарскую котловину. На этом участке термальные явления связаны с большими массивами каледонских гранитов и не смытыми еще в настоящее время акробатолитовыми зонами древних архейских гранитных батолитов.

Оба комплекса термальных явлений дают интенсивную пиритизацию как самих гранитов, так и контактирующих с ними пород метаморфизованного кембрия, а также густую сеть мельчайших кварцевых пиритовых жил в акробатолитовых участках гранитов и непосредственно кроющих их гнейсах.

Чрезвычайно энергичная эрозия горста Кодар обуславливает сильный размыв этих зон термальных явлений. Благодаря значительной водной массе, даже небольших ключей, и очень крутому уклону русла весь измельченный денудацией материал нацело сносится в Чарскую котловину, где и задерживается. Поэтому в самой области горста Кодар трудно предположить наличие значительных россыпей золота. Весь материал разрушения сносится в Чарскую котловину, где распределен в виде весьма сложной и мощной толщи рыхлых отложений. Эти отложения и дают постоянные мелкие значки золота при пробах, перемываясь р. Чарой.

В свете всей суммы собранного фактического материала с использованием анализов и картирования новейших отложений возможно будет указать участки Чарской котловины, в которых можно ожидать обогащение золотом.

Без учета распределения как размывающихся золотоносных зон Кодарского горста, так и продуктов их размыва разведка на россыпное золото вряд ли даст нужный эффект при значительной мощности рыхлых отложений и неравномерности их распределения.

Ж е л е з о. В верховьях р. Кемень, в области горста Удокан, в метаморфизованных нижних горизонтах древнекембрийских отложений залегают свиты железистых кварцитов типа джеспилитов.

Руда состоит из правильных тонких прослоев кварца и магнетита, сходных с таковыми железистых кварцитов Криворожского месторождения, например:*

Свита достигает значительной мощности, но полученные образцы не создают впечатления богатой руды вследствие очень незначительной мощности магнетитовых прослоев.

М е д ь. В долине р. Токко, выше устья р. Богоухты Верхней, наблюдаются выходы очень сильно термально измененных и дислоцированных кварц-порфиоров, по трещинам отдельностей которых развиты незначительные примазки малахита и азутита, редко встречается хризоколла.

Медь часто связана с порфирами, и, по-видимому, данное месторождение образовалось путем окисления и выщелачивания меди, рассеянной в ничтожном количестве в порфирах.

АРАН. Ф. 174. Оп. 5а. Д. 8. Л. 2-76. Машинопись.

* В тексте продолжение отсутствует.

О МОНГОЛЬСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД ДЛЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АН СССР*¹

8 марта 1949 г.**

Территория Монгольской Народной Республики представляет собою высокогорное плато в центре Азии. Южная половина страны пересечена голыми скалистыми хребтами, занята каменистыми полупустынями и высокогорными степями, известными под собирательным названием Гоби.

В обширных котловинах, вдоль подножий острых хребтов, в Гоби сохранились отложения большой центральноазиатской древней суши, которая не покрывалась морем за последнее сто двадцать миллионов лет, от середины мезозоя до наших дней. Именно здесь мы имеем огромную непрерывную серию озерных и речных отложений этого отрезка геологического времени, которые хранят в себе остатки наземных животных периода, очень важного для понимания всей эволюции животного мира. В конце этого периода произошло великое вымирание огромных ящеров-динозавров и смена их господства млекопитающими.

На огромных пространствах Гоби горные породы лишены защитного растительного и почвенного покрова и сильно разрушаются даже при ничтожном количестве*** атмосферными остатками и ветрами. Поэтому именно здесь костеносные отложения вскрыты эрозией на больших протяжениях и легко доступны для исследования. Книга геологической летописи, так сказать, раскрыта самой природой на нужной странице. Поэтому бесконечные лабиринты красных ущелий, оврагов и обрывов в жарких и безводных гобийских впадинах издавна привлекали внимание ученых.

Честь первого^{4*} открытия ископаемых позвоночных^{5*} в Монголии принадлежит русским путешественникам и геологам и из них^{4*} прежде всего В.А. Обручеву, который нашел первый зуб третичного носорога в красноцветных гобийских отложениях Монголии.

По следам наших ученых, вскоре после первой мировой войны, в Монголию направились американцы, крупная экспедиция которых работала в Монголии в 1922–25 гг. и прогремела на весь мир результатами своих раскопок. Однако организационные несогласия с китайскими и монгольскими учеными привели к запрету американским экспедициям на работу на территории Центральной Азии. Палеонтологические исследования американцев прекратились; вместе с тем развивались географические и геологические работы, проводившиеся совместно советскими и монгольскими учеными. При этом был обнаружен ряд новых местонахождений ископаемых позвоночных, значительно расширивший первоначальные представления о богатстве МНР древними животными. Назрела необходимость взяться за работу советским палеонтологам. Первая экспедиция, организовывавшаяся Академией наук СССР в 1941 г.², не смогла начать свою работу из-за Великой Отечественной войны. Первая разведочная палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР^{4*} в Монголию осуществилась в 1946 г.³ Экспедиция 1946 г., возглавлявшаяся проф. И.А. Ефремовым, не только осмотрела ряд открытых советскими геологами местонахождений, но и проникла далеко на юг, в не изученные ранее области, пользуясь дружеской помощью местного населения и полученными от него сведениями. Здесь были открыты крупные местонахождения динозавровой фауны, о существовании которой на территории монгольской суши прежними исследователями даже не подозревалось.

* В соавторстве с Ю.А. Орловым.

** Датируется по дате регистрации в Протокольном отделе АН СССР.

*** Начало строки зачеркнуто Ю.А. Орловым.

^{4*} Два слова зачеркнуты Ю.А. Орловым.

^{5*} Слово вставлено Ю.А. Орловым

Исследования 1946 г. установили наличие серии разновозрастных горизонтов верхнего мела, заключающих различные по своим эволюционным стадиям комплексы фауны. Эти исследования опрокинули представление о чуть ли неизменной пустыне, бывшей на монгольской суше, которое создалось в результате американских работ.

Советская палеонтология ко времени первой Монгольской экспедиции накопила большой опыт по исследованию и разработке местонахождений позвоночных. Были установлены закономерности образования этих кладбищ и сохранения остатков животных и растений в геологической летописи Земли и жизни. Поэтому для нас проблема палеонтологических раскопок в Монголии предстала как планомерное научное исследование, а не как увлекательная "охота за ископаемыми", полагающаяся в основном на "удачливую судьбу" и романтизированная необычными опасностями и трудностями.

Открытия экспедиции 1946 г. позволили руководству Академии наук СССР поднять вопрос о постановке более длительных работ с большим размахом.

Советское правительство и лично товарищ Сталин, как всегда, поддерживали ученых: летом 1947 г. была утверждена Монгольская палеонтологическая экспедиция со средствами на крупные раскопки на период 1947–1950 гг. В конце 1947 г. под начальством проф. И.А. Ефремова отправилась II Монгольская экспедиция, проработавшая на территории МНР почти весь 1948 г.⁴, основные результаты которой и составляют цель настоящего доклада. В настоящий момент готовится к отъезду III Монгольская палеонтологическая экспедиция.

Техническое оснащение и средства, предоставленные правительством экспедиции, позволили решить важнейшую организационную задачу проведения крупных раскопочных работ в удаленных районах Гоби. При этом мы отбросили опыт американцев, передвигавшихся исключительно на легковых автомашинах, в то время как тяжелые грузы перевозились верблюжьим транспортом. Медленность и весьма ограниченная грузоподъемность верблюда обусловили непригодность этого вида транспорта для выполнения широких задач, стоявших перед советской экспедицией. Неслыханные трудности передвижения по Гоби были весьма преувеличены американцами в целях рекламы и добывания средств для их экспедиции. Наши советские исследователи – геологи, географы и ботаники – проникали далеко в глубь Гоби на обычных советских грузовых машинах, то же самое проделали и мы в экспедиции 1946 г.

Для извлечения возможно большего количества палеонтологических материалов наши раскопки должны были вестись ускоренными темпами. Огромные скелеты динозавров до 14 м в длину, крупные древние млекопитающие при раскопках должны были выбираться крупными глыбами-монолитами в крепких деревянных каркасах, чтобы хрупкие ископаемые кости могли выдержать перевозку по бездорожью Гобийской пустыни и далее, на расстояние в 1300 км, к железной дороге. Перевозка таких монолитов (весом до 2–3 тонн), завоз в безлюдные и безводные области Гоби большой группы людей, снабжение ее всем необходимым для жизни, завоз больших количеств леса и гипса для упаковки добываемых материалов – все это можно быстро выполнять только мощным автотранспортом*.

Поэтому экспедиция в решении своих задач опиралась на тяжелые грузовые машины, преимущественно прославившиеся своей необычайной прочностью машины ЗИС-5. Они дали возможность осуществить далекие маршруты, весь огромный объем перевозок и оправдали наши расчеты: экспедиция 1948 г. добыла и привезла в Союз около 70 тонн первоклассных научных материалов, т.е. дала результат, о котором не могли и мечтать американцы за все годы их работы в Монгольской Народной Республике. Если бы американцы и нашли такие большие кладбища динозавров, какие были обнаружены нами, то их экспедиция, рассчитанная на летучую "охоту за ископаемыми», попросту не смогла бы поднять и вывезти столь крупные объекты.

* Абзац снят Ю.А. Орловым.

Для обеспечения наших работ было неизбежно создание бензиновых и продовольственных баз за тысячу и более километров от основной базы – столицы Монгольской Народной Республики Улан-Батора.

Эта предварительная работа должна была сильно задержать начало раскопочных и исследовательских работ, отняв значительную долю полевого сезона. Во избежание этого, с одобрения Президиума АН СССР, был принят план двухступенной организации – заезд экспедиции в Монгольскую Народную Республику и все перевозки на основную базу осуществлялись в конце 1947 г. и зимой 1948 г.⁵ Ранней весной 1948 г. были выполнены перевозки на периферические базы. Таким образом, экспедиция была готова к началу работ уже весной 1948 г. и обладала нужным для успеха запасом полевого времени*.

Основной целью экспедиции были раскопки самого крупного местонахождения динозавров – Нэмэгэту, открытого работами 1946 г., а также извлечение скелета рогатого динозавра из местонахождения Баин-Ширэ, в Восточной Гоби, обнаруженного первой экспедицией. Помимо этого, должны были продолжаться поиски новых местонахождений и их изучение в районах дальше к западу от Нэмэгэту, в наиболее труднодоступных и безводных впадинах Заалтайской Гоби, а также в большой котловине Дагшигуин-шубуту, к северу от аймачного⁶ центра Южной Гоби – Далан-Дзадагада.

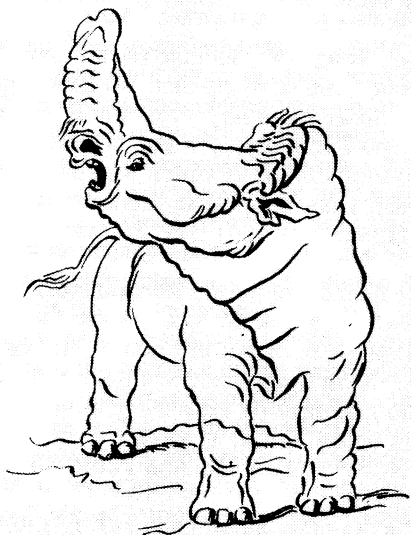
Экспедиция прибыла на территорию МНР в начале декабря 1947 г. Общая численность состава экспедиции в разное время доходила до 35 человек и даже более, считая с рабочими и другим вспомогательным персоналом. Автоколонна экспедиции состояла из пяти трехтонных автомашин и одной легковой ГАЗ-67.

Необычайно суровая зима 1947–48 гг. в Монголии, с морозами, доходившими почти до 60 градусов, с частыми снежными буранами, крайне затруднила все перевозки и обусловила частые повреждения автомашин. Только благодаря отличной работе и героическим усилиям всего коллектива экспедиции план перевозок был выполнен полностью и в срок.

Полевые работы удалось начать так рано, как это только было возможно по общим климатическим условиям, – сразу, как только перевалы в горах к югу от Улан-Батора стали проходимы для автомашин. 18 марта выступил Восточногобийский отряд экспедиции на пяти автомашинах с целью покончить вначале с работами, намеченными в Восточной Гоби, а затем уже сконцентрировать все усилия на юге, в районе Нэмэгэту. Отряд не ограничился только намеченной планом работой – выемкой скелета динозавра на Баин-Ширэ. Пока шли подготовительные работы по вскрытию и раскопке скелета, трудные из-за твердости красных глин, в которых он залегал, часть людей и машин направилась в далекий маршрут на запад, в пограничный район Хатун-Булак сомона⁷. Здесь у края обширной котловины, окруженной кольцом тяжелых песков, сохранился огромный останец третичных отложений – верхнего эоцена и нижнего олигоцена, известный под названием Эргиль-обо. В свое время местонахождение было частично обследовано и разработано американцами; последние, однако, зашифровали его географические координаты и так исказили название в своих отчетах, что мы считали его находящимся во Внутренней Монголии.

Однако, едва мы увидели издалека характерный уступ желто-красных пород, как всем стало ясно, что мы попали на знакомое нам по фотографиям место. Оно было подробно нами исследовано и подверглось раскопкам, давшим очень интересные материалы по древнетретичным млекопитающим эоцена и нижнего олигоцена, т.е. как раз по тем горизонтам жизни, из которых пока полностью отсутствуют материалы в пределах Советского Союза*.

* Абзац снят Ю.А. Орловым.

Шаржированный рисунок бронтоотерия

В числе находок – черепа, челюсти и другие части скелетов титанотериев, носорогов, примитивных хищников, парнокопытных, грызунов, замечательной сохранности панцири огромных сухопутных черепах, остатки мелких и крупных птиц.

Местонахождение Эргиль-обо представляет собою гигантское русло древней реки, врезанное в толщу озерных осадков эоцена, также содержащую кости крупных млекопитающих. Наша расшифровка этого местонахождения весьма отличается [от] предварительной, сделанной в свое время американцами.

Раскопкам на Баин-Ширэ и Эргиль-обо очень мешали песчаные бури, свирепствующие в Гоби весной. Бури и сопутствующие им смерчи рвали палатки, нещадно секли крупным песком работающих, вся одежда, постели, пища, упаковочные материалы, записные книжки – все было переполнено песком. Все эти невзгоды, так

же как и постоянные резкие колебания температуры, подчас очень раздражали, но не останавливали работников. С ночными морозами мы освоились быстро, но не могли привыкнуть к тому, что в течение одного дня почти летнее тепло внезапно сменялось бурей с песком и снегом и с падением температуры значительно ниже нуля.

Как бы то ни было, раскопки неуклонно продолжались. Огромные тяжелые монолиты, на которые пришлось разделить скелет динозавра в Баин-Ширэ, были заделаны в прочные ящики, залиты гипсом и погружены на машины*.

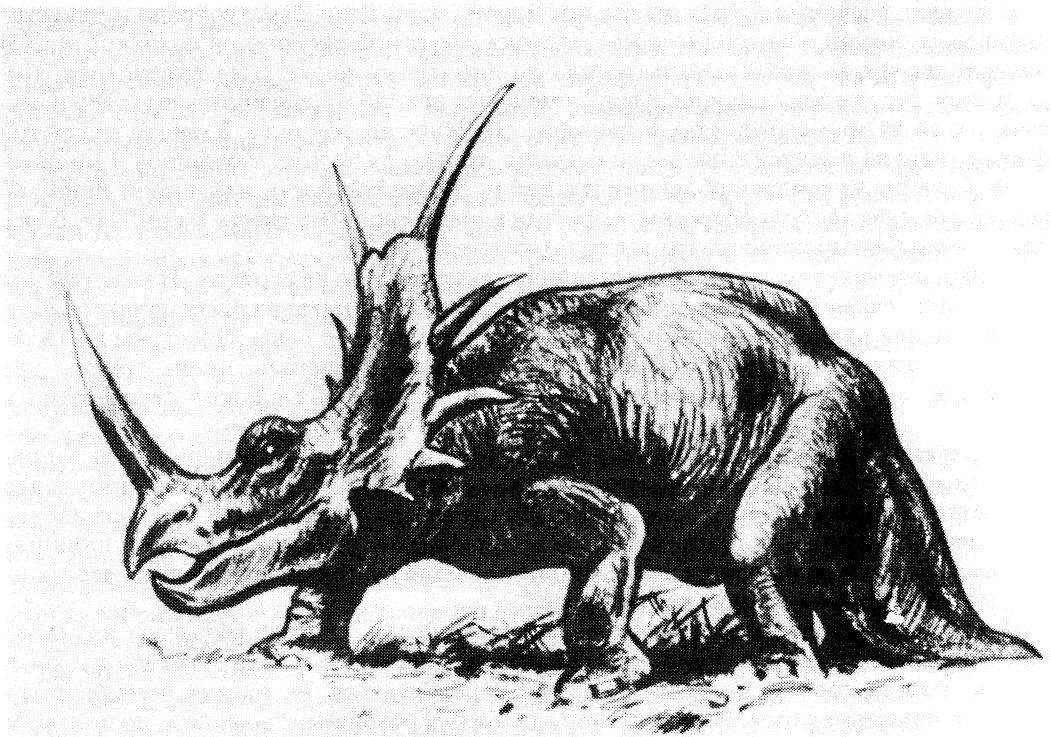
В это время научные сотрудники экспедиции, возвратившиеся с Эргиль-обо, отправились в маршрут на местонахождение Хара-Хутул-Ула, бегло осммотренное экспедицией 1946 г. Это местонахождение имеет выдающийся интерес по весьма полному разрезу верхнего мела, представленному в нем четыремя последовательными горизонтами с костями динозавров и черепах. Особенное значение имеют самые нижние горизонты Хара-Хутул[-Ула], залегающие под базальтовым потоком. На этот раз экспедиции удалось найти в этих подбазальтовых слоях довольно полные остатки гигантских травоядных динозавров – зауропод. В тех же слоях дальше к северу был открыт ископаемый лес мелового возраста с вертикально стоящими в почве пнями больших деревьев типа болотных кипарисов-таксодиев.

В основном лагере экспедиции, на Баин-Ширэ, после выемки большого скелета были найдены еще другие ценные находки – черепах и динозавров, среди которых следует отметить находки стиракозавров – крупных поздних рогатых динозавров с необычайным развитием костных шипов на черепе. Стиракозавры обнаружены в Евразии впервые.

Местонахождение Баин-Ширэ относится к самым верхним горизонтам мела. Наиболее полные остатки встречены в средних горизонтах Баин-Ширэ** – в озерных красных глинах, частично промытых небольшими каналами достигавших сюда отдельных струй дельты. Верхний горизонт, очень богатый костями, был отложен в быстрых потоках почти пролювиального характера, осадки которых заполнили бассейн в самую последнюю фазу мелового осадконакопления.

* Абзац снят Ю.А. Орловым.

** Слово вставлено Ю.А. Орловым.

Стиракозавр. Рис. К.К. Флерова

Очень интересны часто встречающиеся на костях из верхнего горизонта Баин-Ширэ следы зубов хищников, что, может быть, говорит о больших скоплениях трупов динозавров, привлекавших пожирателей падали и, следовательно, о частой гибели животных в конце мелового времени при изменении среды их обитания.

Восточногобийский отряд, закончив свою работу, вернулся в Улан-Батор к середине апреля и доставил на главную базу свыше восьми тонн палеонтологических коллекций.

Один случай на обратном пути экспедиции хорошо иллюстрирует прочность наших машин ЗИС-5. В 400 км от Улан-Батора у одной машины (Тарбаган, все машины имели свои названия) рассыпался подшипник сателлитовой чашки и его осколки сильно повредили все шестерни заднего моста. Однако после извлечения осколков Тарбаган с грузом в три тонны самостоятельно прошел все 400 км через горные перевалы*.

С 20 апреля 1948 г. экспедиция приступила к выполнению главной задачи – постановке раскопок в Нэмэгэту, в южногобийском аймаке МНР. Одновременно с созданием периферической базы в аймачном центре Далан-Дзадагад, в 600 км на юг от Улан-Батора, передовой отряд экспедиции развернул работу на местонахождении Баин-Дзак – единственном в мире местонахождении целых гнезд яиц динозавров, в 100 км к северу от аймака. Здесь нами был сделан ряд ценных находок яиц динозавров, черепов и частей скелетов небольших динозавров – протоцератопсов, а также ряд интересных остатков млекопитающих из самых древних горизонтов третичных отложений – палеоцена Хашиату.

* Абзац снят Ю.А. Орловым.

В древних песчаных буграх, на дне котловины Баин-Дзак, было собрано множество кремневых орудий доисторического человека. Но самой интересной находкой явился полный скелет замечательного, доселе не известного науке рода динозавров. По-видимому, это предок панцирных верхнемеловых анкилозавров, прозванных ящерами-танками за их мощный костный панцирь, облегающий все тело. У вновь открытой формы* еще не имеется сплошного панциря, только ряды костных шипов и мощный хвост с ударным приспособлением на конце. Примитивность найденной формы** вполне совпадает с геологическим возрастом костеносного горизонта Баин-Дзак, более низким, чем большинство других местонахождений.

В начале мая весь состав экспедиции выступил в котловину Нэмэгэту для организации главного лагеря, прокладки дороги и развертывания раскопочных работ, которые были начаты сразу же по прибытии в котловину, с 7 мая. Подступы к району Нэмэгэту, находящемуся в 350 км к ЮЗ от Далан-Дзадагада, очень трудны для автомашин вследствие крутых горных гряд и множества глубоких сухих русел и песков***.

В пределах самой котловины передвижение еще более затруднено из-за заполняющих ее песков. Поэтому одной из главных наших задач была прокладка удовлетворительной трассы для машин. Долго мы не могли найти сколько-нибудь подходящей дороги, и машины надрывались в тяжелых песках и на длинных подъемах. Были предприняты даже дополнительные разведки в различных местах на верблюдах, также не давшие результатов^{4*}.

Наконец, объединенные усилия: смекалки шоферов, частые разъезды научного персонала, бесконечные размышления начальника экспедиции принесли свои плоды, и мы проложили дорогу, по которой могли передвигаться, не рискуя немедленным выходом машин из строя. Впоследствии эта дорога совершенствовалась, но только к концу работ, после прошедших дождей, накаталась как следует. Если раньше мы тратили на путь в 150 км до районной автомобильной дороги чуть ли не два дня при десятичасовой езде, то под конец проезжали это расстояние с тяжелыми грузами в 4–5 часов. Накатанная нами дорога^{5*} будет служить нам в последующие годы работ и вообще останется пригодной для езды на долгие годы. Коллектив экспедиции присвоил этой дороге имя Академии наук, под которым она стала известна и в аймаке.

Значительные трудности были испытаны нами и при организации водоснабжения ввиду отсутствия водоносных горизонтов в меловых толщах, слагающих район местонахождения.

Песчаные бури продолжали свирепствовать весь начальный период работы. Из-за них главный раскопочный лагерь пришлось поставить в защищенном от ветров ущелье, с трудом доступном для автомашин. С наступлением более жарких дней выяснилось изобилие фаланг и скорпионов, с наступлением ночи внушавших немалый страх работникам экспедиции, но благодаря большой осторожности за все месяцы работы никто не был укушен. Самое местонахождение Нэмэгэту, когда мы познакомились с ним лучше, чем в 1946 г., оказалось довольно трудным для раскопок.

Огромный массив красноцветных гобийских песчаников, протянувшийся вдоль всего подножия хребта Нэмэгэту, в своей большей части не содержит ископаемых остатков. Костеносные горизонты сосредоточены в ложе громадного древнего русла, прорезающего массив немых озерных отложений с северо-запада на юго-восток. Общая площадь вскрытых эрозией костеносных отложений этого русла равна тридцати квадратным километрам. Таким образом, хотя запасы костных остатков в Нэмэгэту необычайно велики, но район возможных поисков значительно сужен, что невыгодно в

* Ю.А. Орлов предложил вставить "динозавра".

** Ю.А. Орлов предложил заменить три слова на "архаичность динозавра".

*** Слово вставлено Ю.А. Орловым.

^{4*} Абзац снят Ю.А. Орловым.

^{5*} Часть текста со слов "но только к концу работ..." снята Ю.А. Орловым.

смысле уменьшения шансов находок ценных материалов, лежащих близко к поверхности и извлекаемых с наименьшими затратами труда и времени.

Помимо того, при раскопках выяснилось, что костеносные породы разрыхлены выветриванием только с поверхности, а в глубине отличаются значительной крепостью; это сильно затрудняет разработку площадок, которые должны обладать значительными размерами, хотя бы из-за громадных размеров скелетов.

Нами выяснено теперь, что естественное вскрытие скелетов динозавров в Нэмэгэту и во всех гобийских местонахождениях Монголии путем размывания отложений текучими водами происходит только после катастрофически сильных ливней. Подобные ливни вызывают большие наводнения на пологих склонах* (бэлях)⁸ горных хребтов в Гоби и случаются очень редко, с промежутками в 20–25 лет. В другое время отложения размываются крайне слабо.

Последнее большое наводнение имело место в 1924 г. Тут можно отметить большую удачу американских экспедиций, собравших в 1923 г. (конечно, в других местах) все вымытое предыдущим наводнением 1909 г. и в 1925 г. имевших снова "большой урожай" ископаемых после наводнения 1924 г. Мы, однако, оказались в невыгодном положении, так как многочисленные скелеты, вскрытые в Нэмэгэту наводнением 1924 г., очень сильно разрушились выветриванием и не представляют ценности для нас, стремящихся к получению полных материалов хорошей сохранности. Поэтому нам пришлось брать заключенные в Нэмэгэту палеонтологические сокровища, так сказать, "с бою" и приложить значительные усилия, чтобы избежать непроизводительного вскрытия пустых участков и попасть сразу же на ценные скопления хорошего костного материала. Эти усилия увенчались успехом.

За время раскопок в Нэмэгэту (до августа 1948 г.) был извлечен полный скелет крупного травоядного динозавра – зауролофа, отличающегося высоким черепом с громадным гребнем сверху, и скелет гигантского хищного динозавра из группы тиранозавров до 14 м длины. Кроме того, извлечены черепа других хищных и травоядных динозавров, части скелетов самых крупных травоядных динозавров – зауропод, нового, до сих пор неизвестного типа. Собраны многочисленные остатки мелких хищных динозавров, в том числе два неполных скелета, превосходные экземпляры огромных черепов (полные скелеты), также новых, ранее неизвестных пресмыкающихся, остатки крокодилов и рыб.

Одновременно с раскопками в Нэмэгэту производились исследования двух других больших местонахождений Нэмэгэтинской котловины: Гильбэнтю, расположенного на восточной оконечности полосы меловых отложений вдоль южной подошвы хребта Нэмэгэту, и Алтан-Ула на западном конце той же полосы. Гильбэнтю сравнительно бедно палеонтологическими остатками и не перспективно для раскопок.

Местонахождение Алтан-Ула вначале также казалось малообещающим вследствие рассеянного залегания костей в твердых песчаниках и очень трудного доступа к костеносным слоям через сплошь занесенную барханными песками котловину. Поэтому в первой стадии работ мы перенесли поиски на южную сторону котловины, к подножию хребта Бумбин-нуру, у западной оконечности котловины Нэмэгэту. Здесь было установлено обширнейшее развитие размывов меловых отложений, распространяющихся далеко на запад и юго-запад.

Наши исследования захватили лишь восточный край этой площади, где** было открыто новое местонахождение Цаган-Ула, замечательное наличием скоплений ископаемых черепов. Их полные скелеты самых различных размеров, от чайной чашки до небольшого письменного стола, залегают буквально целым слоем. Мы далеко не истощили этой залежи, но извлеченные оттуда материалы уже представляют собой единственную в мире по полноте и сохранности коллекцию. Помимо

* Два слова вставлены Ю.А. Орловым.

** Часть текста со слов "Гильбэнтю, расположенного..." снята Ю.А. Орловым.

этого, в Цаган-Ула найдены остатки хищных и травоядных динозавров. Среди них – почти полный скелет мелкого хищного динозавра и отличной сохранности отдельные кости гигантских зауропод.

Продолжавшиеся тем временем исследования на другой, северной стороне котловины, за барьером не проходимых для машин песков привели к открытию новых костеносных русел в центральной части мелового массива Алтан-Ула. Для организации раскопок и водоснабжения пришлось прибегнуть к верблюжьему транспорту, подвозившему извлеченные коллекции в доступные для машин точки. Найдены черепа и кости хищных крупных динозавров, черепахи, мелкие динозавры и другие остатки. Материалы с Алтан-Ула обеспечивают постановку второго полного скелета крупного хищного динозавра.

Почти у самой стены хребта, в глубине одного из ущелий среднего массива Алтан-Ула, найдено замечательное скопление, названное нами "Могилой Дракона". Это скопление содержит по меньшей мере три полных скелета травоядных траходонтовых динозавров, сохранившихся с отпечатками кожи, и представляет находку мировой научной ценности. Однако скелеты залегают в огромных плитах песчаника, в месте, недоступном для автомашин, так как низовье ущелья выходит в заполненную песчаными барханами котловину. Взятие этого скопления потребует постройки специальной дороги и составляет одну из задач III Монгольской экспедиции, в текущем году. Также весьма перспективны для будущих работ костеносные меловые отложения в западной оконечности Нэмэгэтинской котловины. Лабиринты ущелий огибают здесь западные концы хребтов Бумбин-нуру и Алтан-Ула и расходятся к югу и северу. Первичное обследование их придется вести на верблюдах, из-за песков. Передвижение песков в глубь котловины Нэмэгэту все продолжается, и с годами она может стать совсем недоступной для автомашин.

Перечень результатов наших раскопок и исследований в котловине Нэмэгэту был бы неполон, если бы не упомянуть открытие длинной гряды красных древнетретичных глин в центре котловины Нэмэгэту. Эти отложения, вероятно, относятся к нижнему эоцену и содержат остатки редчайшей фауны ископаемых млекопитающих. В районе Наран-Булака нам удалось найти челюсти, части черепа и кости конечностей новых диноцератов – древних копытных. В программе будущих работ намечены раскопки этой гряды.

В итоге раскопки в Нэмэгэту дали около 49 тонн первоклассных палеонтологических материалов превосходной сохранности – совершенно новую для Азии фауну крупных динозавров и черепах.

Строение местонахождений всей группы Нэмэгэту весьма своеобразно. Главная роль в накоплении остатков позвоночных принадлежит древним большим руслам, очевидно, впадавшим в крупный озеровидный пресный бассейн. В руслах шло длительное накопление трупов животных, вероятно, сносившихся в бассейн при высоких половодьях.

Главное русло в западной части массива Нэмэгэту отличается поразительным обилием остатков огромных хищных динозавров, столь редких во всех других местонахождениях динозавров в других странах. Крупные хищники, а также большие птицеподобные травоядные динозавры встречаются наиболее часто, притом целыми скелетами, хотя и с костями, частично перемещенными течением. Гигантские растительноядные зауроподы наиболее редки и обычно встречаются, как правило, только* в виде отдельных частей скелета – кусков позвоночника, конечностей и т.д. Такой состав фауны, захороненной в Нэмэгэту, резко отличается от известных местонахождений динозавров и говорит об особых условиях его образования. В других руслах (Алтан-Ула) мы нашли те же соотношения, в то время как в Цаган-Ула встречено необычайное изобилие черепах, сопровождающееся большим количеством

* Три слова сняты Ю.А. Орловым.

зауропод. Все это, по-видимому, указывает на различный характер образования разных русел и дает возможность для обнаружения различных комплексов разновозрастной фауны в одной системе местонахождений Нэмэгэту. Превосходная сохранность материала дала возможность установить даже при полевых наблюдениях ряд болезненных патологических изменений скелета, изучение которых позволит судить о болезнях динозавров.

Ведение раскопок в различных местах крутых обрывов ущелий заставляло нас постоянно решать, как это у нас называлось, "технические проблемы". Главная часть проблем относилась к погрузке тяжелых монолитов со скелетами на автомашины. Разнообразие затруднений не дало бы возможности скучать и самому опытному рационализатору. То ящики весом по одной-две тонны приходилось спускать с отвесных круч высотой по 50 м, то, наоборот, втаскивать такие же тяжести снизу вверх на плато, куда могли подойти машины. При спусках и подъемах монолитов неожиданно нашла себе применение старая морская практика начальника экспедиции проф. Ефремова. Никогда нельзя предугадать, когда может пригодиться приобретенный в жизни опыт, тем более от моря – для пустыни Гоби... Из палеонтологов мы становились то дорожниками, то крановщиками, то фотографами, то столярами или геодезистами (для установления условий захоронения в главном русле Нэмэгэту мы произвели теодолитную съемку этого участка). Наибольшее развлечение доставляли нам палатки, материал которых оказался недостаточно прочным и быстро уступал неистовым гобийским ветрам. К концу работы мы имели по крайней мере шесть различных систем заплат и других усовершенствований. Каждой было присвоено имя ее изобретателя, которое склонялось в разных падежах, едва только палатка именно этой системы уступала очередной буре.

Недостаток упаковочного материала заставил нас пустить в ход набивку слишком дешевых матрацев, приобретенных нашим хозяйственником в Улан-Баторе. Мы убивали сразу двух зайцев: хорошо упаковывали ценные объекты и избавлялись от очень неудобных и тяжелых матрацев. Эта упаковка, по имени хозяйственника, называлась "потрохами Николая Абрамовича". Зачастую по лагерю разносился крик: "Дайте-ка еще Николая Абрамовича", и – вспарывался очередной матрац*. Пожалуй, наибольшие проблемы нам доставила наша электростанция. С большой гордостью мы установили ее и наслаждались электрическим светом в сердце Гоби "впервые от сотворения мира". Огромную радость нам доставляло радио. Трудно передать, как много значит для кучки советских людей, затерявшихся в песках пустыни, в безмерной дали от родины, бой часов Спасской башни, звуки нашего гимна и хотя бы незначительные новости.

К несчастью, двигатель нашей электростанции представлял собою лишь опытный образец и электростанция проработала лишь несколько дней. Семь механиков, во главе с начальником экспедиции, без конца возились с несчастным моторчиком, ухитряясь заменять выходившие из строя части, но в конце концов пришлось сдаться. Радио замолчало, свет потух, и мы вернулись к свечам и газетам двухмесячной давности.

Соответственно установленному плану, одновременно с работами в системе Нэмэгэту 20 июня был начат большой разведочный маршрут на двух автомашинах для поисков местонахождений в совершенно неисследованном районе к западу от Нэмэгэту, вдоль южной границы МНР.

Главной целью было исследование очень глубокой впадины Заалтайской Гоби с абсолютными высотами в 700–900 м и котловин вдоль южной стороны Монгольского Алтая, где были все основания предполагать развитие аналогичных гобийских свит мезозоя и кайнозоя.

Экспедиция прошла от Нэмэгэту на юг до широты Оботу-Хурала, отсюда на запад,

* Предложение снято Ю.А. Орловым.

параллельно границе, обогнула горный массив Сыксык-Цаган-Богдо с юга и продолжала путь на запад почти до массива Чингиз-Богдо, не доходя до которого, повернула на север в район Цзामीн-Билгиху-Булака. Отсюда было выполнено меридиональное пересечение впадины Заалтайской Гоби в наименее изученном районе Нарин-Хуху-Гоби, перевалила через хребет Эдеренгийн-нуру и проникла в огромную котловину между последним хребтом и южной цепью Монгольского Алтая. По этой котловине экспедиция проследовала на запад до массива Хатун-Хаирхан, пытаясь пробиться до восточной оконечности хребта Ачжи-Богдо. Однако тяжелое бездорожье, поломки машин и нехватка бензина заставили экспедицию повернуть назад и по той же котловине, в ее восточном конце, перевалить перемычку между Монгольским и Гобийским Алтаем. Отсюда мы прошли по старинной Легин-Гольской караванной тропе к южному подножию массива Ихэ-Богдо и после его обследования повернули на юг к горам Ихэ-Баян-Ула. Перевалив эти горы, экспедиция пересекла большую Занэмэгэтинскую котловину и сомкнула свой маршрут с маршрутом в Ширэгин-Гашун 1946 г. Перевалив хребет Нэмэгэту, экспедиция прибыла в главный лагерь 5 июля, пройдя за две недели 1520 км маршрута в основном в условиях тяжелого бездорожья, по безлюдной, безводной и жаркой местности, без проводников. В этом маршруте, как и во всей своей деятельности, экспедиция многим обязана самоотверженной, подчас прямо-таки героической работе и искусству своих шоферов.

С палеонтологической точки зрения, маршрут не принес открытия выдающихся местонахождений. Посещенные области в основном сложены метаморфизованными палеозойскими отложениями. Пресловутая глубокая впадина Заалтайской Гоби представляет собою эрозионную котловину с обнаженным в самом дне ее палеозойским комплексом. То же самое можно сказать про менее глубокую, но столь же громадную по размерам котловину вдоль подножия Монгольского Алтая*.

Интересно открытие небольшого массива костеносных нижнемеловых отложений у южного склона гор Хуху-усуни-нуру, содержащих только отдельные редкие кости динозавров, а также открытие гигантского разреза нижнего мела Кельтаг-Ноор между восточной оконечностью Монгольского Алтая и массивом Ихэ-Богдо, перспективного для поисков остатков ископаемых животных, однако не обещающего крупных скоплений, так как в разрезе преобладают тонкослоистые мергели.

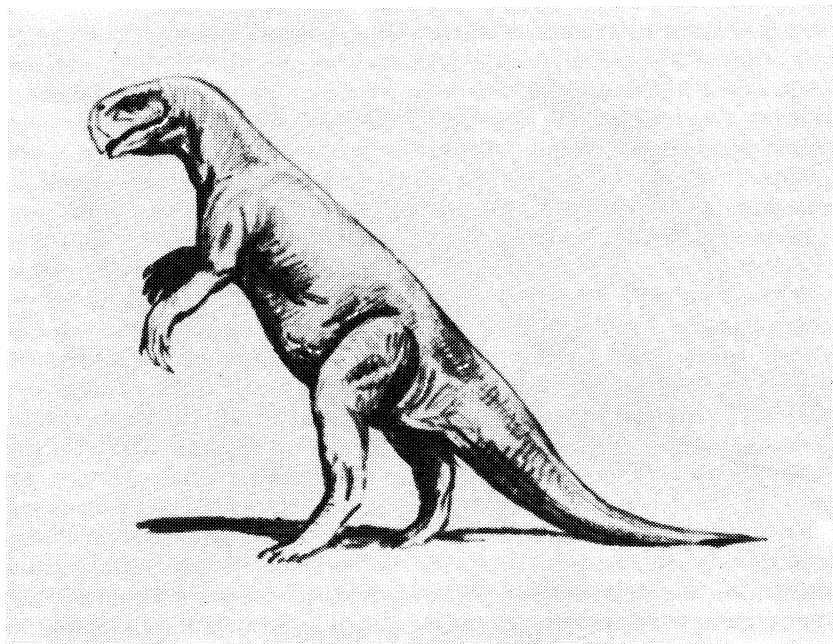
Значительный интерес для ближайших поисков местонахождений представляет большой массив нижнетретичных отложений (эоцен), обнаруженный нами в Занэмэгэтинской котловине, с южной стороны гор Ихэ-Баян-Ула. Экспедиция не имела времени для его подробного исследования, но установила признаки возможного нахождения богатых костеносных фаций. Отдельные массивы нижнего мела с южной стороны Ихэ-Богдо не содержат заметных скоплений ископаемых костей.

Таким образом, в результате западного маршрута 1948 г. выяснилась весьма малая палеонтологическая перспективность районов к западу от Нэмэгэту, с южной стороны Монгольского Алтая (не считая, конечно, смежного района Бумбин-нуру до Чонойн-Бома или, может быть, до Эхин-Гола). Дальнейшие поиски при последующих работах на западе должны быть ориентированы не на юг, а на северо-запад, по северную сторону Монгольского Алтая**.

К началу августа экспедиция покинула котловину Нэмэгэту, закончив раскопки и перебросив все добытые коллекции на Далан-Дзадагадскую базу. Переброска сорока с лишним тонн коллекций на расстояние в 1000 км к железной дороге представляла собою продолжительную работу для всей автоколонны экспедиции. Однако еще оставался необследованным район котловины Дагшигуин-шубуту, стоявший в программе 1948 г. Кроме того, представлялось целесообразным произвести исследование района Орок-нурских местонахождений, расположенного в обширной равнине

* Три абзаца сняты Ю.А. Орловым.

** Абзац снят Ю.А. Орловым.

Пситтакозавр. Рис. К.К. Флерова

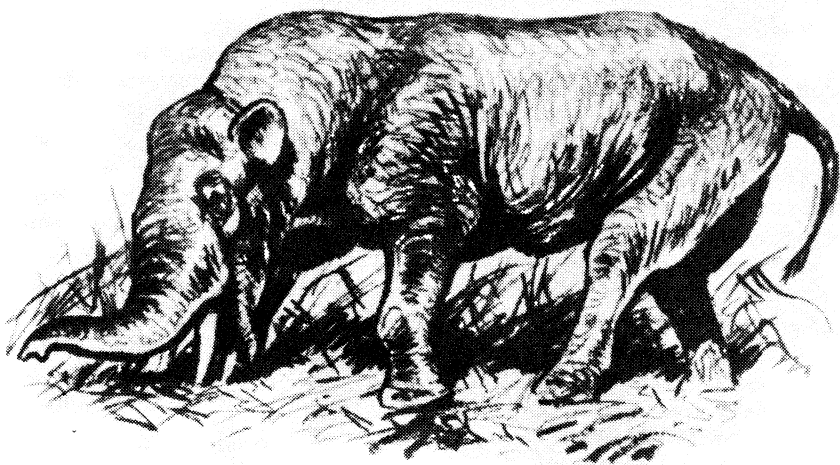
между южными отрогами Хангая и северной цепью Гобийского Алтая (массивами Ихэ-, Бага- и Арца-Богдо).

Эти местонахождения были открыты и разрабатывались американскими экспедициями. Ознакомление с ними давало материал для сравнения наших открытий с наиболее богатым районом американцев, а также открывало нам "оперативный простор" для более далекого продвижения на северо-запад в следующий год работ. Поэтому мы решили покончить с изучением этого района в 1948 г.

На вывозку нэмэгэтинских коллекций были оставлены только две машины, одновременно в котловину Дагшигуин-шубуту выступил Барун-Баинский отряд на одной машине, остальные вошли в состав большого Орок-нурского отряда. Барун-Баинский отряд обследовал обширные бедленды меловых отложений, окаймляющие две смежные котловины – Дагшигуин-шубуту и Барун-Баин, установив развитие костеносных пород во всем указанном районе. Также обнаружены дислоцированные и частично метаморфизованные нижнемеловые породы, содержащие богатую фауну ископаемых рыб. Верхнемеловые отложения принадлежат к своеобразным болотным фациям, однако содержат материалы плохой сохранности, большей частью разрозненные или окатанные. Поэтому район следует признать неперспективным для постановки больших раскопок. Некоторое количество интересного материала район в целом может дать при тщательных маршрутных сборах.

Окончив обследование Барун-Баина, отряд направился на Орок-нур и по пути исследовал гигантскую котловину Оши-нuru с костеносными нижнемеловыми породами, открытую американцами в 1922 г. Несмотря на глубокое вскрытие костеносных отложений и предпринятое нами довольно подробное обследование, удалось найти лишь отдельные разрозненные остатки нижнемеловых мелких динозавров – пситтакозавров*. Местонахождение Оши-нuru весьма интересно в геологическом отношении, но не может быть признано перспективным для раскопок и нахождения значительного количества костей.

* Часть текста со слов "Несмотря на..." снята Ю.А. Орловым.

Мастодонт. Рис. К.К. Флерова

От Оши-нуру отряд прошел по автомобильным следам Орок-нурского отряда вдоль подножия Бага-Богдо и соединился с последним в лагере Анда-худук.

Орок-нурский отряд обследовал третичные местонахождения Лу, Хзанда-Гол, Хольбольчжин-нур и нижнемеловое Анда-худук.

В нижнемиоценовых отложениях Лу было собрано некоторое количество костей крупных млекопитающих, в том числе остатки мастодонта. Нижнеолигоценовые слои Хзанда-Гола также дали несколько находок, в районе Хольбольчжин-нура мы не нашли костеносных горизонтов.

В пределах долины сухого русла Татал-Гол, в месте, американцами не разрабатывавшемся, экспедиция обнаружила огромное количество костей мелких млекопитающих. Здесь собрано свыше пятисот нижних челюстей, черепа и много костей конечностей, преимущественно грызунов, а также мелких парнокопытных, насекомых и хищников середины олигоцена. По предварительному просмотру материала в нем обнаружены какие-то новые, ранее неизвестные формы. В этом же горизонте были найдены две лапы гигантского носорога — белуджитерия, захороненные в вертикальном положении в песках*. Нижнемеловое местонахождение Анда-худук содержит только очень редкие разрозненные кости динозавров типа игуанодонов. Специальная раскопка, заложенная на рыбных сланцах, доставила большое количество превосходных экземпляров меловых пресноводных рыб и несколько отпечатков интересных насекомых.

В итоге все обследованные нами американские местонахождения Орок-нура не могут идти ни в какое сравнение с найденными и разрабатывавшимися нашей экспедицией не только в Южной Гоби, но и в Восточной. Наши местонахождения содержат гораздо большие массы палеонтологического материала, более полного и лучшей сохранности. Орок-нурский район, в свете наших достижений в других местах, следует признать неперспективным для раскопок. Исключение составят Татал-Гол, где следует производить периодически сборы мелкого костного материала, вымываемого каждым дождем, а также специальные поиски насекомых в рыбных сланцах Анда-худука.

* Ю.А. Орлов исправил на слово "глине".

Малая перспективность Орок-нурских местонахождений заставила приостановить работы на них к 18 августа. Оставшийся до окончания полевого сезона запас времени был мал для того, чтобы начать осваивать новый район; кроме того, машины, уже и так требовавшие продолжительного ремонта, необходимо было перебросить на обеспечение вывозки коллекций с Даланской базы. Поэтому научный состав экспедиции с частью рабочих на двух машинах решено было снова перебросить на западную окраину Восточной Гоби к местонахождению Эргиль-обо, чтобы закончить исследование западной окраины огромного обрыва. Отряд прошел напрямик без дорог от центра Убур-Хангайского аймака на восток, в район Холод-сомона, отсюда на Улугей-хид и с очень большими затруднениями преодолел кольцо песков, окружающее котловину Эргиль-обо. Раскопки здесь продолжались до 8 сентября и дали еще свыше тонны новых материалов. Затем отряд прекратил работы и направился к восточногобийскому аймаку, Сайн-Шанде, где в районе Чойлингин-хида экспедиция извлекла огромный ствол окаменелого дерева из меловых отложений, развитых в этом районе. К середине сентября полевые работы были закончены, и отряд вернулся в Улан-Батор. К этому же сроку закончилась вывозка коллекций с Даланской базы.

Работы последнего периода осложнились сильными дождями с наводнениями, прошедшими по всей Монголии. Вместо песчаных бурь, смерчей, рыхлых песков и жары первого периода полевых работ нашим машинам пришлось бороться с бурными потоками и засасывающими глинами затопленных котловин, превратившихся в озера.

Остаток сентября и первая половина октября были посвящены перевозке наших огромных коллекций к железной дороге и ликвидационным мероприятиям. К концу октября весь состав экспедиции покинул Монгольскую Народную Республику и вернулся в Москву, после одиннадцатимесячного пребывания на территории МНР.

Подведем кратко итоги нашей работы⁹.

Экспедиция извлекла в удаленных местах Гоби около 70 тонн первоклассных палеонтологических материалов, по большей части фауны, ранее неизвестной в Центральной Азии. Среди них – шесть полных скелетов различных динозавров, яйца динозавров, замечательная коллекция ископаемых черепах, редкие древнетретичные млекопитающие, неизвестные в СССР, крокодилы, рыбы, насекомые, стволы окаменелых деревьев, геологические коллекции и попутно археологические. Сделано множество фотоснимков. Добытых материалов достаточно для основания целого большого отдела музея, посвященного истории наземной жизни Азиатского материка в мезозое и кайнозое.

За остающиеся два года работы экспедиции эти материалы будут еще значительно дополнены.

Материалы экспедиции 1948 г. находятся в препаровке, после чего будут обработаны научно. Первые статьи, посвященные новым находкам, планируются нами уже в конце 1950 г., одновременно с окончанием экспедиции. Параллельно обработке будет проводиться установка центральноазиатских находок в Палеонтологическом музее.

Сборы экспедиции происходят из разновозрастных горизонтов мела и кайнозоя, что дает возможность проследить постепенные изменения и общее формирование фауны. Изучение местонахождений с освещением условий их образования дает материал для анализа условий существования фауны и появления новых форм во взаимодействии со средой обитания, впервые для фауны динозавров.

Разные фаунистические комплексы, обнаруженные нашей экспедицией, послужат для прочного обоснования стратиграфии мезозойских и кайнозойских гобийских толщ, что важно не только для территории МНР, но и смежных областей Сибири и Средней Азии, где эти толщи содержат промышленные каустобиолиты. Изучение условий образования местонахождений послужит для обоснования палеогеографии.

В качестве примера можно указать, что работы нашей экспедиции существенно изменили первоначальные представления о палеогеографии древней монгольской суши

в конце кайнозоя. Мы пришли к представлению об обширных низменностях, покрытых лесами и болотами, пересеченных реками и усеянных озерами, вместо древней пустыни.

Не менее важно получение полных материалов по меловым динозаврам. Остатки этих животных встречаются в изобилии в отложениях нашей Средней Азии и могли бы служить руководящими окаменелостями для немых континентальных толщ, но, к сожалению, у нас известны только в виде разрозненных обломков. Сравнительного полного материала по динозаврам в Советском Союзе не было, и мы должны были обращаться к неполным описаниям американских палеонтологов. В результате работ экспедиции у нас будут свои скелеты динозавров, которые послужат эталонами для определения отрывочных остатков динозавров Средней Азии, в силу этого приобретающих значение руководящих окаменелостей.

Древнетретичные млекопитающие, добытые экспедицией, также заполняют пробел в геологической летописи территории Советского Союза, и мы будем иметь свои материалы для разработки очень важного этапа эволюции млекопитающих – эпохи самого начала третичного времени, когда шло возникновение всех основных групп этого класса животных.

План работы 1948 г. удалось выполнить с превышением и при известной экономии отпущенных средств. Длина рабочих маршрутов экспедиции достигла 14000 км, а средний пробег каждой автомашины – 25000 км.

Большая удаленность мест производства работ от населенных мест и крупных центров, от воды и леса составляет основные трудности нашей работы. Если добавить к этому, что экспедиция работала в основном на высотах около 1700 м, в холодные весенние песчаные бури и страшную жару летом, то станет очевидным, что успех экспедиции явился результатом дружной работы коллектива советских людей, способных преодолеть любые затруднения.

Чтобы оправдать высокое доверие, оказанное нам ответственным поручением, наши люди, не щадя себя, работали в любых условиях, ворожали огромные тяжести, показывали чудеса русской смекалки. Машины пробивались через тяжелые пески и пухлые глины, карабкались извилистыми путями по гребням горных хребтов, пробирались по равнинам, заваленным огромными камнями*.

В истекшем году мы начали передвигаться в Гоби уже без проводников, набрав достаточный опыт в условиях передвижения по гобийскому бездорожью. Теперь мы можем достигнуть любого места в Гоби, не пользуясь помощью местных жителей, так как** сами сделались гобийскими проводниками, научились находить тропы и воду. Экспедиция за все время работы*** пользовалась неизменной поддержкой монгольских правительственных учреждений и местного населения. Материалы, передаваемые экспедицией, ежегодно пополняют организованный нами палеонтологический отдел Монгольского государственного музея. В предстоящие нам два года работы экспедиция задается целью не только удержаться на достигнутом уровне, но и^{4*} добиться еще больших успехов, чтобы общая сумма результатов ее работ сделалась действительно крупной победой советской науки, продолжающей на новом уровне великолепные^{5*} традиции русских исследователей Центральной Азии и крупнейших русских палеонтологов. Нас вдохновляет на выполнение этой почетной задачи повседневная помощь руководства Академии наук СССР, доверие, оказанное правительством и лично великим вождем советского народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1947. Д. 417. Л. 205–228. Машинопись с правкой.

* Абзац снят Ю.А. Орловым.

** Часть текста со слов "Теперь мы..." снята Ю.А. Орловым.

*** Слова "за все время работы" сняты Ю.А. Орловым.

^{4*} Часть текста со слов "не только удержаться..." снята Ю.А. Орловым.

^{5*} Ю.А. Орлов заменил слово на "лучшие".

ОТЗЫВ НА КНИГУ АКАДЕМИКА В.А. ОБРУЧЕВА "ЗАПИСКИ КЛАДОИСКАТЕЛЯ В ДЕБРЯХ АЗИИ"¹

*Не ранее 3 ноября 1950 г.**

Знаток Центральной Азии, выдающийся путешественник и геолог, академик В.А. Обручев написал новую книгу для молодежи, в добавление к получившим широкую известность и признание "Плутонии" и "Земле Санникова"². Автор задумал ознакомить читателей с природой и географией наименее известных областей Центральной Азии, дав строго научное и совершенно точное описание этих мест, виденных когда-то самим В.А. Обручевым в своих путешествиях. Это описание, недоступное для широкого читателя по малой занимательности, автор облек в форму приключенческого рассказа о кладях и их поисках. Кто из нас не мечтал в детстве о кладах. Редко кто не занимался поисками кладов в той или иной форме. Облечение географического материала в такую интересную для молодежи форму, несомненно, представляет собою большое достижение автора.

В книге заключено огромное количество познавательного материала по физической географии, климатологии, геологии и археологии, изложенного в очень доступной форме и "ввязанного" в общую канву повествования. Поэтому усвоение этого материала легко и интересно.

Все сказанное свидетельствует, что в книге В.А. Обручева мы находим нужную интересную и популярную географическую повесть, издание которой принесет большую пользу советскому читателю, а особенно советской молодежи.

Если прибавить к этому, что на фоне современных политических событий для советских людей становится очень важным знание Центральной [Азии], знание всестороннее и глубокое, то скорейшее издание этой книги – нужное дело. Однако книга, в ее рукописном виде, не лишена некоторых недостатков, устранение которых повысит, с одной стороны, познавательную ценность, с другой стороны, придаст книге несколько более современное звучание. Недостатки, кажущиеся мне наиболее существенными, относятся к личности главного героя – самого кладоискателя Кукушкина. Кто бы ни фигурировал в этом образе – сам ли автор или какой-то действительно существовавший кладоискатель, хотелось бы видеть в нем больше патристических черт^{**}. Всего несколькими дополнительными штрихами можно показать превращение человека, пускавшего в авантюры с целью наживы, в подлинного исследователя для родины. Автор повел своего героя по этому пути, но не показал его выразительно. Можно было бы отчетливее показать влияние на Кукушкина высокой оценки его трудов учеными, какое-нибудь письмо из Академии, из которой герой увидел и понял истинную ценность своей жизни и т.п.^{***}

Несколько больше подчеркнуть связь героя с простыми людьми в посещенных им местах и помощь (дружескую) в преодолении затруднений, зависящих^{4*} от правящих кругов. Элементы всего этого есть в книге, однако сделаны они как-то мутно, без яркости и приятного впечатления.

Совсем уже нехорошо – это постоянные отступления для объяснения виденных Кукушкиным явлений: "Как сказал мне потом консул", "Как я узнал у консула", "Из книжки консула", "Потом я прочитал в книге" ... и т.д.

* Датируется на основании издательского письма И.А. Ефремову с просьбой дать отзыв и написать вступительную статью к книге.

** На полях отзыва помета В.А. Обручева: "Не нужно, Фома, сын ссыльного, слышал от отца неблагоприятные отзывы о царской власти".

*** Помета В.А. Обручева: "Можно после Хара-хото".

4* Выделено В.А. Обручевым с пометой: "Нет".

Автор – крупный ученый и старается себя "вправить в рамку" малограмотного наблюдателя, но постоянно забывает об этом, особенно в конце книги*.

Там уже наблюдения Кукушкина сделали бы честь Пржевальскому или Потанину. Стоит ли это делать? Если стоит, то тогда нужно изложить виденное мыслями малограмотного**, но так, чтобы в нем была вся глубина и весь объем мысли ученого исследователя. Это чрезвычайно трудно*** и потребует очень большой работы. Можно очертить в простых понятиях суть виденного, а потом сделать сноски, в которых от автора будет все объяснено, как это и сделано в некоторых местах. Там, где ссылки на консула, хотя он и показан необычайно образованным, владеющим массой литературы человеком, [что] откровенно говоря, совсем нежизненно: ведь консул-то чугучакский, т.е. из забытой богомдыры***, вышли бы совсем уж невероятными. Или же еще проще: сделать Кукушкина самоучкой-интеллигентом4*, ну хотя бы сыном политического ссыльного, который постарался дать сыну знания даже в захолустье, кое-как добывал, получал от друзей, что ли, книги по географии, истории, геологии. А вся остальная часть биографии Кукушкина может остаться в неприкосновенности – самоучка без всяких дипломов только и мог в захолустье выбиваться в люди по торговой части.

Тогда все затруднения отпадут и автору придется вмешиваться только в тех случаях, когда надо дать современное освещение представлениям девятнадцатого века. А образованность консула вовсе не будет столь необходима.

Немного больше нужно подчеркнуть экономические и религиозные особенности того времени и тех мест: громадное количество монастырей и монахов, малое число работников и редкость населения вообще5*.

Нужно решительно оттенить, что неприязнь к китайцам, проглядывающая у героя на каждом шагу***, относится к богдоханским чиновникам и грабителям купцам, точно так же, как и антагонизм между китайцами и монголами.

При чтении книги в ряде мест создается впечатление, что китайцы в ообщеплохой*** народ, и это должно быть устранено путем простой редакции.

Из всех глав книги самой слабой является девятая: там, где говорится о Тибете, т.е. об одном из самых интересных в настоящее время мест. Сразу видно, что автор не был сам в этих местах и не создал яркого описания по источникам. Хотелось бы эту главу видеть расширенной, с более подробным описанием Тибета6*. Приключений же по вызволению сына можно добавить сколько угодно. Также лишь в качестве пожеланий можно высказать мнение о необходимости еще одной главы, повествующей о Каме, о многообразии и географической сложности этой страны. Кам так мало известен советскому широкому читателю, что популярное его описание крайне необходимо. Было бы хорошо довести повествование до границ Индии, усилить приключения с встречами, с английскими империалистическими агентами и т.п.

Все перечисленные добавления сделали бы географическую познавательность книги почти всеобъемлющей для Центральной Азии, и книга знакомила бы читателя сразу со всей многогранностью этого горного и пустынного центра Азиатского материка. Вместе с тем последние замечания следует рассматривать не как замечания рецензента, а как пожелания "разаппетитившегося" читателя.

В заключение следует добавить, что в некоторых местах книги описательная нагрузка слишком велика и ее следует уменьшить при редактировании. Таково, например,

* Последние два абзаца выделены В.А. Обручевым с пометой: "Проверить".

** Выделено В.А. Обручевым с пометой: "Не мало".

*** Выделено В.А. Обручевым.

4* Помета В.А. Обручева: "Сделано".

5* Абзац выделен В.А. Обручевым с пометой: "Есть".

6* Выделено В.А. Обручевым с пометой: "Это материал для другого романа".

описание пути в Кульджу или "заколдованного города", где вообще все повествование слишком растянуто и не оправдано унылой развязкой*, не говоря уже о том, что при такой длительности** поисков недогадливость Кукушкина и Лобсына становится смехотворной.

Чересчур подробно дано путешествие с немцами, их довольно жалкие фигуры не стоят подробных описаний их еды. Тяжело воспринимается ломаный язык профессора — его слишком много**.

Не останавливаясь более на недостатках книги, скажу в заключение, что издание "Кладоискателей в дебрях Азии" следует всячески приветствовать, так как наша молодежь получит хорошую и интересную географическую книгу.

И. Ефремов

АРАН. Ф. 642. Оп. 2. Д. 174. Л. 1–5. Машинопись.

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВСЕСОЮЗНОМ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ НА ТЕМУ "ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ПАЛЕОНТОЛОГИИ ПОЗВОНОЧНЫХ"¹

27 января 1954 г.

На настоящем совещании целесообразно подвести итоги и наметить перспективы работы по палеонтологии позвоночных. Пожалуй, ни в какой другой отрасли этот рост не был так нагляден, несмотря на то, что количество "позвоночников" по отношению к специалистам по беспозвоночным крайне невелико и составляет 1 : 50.

Палеонтология позвоночных обладает богатейшими материалами, уже обработанными до такой степени, чтобы дать представление о смене многочисленных фаунистических комплексов на протяжении значительных промежутков геологического времени. На этой базе удалось построить стратиграфические схемы для континентальных отложений верхнего палеозоя, мезозоя и кайнозоя, принесшие существенную пользу стратиграфии и палеогеографии. Эти схемы еще далеко не совершенны и требуют уточнения и доработки.

Исследования по детализации, расширению и уточнению стратиграфических схем для континентальных отложений, целиком возникшие и развившиеся за советский период, стоят на правильном пути и требуют только расширения раскопочных работ во всем их комплексе. Мы знаем, где искать, что искать, и знаем также, с какими фаунистическими комплексами связаны те или иные фации континентальных отложений. Известно, какие ступени эволюционного развития должны быть восполнены нашими поисками и раскопками, какие из них более важны для разрешения стратиграфических вопросов, какие менее.

На этом фоне общей продвинутой изученности фауистики позвоночных и ясности задач раскопочных работ особенно бросается в глаза неблагоприятное положение с раскопками в Палеонтологическом институте, главном, практически единственном центре палеонтологии позвоночных. Если взять для сравнения довоенные годы и годы 1950–1953, то окажется, что Палеонтологический институт в настоящее время расходует на раскопочные работы по позвоночным в сопоставимых ценах от 1/7 до 1/4 довоенных ассигнований. Из этих сумм почти все расходуется на раскопки пресмыкающихся, в то время как раскопочные работы по млекопитающим почти полностью

* Выделено В.А. Обручевым с пометой: "Неверно".

** Выделено В.А. Обручевым.

прекращены. Объемы ассигнований на северодвинские раскопки Амалицкого, давшие столь блестящие результаты, и ассигнования на раскопки позвоночных за время существования Палеонтологического института в сопоставимых ценах приблизительно равны.

Совершенно очевидно, что положение с раскопками позвоночных неблагоприятно. Серьезные достижения оказались возможными только благодаря плановости ассигнований и строгому научному планированию, очень далекому от пресловутого "кладоискательства", как это пытаются представить некоторые, мало осведомленные в нашей работе люди.

Трудоемкость работ по позвоночным, требующих квалифицированных сотрудников не только для находки и извлечения материалов, но и для их препаровки, обуславливает продолжительность научной обработки. Отсутствие нарастания темпов и объема раскопочных работ, отсутствие достаточной технической оснащенности – все это шло вразрез с необходимостью обеспечения геологической практики качественными стратиграфическими данными. Серьезная помощь практике со стороны палеонтологии позвоночных требует серьезного же развертывания работ, и нужно сказать прямо, что Академия наук в последние годы с этим не справилась.

Непосредственная применимость данных палеонтологии позвоночных в геологических исследованиях существенно зависит от тафономической обработки этих данных. Позвоночные захороняются не в условиях своего обитания, и поэтому необходимо выяснение процессов захоронения. Следовательно, развитие раскопочных работ, сопровождающихся тафономическими исследованиями, это не только элементарное накопление новых фактов, но и основное условие помощи геологической практике.

Помимо определения уровней эволюционного развития позвоночных и условий их существования, основным содержанием палеонтологии является выяснение и разрешение сложных биологических проблем, неразрывно связанных со всеми отраслями биологии.

Восстановление конкретного процесса исторического развития животных и неразрывной связи с условиями существования, выяснение причин и направлений образования, вымирания и смены форм, построение филогенезов и обоснование систематики имеют первостепенное значение для биологии. В этом отношении позвоночные животные, высшие представители органического мира, наиболее важны. Недостаточно знать только строение организмов, их морфологию. Исследование строения организмов не может быть оторвано от изучения их условий существования.

Позвоночные в своем строении отражают черты самых различных приспособлений к условиям существования. Из всех остальных животных остатки позвоночных в палеонтологии дают ученому наибольшее количество особенностей строения каждого отдельного организма и каждого вида, следовательно, наибольшее число связей с условиями существования, следовательно, больше всего данных для суждения об этих условиях существования. Позвоночные животные дают возможность проследивать в деталях ход исторического развития жизни. С другой стороны, для геологии строение позвоночных позволяет лучше всего судить о физико-географической среде, восстанавливать географию, климатологию и экологию прошлого.

Чтобы понимать причинную связь строения организма с его образом жизни, нужно чрезвычайно досконально изучить и образ жизни и физиологическую анатомию, или, иными словами, функциональную морфологию, хотя бы у близких форм. Поэтому палеонтолог должен в мельчайших подробностях знать современных животных и среди них таких, которые были бы близки по строению к вымершим или отличались бы аналогичными приспособлениями к условиям жизни. Такие животные по большей части принадлежат к редким, вымирающим в настоящее время группам, живущим в тропических или субтропических странах. Таковы, например, крокодилы, гигантские черепахи, большие ящерицы, страусы, казуары, тапиры, носороги, бегемоты, слоны

трагулиды, наконец, "живые ископаемые": сумчатые Австралии и Америки – утконос и ехидна, особенные кунцеобразные древние хищники Тибета, Южного Китая, Центральной Африки, Центральной Америки и другие "архаические остатки" прошлого животного мира.

К сожалению, все перечисленные животные очень слабо изучены, особенно с точки зрения палеонтологии, которой для того, чтобы перебросить мост к своему материалу, твердым скелетным образованиям организмов, совершенно необходимо проследить функциональную связь строения с образом жизни, вплоть до скелета животного, и установить, как те или иные условия существования отражаются на скелете.

По всему сказанному, палеонтолог-позвоночник не может обойтись без функционально-морфологических исследований. Как раз эти исследования развиваются чрезвычайно слабо. Для позвоночных животных и в особенности для наиболее важных объектов, перечисленных выше, функционально-морфологические исследования почти совершенно отсутствуют. Сравнительная анатомия, тем более функциональная сравнительная анатомия, без которой выяснение взаимосвязи организма с условиями существования невозможно, почти исчезла в нашей стране. Исчезла не только из проблематики научных институтов, но и из вузовских программ и учебников. Единственным "пособием" по сравнительной анатомии является устарелый курс академика Шмальгаузена². Институт морфологии животных Академии наук СССР, казалось бы призванный развивать сравнительную анатомию и функциональную морфологию, отклонился в иные области биологии и не имеет ни одной лаборатории, работающей в этом профиле. Зоологические институты и музеи как Академии наук, так и крупнейших университетов тоже не работают в этом направлении. Мало того, необходимые для сравнительно-анатомических исследований материалы по мировой фауне позвоночных перестали поступать в коллекции указанных институтов и музеев. Последние систематические сборы позвоночных тропической фауны из других удаленных зоогеографических провинций датированы в Зоологическом институте Академии наук 1912 годом, а в других музеях и еще более древними датами. Это печальное явление отнюдь не случайно и стоит в прямой связи с общим упадком сравнительно-анатомических исследований в нашей стране.

В нашей стране, развивающей материалистическую биологию, необходимо всемерное поощрение функциональной сравнительной анатомии. Надо восстановить или организовать заново лаборатории и институты сравнительно-анатомического направления, дать молодежи основательные знания и хорошие учебники сравнительной анатомии.

В непосредственной связи с развитием в биологии функционально-морфологического и сравнительно-анатомического направлений стоят качество и скорость исследований палеонтологии позвоночных. Биология берет для своих закономерностей палеонтологические данные, главным образом морфологические, черпая из палеонтологии прежде всего картины исторического развития морфологических структур. Однако отставание в настоящее время анатомической основы в биологии затрудняет интерпретацию и использование палеонтологических данных; это же самое обстоятельство не дает возможности широкого использования функционально-морфологического метода и в палеонтологии. Нашим палеонтологам приходится для обеспечения нужного качества исследований самим вести работу по функциональной анатомии современных форм. В этом слабое место палеонтологии позвоночных, порождающее и медленность выполнения крупных работ, и задержку теоретических крупных обобщений.

Функционально-морфологические исследования В.О. Ковалевского в 70-х годах прошлого столетия были вспышкой гениальной мысли, осветившей дорогу вперед поколениям ученых. В настоящее время почти все работы по палеонтологии позвоночных стремятся приблизиться к уровню работ Ковалевского и почти весь палеонтологический материал обрабатывается его методами. Этот функционально-

морфологический подход к материалу уже принес свои результаты. Мы позволим себе иллюстрировать сказанное несколькими примерами.

В изучении исторического развития земноводных удалось объяснить казавшееся загадочным постепенное уплощение и вторичное охрящевание черепа почти во всех эволюционных рядах ископаемых земноводных стегоцефалов. Эта особенность эволюции земноводных всегда служила для ученых с идеалистическим направлением примером независимого от условий существования ортогенетического развития, подчиняющегося внутренним тенденциям. На деле оказалось, что уплощение и охрящевание черепа явились неизбежным результатом приспособления к пассивно-хищническому образу жизни. Общность приспособления в эпоху верхнего триаса была вызвана для большинства тогдашних земноводных совокупностью условий внешней среды, а также появлением водных рептилий. Последние заняли крокодиловую экологическую нишу и вытеснили оттуда земноводных, мало приспособленных к роли активных хищников из-за низкой физиологической организации. Загадка "направленного" развития стегоцефалов разрешилась просто.

Интересны данные, полученные при функционально-морфологическом исследовании древнейших ископаемых рептилий. Пресмыкающийся тип движения оказался не архаическим пережитком, унаследованным от плавающих предков – рыб, а специальным приспособлением для передвижения в топкой местности. Исходя из характера движения, удалось объяснить особенное строение черепов и челюстей у ископаемых земноводных и современных крокодилов. Палеонтологические данные принесли существенную пользу зоологии в объяснении и других морфологических структур современных пресмыкающихся. Так, получили объяснение так называемые птеригонидные фланги. Впервые получено функциональное объяснение различным типам прикрепления зубов у наземных позвоночных: акродонтности, плевродонтности и текодонтности.

Первые же исследования функциональной морфологии динозавров на недавно добытых в Центральной Азии материалах привели к интересным заключениям. Совместное обитание различных групп динозавров, априори принимавшееся прежними исследователями, нами отвергнуто. Каждая крупная группа динозавров обладала своей, специфической зоной жизни, причем все эти зоны оказались сосредоточенными исключительно в прибрежной области и даже выдвинутыми в море, как, например, для зауропод. Таким образом, [по] ископаемым млекопитающим новые данные исследований не менее интересны.

Перечисленное есть лишь немного из всех огромных результатов работ по палеонтологии позвоночных, но достаточно наглядно показывающее всю плодотворность функционально-морфологического подхода в сочетании с анализом условий существования. Нет сомнения, что это направление работ будет основным в палеонтологии позвоночных и вскоре даст еще более широкие теоретические результаты. Для полного успеха этих работ необходимо, с одной стороны, чтобы все без исключения исследования встали бы на этот уровень, с другой стороны, возродить и развить функционально-морфологическое направление в зоологии.

Таким образом, исследования палеонтологии позвоночных должны вестись двумя путями:

1. Всемерное расширение фактического материала путем новых и новых раскопок разных стратиграфических горизонтов и разных фаций. Раскопки должны быть непременно сопряжены с тафономическими исследованиями местонахождений. Получаемые новые фаунистические комплексы послужат основой стратиграфических и палео-географических построений.

2. Детальное изучение наиболее полных и наилучше сохранившихся остатков методами функциональной сравнительной анатомии.

Эти исследования лягут в основу детального познания функциональной морфологии ископаемых позвоночных и связи их строения с условиями существования.

Перспективы дальнейших достижений в обоих направлениях очень велики. Для раскопочных работ имеется множество зафиксированных местонахождений, к которым надо лишь приложить известное количество труда. Раскопки пермских красноцветов Приуралья, Поволжья и Северного края обещают открытия новых и новых фаунистических комплексов, содержащих интереснейших представителей древнейших земноводных и пресмыкающихся³. Нельзя забывать, что наша фауна верхнепалеозойских пресмыкающихся связывает во времени и по эволюционной ступени две величайшие области развития наземных позвоночных верхнего палеозоя: северные материка и Гондвану с разнообразнейшей фауной зверообразных рептилий. Поэтому каждое новое раскопанное местонахождение дает нам новые и новые связующие звенья великой цепи развития древнейших четвероногих.

Триасовые местонахождения этой же восточной окраины Русской платформы дадут нам гигантских дицинодонтов, древнейших крокодилообразных, предков динозавров и очень близких к млекопитающим поздним зверообразным рептилий. Отсюда же будут добыты гигантские последние стегоцефалы, отдельные остатки которых уже имеются в наших коллекциях.

Раскопки мезозойских пресмыкающихся – динозавров и кайнозойских млекопитающих нельзя отделить от центральноазиатских исследований советской палеонтологии позвоночных. Фауна меловых динозавров и фауна третичных млекопитающих нашей Средней Азии, Казахстана и Центральной Сибири неотъемлема от обширной области развития наземных позвоночных мезозоя и кайнозоя на древней азиатской суше.

Успехи палеонтологических раскопок в Монгольской Народной Республике, существенно изменившие первоначальные представления об истории Азиатского материка и его населения в конце мезозоя, показали, что многие большие группы рептилий и млекопитающих, считавшиеся ранее свойственными Новому свету, на самом деле развивались на Азиатском материке. Отсюда понятна общность ископаемой фауны СССР, Монголии, Индии, Бирмы и Китая. Дальнейшие раскопки, теперь уже не только на территории Монгольской Народной Республики, но и дружественного нам Китая (Внутренняя Монголия и северные провинции), а также Индии сулят богатейшие находки первостепенной важности для всякого рода палеонтологических исследований, стратиграфии, палеогеографии и музейной экспозиции.

Континентальные верхнепалеозойские отложения в Центральной Азии служат связующим мостом между северными и южными материками – Гондваной⁴ и Лауразией⁵, и проливают свет на совершенно особенную климатическую зональность верхнего палеозоя. Палеонтологические раскопки континентального палеозоя Центральной Азии, Индии, Бирмы⁶ на границе соприкосновения гондванской и лауразийской фауны наземных позвоночных должны дать капитальной важности данные для мировой истории древнейших наземных позвоночных. На территории Союза раскопки в континентальном палеозое Центральной Сибири и Восточного Казахстана как раз приходятся на область контакта двух великих фаун. Открытие нижнепермской фауны рептилий американского типа в Северном Казахстане, амфибий в Печорском бассейне позволяют с несомненностью ожидать важнейших находок при дальнейшем развертывании раскопочных работ.

Что касается третичных млекопитающих, то самые последние находки убедительно подчеркивают огромное разнообразие и богатство ископаемой фауны Казахстана и смежных областей Азии.

Функционально-морфологические исследования больших материалов, добытых предыдущими раскопками, обещают выяснить крупные этапы приспособительной эволюции поздних стегоцефалов, пермских котилозавров, первых подлинно сухопутных растительноядных рептилий – дицинодонтов, особенностей приспособлений к движению, питанию и размножению растительноядных и хищных динозавров. Эти исследования прольют свет на вопросы возникновения первой растительноядности у

архаических млекопитающих, развитие и происхождение некоторых древних групп млекопитающих. Интересны исследования по развитию различных черепов в мезокайнозое Азии, обеспеченные богатыми материалами Монгольской экспедиции.

Мы взяли лишь некоторые примеры перспектив нашей работы на ближайшие годы, в расчете на оптимальные условия, которые заключаются в элементарном финансировании, предоставлении необходимого помещения и технической помощи.

Наши затруднения, ошибки и недостатки самоочевидны, но также ясны и наши достижения. То, что эти достижения выполнены, по существу, горсточкой работников, дает право утверждать, что мы справимся со стоящими перед нами обширными перспективами и задачами, если нам будет оказана необходимая помощь. Без специальных ассигнований на раскопки, препаровку, экспозицию наших материалов все, что говорилось выше, останется лишь хорошими мечтами о хорошей науке.

Палеонтология – одна из трех наук, владеющих исторической перспективой развития, является, особенно для нашего общества с его материалистическим мирозерцанием, отраслью знания величайшей важности. Давно пора устранить препятствия, мешающие развитию палеонтологических исследований. Пора решительно покончить со схоластической путаницей и скудоумными рассуждениями на тему о том, оправдано или не оправдано существование палеонтологии, чья она "служанка" и чем надлежит ей заниматься.

Все подобные рассуждения далеки от настоящей организации науки и не могут серьезно приниматься во внимание. Равным образом должны быть отброшены попытки, в подражание убогой американской идеологии пытающиеся прагматически представить, что право на существование палеонтологии якобы полностью зависит от выполнения ею элементарных заданий диагностики ископаемых форм для геологических целей. Очевидно, что всякие направления в исследованиях должны развиваться там, где они дадут наибольший эффект для народного хозяйства и культуры. Мы очень много говорим о хозяйственном значении палеонтологии, совершенно забывая о ее величайшем теоретическом и общеобразовательном значении для культуры социалистического общества.

Развитие палеонтологии для этой цели совершенно необходимо, и оно наиболее эффективно в области палеонтологии позвоночных.

АРАН. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 188. Л. 95–110. Машинопись.

ОБ. АЛЕКСЕЕ ПЕТРОВИЧЕ БЫСТРОВЕ (ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ В ЛГУ, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ А.П. БЫСТРОВА)

17 ноября 1959 г.

Утрата Алексея Петровича для нас, московских палеонтологов, явилась полнейшей неожиданностью и от этого оказалась еще более ошеломляющей. Еще нельзя свыкнуться с мыслью, что Алексея Петровича больше нет, еще нельзя со спокойной печалью подвести итоги его жизни и научной деятельности. Ясно одно – утрата для науки огромна!

Но хочется думать и говорить об Алексее Петровиче как о живом. Кажется, так недавно он был сотрудником нашего Палеонтологического института¹, хотя от этого времени нас отделяет тяжелый и обильный печальными утратами, насыщенный историческими событиями период Отечественной войны и затем без малого последующие 15 лет.

Такова сила яркой, незаурядной личности – проходят годы, сменяются события, а облик человека остается в памяти его соратников неумирающим и цельным. Весь

большой коллектив Палеонтологического ин[ститу]та хранит до сих пор самые лучшие воспоминания об Алексее Петровиче и его работе среди нас.

Алексей Петрович работал в моей лаборатории, но нас связывала еще более древняя дружба, еще во время пребывания Палеонтологического института в Ленинграде Алексей Петрович пришел посмотреть коллекции по триасовым стегоцефалам Севера и... сделался палеонтологом, начав с совместной нашей работы, получившей премию им. А.А. Борисяка и премию Президиума АН СССР². Успех усилил и без того огромную работоспособность Быстрова, и целая серия замечательных исследований по морфологии стегоцефалов явилась результатом короткого периода его работы в Палеонтологическом институте. Труды эти завоевали мировую известность, и нет надобности в их точном библиографическом цитировании. Трудно найти человека, столь многосторонне одаренного, как Алексей Петрович. Большой аналитический ум, громадная память и соответственно огромная эрудиция, незаурядный талант художника-графика, отличные ораторские способности, делавшие проф[ессора] Быстрова превосходным лектором и докладчиком, – соединение всех этих способностей в одном человеке столь же редко, сколь и счастливо для науки. И действительно, иногда трудно разделить в его морфологических работах, где кончался ученый и начинался иллюстратор, что ценнее – его блестящие точные скуповатые описания или рисунки, иной раз говорящие больше, чем целый том описательных деталей. Недаром рисунки из работ Алексея Петровича уже вошли и будут жить еще много лет во всех справочниках, учебных пособиях и популяризаторских работах всего мира.

Его доклады и лекции, умение всегда дать новое, интересное, зажечь молодежь лучше известны ленинградцам, чем москвичам, и я говорю о них лишь для полноты облика. Все же облик Алексея Петровича как ученого будет неполон, если не сказать о нем как о человеке.

Если сочетание его талантов было исключительно счастливым для ученого, то не менее выдающейся была его фанатичная преданность науке, преданность, доходившая до полного самозабвения. Я не встречал человека, с таким безразличием относящегося к материальной стороне жизни, так мало значения придававшего личным невзгодам и бытовому неустройству.

Эта беззаветная преданность науке обусловила гигантскую работоспособность Алексея Петровича и в то же время явилась причиной того, что он рано, слишком рано ушел от нас, подорвав свое здоровье на непомерной работе. И в последние годы, уже тяжелобольной, ни на малый срок не оставлял он своего непрерывного многолетнего труда.

Настоящий подвижник науки, Алексей Петрович был неподкупно честным ее деятелем, не прощавшим никому даже незначительного отклонения от того, что он считал научной истиной. Порывистый, впечатлительный, нередко излишне резкий Алексей Петрович отдавал всего себя служению любимой науке. Понимавшие его ученые не обижались на его иногда несправедливо "громящую" критику, зная, что она возникает из благородного, честного служения научной правде. Как всегда, стоя перед непоправимой утратой, начинаешь чувствовать все неповторимое значение ушедшего от нас человека. Думаешь, что, может быть, мы переоценивали силы Алексея Петровича и своевременно не уберегли его. Однако все знавшие более или менее близко Алексея Петровича помнят, как невозможно было отвлечь его от научной работы. На этот счет Алексей Петрович был совершенно непреклонен, и его могучая мыслительная машина была гораздо сильнее уже ослабленного долгой болезнью тела.

Потребуется еще время, чтобы все сделанное Алексеем Петровичем было освоено и оценено наукой, и тогда величина понесенной нами сейчас утраты станет больше, яснее, чувствительнее. Яркая личность Быстрова-ученого будет долго привлекать к себе внимание не только специалистов-исследователей, не только историков науки, но и молодежи, для которой беззаветное служение Алексея Петровича родной стране и любимой науке будет служить благородным примером.

Еще 14 лет назад я сделал попытку обрисовать облик Алексея Петровича в повести "Звездные корабли", где он фигурирует под именем профессора Шатрова. И я думаю, что лучшей данью памяти покойного товарища будет, если я еще раз вернусь к этой задаче в новом литературном произведении³.

И.А. Ефремов

СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–4. Машинопись.

ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ОРЛОВА

28 апреля 1960 г.

Научная деятельность члена-корреспондента АН СССР Юрия Александровича Орлова являет собою пример исключительной преданности науке и избранной в ней специальности – палеонтологии. Свой научный путь Ю.А. Орлов начинал не как палеонтолог, а в сравнительно далекой от изучения вымерших животных области биологии – гистологии. Его исследования по гистологии нервной системы¹ (Ю.А. Орлов был учеником академика А.А. Заварзина) сразу привлекли к себе внимание, сделались известными у нас и за рубежом. Перед молодым ученым открывался прямой и спокойный путь дальнейшего развития начатых исследований и постепенного восхождения по академической лестнице. Но, познакомившись с палеонтологией, Ю.А. Орлов увидел в этой науке возможность объяснения кардинальных вопросов биологии – причинности в возникновении морфологических структур. К удивлению всех своих коллег, Ю.А. Орлов оставил гистологию и начал работу в новой области – палеонтологии, вначале по совместительству в Центральном геологоразведочном институте, занимая уже довольно высокий для молодого ученого пост старшего преподавателя Военно-медицинской академии.

Ю.А. Орлов тратил свои отпускные месяцы и личные средства на исследовательские поездки в Казахстан для сбора ископаемых млекопитающих. Надо напомнить, что в те времена, не в пример нынешним, советские палеонтологи располагали весьма небольшим количеством научных материалов. Молодой ученый должен был сам обеспечить себя новыми находками ископаемых остатков. Полевые исследования Ю.А. Орлова увенчались блестящими успехами. Он не только открыл в Казахстане несколько горизонтов жизни прошлых геологических эпох, но и нашел гигантское местонахождение ископаемых млекопитающих на р. Иртыш у г. Павлодара, ставшее классическим. Раскопки этого местонахождения дали ценнейшее собрание – одно из основных в фондах Академии наук, которому посвящены десятки исследований. Естественно, после столь успешного начала Ю.А. Орлов стал работать в высшем палеонтологическом центре нашей страны – Геологическом музее Академии наук СССР, впоследствии ставшем Палеонтологическим институтом.

С 1929 г., свыше 30 лет тому назад, Ю.А. Орлов стал ближайшим помощником главы советской палеонтологии А.А. Борисяка и с тех пор уделял много внимания организационной стороне науки.

Его научные исследования быстро продвигались вперед. Сказалось то обстоятельство, что Ю.А. Орлов пришел в палеонтологию уже зрелым молодым ученым, со строгой подготовкой и очень широкой биологической эрудицией. Начав, как все, с описательных, монографического характера исследований по третичным млекопитающим Казахстана, Ю.А. Орлов быстро приходит к глубокому пониманию морфологии вымерших животных.

Опубликование работы о предке ластоногих млекопитающих – семанторе², открытом Ю.А. Орловым в павлодарской фауне, вызвало живейший интерес палеон-

тологов всего мира. Еще больше прославилось исследование черепа новой формы хищников (перуниум)³ из той же фауны. Ю.А. Орлову удалось не только восстановить контуры мозговых извилин этого животного, но и истолковать их функциональное значение, а отсюда сделать выводы о биологических возможностях новой формы и даже целой группы. Описания слепков мозговой полости ископаемых животных были давно известны. Существовала уже капитальная сводка немецкой ученой Тилли Эдингер. Но то, что сделал Ю.А. Орлов, резко отличалось от формального описания Эдингер. В скромной работе Ю.А. Орлова увидели начало новой отрасли палеонтологии – палеоневрологии, много обещавшей для понимания биологии вымерших животных, особенно млекопитающих.

К сожалению, Ю.А. Орлову не удалось продолжить эти исследования с задуманным широким размахом. Директор Палеонтологического института академик А.А. Борисяк все больше и больше задалбливал Ю.А. Орлова на организационную деятельность. В период переезда Академии наук СССР из Ленинграда в Москву, в эпоху энергичной реорганизации всех отраслей советской науки организационных дел был непочатый край. Ю.А. Орлов создавал заново кафедру палеонтологии при Московском государственном университете, восстанавливал и расширял перевезенный из Ленинграда Палеонтологический музей, организовывал крупные раскопочные экспедиции в Средней Азии, помогал развитию новых палеонтологических ячеек на Украине. С этого времени (конец 30-х годов) Ю.А. Орлов большую часть своего времени посвящает общей организации палеонтологии и подготовке кадров для нее, деля свое время между Палеонтологическим институтом Академии наук и Московским государственным университетом. После смерти академика А.А. Борисяка в 1944 г. Ю.А. Орлов становится во главе советской палеонтологии позвоночных⁴. В конце войны Ю.А. Орлов отдает все силы на восстановление эвакуированного Палеонтологического музея и только благодаря его усилиям музей приобретает прежний вид к 220-летнему юбилею АН СССР. Вслед за тем он избирается директором Палеонтологического института, а также заведующим кафедрой палеонтологии Московского государственного университета. Оба эти руководящие для всей советской палеонтологии поста бессменно занимают Ю.А. Орловым без малого 15 лет – с 1945 г. по настоящее время.

В начале своей деятельности как директора Палеонтологического института, сразу после Отечественной войны, Ю.А. Орлов организует Монгольскую палеонтологическую экспедицию, приобретшую мировую известность научными открытиями в пустыне Гоби и обогатившую Палеонтологический музей АН СССР замечательными экспонатами, впервые в истории нашей страны – скелетами гигантских ящеров – динозавров, удивительных древних млекопитающих, новых ранее неизвестных науке черепов и других животных. Несколько лет спустя, в 1954 г., Ю.А. Орлов завершает крупное научное исследование – капитальный труд по морфологии пермских дейноцефалов⁵. Эта особая группа зверообразных пресмыкающихся была открыта при раскопках в Поволжье в 1934–1939 гг. с участием Ю.А. Орлова.

Дейноцефалы СССР замечательны тем, что являются связующим мостом между двумя великими фаунами пресмыкающихся верхнего палеозоя нашей планеты: архаическими рептилиями Северной Америки и тероморфами СССР, Индии и Южной Африки. Исследованные Ю.А. Орловым дейноцефалы представляют как раз переходную группу, которая еще совсем недавно была предметом поисков и предположений палеонтологов всех стран. Поэтому значение работы Ю.А. Орлова для истории древнейшего наземного населения Земли трудно переоценить. Особенностью указанной работы Ю.А. Орлова, вызвавшей изумление зарубежных палеонтологов, является необычайная для столь древних ископаемых форм детальность исследования. Строение животных выяснено в таких подробностях, как если бы это были современные звери, а не хрупкие, заключенные в твердую породу окаменелые кости возрастом в двести миллионов лет.

Одновременно Ю.А. Орлов prepares для опубликования серию очерков об отдельных крупных вымерших фаунах – горизонтах жизни на территории СССР. Эти очерки, как бы картины жизни прошлых геологических эпох, без сомнения, будут оригинальным и очень интересным пособием для самообразования и студентов⁶.

Коллектив ученых Палеонтологического института и других геологических учреждений СССР под руководством Ю.А. Орлова проделал очень крупную работу – подготовку к печати (часть томов уже вышла) многотомного справочника по палеонтологии⁷, давно уже ожидаемого геологическими организациями Советского Союза. Кроме того, коллектив Палеонтологического института вместе с кафедрой палеонтологии МГУ написали новый учебник палеонтологии для обеспечения подготовки высококвалифицированных специалистов – палеонтологов.

С развитием международных научных связей Ю.А. Орлов принимает участие в ряде научных делегаций и конгрессов. Его лекции, прочитанные во Франции⁸, пользовались большим успехом и широко осветили достижения советской палеонтологии.

Консультации и помощь Ю.А. Орлова в организации молодой индийской палеонтологии отмечены награждением его золотой медалью Индийского Палеонтологического общества⁹.

Последней по времени вехой деятельности Ю.А. Орлова явилась организация Совместной Советско-Китайской палеонтологической экспедиции, первый год работы которой (1959) на территории КНР уже дал крупные результаты, обогатив обе стороны новыми открытиями и огромными научно-музейными материалами.

Из всего сказанного совершенно ясен научный облик члена-корреспондента АН СССР Юрия Александровича Орлова – выдающегося организатора и ученого нашей страны. Если бы Ю.А. Орлов замкнулся в кругу своих личных научных интересов, возможно, он написал бы больше трудов, озаглавленных его фамилией. Однако тогда общие успехи палеонтологии в СССР, достижения экспедиций, рост научной смены были бы несомненно меньше, чем в настоящее время. Пожертвовав своей личной научной славой для организационной деятельности, растворенной в делах большого коллектива ученых, член-корреспондент Ю.А. Орлов явил пример соблюдения государственных и общественных интересов и был вознагражден общеизвестными крупными успехами руководимой им советской палеонтологии в целом. В этом Ю.А. Орлов является подлинно советским ученым, а обе стороны его деятельности – научная и организационная, безусловно, делают его достойным высокого звания действительного члена Академии наук СССР.

Профессор палеонтологии,
лауреат Сталинской премии

И.А. Ефремов

КОММЕНТАРИИ

ПЕРЕПИСКА С УЧЕНЫМИ

1

В.И. ВЕРНАДСКОМУ

¹Что представляли собой взгляды И.А. Ефремова на эволюцию в этот период, достоверно сформулировать трудно, так как в фонде В.И. Вернадского упомянутая работа не сохранилась.

2

А.Н. РЯБИНИНУ

¹В этом и последующих публикуемых письмах И.А. Ефремова профессору Ленинградского горного института А.Н. Рябину говорится о подготовке русского издания книги К. Циттеля "Основы палеонтологии" (1895). И.А. Ефремов подготовил к изданию раздел "Позвоночные. Класс амфибий", дополнив перевод новой палеонтологической информацией. Работа была завершена, однако начавшаяся Великая Отечественная война помешала осуществить это издание. А.Н. Рябинин, являвшийся ответственным редактором, не пережил блокады Ленинграда. После его смерти научные материалы были переданы в ленинградские архивы, часть из них оказалась в составе СПбФ АРАН.

6

А.Н. РЯБИНИНУ

¹И.А. Ефремов имел в виду статью А.Н. Рябина "Wetlugasaurus angustifrons nov. gen., nov. sp. из нижнего триаса Ветлужского края", опубликованную в 1930 г. в "Ежегоднике Русского палеонтологического общества".

²И.А. Ефремов имел в виду XVII Международный геологический конгресс, состоявшийся в Москве в июне 1937 г. При подготовке к конгрессу был предпринят расширенный выпуск научной литературы, в том числе в области палеонтологии.

7

А.Н. РЯБИНИНУ

¹Очевидно, имелась в виду книга Г. Сёве-Сёдерберга о девонских стегоцефалах из Восточной Гренландии.

8

А.Н. РЯБИНИНУ

¹Среди работ А.Н. Рябина, подготовленных к печати в 1938 г., значатся статьи, переданные для опубликования в "Трудах Палеонтологического института", под названиями: "Об остатках черепахи из юры Казахстана" и "Остатки летающего ящера из юры Казахстана". Они были изданы лишь в 1948 г.

А.Н. РЯБИНИНУ

¹Очевидно, имелась в виду статья И.А. Ефремова "О лабиринтодонтах СССР" (III и IV), опубликованная в "Трудах Палеонтологического института" в 1937 г.

А.П. БЫСТРОВУ

¹Эта шутивная телеграмма была послана в связи с утверждением А.П. Быстрова старшим научным сотрудником Палеонтологического института АН СССР. До 1937 г. А.П. Быстров преподавал в Военно-морской медицинской академии в Ленинграде.

Л.С. БЕРГУ

¹Письма, сохранившиеся в фонде академика Л.С. Берга, свидетельствуют об административной деятельности И.А. Ефремова в предвоенные годы как руководителя Отдела низших позвоночных Палеонтологического института, которым он являлся с 1937 г. Л.С. Берг, тогда еще член-корреспондент АН СССР, с 1934 г. работал по совместительству консультантом палеозоологического сектора Института эволюционной морфологии и палеозоологии им. А.Н. Северцова (позднее он разделился на два института – Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова и Палеонтологический институт).

Л.С. БЕРГУ

¹Имеется в виду статья И.А. Ефремова "Первый представитель древнейших позвоночных из Сибири", опубликованная в "Докладах АН СССР". 1939. Т. XXIII. № 1.

Л.С. БЕРГУ

¹На обороте письма И.А. Ефремова Л.С. Берг наметил предварительную смету работ на 1939–1940 гг., включавшую расходы на экспедиции по исследованию юрских рыб Забайкалья (1939 г.), Тунгусского бассейна (1940 г.), Нижней Тунгуски (1941–1942 гг.).

Л.С. БЕРГУ

¹См. коммент. 1 к № 12.

Л.С. БЕРГУ

¹В материалах Палеонтологического института упомянутая записка не обнаружена.

²Имеются в виду Монгольские комплексные экспедиции, проводившиеся на территории МНР Монгольской комиссией АН СССР и Научно-исследовательским комитетом МНР в 1928–1935 гг. четырьмя отрядами: зоологическим, почвенным, ботаническим и гобийским. Эти экспедиции собрали и обработали обширный материал по геологии, флоре и фауне Монголии.

¹Очевидно, имеется в виду работа А.П. Быстрова "Микроструктура панцирных элементов *Kotlassia prima Amal.*", опубликованная в 1940 г. в "Известиях АН СССР" и легшая в основу статьи "*Kotlassia prima Amalitzky*", опубликованной в "Bull. Geol. Soc. Amer.".

²А. Ромер имел в виду Советско-Германские договоры от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

³Американское геологическое общество было основано в 1888 г. как профессиональное общество геологов, его филиалом с 1909 г. является Палеонтологическое общество.

¹Речь идет о подготовке к изданию книги "История амфибий", которую А.П. Быстров писал в эвакуации. Она посвящена исследованию кроссоптеригий – *Crosso*, как сокращенно называл их А.П. Быстров.

²О каком стихотворении идет речь, установить не удалось.

³Первые рассказы И.А. Ефремова под названием "Семь румбов" опубликованы в 1944 г. в журнале "Новый мир" (№ 4–5) и были подписаны: Иван Ефремов, что стало визитной карточкой писателя на всю литературную жизнь.

⁴Рассказа под названием "Могила Шамана" в библиографии литературных работ И.А. Ефремова нет; возможно, подразумевается рассказ "Голец Подлунный", опубликованный в 1944 г.

⁵Речь идет о болезни И.А. Ефремова, которую он перенес в 1942 г. Она явилась следствием тяжелейших условий работы в годы Великой Отечественной войны в экспедициях, проводивших изыскательские работы по заданиям Наркомата обороны СССР. И.А. Ефремов был начальником Западноуральского отряда этой экспедиции. Последствия болезни периодически сказывались в дальнейшем.

⁶А.П. Быстров имел в виду свою жену Г.Ю. Быстрову, которая до снятия блокады жила в Ленинграде.

⁷Имеется в виду коллекция парейазавров, собранная А.П. Гартман-Вейнберг в Волжской экспедиции 1931 г.

⁸Книга А.П. Быстрова "Прошлое, настоящее и будущее человека" опубликована в 1957 г. В работе анализировались будущее человечества в связи с глобальным вмешательством в природную среду и тенденции развития живых систем.

¹Беспокойство А.П. Быстрова о судьбе института, в котором он раньше работал, было достаточно обоснованным. По положению, должность директора института была прерогативой членов Академии наук, а Ю.А. Орлов, который продолжительное время был заместителем директора академика А.А. Борисяка, являлся доктором наук. Только письмо руководящих сотрудников Палеонтологического института, в числе которых был и И.А. Ефремов, на имя академика-секретаря ОБН АН СССР академика Л.А. Орбели, поддержанное ходатайством академиков В.А. Обручева и А.Е. Ферсмана, позволило склонить решение руководства Академии наук о назначении директором Палеонтологического института в пользу Ю.А. Орлова (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 275. Л. 162).

²Книга Б.Л. Личкова "Движение материков и климаты прошлого Земли" издавалась в 1932, 1935, 1936 гг.

³А.П. Быстров работал в анатомической лаборатории Военно-медицинской академии в Кирове, на основании этих исследований им была собрана коллекция антропологических измерений 4,5 тыс. человек.

¹"Клестирники" – так А.П. Быстров шуточно называл врачей.

¹Очевидно, имелась в виду гипотеза немецкого геофизика А. Вегенера о развитии земной коры в результате горизонтального перемещения материков, сложенных из легких гранитных материалов, свободно плавающих по базальтовому подложью (1912).

²Имелись в виду готовые типографские таблицы к неопубликованным работам В.П. Амалицкого, чистая обратная сторона которых использовалась для рисунков.

³См. № 17.

¹Речь идет о Лаборатории палеонтологии Московского университета, руководителем которой была А.П. Гартман-Вейнберг.

¹А.П. Быстров в 1937–1939 гг. работал старшим научным сотрудником в Палеонтологическом институте АН СССР. Но из-за отсутствия жилой площади в Москве он был вынужден возвратиться в Ленинград на прежнюю работу в Военно-морскую медицинскую академию. Однако на протяжении многих лет А.П. Быстров не оставлял надежды вернуться к научной деятельности в области палеонтологии. В 1945 г. он был приглашен заведовать Лабораторией палеонтологии в Ленинградском университете. См. № 24.

¹Очевидно, замысел книги под названием "Диалектика эволюционного процесса" не был осуществлен, но в определенной мере он был реализован А.П. Быстрым в книге "Прошлое, настоящее и будущее человека".

²Сборник "Памяти академика А.А. Борисяка" вышел в "Трудах Палеонтологического института". 1949. Т. 20.

¹Речь идет о сборниках первых рассказов И.А. Ефремова.

²См. коммент. 4 к № 18.

³Сборник рассказов И.А. Ефремова "Пять румбов" опубликован в 1944 г. в издательстве "Молодая гвардия".

⁴Имелась в виду статья А.П. Быстрова "О зубах *Fleurantia deuticulata*", опубликованная в 1944 г.

¹Вероятно, речь идет о сборнике рассказов И.А. Ефремова под названием "Встреча над Тускаророй", опубликованном в 1944 г. Военмориздатом.

²Рассказ "Эллинский Секрет" опубликован впервые в 1966 г.

¹В фонде А.П. Быстрова сохранились альбомы стихов, тетрадь с баснями, небольшие прозаические произведения. Он является также автором "Тоста палеонтологов", который мы публикуем:

Выпьем за жизнь, превращенную в камень,

Жизнь, что хранится в природе веками,

Жизнь, что из камня своими руками

Каждый из нас извлекал!

Смело ломая древнейшие плиты,

Мшанки, кораллы, хвощи, граптолиты,

Даже, не скрою, порой копролиты

Каждый из нас высекал.

Молотом были породы разбиты...

Губки, моллюски, ежи, трилобиты,

Кости гигантские были добыты

Нами повсюду из скал.

Каждый, собравши из мертвой породы

Новые виды и новые роды,

В муках решая загадки природы,

Счастье в науке искал.

Многие в славе достигли зенита...

Многие спят уж под глыбой гранита

Сном непробудным, как сон аммонита,

Многих покой приласкал...

Так уж в природе ведется веками...

Счастье берите своими руками!

Словом, пока надо мною не камень,

Я поднимаю бокал!

1947 г.

²Статья А.П. Быстрова "Структура зубов кроссоптеригий" ("Lahnstruktur der Crossopterygier") опубликована в 1939 г. в "Acta Zool."

³Статья А.П. Быстрова "Deckknochen und Zähne der Osteolepis und Dipterus" была опубликована в 1942 г. в "Acta Zool."

⁴См. № 17.

⁵А.П. Быстров имел в виду продолжение работ над материалами по бентозухам, хранящимися в Палеонтологическом институте. Совместная работа двух ученых "Benthosuchus sushkini Efr. – лабиринтодонт из эотриаса р. Шарженги" опубликована в 1940 г.

⁶См. коммент. 4 к № 25.

¹В ответ на обращение И.А. Ефремова к известным ученым геологам, петрографам, палеонтологам с просьбой дать оценку его работы "Тафономия и геологическая летопись" отзывы прислали доктора геолого-минералогических наук В.И. Громов, Н.С. Шатский, член-корреспондент АН СССР Д.В. Наливкин, профессора Р.Ф. Геккер и Л.В. Пустовалов.

Приводим полностью отзыв Л.В. Пустовалова, который одним из первых поддержал идею И.А. Ефремова о создании нового направления геологии – палеонтологии.

«Работа И.А. Ефремова "Тафономия и геологическая летопись древнейших материков" представляет выдающийся интерес для петрографов-осадочников и вообще для лиц, занимающихся научным изучением осадочных пород с разных точек зрения. Несомненно, эта работа привлечет к себе особое внимание специалистов не только по палеонтологии, но также и по исторической геологии, по палеогеографии, по геологии СССР, по петрографии осадочных пород. Поэтому, не преувеличивая, можно сказать, что работа И.А. Ефремова представляет большой общегеологический интерес.

Для разрешения и освещения, казалось бы, частного вопроса об условиях захоронения органических остатков, главным образом наземных позвоночных, автор подробно и чрезвычайно интересно разбирает ряд общих теоретических вопросов, относящихся к числу наиболее актуальных, но окончательно еще не решенных геологических проблем, и на их фоне разбирает интересующий его более узкий и более специальный вопрос.

Автор критически пересматривает вопрос о развитии фаций в разрезе геологического времени и приходит к оригинальному, новому, но вместе с тем весьма убедительному и важному выводу о различной "живучести" фаций, о неизбежной гибели с течением геологического времени мелких фаций и о "выживании" лишь наиболее крупных из них ("в разрезе геологического времени сохраняются преимущественно крупные фации и разрушаются более мелкие"). Закономерности, намечаемые И.А. Ефремовым в этой части его работы, вполне, кстати сказать, совпадают с теорией вероятностей, заставляют по-новому отнестись к привычным представлениям о геологической истории древнейших геологических периодов Земли, а также к оценке геологической летописи, и с новой точки зрения пересмотреть многие "ходячие взгляды", основанные на принципе актуализма. Последний, т.е. принцип актуализма, также подвергается критическому разбору в работе И.А. Ефремова (гл. II).

Исходя из совершенно правильного положения, что судьба палеонтологических остатков, заключенных среди осадочных пород, неотъемлемо связана с историей и судьбой самих осадочных пород, И.А. Ефремов углубляется в вопросы образования и сохранения осадков разного фациального типа и дает исключительно интересный анализ литогенетических и общегеологических факторов, способствующих образованию и дальнейшему сохранению осадков различных фаций, и выделяет среди них те фации, которые являются особенно благоприятными для образования и сохранения местонахождений остатков наземной фауны и флоры (гл. III-V). Эти данные И.А. Ефремова представляют большой интерес не только для палеонтолога-"позвоночника", но и с точки зрения общего учения о фациях.

Здесь же автор рассматривает и намечает закономерности в распределении палеонтологических остатков в зависимости от гидродинамического режима, в соответствии с явлениями механической осадочной дифференциации, а также в зависимости от палеогидрохимических условий. Учет этих выводов и построений И.А. Ефремова должен будет повлечь за собой пересмотр многих теперешних палеогеографических схем, что частью уже и сделано самим И.А. Ефремовым в его работе.

В последующих главах разбираются вопросы вскрытия местонахождений ископаемых позвоночных, намечаются типы этих местонахождений, дается их краткий обзор с критическим пересмотром геологических реконструкций, основанных на находках ископаемых позвоночных. В этой части работа И.А. Ефремова также вносит существенные и важные коррективы в палеогеографические и палеоклиматические представления, прочно, хотя и без достаточных оснований, вошедшие в геологическую литературу.

Работа заканчивается обобщающими главами, в которых автор с учетом литолого-петрогенетических данных и на фоне их излагает методы и приемы реконструкции образа жизни древних наземных позвоночных, палеогеографии и палеоклиматологии, наконец, намечает дальнейшие пути тафономических исследований.

Работа И.А. Ефремова на всем своем протяжении отличается свежестью мысли, новизной трактовки и новым освещением многих общегеологических и осадочно-петрогенетических вопросов, причем целый ряд ранее известных фактов после прочтения работы И.А. Ефремова предстает в новом свете. Именно поэтому работа И.А. Ефремова с начала до конца читается с неослабеваемым интересом.

Можно предвидеть, что некоторые выводы И.А. Ефремова вызовут в геологических кругах оживленную дискуссию. Но, вероятно, никто не решится отрицать, что работа И.А. Ефремова будит мысль читателя, толкает его на новые плодотворные размышления и тем самым способствует дальнейшему развитию творческой работы в области геологии.

Необходимо высказать самое настойчивое пожелание, чтобы работа И.А. Ефремова "Тафономия и геологическая летопись древнейших материков" была бы опубликована без всяких сокращений как можно скорее.

Проф[ессор] д[окто]р Л.В. Пустовалов

Москва, ИГН АН СССР, Отдел осадочных пород

17 февраля 1945 г.»

АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 740. Л. 25–27.

29

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Речь идет о статье Б. Соловьева "Романтика приключений и открытий", в которой анализировался сборник рассказов И.А. Ефремова "Встреча над Тускаророй".

² Рассказ И.А. Ефремова "Обсерватория Нур-и-Дешт" опубликован впервые в журнале "Новый мир" в 1944 г.

³ "Большевик" – журнал, издавался в 1924–1952 гг., в 1953 г. переименован в "Коммунист".

⁴ "Спутник агитатора" – журнал, издавался в 1925–1956 гг.

30

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ А.П. Быстров имел в виду свои статьи "Опыт реконструкции некоторых представителей северодвинской фауны" (1935), "Некоторые данные о скульптуре и росте накладных костей черепа стегоцефалов" (1935).

² А.П. Быстров был награжден орденом Боевого Красного Знамени за заслуги в подготовке военных медиков.

31

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Речь идет о получении премии им. А.А. Борисьяка, присужденной А.П. Быстрову и И.А. Ефремову в 1945 г. за работу "Benthosuchus sushkini Efr. – лабиринтодонт из эотриаса р. Шарженги".

² О какой работе С. Вестолла идет речь, установить не удалось.

³ В этом письме А.П. Быстров предложил возможную модель внешнего вида уранитаинопланетянина, которая была впоследствии использована И.А. Ефремовым в повести "Звездные корабли" (1947).

32

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Очевидно, в первоначальном варианте персонаж повести "Звездные корабли" Шатров, прототипом которого был А.П. Быстров, имел фамилию Костров.

² Идея о замене некоторых химических элементов и возникновении жизни на иной химической основе была использована И.А. Ефремовым в повести "Сердце Змеи", опубликованной впервые в 1959 г.

33

А.П. БЫСТРОВУ

¹ Очевидно, И.А. Ефремов имел в виду расширенные заседания ученого совета Палеонтологического института по вопросам эволюционной палеонтологии, собираемые ежегодно в феврале–марте с 1945 по 1949 г.

² См. коммент. 3 к № 31.

³ Сборник под названием "Великая Дуга" опубликован в 1956 г. в издательстве "Молодая гвардия".

А.П. БЫСТРОВУ

¹См. № 38.

²Речь идет о статье А.П. Быстрова "Hydrophilous and xerophilous labyrinthodonts", опубликованной в "Acta Zool." в 1947 г.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹См. коммент. 2 к № 34.

²А.П. Быстров заведовал в Ленинградском университете Лабораторией палеонтологии (1945–1959).

³В дневниках за послевоенный период А.П. Быстров неоднократно писал о трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться для занятий палеонтологическими исследованиями наряду с большой загруженностью преподавательской работой в университете (СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 89).

А.П. БЫСТРОВУ

¹Речь идет о "хоанах" – внутренних носовых отверстиях у позвоночных животных и человека, соединяющих носовую полость с ротовой и глоткой.

²О какой статье идет речь, установить не удалось.

С.И. ВАВИЛОВУ

¹Письмо И.А. Ефремова и Ю.А. Орлова было вызвано озабоченностью неудовлетворительной подготовкой экспедиции в Монголию. Как начальник экспедиции Ефремов отвечал за жизнь людей и результативность палеонтологических раскопок, которые Палеонтологический институт впервые проводил самостоятельно за границей. От ее результатов зависели будущее института, отношение к палеонтологии как самостоятельной дисциплине, возможность сбора и препаровки новых ископаемых растений, животных.

На письме рукой С.И. Вавилова зафиксированы две резолюции:

Бюро Отделения биологических наук. На рассмотрение. Со своей стороны план считаю приемлемым.

С. Вавилов. 5 июля 1947 г.

И.В. Зубову, Л.Г. Шидловскому. Прошу рассмотреть, дать заключение.

С. Вавилов. 5 июля 1947 г.

Обращение к президенту помогло создать приемлемые условия для работы экспедиции, хотя и после распоряжения президента и главного ученого секретаря Н.Г. Бруевича организационных и технических недоработок в ее подготовке оставалось достаточно. См. № 41, 43, 45, 47, 48.

²См. Ф. 2. Оп. 1–1947. Д. 417. Л. 61, 61 об.

А.П. БЫСТРОВУ

¹И.А. Ефремов имел в виду научно-популярную книгу "Жизнь в глубинах времен", которую он не успел написать.

А.П. БЫСТРОВУ

¹После обращения Президиума АН СССР Совет Министров СССР принял решение о перемещении ряда биологических научных учреждений из Москвы в Ленинград. Среди них оказался и Палеонтологический институт. Однако институту удалось доказать нецелесообразность нового перемещения (Палеонтологический институт и его коллекции были вынуждены дважды совершать переезд – в 1935–1936 гг., 1941–1944 гг.) в непригодное здание в Ленинграде. Кроме того, это могло привести к длительному перерыву в научно-исследовательской работе, что явилось бы "катастрофическим ущербом для советской палеонтологии" (Ф. 534. Оп. 1–1947. Д. 27. Л. 6–8).

А.П. БЫСТРОВУ

¹И.А. Ефремов имел в виду цикл стихов А.П. Быстрова "Черные цветы", которые писались в периоды депрессивных состояний из-за житейских неурядиц. По свидетельству Г.Ю. Быстровой, Иван Антонович называл это состояние своего друга "утренней тоской".

Ю.А. ОРЛОВУ

¹Великий западный маршрут – так И.А. Ефремов называл поисковый маршрут совершенно не исследованных ранее районов Монголии к западу от основного лагеря Нэмэгэту для обнаружения местонахождений ископаемых мезозоя и кайнозоя. См. № 50 и Отчетный доклад И.А. Ефремова для Общего собрания АН СССР в мае 1949 г.

²Наушки – пограничная станция, через которую осуществлялась перевозка грузов Палеонтологической экспедиции из СССР в Монголию.

³Речь идет о последствиях денежной реформы, осуществленной в стране на основании Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. В соответствии с Постановлением обмен денежной наличности осуществлялся в ограниченные сроки. Сотрудники экспедиции, находившиеся за рубежом, не смогли оформить финансовую документацию, и часть экспедиционных средств обесценилась, так как обмен старых купюр на новые проводился в соотношении 10 руб. старого образца на 1 руб. нового образца.

Ю.А. ОРЛОВУ

¹Очевидно, И.А. Ефремов имел в виду запрещение на выезд за границу всех членов одной семьи.

²Имелись в виду статьи "Первая Монгольская палеонтологическая экспедиция АН СССР" (Вестник Академии наук СССР. 1948. № 1) и "По следам древних ящеров" (Вокруг света. 1948. № 1).

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹В 1894 г. В.А. Обручев сделал первые находки костей ископаемых животных в пределах Внутренней Монголии.

²На обороте телеграммы рукой В.А. Обручева набросан текст ответа: "Ефремову. Приветствую участников экспедиции. Желаю успехов, крупных открытий неизвестных чудовищ. Обручев". См. № 53.

Ю.А. ОРЛОВУ

¹ Имелись в виду опубликованные материалы Центральноазиатской экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса и Ф. Морриса в 1922–1923 гг.

² Сомон – административная единица в МНР, соответствующая нашему району.

³ И.А. Ефремов напоминал о необходимости включения в план исследований ископаемых пермских местонахождений, которыми он занимался, при планировании научно-исследовательской работы института, а также необходимости обработки и изучения многотонных монолитов Монгольской палеонтологической экспедиции.

⁴ О ком идет речь, установить не удалось.

Ю.А. ОРЛОВУ

¹ Записка об успешной работе разведочной экспедиции ПИНа АН СССР в котловине Нэмэгэту в 1946 г. была оставлена Ю.А. Орловым в сложенном из позвонков динозавров возвышении (обо) на территории лагеря.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Имелись в виду Ю.А. Орлов и К.К. Флеров.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Сборы В.П. Амалицкого представляли собой коллекции ископаемых животных с северо-двинских раскопок, которые легли в основу Северодвинской галереи, входящей в настоящее время в состав Палеонтологического музея РАН. При переезде Палеонтологического института в 1935–1936 гг. из Ленинграда в Москву часть коллекции была оставлена в Ленинграде, так как здание для музея, способного вместить все материалы, не было найдено. Предоставленное временное здание конюшен бывшего Нескучного дворца, где была смонтирована часть экспозиции для участников XVII Международного геологического конгресса 1937 г., не способно было вместить новые поступления из монгольских раскопок.

² После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., на которой генетика была объявлена лженаукой и прозвучал призыв изгнать из науки всех ее представителей, собралось расширенное заседание Президиума АН СССР, рассмотревшего вопрос "О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР". Институтам ОБН АН СССР было предписано пересмотреть направления научно-исследовательской работы, исключив из планов все "антинаучные" темы.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ Так первоначально И.А. Ефремов хотел назвать свою книгу "Дорога Ветров" о Монгольской палеонтологической экспедиции.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ И.А. Ефремов имел в виду Р. Браунинга, английского поэта середины XIX в., стихотворения которого в 40–50 годах в СССР не издавались. Очевидно, И.А. Ефремов обратился к английскому изданию произведений поэта.

² См. коммент. 1 к № 67.

³В фонде А.П. Быстрова сохранились фотографии И.А. Ефремова из Монгольской палеонтологической экспедиции. К сожалению, состояние фотографий не позволяет воспроизвести их в книге. Приводим подписи, которые сделал И.А. Ефремов под некоторыми из них: "Шейх – Южная Гоби; Отдых начальника – Барук-Бань; Царь над царями, повелитель над повелителями, властелин всех пустынь, император южногобийский, однако ..." (СПбФ АРАН. Ф. 901. Оп. 1. Д. 86. Л. 1, 2; Д. 112. Л. 14 об., 21).

58

А.П. БЫСТРОВУ

¹Фильм о Монгольской палеонтологической экспедиции 1949 г. был сделан кинооператором Н.Л. Прозоровским и сохранился до сих пор. На вечере памяти, посвященном 80-летию со дня рождения И.А. Ефремова, в Московском Доме ученых 12 мая 1987 г. он был показан полностью, а ряд эпизодов из фильма использовался в документальном фильме "Откровение Ивана Ефремова".

²1 декабря 1949 г. Президиум АН СССР заслушал вопрос о научной деятельности, состоянии и подготовке кадров Палеонтологического института. В постановлении Президиума по результатам проверки наряду с достижениями института по накоплению фактического материала в Монгольской палеонтологической экспедиции, по подготовке и публикациям ряда монографий, повышению квалификации сотрудников института (защита семи кандидатских и шести докторских диссертаций) отмечался основной недостаток в его деятельности – "низкий теоретический уровень выполняемых им работ и отсутствие активной борьбы за развитие творческого советского дарвинизма". Институт обвинялся в том, что он, якобы, проявлял терпимость к теоретическим разработкам палеонтологов стран запада и не использовал решения сессии ВАСХНИЛ и Президиума АН СССР от 26 августа 1948 г. в своей научной работе.

Президиум обязал директора института Ю.А. Орлова пересмотреть теоретическую направленность работ института, план работ на 1950 г., согласовав его с Министерством геологии, Институтом геологических наук СССР и другими геологическими учреждениями, а также структуру института и распределение сотрудников между отделами и лабораториями и т.д. (Ф. 2. Оп. 1–1949. Д. 354. Л. 3–7).

³В 1949 г. в издательстве "Молодая гвардия" была издана книга И.А. Ефремова "На краю Ойкумены".

59

А.П. БЫСТРОВУ

¹О ком идет речь, установить не удалось.

60

А.П. БЫСТРОВУ

¹Вероятно, имелась в виду будущая книга И.А. Ефремова "Дорога Ветров".

²Речь шла о перевыборах директора Палеонтологического института, которые, согласно Уставу Академии наук, проводились раз в пять лет.

³См. № 142.

61

А.П. БЫСТРОВУ

¹И.А. Ефремов имел в виду статью "О подклассе Batrachosauria – группе форм, промежуточных между земноводными и пресмыкающимися" (1946).

²Речь идет о разногласиях между учеными в определении принадлежности котласий и сеймурий к классу ископаемых. А.П. Быстров считал, что это, скорее, земноводные, чем пресмыкающиеся. Изучение И.А. Ефремовым в 1946 г. пермского лантанозуха позволило

выделить эти формы в особый подкласс батрахозавров, промежуточный между амфибиями и рептилиями.

³И.А. Ефремов имел в виду печорского котилозавра.

62

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹Географический очерк горной страны Наньшань был закончен В.А. Обручевым в 1955 г. и издан в 1960 г. в "Избранных трудах. Т. 2".

²В.А. Обручев имел в виду новый этап Монгольской палеонтологической экспедиции.

63

А.П. БЫСТРОВУ

¹См. коммент. 3 к № 31.

²Речь идет об осмыслении полевых исследований в Пермском, Башкирском и Оренбургском Приуралье. На основании обобщения этих материалов была подготовлена монография "Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья". В процессе работы и изучения ископаемых И.А. Ефремов искал пути практического использования достижений палеонтологии в геологии и стратиграфии. Он разработал схему стратиграфического распределения позвоночных в континентальных отложениях Восточно-Русской платформы. В III зону, о которой упоминал И.А. Ефремов, входили мелкие котилозавры. Более поздние исследования показали, что выделение III зоны как самостоятельной являлось ошибочным (Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М.: Наука, 1987. С. 76–77).

³См. коммент. 1 к № 56.

⁴И.А. Ефремов цитировал стихотворение М. Волошина "Дом поэта", которое он читал в рукописи; опубликовано впервые в 1977 г.

64

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹Формации Моррисона – угленосные фации, переходные отложения к нижнему мелу.

²Вторая часть книги И.А. Ефремова "Тафономия и геологическая летопись" так и не была написана.

65

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹См. коммент. 1 к отзыву И.А. Ефремова на книгу В.А. Обручева на с. 266 настоящего издания.

²В своей книге В.А. Обручев описал природный феномен местности Орху, где из глинистых песчаников и глин природа создала путем выветривания сказочный город, который В.А. Обручев назвал "эоловый город".

66

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹Кисё-гиик – одно из названий снежного человека, реликтового гоминоида, исследованием которого занимается криптобиология. См. № 67.

²Вопрос о существовании реликтового гоминоида до сих пор остается спорным. Большинство антропологов и зоологов скептически относятся к сведениям и свидетельствам очевидцев, так как они не подкрепляются вещественными доказательствами существования этих загадочных существ.

³Имелось в виду методическое пособие, написанное И.И. Пузановым к спецкурсу "Происхождение человека" для студентов Одесского университета.

⁴На письме рукой В.А. Обручева помета: "Ответ 25 мая в Пал[еонтологический] инст[итут]. Не помню ничего".

67

И.И. ПУЗАНОВУ

¹Вероятно, речь идет о фотокопии фрагмента картины художника Г.И. Семирадского "Фрина" (модель древнегреческого скульптора Проксителя), которую И.А. Ефремов хотел послать И.И. Пузанову.

68

И.И. ПУЗАНОВУ

¹И.А. Ефремов работал над статьей "О стратиграфии пермских красноцветов СССР по наземным позвоночным"(опубликована в 1952 г.), где обосновывалось существование приуральского дейноцефалового комплекса.

²См. коммент. 1 к № 56.

69

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹Очевидно, имеется в виду первый том "Избранных работ по географии Азии" В.А. Обручева, посвященный Средней и Центральной Азии (1951).

²Статья И.А. Ефремова "К вопросу о развитии континентального верхнего палеозоя в Центральной Азии" по рекомендации В.А. Обручева опубликована в "Докладах АН СССР" (1952. Т. 85. № 3). См. № 71, 75.

70

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹См. коммент. 2 к № 69.

²Древнее темя Азии – система горных хребтов юга Восточной Сибири. Название дано австрийским геологом Э. Зюссом в его книге "Лик Земли" (1883–1909. Т. 1–3). В.А. Обручев предложил гипотезу геологического строения этого района Сибири.

71

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹См. коммент. 2 к № 69.

²В.А. Обручев рецензировал I и IV части монографии И.А. Маринова по геологии Монгольской Народной Республики, посвященные вопросам стратиграфии и полезным ископаемым.

72

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹Имелись в виду второй и третий тома "Избранных работ по географии Азии" В.А. Обручева, опубликованные в 1951 г.

²Имелась в виду статья И.А. Ефремова "Палеонтологические исследования в Монгольской Народной Республике (предварительные результаты экспедиций в 1946, 1948 и 1949 гг.)", опубликованная в "Трудах Монгольской комиссии" в 1954 г.

³См. коммент. 2 к № 69.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹Имелись в виду статьи И.А. Ефремова (см. коммент. 2 к № 72), А.К. Рождественского (о какой статье идет речь, установить не удалось) и Н.И. Новожилова "Местонахождения млекопитающих нижнего эоцена и верхнего палеоцена Монголии" (опубликована в "Трудах Монгольской комиссии" в 1954 г.)

²См. коммент. 2 к № 69.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹См. № 69,71

²В "Трудах Палеонтологического института" рецензия В.А. Обручева на работы В.Д. Принады не публиковалась.

Л.В. ПУСТОВАЛОВУ

¹В 1952 г. И.А. Ефремову за научный труд "Тафономия и геологическая летопись" была присуждена Государственная премия.

²См. № 28 и коммент. к нему.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹См. № 79.

²См. коммент. 3 к № 17.

И.И. ПУЗАНОВУ

¹Имеется в виду приобретение автомашины.

²И.А. Ефремов при подготовке к написанию нового романа заносил в специальную тетрадь фотографии будущих прототипов отдельных персонажей, городов, стран. Сюда же записывались основные сюжетные линии. Ряд материалов из такой тетради, посвященной подготовке романа "Лезвие бритвы", был опубликован в журнале "Чудеса и приключения" (1992. № 7–8).

И.И. ПУЗАНОВУ

¹О каком очерке В. Катаева идет речь, установить не удалось.

²План И.И. Пузанова по написанию биогеографии не был реализован.

³См. коммент. 1 к № 80.

⁴И.А. Ефремов имел в виду получение им в 1952 г. звания лауреата Государственной премии за научный труд "Тафономия и геологическая летопись".

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹В.А. Обручев руководил Прибайкальской геолого-петрографической экспедицией АН СССР, был хорошо знаком с работами И.А. Ефремова как геолога (см. отзыв

В.А. Обручева о геологических исследованиях Верхне-Чарской партии, возглавляемой И.А. Ефремовым, на с. 265 настоящего издания).

²Всесоюзное географическое общество (ранее Российское географическое общество, образованное в 1845 г.) в 1939 г. было передано в систему АН СССР. Общество распространения политических и научных знаний, созданное в 1947 г. как общественная организация, занималось лекционной и издательской деятельностью, позднее общество "Знание".

³Упомянутые книги – А.К. Рождественского "На поиски динозавров в Гоби" и И.А. Ефремова "Дорога Ветров" – были опубликованы соответственно в 1954 и 1956 гг.

⁴Несмотря на все усилия Палеонтологического института на протяжении 50-х годов, неоднократно выходившего с предложениями о продолжении экспедиционных работ в Монголии, так и не было получено разрешение правительства на продолжение экспедиции. Только в конце 60-х годов АН СССР и АН МНР заключили соглашение о работах Совместной Советско-Монгольской палеонтологической экспедиции, которые продолжают до настоящего времени.

⁵Помета В.А. Обручева: «Взять с Калужской все "Труды Монгольской комиссии"».

84

И.М. МАЙСКОМУ

¹И.А. Ефремов имел в виду свою монографию "Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья" (1954).

²См. коммент. 1 к № 56.

85

П.К. ЧУДИНОВУ

¹П.К. Чудинов и Б.П. Вьюшков были аспирантами И.А. Ефремова. В разные годы они руководили экспедициями и раскопочными отрядами Палеонтологического института в Голюшерме, Очёре, Котловке и т.д.

²Имеется в виду сын И.А. Ефремова – Аллан.

86

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹Письмо В.И. Зубкова не сохранилось. См. № 87.

²В библиографии произведений В.А. Обручева очерк о меловой и третичной жизни Центральной Азии отсутствует.

³Имеется в виду сын В.А. Обручева – Дмитрий.

87

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹Упомянутая статья И.А. Ефремова опубликована в сборнике "Вопросы геологии Азии" в 1955 г.

²Статья была опубликована в "Трудах Палеонтологического института" под названием "Некоторые замечания по вопросам исторического развития динозавров" в 1954 г.

88

А.И. ОПАРИНУ

¹И.А. Ефремов имел в виду, что после смерти в 1944 г. директора Палеонтологического института академика А.А. Борисьяка в состав АН СССР не был избран ни один академик-палеонтолог.

²Речь шла о членах-корреспондентах АН СССР Н.Н. Яковлеве, М.В. Павловой, М.Д. Залесском, А.Г. Вологдине.

³Это обращение в ОБН АН СССР среди других выступлений ученых явилось одной из причин дополнительного выделения вакансий в области биологии, в том числе двух вакансий по палеонтологии.

89

И.И. ПУЗАНОВУ

¹И.А. Ефремов баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР в октябре 1953 г. В поддержку его кандидатуры высказались такие известные ученые, как действительные члены АН УССР А.Н. Криштофович и О.С. Вялов, академики С.И. Миронов и Е.Н. Павловский. В их письмах отмечалось, что И.А. Ефремов является одним из лучших специалистов по палеозойским пресмыкающимся, ученым с большим кругозором, эрудицией в палеонтологии позвоночных и в смежных областях естествознания, что позволило ему создать новый раздел палеонтологии – тафономию. Выдвижение ученого поддержали также Ленинградский горный институт, Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР, Харьковский и Иркутский государственные университеты, Президиумы Молдавского и Башкирского филиалов АН СССР и другие научные учреждения. К сожалению, результаты выборов определило не объективное рассмотрение научных достижений предложенных кандидатур, а противоборство сторонников и противников Т.Д. Лысенко. Экспертная комиссия ОБН АН СССР из четырех зарегистрированных кандидатур высказалась за избрание Ю.А. Орлова и Л.Ш. Давиташвили, отведя кандидатуры А.Н. Криштофовича и И.А. Ефремова. Однако на заседании ОБН с небольшим преимуществом для утверждения на Общем собрании АН СССР была выдвинута кандидатура А.Н. Криштофовича вместо Л.Ш. Давиташвили (Ф. 534. Оп. 1–1953. Д. 40. Л. 10–12, 18, 22, 40, 48, 51, 56–59, 74, 102–104; Д. 105. Л. 39–48).

90

И.И. ПУЗАНОВУ

¹Речь шла о книге И.А. Ефремова "Путешествие Баурджеда", вышедшей отдельным изданием в 1953 г.

²К сожалению, замысел написания нового сборника рассказов И.А. Ефремову осуществить не удалось. Из восьми перечисленных сюжетов писатель опубликовал только рассказ "Юрта Ворона" (1959).

91

В.А. ОБРУЧЕВУ

¹Статья В. Коротеева в "Литературной газете" была опубликована в 1953 г. под названием "Что мешает развитию приключенческой литературы".

²На письме помета В.А. Обручева: "Письмо подписал и через Митю 1 января вернул Ефремову".

92

Д.М.С. УОТСОНУ

¹Имеется в виду Д.В. Обручев.

²"Катти Сарк" ("Cutty Sark") – один из самых больших и быстроходных парусников английского торгового флота. В память о его блистательных мореходных качествах корабль был отреставрирован и поставлен в сухой док на вечную стоянку. В настоящее время это один из музейных центров округа Гринвич (Лондон). В 1944 г. был опубликован рассказ И.А. Ефремова об истории парусника. В нем он предсказал, что корабль станет музеем, о чем и написал профессор Уотсон в своем письме.

³После получения разрешения из Иностранного отдела АН СССР И.А. Ефремов отослал Д.М.С. Уотсону отписки статей: "Предварительные результаты работ I Монгольской

палеонтологической экспедиции АН СССР 1946 г.", "Тафономия и геологическая летопись", "О строении коленного сустава высших дицинодонтов", "К вопросу о развитии континентального верхнего палеозоя в Центральной Азии" и др. (Ф. 1712. Оп. 1. Д. 174. Л. 86).

⁴См. коммент. 2 к № 63.

⁵Работа Е.Д. Конжуковой "Нижнепермская фауна Северного Приуралья (бассейн р. Инты)" опубликована в 1954 г.

⁶Статья Б.П. Вьюшкова "Тероцефалы Советского Союза" опубликована в 1955 г.

⁷Котилозавры являлись предметом исследований аспиранта И.А. Ефремова – П.К. Чудинова.

94

А.П. БЫСТРОВУ

¹См. коммент. 1 к № 84.

²И.А. Ефремов был членом редколлегии журнала "Природа" в 1953–1962 гг.

³После смерти Сталина (1953 г.), который безраздельно поддерживал Т.Д. Лысенко и антигенетическое направление в биологии, в научной литературе, газетных публикациях стали появляться критические статьи о научно-теоретических разработках 30–50 годов Т.Д. Лысенко и его последователей. В это время была произведена замена руководства ОБН АН СССР. В 1955 г. академиком-секретарем Отделения был избран академик В.А. Энгельгардт.

95

И.И. ПУЗАНОВУ

¹Речь идет о книге чехословацких путешественников И. Ганзелки, М. Зикмунда "Африка грез и действительности", на которую И.А. Ефремов опубликовал рецензию в журнале "Знание–сила" под названием "Африка как она есть" (1954).

96

Д.И. ЩЕРБАКОВУ

¹Предыстория написания этой записки связана с тем, что при очередном пересмотре структуры Академии наук вставали вопросы о принадлежности институтов, результатами исследований которых пользовались ученые нескольких специальностей, в том числе и Палеонтологического института. Так, в январе 1942 г. Бюро ОГГН приняло решение удовлетворить просьбу академика А.А. Борисьяка о выведении Палеонтологического института из состава ОГГН и включении его в состав ОБН. В августе 1949 г. директор Палеонтологического института Ю.А. Орлов обратился за помощью к академику В.А. Обручеву, так как Геологический институт АН СССР опять поставил вопрос о переводе Палеонтологического института в ОГГН. В.А. Обручев согласился, указывая, что "А.А. Борисьяк настаивал на сохранении института в ОБН и встречал в Совете Академии наук поддержку". Вновь вопрос о принадлежности Палеонтологического института был поднят в 1952–1953 гг., когда Бюро ОГГН постановило добиваться перевода института из ОБН. На заседании Бюро ОБН в январе 1953 г. было принято решение о необходимости рассмотреть этот вопрос на совместном заседании двух отделений с тем, чтобы обсудить принципиальный вопрос о путях развития советской палеонтологии, принципах ее развития и организационные вопросы (Ф. 535. Оп. 1–1939–1944. Д. 170. Л. 9; Ф. 642. Оп. 3. Д. 125; Ф. 534. Оп. 1–1953. Д. 52).

И.А. Ефремов присутствовал на заседании Бюро ОГГН, где обсуждался вопрос о переводе Палеонтологического института из ОБН и был знаком с доводами сторонников этой реорганизации. В публикуемой записке он предложил свое видение решения проблемы.

И.И. ПУЗАНОВУ

¹ В сентябре 1954 г. И.А. Ефремов был приглашен на Конгресс естествоиспытателей Общества амегинистов и Института истории Америки, посвященный столетию со дня рождения аргентинского ученого-палеонтолога Ф. Амегино. К этому конгрессу И.А. Ефремов подготовил доклад на тему "Вопросы захоронения остатков позвоночных в континентальных осадочных толщах". Поездка не состоялась.

² Собирательное наименование сети разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

³ Имеются в виду фотографии фантастических существ, которыми пополнялась карта-тека литературных типов И.А. Ефремова.

⁴ И.А. Ефремов привел эпиграмму на В.Д. Скарятину (Ф.И. Тютчев. Полн. собр. соч. М., 1934. Т. 2. С. 214).

А.П. БЫСТРОВУ

¹ См. коммент. 1 к № 97.

² См. коммент. 1 к № 84.

³ См. коммент. 2 к № 72.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ Статья А.П. Быстрова "Горгонопс из верхнепермских отложений на Волге" была опубликована в "Вопросах палеонтологии" в 1955 г.

² Имеется в виду "Каталог пермских и триасовых позвоночных на территории СССР", опубликованный в 1955 г.

³ Речь идет о работе А.П. Быстрова "Череп парейазавра", опубликованной в 1957 г.

⁴ Речь идет о специализации руководимой А.П. Быстрым лаборатории, которая занималась исследованием силура и девона Ленинградской области.

Ф. ХЮНЕ

¹ Письмо было написано в ответ на обращение профессора Ф. Хюне в Академию наук СССР, в котором он писал: «Так как, вероятно, мне не разрешено иметь прямую письменную связь с моим научным коллегой д[окто]ром Ефремовым (Палеонтологический музей), то я прошу через Академию обратиться к нему с научным запросом.

Я занят подготовкой к печати моей книги "Палеонтология и филогения низших тетрапод". При этом у меня нет точных данных о 15 наименованиях ископаемых завров из СССР, упомянутых в прилагаемом листе. Я был бы очень благодарен, если бы д[окто]р Ефремов занес туда эти данные и, по возможности, скорее направил мне.

Если, кроме того, мне будет разрешено получить новейшую литературу из СССР об ископаемых заврах, то это весьма дополнит указанную книгу, которая должна охватывать всех завров всех стран. Доктор Ефремов должен знать, о каких печатных трудах идет речь» (Ф. 1712. Оп. 1. Д. 219. Л. 2, 3).

² К письму были приложены восемь оттисков работ И.А. Ефремова, написанных в 1946–1954 гг.; среди них: "О подклассе Batrachosauria — группе форм, промежуточных между земноводными и пресмыкающимися", "Гондванские фации северных материков", "О стратиграфии пермских красноцветов СССР по наземным позвоночным", "Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках западного Приуралья" и др.

³ Очевидно, имелся в виду сборник "Материалы по пермским и триасовым наземным позвоночным СССР", опубликованный в 1955 г.

¹ См. № 57 и коммент. 1 к нему.

² В 1955 г. Ефремовы снимали часть дачи академика И.М. Майского в Мозжинке.

¹ Сборник И.А. Ефремова "Алмазная Труба" опубликован в Киеве на украинском языке в 1954 г.

² И.А. Ефремов имел в виду свою книгу "Дорога Ветров".

³ Речь идет о романе И.А. Ефремова "Туманность Андромеды", опубликованном впервые в 1957 г.

⁴ В 1912 г. И.И. Пузанов совершил путешествие вокруг Азии, посетив и о-в Цейлон. Свои воспоминания о Цейлоне, который он назвал "Жемчужина океана", Пузанов опубликовал в книге "Вокруг Азии", вышедшей в 1957 г.

⁵ Речь идет о сыне И.И. Пузанова – Борисе.

¹ И.И. Пузанов был автором сатирической поэмы и ряда стихотворений под общим названием "Трофиминиада", в которых высмеивались антинаучные взгляды академика Т.Д. Лысенко и его последователей, и автором научных статей, развенчивающих постулаты "лысенковской биологии", – "Сальтомутации и метаморфозы" (1954) и др.

² Так И.А. Ефремов называл Т.Д. Лысенко и его сторонников.

³ Д.В. Обручев заведовал Лабораторией низших позвоночных ПИНа АН СССР в 1955–1957 гг.

⁴ См. № 96.

¹ Речь идет о предисловии И.А. Ефремова к сборнику его рассказов, изданному на французском языке Издательством иностранной литературы в 1954 г.

² Речь идет о докладной записке И.А. Ефремова о необходимости создания института сравнительной анатомии на базе Палеонтологического института АН СССР, что было им задумано еще в 1954 г. См. № 103. К сожалению, в материалах АРАН разыскать ее не удалось.

³ В 1956 г. издательством "Молодая гвардия" был опубликован сборник рассказов И.А. Ефремова "Великая Дуга".

¹ Речь идет о переиздании Географгизом книги А. Уоллеса "Тропическая природа", перевод, примечания и вступительную статью к которой подготовил И.И. Пузанов. Первое издание книги было в 1936 г.

¹ Академик И.М. Майский через Книжный отдел АН СССР заказывал для И.А. Ефремова иностранные издания. См. № 122.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ И.А. Ефремов прислал фотографию с карикатуры, на которой был изображен палеонтолог, едущий верхом на осле на поиски ископаемых. На земле перед ним лежит череп мифического единорога. Карикатура была опубликована в "News Bulletin of Society of Vertebrate Paleontology" (1956. № 46).

² В ответ на карикатуру А.П. Быстров нарисовал и послал 4 июня 1956 г. три рисунка, изображающие: положение конечностей у позвоночного по данным анатомии; схематическое строение скелета рептилий из работы И.А. Ефремова "Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья" (1954); положение конечностей по данным И.А. Ефремова, которые А.П. Быстров считал нарисованными неправильно.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ На фотографии была изображена изящная девушка в модном купальном костюме. Ответом А.П. Быстрова были два рисунка, отправленные И.А. Ефремову 27 июня 1956 г.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ К письму была приложена фотография длинноногой девочки на пляже.

А.П. БЫСТРОВУ

¹ К письму была приложена фотография чернокожей девушки, убегающей от морской волны. См. коммент. 2 к № 80.

Э.К. ОЛСОНУ

¹ Имеется в виду совместная работа И.А. Ефремова и Б.П. Вьюшкова "Каталог пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР", изданная в 1955 г.

И.М. МАЙСКОМУ

¹ Речь идет о работе И.А. Ефремова над книгой "Туманность Андромеды". См. № 117.

И.М. МАЙСКОМУ

¹ См. коммент. 1 к № 116.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Упомянутая в письме рецензия отсутствует.

- ¹ Имеется в виду книга Дж. Корбетта "Кумаонские людоеды".

- ¹ Список книг к письму отсутствует.
² Речь идет о книге И.М. Майского "Испания. 1808–1917", опубликованной в 1957 г.
³ Роман "Туманность Андромеды" опубликован в 1957 г.

- ¹ Лавразия (Лауразия) – материк, предположительно существовавший в период палеозоя и включавший Северную Америку, Европу, Азию.
² Гондвана – гигантский суперконтинент, предположительно существовавший в период палеозоя и начале мезозоя в Южном полушарии и включавший части Австралии, Азии, Африки, Южной Америки и, возможно, Антарктиды.
³ Статья "Гондванские фации северных материков" опубликована в 1948 г.

- ¹ Очевидно, имеется в виду книга И.М. Майского "Близко–далеко". См. № 128 и коммент. 1 к нему.

- ¹ О какой статье идет речь, установить не удалось.
² Совместная Советско-Китайская палеонтологическая экспедиция работала на территории КНР в 1959–1960 гг. Разведочные маршруты экспедиции охватили центральную и западную части Внутренней Монголии, провинции Ганьсу, Цинхай и другие области. Были обнаружены 40 местонахождений мезозойских и кайнозойских позвоночных, из них на 11 организованы раскопки, в результате которых были обнаружены новые ископаемые хищники, непарнокопытные древние тапиры и носороги, архаичные свинообразные и жвачные, грызуны и т.д. (Труды Палеонтологического института. 1980. Т. 184. С. 30–33).

- ¹ В октябре 1958 г. И.А. Ефремов в составе делегации Палеонтологического института выехал в Китай для заключения окончательной договоренности о проведении совместной Советско-Китайской палеонтологической экспедиции на территории КНР. В течение месячного пребывания были уточнены вопросы о составе и структуре экспедиции, очередности раскопочных работ, направлении поисковых маршрутов. Члены делегации были ознакомлены с палеонтологическими и археологическими раскопками, состоянием биологических научно-исследовательских и музейных учреждений КНР. И.А. Ефремов прочитал на заседании Палеонтологического общества доклад "О биологических основах палеонтологии" (Ф. 534. Оп. 13. Д. 29. Л. 5–8).

- ² Имелся в виду роман польского писателя Б. Пруса "Фараон".

- ³ В фонде И.И. Пузанова среди копий некоторых произведений В.П. Филатова рассказа с упомянутым И.А. Ефремовым сюжетом не сохранилось.

¹ См. коммент. 2 к № 125.

² В 1958 г. в составе делегации на Международном зоологическом конгрессе приняли участие Д.В. Обручев, Ю.А. Орлов, А.Г. Шаров.

¹ И.М. Майский имел в виду свою повесть для детей "Близко-далеко", опубликованную в 1958 г. Сохранились замечания И.А. Ефремова об этом литературном произведении, датированные июнем 1956 г. Приводим ряд основных пожеланий, высказанных И.А. Ефремовым: "Положительное значение романа и необходимость его напечатания – очевидны, по живости изложения, интересу романа, который можно назвать политическо-приключенческим, и массе познавательного материала, содержащегося буквально на каждой странице рукописи.

Роман очень нужен нашей молодежи, да и взрослому читателю, очень мало знакомому с зарубежным миром, особенно дальних стран – Африки и Аравии.

Но мне кажется, что роман нуждается еще в некоторой подработке и редакционном исправлении ряда неудачных или не соответствующих современным установкам мест. Важнейшие дефекты, на мой взгляд:

1. В романе отсутствует мирное сосуществование! Все, кто держатся иной идеологии, хотя и не настроены враждебно к советской группе, но встречаются ею как враги. Только те, кто являются коммунистами или прокоммунистами (я имею в виду европейцев), становятся друзьями советской тройки*. Хорошие англичане даже привязываются к нашим людям (что и вполне естественно), но наши-то показаны какими-то каменно-фантастическими, враждебными ко всему чужому. <...>

2. В соответствии с п. 1 повсюду лежит налет враждебности к зарубежной жизни. Это слабость писателя, так как преимущества нашего строя надо показывать не через опорочивание чужого. Так и наша советская тройка слишком легко справляется со всеми затруднениями (и очень сложными) в самых разнообразных условиях. Все кругом страдают и деморализуются, а наши – даже не чувствуют ничего, точно танки! Надо обязательно показать, что они тоже мучаются и страдают, т.е. что они тоже обыкновенные люди, сильные своим достоинством, неприхотливостью и дисциплиной, а не нищеанско-фашистские сверхчеловеки..." (АРАН. Ф. 1702.)

² См. коммент. 1 к № 126.

¹ Предложения И.А. Ефремова по структурной перестройке Палеонтологического института были выношены на протяжении многих лет. Впервые с предложениями по этому вопросу И.А. Ефремов выступил в 1954 г. в обращении к академику-секретарю ОГН АН СССР Д.И. Щербакову (см. № 96).

² И.А. Ефремов имел в виду объединение Палеозоологического института с Лабораторией экспериментальной зоологии и морфологии и образование Института эволюционной морфологии и палеозоологии на основании постановления Президиума АН СССР от 5 октября 1934 г. и организацию самостоятельного Палеонтологического института на основании решений Президиума и Общего собрания АН СССР в декабре 1936 г.

³ О позиции Ю.А. Орлова свидетельствует решение ученого совета Палеонтологического института от 10 декабря 1959 г., на котором единогласно было принято решение считать "перевод института в Отделение геолого-географических наук неправильным и вредным для дальнейшего развития советской палеонтологии" (Ф. 1712. Оп. 1. Д. 270. Л. 12—

* В повести – три главных героя.

13), и письмо Ю.А. Орлова директору Зоологического института АН СССР академику Е.Н. Павловскому с просьбой поддержать Палеонтологический институт в стремлении сохранить его в системе Отделения биологических наук. Такая поддержка была оказана, и в решении ученого совета Зоологического института было сказано о вреде реорганизации Палеонтологического института в системе Отделения геолого-географических наук, но оговорена необходимость организации более действенных форм связи и координации проводимых конкретных исследований с задачами геологической практики (Там же. Л. 15–17).

⁴ Палеозоологический институт был создан на базе реорганизации Геологического музея АН СССР совместно с Геологическим и Петрографическим институтами на основании решения Общего собрания АН СССР в апреле 1930 г.

⁵ На письме И.А. Ефремова президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов наложил резолюцию: "Н.М. Сисакяну, Д.И. Щербакову, Ю.А. Орлову. Прошу рассмотреть с привлечением специалистов палеонтологов и дать предложения". Комиссия, созданная по поручению президента АН СССР под председательством академика В.Н. Сукачева, в состав которой входили в основном сотрудники Палеонтологического института, отклонила предложения И.А. Ефремова (АРАН. Ф. 534. Оп. 1–1960. Д. 62. Л. 113–115).

130

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Сборник рассказов И.А. Ефремова под названием "Юрта Ворона" опубликован в издательстве "Молодая гвардия" в 1960 г.

² Рассказ И.А. Ефремова "Сердце Змеи" опубликован впервые в журнале "Юность" в 1959 г.

³ См. № 25.

⁴ Рассказ И.А. Ефремова "Афанеор, дочь Ахархеллена" опубликован впервые в журнале "Нева" в 1960 г.

⁵ Туареги – народ, живущий в ряде районов Африки.

131

Б.А. ТРОФИМОВУ

¹ Речь идет о раскопках местонахождения мезозойских рептилий в центральных районах Гоби, где были добыты скелет гигантского анкилозавра, остатки игуанодонтов и гадрозавров, которые послужили исходным материалом для сравнительного анализа ископаемых животных Монголии и Казахстана.

² См. коммент. 1 к № 126.

132

Ю.А. ОРЛОВУ

¹ Имеется в виду отдел Академии наук СССР, ведавший иностранными связями советских ученых, оформлением заграничных командировок и экспедиций.

² Речь идет о некоторых затруднениях при назначении А.К. Рождественского руководителем Советско-Китайской палеонтологической экспедиции 1959–1960 гг.

³ См. коммент. 1 к № 89.

⁴ Ю.А. Орлов был избран действительным членом АН СССР в 1960 г.

⁵ См. № 134 и отзыв И.А. Ефремова о научной деятельности Ю.А. Орлова (см. настоящую книгу, с. 236–238).

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Дирекция Палеонтологического института до истечения полномочий И.А. Ефремова как заведующего одной из лабораторий института назначила на эту должность молодого сотрудника Л.П. Татарина, позднее академика и директора Палеонтологического института. Тем не менее И.А. Ефремов хотел продолжать свою научную деятельность в Палеонтологическом институте.

² См. № 132.

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Упомянутое письмо не сохранилось.

² См. коммент. 1 к № 126.

³ Имеется в виду А.К. Рождественский.

⁴ См. коммент. 1 к № 133.

⁵ Статья "Крупные ошибки одного института" была написана Л.Ш. Давиташвили. После ее публикации Президиум АН СССР создал Комиссию по рассмотрению дел в Палеонтологическом институте, заслушал итоги ее работы и о результатах этой проверки информировал Отдел науки ЦК ВКП(б). Подробнее см. коммент. 2 к № 58.

⁶ Эта фраза из письма-завещания Д.И. Менделеева своим детям впервые была напечатана в 1933 г. в книге П. Слетова и В. Слетовой "Менделеев".

⁷ Ю.А. Орлов возглавлял кафедру палеонтологии Московского университета в 1943–1966 гг.

⁸ Очевидно, Ю.А. Орлов имел в виду длительное нахождение И.А. Ефремова на инвалидности в результате резкого ухудшения здоровья ученого после Монгольских палеонтологических экспедиций 1946–1949 гг.

Э.К. ОЛСОНУ

¹ О какой книге упоминал И.А. Ефремов, установить не удалось.

² Речь идет о книге Э.К. Олсона "Позднепермские наземные позвоночные США и СССР"; И.А. Ефремов по просьбе автора подготовил развернутый отзыв на главу "Русская пермь", где в заключение писал: "Вы показали глубокое понимание всех сторон сложного исследования истории пермских позвоночных в очень короткое время Вашего посещения (но, конечно, годами предварительной подготовки)..." (Ф. 1712. Оп. 1. Д. 280. Л. 59).

³ "Ежегодники по фотографии" И.А. Ефремов использовал для пополнения своей картотеки прототипов литературных персонажей.

И.М. МАЙСКОМУ

¹ Очевидно, имелся в виду роман И.А. Ефремова "Лезвие бритвы".

² Статья И.А. Ефремова называлась "Наклонный горизонт. Заметки о будущем литературы".

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Двухтомник воспоминаний И.М. Майского под названием "Воспоминания советского посла" опубликован в 1964–1965 гг.

² На Всесоюзном совещании И.М. Майский выступал в прениях по докладу Б.Н. Пономарева "Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории".

П.К. ЧУДИНОВУ

¹ После смещения Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. с поста первого секретаря ЦК КПСС, который всецело поддерживал "народного академика" Т.Д. Лысенко, началось возрождение генетики и биологических наук в стране. В январе 1966 г. был ликвидирован Институт генетики, руководимый Т.Д. Лысенко, и создан Институт общей генетики. В распоряжении Т.Д. Лысенко осталась лишь экспериментальная база "Горки Ленинские".

² В 1964 г. А.К. Рождественский возглавлял Алайскую экспедицию Палеонтологического института в Узбекистане по исследованию континентальных мезозойских отложений приферганских хребтов.

³ Речь идет об обработке материалов Палеонтологической экспедиции в Оклахоме (штат США), где были обнаружены животные, близкие дейноцефаловой фауне Западного Приуралья.

⁴ Намнандорж являлся представителем Монгольского комитета наук, он вел переговоры о палеонтологических раскопках на территории Монголии и был недружественно настроен к российским ученым.

⁵ См. № 43–54 и "О Монгольской палеонтологической экспедиции. Отчетный доклад для Общего собрания АН СССР" (см. наст. книгу, с. 213–226).

Н.Ф. ЖИРОВУ

¹ И.А. Ефремов имел в виду книгу Н.Ф. Жирова "Атлантида. Основные проблемы атлантологии", опубликованную в 1964 г.

И.М. МАЙСКОМУ

¹ См. коммент. 1 к № 137.

² Возможно, имеется в виду научно-популярная брошюра И.А. Ефремова "Тайны прошлого в глубинах времен", опубликованная в 1968 г.

Э.К. ОЛСОНУ

¹ В письме Э.К. Олсона были поставлены вопросы о значении книги Л.Ш. Давиташвили "Развитие идей и методов в палеонтологии после Дарвина", на которые и отвечал И.А. Ефремов в публикуемом письме.

² Роман И.А. Ефремова "Лезвие бритвы" опубликован впервые в 1963 г. в журнале "Нева".

³ И.А. Ефремов имел в виду книгу Ю.И. Семенова "Как возникло человечество" (1966).

И.А. ЕФРЕМОВУ

¹ Э.К. Олсон имел в виду статьи, опубликованные в "Комсомольской правде" в рубрике "Философские тетради современника", где рассматривались вопросы философии и диалектики (24 дек. 1965 г., 23 июня и 20 сент. 1966 г.).

² См. коммент. 3 к № 142.

³ Сведений о написании И.А. Ефремовым комментариев к статье Э.К. Олсона о Л.Ш. Давиташвили не имеется, но смысл высказываний отражен в письме И.А. Ефремова – № 142.

¹ См. № 79.

² Эта фраза впоследствии стала названием книги Э.К. Олсона о палеонтологии, о людях, которые занимаются ею в различных странах, о воззрениях И.А. Ефремова на проблему связей человечества с космосом, о многогранности окружающих человека явлений и их оценке с разных позиций американской и русской культурами.

¹ Роман И.А. Ефремова "Час Быка" опубликован впервые (сокращенный вариант) в 1968 г. в журнале "Техника – молодежи", в 1969 г. – в журнале "Молодая гвардия", книжное издание осуществлено в 1970 г., затем роман не переиздавался до 1988 г. В мае 1987 г. в Доме ученых, на вечере памяти, посвященном 80-летию И.А. Ефремова, зал аплодировал после прочтения ряда отрывков из романа, характеризующих порядки, процветающие на мифической планете Торманс, так как они являются фантастическим слепком нашей реальной действительности.

Умолчание официальной критикой романа "Час Быка" делает интересной и важной оценку этого произведения со стороны читателей. Приводим отрывки из замечаний И.И. Пузанова на роман, датированные 1969 г.

«...Стр. 26. Очень тонкий намек на стремление взять несовершенную социальную систему, самоизолировавшись, охраняя себя от контакта с другими системами из чувства самосохранения. Стр. 40. Правильные характеристики гангстеров и капитализма США и лжесоциализма Китая с намеком на СССР. Стр. 41. Лжесоциализм – искореняет всякую религию. Стр. 57. Засекречивание – намек на СССР. Стр. 76. Истребление природы – намек на Землю. Стр. 108. Приветствую выпад против вивисекции земных физиологов и мясоедения. Приветствую, что вспомнил "древнего" поэта Макса Волошина "Будь прост, как ветер, неистощим, как море, и памятью насыщен, как Земля" (...)»

Стр. 87. "Час Быка, 2 часа ночи – так называлось в древности наиболее томительное для человека время до рассвета, когда властвуют демоны зла и света", монголы Центральной Азии определяли так: "Час Быка кончается, когда лошади укладываются перед утром на землю". Стр. 67. "Олигархия не любит историю". Не в бровь, а в глаз!... Стр. 102. Намек: "Ваша система не обеспечивает прихода к власти умных и порядочных людей...", т.е. тенденция к некомпетентности правящих кругов (Н.С. Хрущев!). Стр. 113. Намек на Гитлера, Сталина (власть в руках психически ненормальных людей). Стр. 125. Правильно о вреде химических удобрений. Стр. 128. Ложь – главное бедствие. Ничего не сделано для преодоления лжи. Увы! Она присуща органически миру. Мимикрия! Стр. 158. После ликвидации веры в загробную жизнь и вообще религию – оттаянье сознания, бесцельность существования только при капиталистическом строе? Стр. 208. Намек: "Любой институт, любой театр может быть назван именем человека, не имеющего никакого отношения к науке и искусству, только к власти!" Стр. 225. Опять намек: под мудрым руководством... изъятие из библиотек неугодной литературы. Стр. 228. Не клеветайте на мир – якобы диалектически построенный! Стр. 130. Неверное определение мещан, которые берут больше, чем следует. Стр. 132. Намек на необходимость решеток для охраны скульптур. (...) Стр. 200. Бдительная жалость и нежность – наследство прошлого, они не нужны в коммунистическом обществе! Протестую!» (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 92. Л. 85–86. Автограф).

² Речь идет о книге И.А. Ефремова "Лезвие бритвы".

³ Слова из стихотворения Ф. Сологуба "В поле не видно ни зги" (1897).

⁴ Статья И.А. Ефремова "Космос и палеонтология" опубликована в сборнике "Населенный космос" в 1972 г.

⁵ И.А. Ефремов имел в виду произведения М. Булгакова.

¹ В своем письме Э.К. Олсон рассказал И.А. Ефремову, что, когда он с женой приезжал в Россию в 1969 г., заботы о саде при доме были поручены молодому человеку, который не выполнил взятых на себя обязательств.

¹ Идея издания писем И.А. Ефремова возникла у Э.К. Олсона еще в 1971 г., но была осуществлена только в 1990 г.

² И.А. Ефремов имел в виду свой вклад в исследование тетрапод на Европейском и Азиатском материках.

НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ

ЛЕНА-АЛДАНСКАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ (ПОЛЕВОЙ) ОТЧЕТ ОЛЕКМО-ТЫНДИНСКОЙ ПАРТИИ

¹ На отчете имеется резолюция директора Геологического института АН СССР академика А.Д. Архангельского: "Отчет может быть принят лишь как предварительный".

Отчет был подготовлен И.А. Ефремовым по результатам одной из экспедиций, организованной Советом по изучению производительных сил АН СССР в 30-е годы для анализа и геологического обоснования прокладки трассы Байкало-Амурской магистрали. Материалы этой экспедиции легли в основу статьи И.А. Ефремова "Геологический очерк реки Нюкжи и Олекминского Становика", опубликованной в 1935 г. в "Трудах СОПС".

² Карбаз – правильное карбас, сибирская большая плоскодонная лодка.

³ Румб (англ.). Слово имеет несколько значений. В данном случае И.А. Ефремов имел в виду геодезическое значение этого слова – угол между меридианом и данным направлением.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

ПРИБАЙКАЛЬСКАЯ ГЕОЛОГО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, ВЕРХНЕ-ЧАРСКАЯ ПАРТИЯ. ОТЧЕТ О РАБОТАХ В ВЕРХНЕ-ЧАРСКОЙ КОТЛОВИНЕ В 1934–1935 гг.

¹ Документ является копией отчета, направленного в Геологоразведочный трест "Востокнефть", который финансировал проведение этой экспедиции. Наряду с комплексным изучением трассы будущей Байкало-Амурской магистрали в геологическом, гидрогеологическом, мерзлотном, геоморфологическом отношениях, геологической съемкой местности экспедиция проводила сбор данных о возможной нефтеносности Чарской и Тункинской котловин.

Академик В.А. Обручев в своем заключении о работах Байкальской экспедиции так оценивал итоги исследований Верхне-Чарского отряда, руководимого И.А. Ефремовым:

"...Чарский отряд имел задачей подобное же изучение впадины вдоль верхнего течения р. Чары в связи с ее сбросовым происхождением и возможной нефтеносностью. Несмотря на позднее начало работ из-за задержки ассигнования средств, отряд не только выполнил указанные задачи, но распространил исследования на соседнюю совершенно неизученную местность с впадинами в верховьях р. Токко и долин этой реки, выяснил в общих чертах ее геологическое строение и собрал много новых данных о докембрии, кембрии, тектонике, юрских и четвертичных отложениях района.

...Тункинская и Чарская партии смогли начать полевые работы очень поздно, в особенности последняя, которая выполнила свои задачи только при крайнем напряжении сил всех сотрудников и закончила исследования уже в условиях зимы при сильных морозах, не

имея соответствующего снаряжения. Задержка ассигнований тормозила также камеральную обработку материалов экспедиции, законченную поэтому позже договорного срока...

Академик В. Обручев"

АРАН. Ф. 174. Оп. 5а. Д. 8. Л. 50–51.

К сожалению, ограниченный объем книги не позволяет опубликовать отчет полностью. Сокращения авторского текста касаются в основном геологического раздела, который содержит специфический материал с характеристикой стратиграфии района и особенностей пород.

О МОНГОЛЬСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД ДЛЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АН СССР

¹ Доклад был подготовлен И.А. Ефремовым в марте 1949 г. и представлен в Протокольный отдел Президиума Академии наук СССР. В заключениях рецензентов на рукопись отмечалось, что работа Монгольской экспедиции оправдала затраченные на нее средства, дала новые сведения по стратиграфии, геологии Монголии и в области палеонтологии. Доклад был оценен как интересный и содержательный. Однако "неакадемическая" форма изложения вызвала замечания рецензентов, которые предложили сделать его более научным, опустив упоминания о тех сложностях, организационных неурядицах, тяжелых природных условиях работы Монгольской экспедиции. Такие изменения И.А. Ефремовым были внесены. Исправленный вариант доклада в мае 1949 г. был одобрен для заслушивания на Общем собрании Академии наук (Ф. 2. Оп. 4а. Д. 76. Л. 98–100, 192–199). Однако заслушивание так и не состоялось. Первый вариант доклада стал прообразом научно-популярной книги И.А. Ефремова "Дорога Ветров", а второй – лег в основу научных статей И.А. Ефремова, опубликованных позднее. Мы выбрали для публикации первый вариант, который, на наш взгляд, ярче передает суть человеческой и писательской натуры И.А. Ефремова.

² Документы о подготовке экспедиции в Монголию в 1941 г. были опубликованы в сборнике "Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941 гг.". М.: Наука, 1992. С. 221–223.

³ См. № 33.

⁴ См. № 42–55.

⁵ См. № 38.

⁶ Аймак (монг.) – административная единица в МНР, соответствующая нашей области.

⁷ См. коммент. 2 к № 48.

⁸ Бэль (монг.) – высокий цоколь горного хребта, образовавшийся из продуктов разрушения и окаймляющий его подножие.

⁹ См. № 57, 58.

ОТЗЫВ НА КНИГУ АКАДЕМИКА В.А. ОБРУЧЕВА "ЗАПИСКИ КЛАДОИСКАТЕЛЯ В ДЕБРЯХ АЗИИ"

¹ Книга В.А. Обручева была издана Географгизом в 1951 г. под названием "В дебрях Центральной Азии. (Записки кладоискателя)."

² Романы В.А. Обручева "Плутония" и "Земля Санникова" изданы впервые соответственно в 1924 и 1926 гг. и позже многократно переиздавались.

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВСЕСОЮЗНОМ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ НА ТЕМУ "ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ПАЛЕОНТОЛОГИИ ПОЗВОНОЧНЫХ"

¹ Текст был подготовлен для выступления в прениях по докладу директора Палеонтологического института члена-корреспондента АН СССР Ю.А. Орлова "Задачи советской палеонтологии" и содокладу академика АН ГССР Л.Ш. Давиташвили "Наши задачи в области теоретических основ палеонтологии" и существенно дополнил их постановкой конкретных задач и выработкой направления деятельности Палеонтологического института в

этой области. По состоянию здоровья И.А. Ефремов не смог выступить на совещании. Текст выступления считал кандидат биологических наук А.К. Рождественский.

² Имелось в виду учебное пособие И.И. Шмальгаузена "Основы сравнительной анатомии позвоночных животных (нормальное руководство для высшей школы)", изданное впервые в 1923 г. (4-е издание осуществлено в 1947 г.).

³ Предвидение открытий новых фаунистических комплексов в раскопках пермских красноцветов сбылось: была открыта самая древняя очёрская фауна, ставшая недостающим звеном в понимании развития пермских рептилий.

⁴ См. коммент. 2 к № 123.

⁵ См. коммент. 1 к № 123.

⁶ И.А. Ефремовым были подготовлены записки о планах палеонтологических исследований в Индии, Бирме (1955 г.), Афганистане (1956 г.) (Ф. 1712. Оп. 1. Д. 232. Л. 8, 58–60).

ОБ АЛЕКСЕЕ ПЕТРОВИЧЕ БЫСТРОВЕ

(ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ В ЛГУ, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ А.П. БЫСТРОВА)

¹ См. № 10 и коммент. 1 к нему, № 23 и коммент. 1 к нему.

² См. № 27 и коммент. 5 к нему.

³ См. наст. книгу, с. 31

ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ОРЛОВА

¹ Имелись в виду работы Ю.А. Орлова 1922–1928 гг., посвященные гистологическим исследованиям симпатической нервной системы беспозвоночных животных – членистоногих и моллюсков.

² Речь идет о статье Ю.А. Орлова "Semantor macrurus (ordo Pinnipedia, fam. Semantoridae fam. nova) aus den Neogen – Ablagerungen Westsibiers", опубликованной в 1933 г.

³ Имелся в виду цикл работ Ю.А. Орлова 1947–1948 гг., посвященных исследованию ископаемых куниц (перуниум) неогена Евразии, верхнетретичных отложений Украины.

⁴ См. № 19 и коммент. 1 к нему.

⁵ Имелась в виду монография Ю.А. Орлова "Хищные дейноцефалы фауны Ишеева (титанозухи)", изданная в 1958 г.

⁶ Речь идет о книге Ю.А. Орлова "В мире древних животных. Очерки по палеонтологии позвоночных", изданной в 1961, 1968 и 1991 гг.

⁷ "Основы палеонтологии. Справочник для палеонтологов и геологов СССР" издавались в течение 1958–1964 гг.

⁸ Ю.А. Орлов был командирован во Францию в 1956 г. для чтения лекций в Парижском университете.

⁹ Награждение состоялось в 1959 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН –	Академия наук
ВАСХНИЛ –	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВММА –	Военно-морская медицинская академия
ВСЕГЕИ –	Всесоюзный геологический институт
ВСЕГИНГЕО –	Всесоюзный научно-исследовательский институт гидрогеологии и инженерной геологии
ГИН –	Геологический институт РАН
ГТУ –	Главное таможенное управление
ЖКО –	Жилищно-коммунальный отдел
ЗИН –	Зоологический институт РАН
ИМЭ (ИЭМЭЖ) –	Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова, ныне Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова РАН
ЛАФОКИ –	Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет
ЛМИ –	Ленинградский медицинский институт
МГРИ –	Московский геологоразведочный институт
МГУ –	Московский государственный университет
МОИП –	Московское общество испытателей природы
ОБН –	Отделение биологических наук РАН
ОГН –	Отделение геолого-географических наук РАН
ОФМН –	Отделение физико-математических наук АН
ПИН –	Палеонтологический институт РАН
РИСО –	Редакционно-издательский совет АН
РККА –	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СОПС –	Совет по изучению производительных сил АН
ЦНИГРИ –	Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А.А., Агния Александровна см. Майская А.А.
- А.А.Б., Алексей Алексеевич см. Борисяк А.А.
- А.А.Е. см. Емельянов А.А.
- А.Б., А.П., А.П.Б. см. Быстров А.П.
- Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) – художник-маринист 64
- Александров И.М. – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Аллан см. Ефремов А.И.
- Амалицкий Владимир Прохорович (1860–1917) – геолог и палеонтолог, в 1899–1914 гг. осуществил раскопки северодвинской фауны земноводных и пресмыкающихся пермского периода 9, 10, 32, 52, 107, 117, 230, 241, 242, 248
- Амегино (Ameghino) Флорентино (1854–1911) – аргентинский палеонтолог 256
- Ананьева В.А. см. Ефремова В.А.
- Андрей см. Бородаевский А.
- Андромеда – в греческой мифологии дочь царя Эфиопии, именем которой названо созвездие Северного полушария 25, 33, 34, 166, 168, 257–259
- Андросов Василий Иванович – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 92
- А.Н.Р. см. Рябинин А.Н.
- Арсеньев Алексей Александрович (1907 г.р.) – сотрудник Геологоразведочного треста "Восток-нефть", петрограф Верхне-Чарской партии Прибайкальской геолого-петрографической экспедиции 1934–1935 гг., позже научный сотрудник ГИНа АН СССР 13, 14, 199, 207
- Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940) – геолог, академик АН СССР (1929), директор ГИНа АН СССР (1934–1939) 265
- Афанеор – героиня рассказа И.А. Ефремова "Афанеор, дочь Ахархеллена" 172, 261
- Афродита – в греческой мифологии богиня любви и красоты 186
- Б.А., Б.А.Т. см. Трофимов Б.А.
- Баранов Н.Л. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Бартлетт (Bartlett) М.С. – автор книги "An Introduction to Stochastic Processes" 155
- Баурджед – герой повести И.А. Ефремова "На краю Ойкумены" 137, 254
- Бауржар – персонаж повести И.А. Ефремова "На краю Ойкумены" 137
- Безбородов Тимофей Гаврилович – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 92, 95, 96, 105
- Беляева Елизавета Ивановна (1894–1983) – палеозоолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР 97
- Бербанк (Burbank) Лютер (1849–1926) – американский селекционер, дарвинист 184
- Берг Лев Семенович (1876–1950) – географ и биолог, академик АН СССР (1946), специалист-ихтиолог ЗИНа АН СССР (1934–1950) 4, 29, 42–45, 184, 240
- Бишоф Вольдемар Самуилович (1896–?) – старший лаборант ПИНа АН СССР 49, 97
- Блиндер Илья Израильевич (1898–?) – начальник планово-финансового сектора Техснаба АН СССР 94
- Бобин Евгений Сергеевич (1897–?) – геолог, горный инженер ЦНИГРИ 192, 193, 201, 206, 211

- Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) – геолог и палеонтолог, академик АН СССР (1929), первый директор ПИНа АН СССР, основатель научной школы палеонтологии позвоночных 9, 11, 17, 19, 37, 45, 49, 51, 52, 56, 59, 61, 117, 170, 171, 235–237, 241, 242, 245, 253, 255
- Бородаевский Андрей – рабочий Палеонтологической экспедиции в Голюшмере 134
- Бочвар Андрей Анатольевич (1902–1984) – специалист в области металловедения, академик АН СССР (1946) 178
- Брандис Евгений Павлович (1916–1985) – литературовед, критик 30
- Браунинг (Browning) Роберт (1812–1889) – английский поэт 108, 248
- Брилев Н.А. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Бройли (Broili) Фердинанд (1874–1946) – немецкий палеонтолог, иностранный член АН СССР (1932) 41
- Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) – механик, академик АН СССР (1942), академик-секретарь АН СССР (1943–1949) 246
- Брум (Broom) Роберт (1866–1951) – южноафриканский палеонтолог, приехал в Россию в 1910 г. для знакомства с северодвинской коллекцией В.П. Амалицкого 40, 42, 55, 77, 81
- Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966) – археолог, автор исторических романов 137
- Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) – писатель, драматург 264
- Бурчак-Абрамович Николай Иосифович (1902 г.р.) – палеонтолог, сотрудник Естественноисторического музея АН Азербайджанской ССР в 50-е годы 97
- Быстров Алексей Петрович (1899–1959) – профессор Военно-медицинской академии (1929–1937, 1939–1946), доктор биологических наук, старший научный сотрудник ПИНа АН СССР (1937–1939), заведующий Палеонтологической лабораторией ЛГУ (1946–1959), анатом, палеонтолог, художник, воссоздал облик многих ископаемых животных, друг И.А. Ефремова, прототип героев его произведений 4, 17, 18, 23, 28–32, 35, 39–42, 46–51, 53–55, 57–60, 62, 63, 65, 66, 68, 70, 72–77, 80–82, 100, 107–109, 111–113, 115, 116, 140, 141, 146–148, 155–159, 234–236, 240–250, 255, 256, 258, 267
- Быстрова Гильда Юрьевна – жена А.П. Быстрова 31, 50, 58, 73, 77, 78, 80–83, 101, 108, 109, 111–114, 140, 141, 147, 148, 241, 247
- Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – биолог, генетик, академик АН СССР (1929), основоположник современного учения о биологических основах селекции 25, 27
- Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) – физик, академик АН СССР (1932), президент АН СССР (1945–1951) 34, 78, 246
- Ван-Фун-Ду – повар Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Ватсон см. Уотсон Д.М.С.
- Вегенер (Wegener) Альфред Лотар (1880–1930) – немецкий геофизик, автор гипотезы о развитии земной коры 52, 242
- Векслер Владимир Иосифович (1907–1966) – физик, академик АН СССР (1958) 178
- Верн Жюль (1828–1905) – французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики 7, 9
- Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – естествоиспытатель, геолог, геохимик, минералог, кристаллограф, академик Петербургской АН (1912) 4, 6, 28, 36, 37, 239
- Вестолл (Westoll) Стенли – английский геолог, преподаватель геолого-минералогического факультета Абердинского университета 47, 67, 245
- В.И.Г. см. Громова В.И.
- Винер (Wiener) Норберт (1894–1964) – американский математик, основоположник кибернетики 155
- Волков Павел Михайлович – сотрудник Управления кадров АН СССР 87
- Вологдин Александр Григорьевич (1896–1971) – геолог, палеонтолог, член-корреспондент АН СССР (1939) 253

- Володя см. Пресняков В.А.
- Волошин Максимилиан (1877–1932) – поэт, художник 250, 264
- Волошина Мария Степановна (1887–1976) – жена М. Волошина 136, 152
- Воронина Е. – журналист, автор публикации об И.А. Ефремове 30
- В.С.Б. см. Бишоф В.С.
- Вудворд (Woodward) Артур Смит (1864–1944) – английский палеоихтиолог, хранитель Отдела геологии Британского музея, почетный член Российской АН (1925) 40, 41
- Вылежанин Николай Петрович – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 83–86, 92, 95
- Вьюшков Борис Павлович (1926–1958) – палеонтолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР 20, 21, 98, 102, 116, 133, 149, 150, 251, 253, 258
- Вялов Олег Степанович (1904 г.р.) – геолог и палеонтолог, академик АН УССР (1948) 254
- Ганзелка Иржи (1920 г.р.) – чехословацкий путешественник 255
- Гартман-Вейнберг Александра Паулиновна – палеонтолог, заведующая отделом ПИНа АН СССР в 30-е годы, заведующая Палеонтологической лабораторией МГУ в 40-е годы 48, 53, 69, 114, 148, 241, 242
- Г.-В. см. Гартман-Вейнберг А.П.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ 59
- Геккер Роман Федорович (1900–1991) – палеозоолог, доктор биологических наук, заведующий отделом ПИНа АН СССР 16, 17, 43, 90, 98, 129, 243
- Герасимов Александр Павлович (1862–1942) – геолог, петрограф, исследовал районы рек Лены, Олекмы, Чары в 1902 г. 201
- Гирин – главный герой романа И.А. Ефремова "Лезвие бритвы" 31
- Гитлер Адольф (1889–1945) – глава Германского государства (1933–1945) 65, 181, 264
- Гольмгрен см. Хольмгрен
- Григорьев П.Э. – геолог, исследовал Верхне-Чарский район в 1930 г. 200
- Грин Александр Степанович (1880–1932) – писатель, автор романтических произведений 166
- Громов Валериан Иннокентьевич (1896–1978) – геолог, доктор геолого-минералогических наук, заведующий отделом ИГН АН СССР, участник Монгольской палеонтологической экспедиции 32, 97, 243
- Громова Вера Исааковна (1891–1973) – палеонтолог, доктор биологических наук, заведующая отделом ПИНа АН СССР 49
- Гудрич (Goodrich) Эрвин Стефен (1868–1946) – английский зоолог, иностранный член Российской АН (1924) 51
- Гуревич Георгий Иосифович (1917 г.р.) – прозаик 30
- Г.Ю., Гильда Юрьевна см. Быстрова Г.Ю.
- Давиташвили Лео Шиович (1895–1977) – геолог и палеонтолог, академик АН ГССР (1944), профессор МГУ 62, 111, 184–187, 254, 262, 263, 266
- Давыдов Василий Александрович – учитель И.А. Ефремова 8
- Данильченко Павел Георгиевич (1903 г.р.) – ихтиолог, доктор биологических наук, зам. директора ПИНа АН СССР (1948–1954) 87, 109
- Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора 6, 17, 180, 263
- Дашенька, Дарья Аллановна Ефремова (1962 г.р.) – внучка И.А. Ефремова 181
- Д.В., Д.В.О., Дмитрий, Митя см. Обручев Д.В.
- Деперэ (Deperet) Шарль Жан Жюльен (1854–1929) – французский геолог, палеонтолог, иностранный член АН СССР (1927) 9
- Джедефра – фараон IV династии Древнего Царства (Египет), персонаж повести И.А. Ефремова "На краю Ойкумены" 137
- Джедкар – персонаж повести И.А. Ефремова "На краю Ойкумены" 137

- Джоггинс – геолог 117
- Дмитриевский Владимир Иванович (1908–1978) – прозаик, литературовед 30
- Дойл Артур Конан (1859–1930) – английский писатель, автор детективных, исторических и научно-фантастических произведений 7, 9
- Долгополов Виктор Нифонтович (1893–?) – начальник Центрального управления снабжения АН СССР 94
- Долло (Dollo) Луи (1857–1931) – бельгийский палеонтолог, профессор Брюссельского университета, положил начало эволюционному изучению палеонтологических объектов 59
- Дымов Феликс – журналист, автор публикации об И.А. Ефремове 30
- Дюбуа (Dubois) Эжен (1858–1940) – голландский антрополог, врач, профессор и директор Геологической лаборатории Амстердамского университета 55
- Е.Д., Елена Дометьевна см. Конжукова Е.Д.
- Емельянов Александр Андрианович (1878–1946) – кандидат биологических наук, научный сотрудник Казанского, позднее – Дальневосточного филиала АН СССР 48, 50
- Енишевский см. Янишевский М.Э.
- Енот см. Лукьянова М.Ф.
- Е.С.П. см. Порецкая Е.С.
- Ефремов Аллан Иванович (1936 г.р.) – сын И.А. Ефремова, геолог 27, 57, 130, 134, 136, 138, 141, 146, 151, 253
- Ефремов Антон (Антип) Харитонович (1861–?) – отец И.А. Ефремова 6, 7, 27
- Ефремов Василий Антонович (1909–1941?) – брат И.А. Ефремова 7
- Ефремов Харитон – дед И.А. Ефремова 7
- Ефремова Варвара Александровна (1890–1948) – мать И.А. Ефремова 6, 7, 27
- Ефремова Надежда Антоновна (1907–1971) – сестра И.А. Ефремова 7
- Ефремова Таисия Иосифовна (1926 г.р.) – вдова И.А. Ефремова 10–12, 14, 27, 29, 33, 35, 117, 161, 162, 172, 175, 179, 181–183, 189
- Жемчужников Юрий Аполлонович (1885–1957) – геолог, член-корреспондент АН СССР (1946) 117
- Жилкин И.Н. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Жиров Николай Феодосьевич (1903–1971) – доктор химических наук, писатель 183, 263
- Жукова Мария Петровна (1898–1984) – препаратор ПИНа АН СССР 87, 98
- Заварзин Александр Александрович (1886–1945) – гистолог, академик АН СССР (1943), создатель научной школы эволюционной гистологии 236
- Залесский Михаил Дмитриевич (1877–1946) – палеоботаник и палеознтомолог, член-корреспондент АН СССР (1929) 253
- Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969) – нарком(министр) финансов СССР (1938–1960) 128
- Зверев В.И. – геолог, участник Алданской экспедиции 1912 г. 193
- Зикмунд Мирослав (1919 г.р.) – чехословацкий путешественник 255
- Зубков Вячеслав Иванович – краевед 134, 135, 253
- Зубов Иван Васильевич (1899–?) – управляющий делами АН СССР (1935–1938, 1942–1948) 246
- Зух (Such) см. Быстров А.П.
- Зюсс (Süss) Эдуард (1831–1914) – австрийский геолог, иностранный член Петербургской АН (1887) 251
- Иванов М.И. – горный инженер, исследовал районы рек Гилюя, Тимптона, Тынды 193
- Игнатов П.А. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- И.И.Ш. см. Шмальгаузен И.И.
- Ирума – героиня повести И.А. Ефремова "На краю Ойкумены" 128
- Казанцев Александр Петрович (1906 г.р.) – писатель, автор научно-фантастических романов 26, 138
- Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, академик АН СССР (1939), лауреат Нобелевской премии (1978) 178
- Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – писатель 129, 252

- Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1979) – председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы, министр высшего образования СССР 87
- Квиринг (Quiring) Даниэль – автор книги "Functional Anatomy of the Vertebrates" 116
- Кирпичников Аполлон Алексеевич (1910 г.р.) – кандидат биологических наук, зам. начальника Монгольской палеонтологической экспедиции 87, 97, 102
- К.К. см. Флеров К.К.
- Климов П.Н. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Клюева Вера Николаевна – доцент, преподаватель Монгольского государственного университета в 50-е годы 146
- Ковалевский Владимир Онуфриевич (1842–1883) – зоолог, основоположник эволюционной палеонтологии 231
- Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ботаник, академик Российской АН (1920), президент АН СССР (1936–1945) 10
- Комфорт (Comfort) А. – автор книги "Darwin and the Naked Lady" 180
- Конжукова Елена Дометьевна (1902–1961) – палеонтолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР, первая жена И.А. Ефремова 48–51, 53–55, 57, 59, 60, 62, 65, 66, 68, 70, 72, 73, 75, 78, 80, 82, 83, 86, 87, 90, 97, 101, 107, 109, 111, 112, 120, 130, 133, 136, 138, 139, 141, 142, 146, 147, 149–151, 162, 168, 172, 181, 255
- Корбет Джим – автор книги "Куманские людоеды" 259
- Корнилов Н.З. – кладовщик Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Королев Валентин – автор заметки об И.А. Ефреме 27
- Коротеев В. – журналист 254
- Костров – персонаж повести (рукописный вариант) И.А. Ефремова "Звездные корабли", позднее назван Шатровым 69, 70, 245
- Котельников Леонид Григорьевич (1899–?) – геолог ЦНИГРИ, исследовал Олекмо-Чарский район в 1932 г. 201
- Криштофович Африкан Николаевич (1885–1953) – палеоботаник, академик АН УССР (1945), член-корреспондент АН СССР (1953) 54, 254
- Кузьмин Федор М. – препаратор ПИНа АН СССР в 30-е годы 48, 111
- Кукушкин Фома – герой романа В.А. Обручева "В дебрях Центральной Азии. (Записки кладоискателя)" 117, 118, 227–229
- Кун (Kuhn) Оскар – немецкий палеонтолог, профессор Мюнхенского университета 38
- Кучеров Николай Иванович (1905–1964) – астроном 182
- Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) – математик, академик АН СССР (1946) 164
- Лане (Lane) В. Франк – автор книг по зоологии "Animal Wonder World", "Nature Parade" 151
- Ланкестер (Lankester) Эрвин Рей (1847–1929) – английский зоолог, иностранный член Петербургской АН (1895) 9
- Лемешев Сергей Яковлевич (1902–1977) – певец, народный артист СССР (1950) 54
- Ленин Владимир Ильич (1870–1924) – руководитель Советского государства (1917–1924) 25
- Лесючевская О.Н. – коллектор Верхне-Чарской партии Прибайкальской геолого-петрографической экспедиции 13
- Л.И. см. Хозацкий Л.И.
- Лиля см. Олсон Л.
- Лихачев Иван Иванович – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 92, 95, 96
- Личков Борис Леонидович (1888–1966) – геолог, доктор геолого-минералогических наук, заведующий отделом Гидрогеологического института 50, 52, 241
- Лобсын – персонаж романа В.А. Обручева "В дебрях Центральной Азии. (Записки кладоискателя)" 118, 229
- Лондон Джек (1876–1916) – американский писатель 7
- Лукиянова Мария Федоровна (1906–1979) – заведующая препараторской ПИНа АН СССР, участница Монгольской палеонтологической экспедиции, друг И.А. Еф-

- ремова 95, 98, 106, 168, 173, 182, 183
- Лухманов Дмитрий Афанасьевич – капитан, автор морских рассказов 9
- Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – агроном, академик АН СССР (1939), директор Института генетики (1940 – янв. 1966), ярый противник генетического направления в биологии 25, 31, 33, 184, 254, 255, 257, 262, 263
- Л.Ш.Д. см. Давиташвили Л.Ш.
- Майская Агния Александровна (1895–1987) – жена И.М. Майского 60, 133, 155, 161–163, 165, 168, 172, 181–183
- Майский Иван Михайлович (1884–1975) – дипломат, историк, писатель, академик АН СССР (1946) 4, 29, 32, 33, 60, 132, 133, 155, 160–163, 165, 168, 172, 181–183, 243, 253, 257–260, 262
- Макаров Я.А. – геолог, исследовал район Олекминского Становика в 1909–1910 гг. 193
- Максутов Дмитрий Дмитриевич (1896–1964) – оптик, член-корреспондент АН СССР (1946), изобретатель менискового телескопа 116
- Малеев Евгений Алексеевич (1915–1966) – палеонтолог, кандидат биологических наук, участник Монгольской палеонтологической экспедиции 88, 91, 92, 94, 95, 97, 100, 168
- Малышев Илья Ильич (1904 г.р.) – геолог, доктор геолого-минералогических наук, министр геологии СССР (1946–1949) 87
- Марафет, Марафет-Карапет см. Лукьянова М.Ф.
- Маринов Николай Александрович – главный геолог Восточной экспедиции Министерства геологии СССР, позднее директор ВСЕГИНГЕО 122–124, 251
- Мария Степановна см. Волошина М.С.
- Маркс Карл (1818–1883) – основоположник теории коммунизма 185
- Мартин (Martin) Ж. – руководитель французской экспедиции в Сибири 200
- Мартынов Андрей Васильевич (1879–1938) – зоолог, палеозоолог, доктор биологических наук, сотрудник ПИНа АН СССР 37
- Мартынова Ольга Михайловна (1900 г.р.) – палеозоолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР 49, 97, 120
- Матонина Э. – автор публикации об И.А. Ефремове 30
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – химик, педагог, общественный деятель 178, 262
- Меннер Владимир Васильевич (1905–1989) – геолог и палеонтолог, академик АН СССР (1966) 29, 98
- Миллер (Miller) Роберт Л. – один из авторов книги "Morphological Integration" 163
- Миронов Степан Илларионович (1883–1959) – геолог-нефтяник, академик АН СССР (1946) 254
- Миткевич-Волкасский Е.К. – геолог, исследовал районы рек Олекмы и Тынды в 1915 г. 193, 197, 198
- Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) – биолог и селекционер, почетный член АН СССР (1935) 184
- Моррис (Morris) Фредерик – геолог, участник Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории 93, 248
- М.Ф. см. Лукьянова М.Ф.
- М.Э.Я. см. Янишевский М.Э.
- Набоков Владимир Владимирович (1899–1977) – русско-американский писатель 25
- Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) – геолог и палеонтолог, академик АН СССР (1946) 54, 55, 243
- Намнандорж – переводчик Монгольской палеонтологической экспедиции 182, 263
- Наталия Павловна см. Орлова Н.П.
- Наумов Андрей Константинович (1971 г.р.) – переводчик писем И.А. Ефремова Э.К. Олсону 35
- Н.А.Я. см. Яньшинов Н.А.
- Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) – химик-органик, академик АН СССР (1943), президент АН СССР (1951–1961) 34, 169, 260, 261
- Нестор см. Новожилов Н.И.
- Никитин Дмитрий Васильевич (1882–?) – горный инженер, сотрудник ЦНИГРИ, исследовал Ве-

- рхне-Чарскую котловину в 1917 г. 200, 204, 205
- Никифоров Виктор Яковлевич – историк, преподаватель ЛГУ 7
- Николай Абрамович см. Шкилев Н.А.
- Нина Леонтьевна см. Тимошевская Н.Л.
- Новожилов Нестор Иванович (1907–1992) – палеонтолог, научный сотрудник ПИНа АН СССР, участник Монгольской палеонтологической экспедиции 13, 73, 88, 94, 95, 104, 106, 124, 252
- Нопша (Nopcsa) Ф. – венгерский палеонтолог 42, 139
- Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) – геолог, географ, академик АН СССР (1928), исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии 4, 29, 31, 35, 62, 92, 105, 115, 118, 119, 121–125, 127, 131, 134, 135, 138, 164, 213, 227–229, 241, 247, 250–255, 265, 266
- Обручев Дмитрий Владимирович (1900–1970) – палеонтолог, доктор биологических наук, заведующий лабораторией ПИНа АН СССР 37, 39, 42, 49, 52, 53, 62, 63, 82, 109, 115, 127, 134, 138, 139, 152, 253–255, 257, 260
- Обручева Ева Самойловна – жена В.А. Обручева 119
- Олсон Лиля – жена Э.К. Олсона 190, 261
- Олсон (Olson) Эверетт К. (1910–1993) – американский палеонтолог, профессор Калифорнийского университета, изучал фауну пермских позвоночных СССР и США 4, 8, 21, 23, 29, 30, 33–35, 77, 160, 163–165, 179, 180, 182, 184, 186–191, 258, 259, 262–265
- О.М.М. см. Мартынова О.М.
- Опарин Александр Иванович (1894–1980) – биолог, академик АН СССР (1946), академик-секретарь ОБН АН СССР (1948–1956) 29, 34, 135, 253
- Орбели Леон Абгарович (1882–1958) – физиолог, академик АН СССР (1935), академик-секретарь ОБН АН СССР (1939–1948) 241
- Орлов Юрий Александрович (1893–1966) – палеонтолог и гистолог, академик АН СССР (1960), заведующий кафедрой палеонтологии МГУ (1943–1966), директор ПИНа АН СССР (1945–1966) 4, 19, 21, 23, 31, 32, 34, 35, 39, 42, 45, 49, 53, 61–63, 66, 67, 69, 73, 74, 79, 82, 83, 86–88, 92, 99, 101, 102, 106–111, 113, 147, 153, 163, 164, 171, 173, 175, 179, 180, 213–215, 217, 218, 221–224, 226, 236–238, 241, 246–249, 254, 255, 260–262, 266, 267
- Орлова Наталия Павловна – жена Ю.А. Орлова 86, 90
- Осборн (Osborn) Генри Фэрфилд (1857–1935) – американский биолог, иностранный член Российской АН (1923) 184
- Оуэн (Owen) Ричард (1804–1892) – английский зоолог, анатом, палеонтолог 55
- Павлова Мария Васильевна (1854–1938) – палеонтолог, член-корреспондент АН СССР (1925) 253
- Павловский Евгений Владимирович (1901–?), геолог, доктор геолого-минералогических наук, научный сотрудник ИГНа АН СССР (1932–1941, 1956–1980), профессор Иркутского университета 194, 200, 201, 202, 204–206
- Павловский Евгений Никанорович (1884–1965) – паразитолог, академик АН СССР (1939), директор ЗИНа АН СССР (1942–1965) 254, 260
- Переславцева Нина Сергеевна (1899–?) – препаратор ПИНа АН СССР 87
- Петрунин Павел Яковлевич – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 92, 104
- Печорская Софья Марковна – зубной врач 182
- Пономарев Борис Николаевич (1905 г.р.) – историк, партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1962) 262
- Попов – главный редактор газеты "Правда" в 50-е годы 138
- Порецкая Екатерина Сергеевна – преподаватель ЛГУ 63, 66, 67
- Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – исследователь Сибири и Центральной Азии 228
- Практик (ок. 390–330 до н.э.) – древнегреческий скульптор 129, 251
- Пратте Отто – немецкий геолог, тектонист 11, 12

- Пресняков Владимир Алексеевич (1924 г.р.) – препаратор ПИНа АН СССР, участник Монгольской палеонтологической экспедиции 85, 95, 97, 134
- Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – путешественник, географ, естествоиспытатель, исследователь Центральной Азии, почетный член Петербургской АН (1878) 228
- Принада Владимир Дмитриевич (1897–1950) – палеофитолог, геолог, сотрудник ВСЕГЕИ 125, 209, 252
- Прозерпина – в римской мифологии богиня подземного царства 108
- Прозоровский Николай Львович (1907 г.р.) – кинооператор, участник Монгольской палеонтологической экспедиции 173, 249
- Пронин Василий Иванович – шофер Монгольской палеонтологической экспедиции 92, 94, 95
- Прошкурат Г.А. – старший кол-лектор Олекмо-Тындинской партии Лена-Алданской геологической экспедиции 192
- Прус Болеслав (1847–1912) – польский писатель 259
- Прянишников Дмитрий Николаевич (1856–1948) – агрохимик, академик АН СССР (1929), основатель научной школы агрохимии 27
- Пряхина В.В. – сотрудник ПИНа АН СССР в 30-е годы 38, 39
- Пузанов Борис Иванович (1919 г.р.) – механик Черноморского пароходства, сын И.И. Пузанова 152, 257
- Пузанов Иван Иванович (1885–1971) – зоолог, доктор биологических наук, профессор Одесского университета, друг И.А. Ефремова 23, 28, 29, 33, 119, 120, 128, 129, 136–138, 141, 145, 146, 150–154, 166, 188, 251–257, 259, 264
- Пустовалов Леонид Васильевич (1902–1970) – геолог, специалист в области петрографии и геохимии осадочных образований, член-корреспондент АН СССР (1953) 62, 126, 243, 245, 252
- Расцветаев Михаил Константинович (1895–?) – кандидат экономических наук, ученый секретарь Монгольской комиссии АН СССР в 50-е годы 124–126
- Репин Илья Ефимович (1844–1930) – художник 64
- Родендорф Борис Борисович (1904–1977) – палеонтолог, доктор биологических наук, заведующий лабораторией ПИНа АН СССР 29, 97, 129
- Рождественский Анатолий Константинович (1920–1983) – палеонтолог, кандидат биологических наук, заведующий отделом ПИНа АН СССР, участник Монгольской палеонтологической экспедиции 85, 88, 93–95, 100, 103, 106, 124, 132, 173, 182, 183, 252, 253, 261–263, 266
- Роман Федорович, Р.Ф. см. Геккер Р.Ф.
- Ромер (Romer) Альфред Шервуд (1884–1973) – американский палеонтолог, профессор Кембриджского университета (США), автор учебников по палеонтологии, остеологии пресмыкающихся 23, 33, 38, 46, 47, 52, 60–62, 65–67, 69, 77, 185, 241
- Рони Жозеф Анри Старший (1856–1940) – французский писатель, автор приключенческих романов 7
- Рябинин Анатолий Николаевич (1874–1942) – геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института 4, 14, 17, 29, 36–39, 54, 55, 149, 239, 240
- Рябцев Сергей Петрович – начальник Московской экспедиционной базы АН СССР 88, 98
- Савин В. – автор статей по палеонтологии 65
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) – писатель-сатирик 60
- Саприновский П. – краевед 115
- Саша – рабочий на даче И.М. Майского 160, 161
- Свифт Джонатан (1667–1745) – английский писатель 62
- Свиченская Александра Андреевна (1919 г.р.) – зоолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник Палеонтологического музея АН СССР 97, 98
- Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) – зоолог, академик Российской АН (1920), создатель

- отечественной школы морфологии 51, 184, 240, 254, 264
- Сёве-Сёдерберг (Säve-Söderberg) – шведский палеонтолог 39, 40, 239
- Сеймур (Seymour) Алан – автор книги "The soming of self-destruction of the USA" 190
- Семенов Ю.И. – автор книги "Как возникло человечество" 186, 187, 263
- Семирадский Генрих Ипполитович (1843–1902) – польский и русский художник 251
- Сенкевич Генрик (1846–1916) – польский писатель, почетный член Петербургской АН (1914), лауреат Нобелевской премии (1905) 137
- Сидоров И.С. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Сизов И.Н. – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Сили (Seeley) Гарри Говиер (1839–1909) – английский геолог, минералог, иностранный член Петербургской АН (1902) 18, 139, 150
- Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – писатель, поэт, публицист 57
- Симпсон (Simpson) Джордж Гейлорд (1902–1984) – американский зоолог и палеонтолог, один из создателей современной теории эволюции 185
- Сисакян Нораир Мартиросович (1907–1966) – биохимик, академик АН СССР (1960), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1959–1963) 260
- Скарятин Владимир Дмитриевич – редактор-издатель газеты "Весть" 256
- Скиндер Адольф Владиславович (1920 г.р.) – заведующий фотолaborаторией ПИНа АН СССР 91
- Слеты В. и П. – авторы книги "Менделеев" 258
- Соловьев Борис – критик 245
- Сологуб Федор Кузьмич (1863–1927) – поэт, прозаик, драматург 264
- Сондак Иосиф Львович (1884–?) – сотрудник ОБН АН СССР 87
- Сосновская Елена Михайловна (1903–1979) – лаборант ПИНа АН СССР 87, 97
- Софья Марковна см. Печорская С.М.
- Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953) – генеральный секретарь ЦК КПСС (1922–1953) 16, 126, 214, 226, 255, 264
- Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) – ботаник, лесовед, географ, академик АН СССР (1943) 261
- Сушкин Петр Петрович (1868–1928) – зоолог и палеонтолог, академик Российской АН (1923) 9–11, 33, 74, 119, 120
- Сытова Вера Алексеевна (1919 г.р.) – палеонтолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР 85
- Таис Афинская – героиня одноименного романа И.А. Ефремова 25, 33
- Тарсис Дмитрий Яковлевич (1906–?) – начальник Автоотдела АН СССР 88
- Тася см. Ефремова Т.И.
- Татаринев Леонид Петрович (1926 г.р.) – зоолог, научный сотрудник, позднее директор ПИНа АН СССР (1975–1993), академик АН СССР (1981) 32, 262
- Тикстон – руководитель английской экспедиции в Сибири 200
- Тимошевская Нина Леонтьевна – старший бухгалтер ПИНа АН СССР 85, 87, 91, 104
- Тирресуэн – герой рассказа И.А. Ефремова "Афанеор, дочь Ахархеллена" 172
- Толстая Людмила Ильинична (1906–1982) – жена А.Н. Толстого 133
- Толстой Алексей Николаевич (1882/1883–1945) – писатель, академик АН СССР (1939) 58
- Томсон (Thomson) Джордж (1892–1975) – английский физик, лауреат Нобелевской премии (1937) 155
- Тонков Владимир Николаевич (1872–1954) – действительный член АМН АН СССР, профессор 74
- Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) – химик, академик АН СССР (1949), главный ученый секретарь АН СССР (1949–1958) 161, 175, 177
- Трофименко Евгений Алексеевич (1938–1991) – член Комиссии по литературному и научному наследию И.А. Ефремова 34
- Трофимов Борис Александрович (1921 г.р.) – палеонтолог, кандидат биологических наук, участник

- Советско-Китайской палеонтологической экспедиции, заведующий отделом ПИНа АН СССР 29, 102, 172, 173, 182, 183, 261
- Туровская (Обручева) Ольга Павловна (1918 г.р.) – палеонтолог, кандидат биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР, преподаватель кафедры палеонтологии МГУ 87
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – поэт, член-корреспондент Петербургской АН (1857) 146, 256
- Уоллес (Wollace) Альфред Рассел (1823–1913) – английский естествоиспытатель, основоположник зоогеографии 257
- Уотсон (Watson) Девид Мередит Сирс (1886–1973) – английский палеонтолог, вице-президент Лондонского Королевского общества, профессор Лондонского университета, иностранный член АН СССР (1932) 18, 23, 33, 41, 49, 55, 66, 139, 147, 254
- Усольцев Арсений Федорович – поручик русской армии, в 1867 г. сделал топографическую съемку местности Верхне-Чарского района, герой рассказа И.А. Ефремова "Белый Рог" 200, 203
- Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) – английский писатель, автор научно-фантастических романов 7
- Федька см. Кузьмин Ф.М.
- Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) – минералог, геохимик, академик Российской АН (1919), 11, 17, 241
- Филатов Владимир Петрович (1875–1956) – офтальмолог, академик АН УССР (1939) и АМН (1944) 166, 259
- Филостраты (2–3 вв.) – древнегреческие писатели 129
- Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (1771–1853) – естествоиспытатель, почетный член Петербургской АН (1819), составил описание родов зверообразных пресмыкающихся из медистых песчаников Приуралья в XIX в. 18, 48, 149
- Флеров Константин Константинович (1904–1980) – палеонтолог, доктор биологических наук, заведующий
- Палеонтологическим музеем, участник Монгольской палеонтологической экспедиции, художник, воссоздал облик многих ископаемых животных 47, 64, 71, 85–90, 92, 93, 97, 99, 101, 102, 110, 153, 217, 223, 224, 248
- Фрина (IV в. до н.э.) – греческая гетера, натурщица Праксителя 108, 119, 120, 128, 129, 251
- Хабаков Александр Васильевич (1904 г.р.) – геолог, палеоихтиолог, доктор геолого-минералогических наук, научный сотрудник ВСЕГЕИ 55, 111
- Хаггард Генри Райдер (1856–1925) – английский писатель, автор приключенческих романов 7
- Хозацкий Лев Исаакович (1912–1993) – зоолог, кандидат биологических наук, сотрудник ЗИНа АН СССР 72, 101, 109, 111
- Хольмгрен (Holmgren) Нильс Фритъоф (1877–1954) – шведский зоолог 61
- Христианович Сергей Александрович (1908 г.р.) – механик, академик АН СССР (1943) 164
- Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964) 263, 264
- Хюне (Huepe) Фридрих фон (1875–1969) – немецкий палеонтолог, иностранный член АН СССР (1929) 33, 148, 149, 256
- Циттель (Zittel) Карл Альфред (1839–1904) – немецкий палеонтолог, директор Палеонтологического музея в Мюнхене 37–42, 129, 239
- Цицерон Марк Туллий (106–43 до н.э.) – римский политический деятель, оратор, писатель 69
- Цицин Николай Васильевич (1898–1980) – ботаник, генетик, селекционер, академик АН СССР (1938) 178
- Черкашин – сотрудник Отдела науки ЦК КПСС в 70-е годы 177
- Чудинов Петр Константинович (1922 г.р.) – палеонтолог, доктор биологических наук, заведующий отделом ПИНа АН СССР, член Комиссии по литературному и научному наследию И.А. Ефре-

- мова 6, 18, 28, 29, 105, 133, 134, 149, 162, 166, 168, 173, 180–183, 189, 191, 250, 253, 255, 259, 260, 263
- Чураков Александр Николаевич (1897-?) – геолог, доктор геолого-минералогических наук, научный сотрудник ГИНа АН СССР 206, 208, 209, 211
- Шаров Александр Григорьевич** (1922–1973) – палеоэнтомолог, доктор биологических наук, научный сотрудник ПИНа АН СССР 260
- Шатров – герой повести И.А. Ефремова "Звездные корабли" 236, 245
- Шатский Николай Сергеевич (1895–1960) – геолог, академик АН СССР (1953), директор ГИНа АН СССР (1956–1960) 62, 243
- Шестакова Гали Сергеевна (1891-?) – морфолог, доктор биологических наук, научный сотрудник ИЭМЭЖа АН СССР 78
- Шидловский Павел Гаврилович – начальник Финансового отдела АН СССР 177, 246
- Шишкин Михаил Александрович (1936 г.р.) – лаборант, позднее научный сотрудник ПИНа, доктор биологических наук, заведующий Палеонтологическим музеем АН СССР 166
- Шкилев Николай Абрамович (1903-?) – зам. директора по административно-хозяйственной части ПИНа АН СССР, зам. начальника Монгольской палеонтологической экспедиции 84, 85, 88–92, 95, 99, 100, 221
- Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) – биолог, академик АН СССР (1935) 60, 62, 231, 267
- Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, астроном, геофизик и географ, академик АН СССР (1935) 126
- Шомысов Николай Михайлович – кандидат геолого-минералогических наук, доцент Нижегородского педагогического института 114
- Шорохов – сотрудник Полярной комиссии АН СССР 44
- Шрёдингер (Schrödinger) Эрвин (1887–1961) – австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, иностранный член АН СССР (1928), лауреат Нобелевской премии (1933) 83
- Штеен (Steen) Маргарет – палеонтолог 50
- Штукенберг А.А. – геолог и палеонтолог 149
- Шульцы – друзья И.А. Ефремова в Симеизе 152
- Щеглова Вера Васильевна** (1922 г.р.) – геолог, кандидат биологических наук, аспирант ПИНа АН СССР 87
- Щербakov Дмитрий Иванович (1893–1966) – геолог и геохимик, академик АН СССР (1953), академик-секретарь ОГГН АН СССР (1953–1963) 34, 142, 255, 260, 261
- Эглон Ян Мартынович (1888–1971) – научный сотрудник ПИНа АН СССР, художник, скульптор, участник Монгольской палеонтологической экспедиции, прототип героя рассказа И.А. Ефремова "Тень минувшего" 49, 85, 91, 95, 100, 103, 104, 106, 107
- Эдinger (Edinger) Тилли – немецкий палеонтолог 65, 66, 237
- Эйхвальд Эдуард Иванович (1795–1876) – естествоиспытатель, палеонтолог, член-корреспондент Петербургской АН (1826) 18, 148
- Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – биохимик, академик АН СССР (1953), академик-секретарь ОБН АН СССР (1955–1959) 255
- Энгельс Фридрих (1820–1895) – один из основоположников теории коммунизма 185
- Эндрюс (Andrews) Рой Чепман (1884–1960) – американский зоолог, директор Американского музея естественной истории (1935–1941), руководитель Центральноазиатской экспедиции в Монголии 93, 248
- Ю.А., Ю.А.О. см. Орлов Ю.А.**
- Юнатов Александр Афанасьевич (1909 г.р.) – ботаник, доктор биологических наук, заведующий лабораторией БИНа АН СССР 111
- Яковлев Николай Николаевич (1870–1966) – геолог и палеонтолог, член-корреспондент Российской

- АН (1921), председатель Российского палентологического общества (1916–1940) 9, 253
- Якубович – рабочий Монгольской палеонтологической экспедиции 95
- Я.М.Э., Ян см. Эглон Я.М.
- Ян Чжун-чян – китайский палеонтолог, директор Института палеонтологии позвоночных (Пекин) 167
- Ян Василий Григорьевич (1874/1875–1954) – писатель, автор исторических романов 137
- Янишевский Михаил Эрастович (1871–1949) – геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор ЛГУ (1919–1949) 54, 55, 66, 67
- Яньшинов Николай Алексеевич (1905–1975) – художник-график, иллюстратор статей и монографий И.А. Ефремова 49, 52, 69
- Ярвик (Jarvik) Эрик – шведский палеонтолог, сотрудник Стокгольмского музея естественной истории 140
- Alfred Sherwood, A.S.R. см. Ромер А.
- Andrews R. см. Эндрюс Р.
- Bartlett M. см. Бартлетт М.
- Broili F. см. Бройли Ф.
- Broom R. см. Брум Р.
- Dollo L. см. Долло Л.
- Dubois E. см. Дюбуа Э.
- Edinger T. см. Эдингер Т.
- Goodrich E. см. Гудрич Э.
- Lane W.F. см. Лане В. Ф.
- Martin J. см. Мартин Ж.
- Nopcsa F. см. Нопша Ф.
- Olson E. см. Олсон Э.
- Owen R. см. Оуэн Р.
- Quiring D. см. Квиринг Д.
- Romer A. см. Ромер А.
- Säve-Söderbergh см. Сёве-Сёдерберг
- Seeley H. см. Сили Г.
- Steen M. см. Штеен М.
- Such см. Быстров А.П.
- Thomson G. см. Томсон Дж.
- Watson D. см. Уотсон Д.
- Wegener A. см. Вегенер А.
- Westoll S., S.W. см. Вестолл С.
- Wiener N. см. Винер Н.
- Woodward A. см. Вудворд А.
- Zittel K. см. Циттель К.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ИСКОПАЕМЫХ ЖИВОТНЫХ

- Аммониты** – подкласс морских головоногих моллюсков девона – мела 243
- Анкилозавры** – панцирные динозавры, подотряд растительноядных пресмыкающихся отряда птицетазовых динозавров средней и верхней юры 172, 218, 261
- Аномодонты** – подотряд зверообразных пресмыкающихся отряда терапсид поздней перми – триаса 77
- Ардыния прекокс** см. *Ardynia precox*
- Артиодактили** – отряд парнопалых млекопитающих кайнозоя 93
- Археоциаты** – тип примитивных морских беспозвоночных кембрия 130
- Батрахозавры** – лягушкоящеры, подкласс земноводных девона – перми, занимающий промежуточное положение между архаичными лабиринтодонтами и древнейшими пресмыкающимися 19, 20, 83, 114, 149, 150, 249, 250, 256
- Белуджитерий** – гигантский носорог третичного периода 224
- Бентозухи** – род земноводных группы стереоспондильных лабиринтодонтов нижнего триаса 11, 39, 48, 55, 61, 65, 73, 243, 245
- Бранхиозавры** – род земноводных группы лабиринтодонтов среднего карбона – ранней перми 43
- Бронтотерий** – род млекопитающих отряда непарнокопытных палеогена, внешне схожих с носорогами 216
- Венюковия** – зверообразное пресмыкающееся подотряда аномодонтов верхней перми 42, 77
- Гадрозавры** – семейство пресмыкающихся, утконосых динозавров позднего мела 110, 140, 220, 261
- Гиенодоны** – примитивные хищные млекопитающие третичного периода 93
- Гиппарионы** – трехпалые ископаемые лошади конца миоцена 110
- Горгонопсы** – группа хищных зверообразных пресмыкающихся поздней перми 139, 147, 150, 256
- Граптолиты** – класс морских животных типа полухордовых, известны с середины кембрия до карбона 74, 243
- Двинозавры (двинозаурус)** – род земноводных из группы лабиринтодонтов верхней перми 48, 74, 112–114, 149
- Дейноцефалы** – подотряд пресмыкающихся отряда терапсид поздней перми 14, 17, 42, 77, 121, 150, 237, 239, 267
- Дейтерозавры** – семейство зверообразных пресмыкающихся подотряда дейноцефалов поздней перми 18, 42
- Динозавры** – многочисленная группа пресмыкающихся подкласса архозавров триаса – мела 19–21, 39, 94, 101, 110, 132, 134, 135, 140, 172, 182, 213–226, 232, 233, 237, 248, 253
- Диноцераты** – отряд копытных палеоцена – эоцена 220
- Диплодоки** – род пресмыкающихся подотряда зауропод юры 10, 68
- Дицинодонты** – подотряд зверообразных пресмыкающихся отряда терапсид поздней перми – позднего триаса 20, 140, 150, 233, 234, 255
- Зауроподы (зауроподы)** – подотряд растительноядных пресмыкающихся отряда ящеротазовых динозавров юры и мела 94, 140, 172, 182, 216, 219–221, 232
- Зауролофы** – род пресмыкающихся

- семейства утконосных динозавров верхнего мела 132, 140, 219
- Игуанодонты** – род растительноядных пресмыкающихся подотряда орнитопод нижнего мела 224, 261
- Индрикотерий** – род гигантских носорогов олигоцена – раннего миоцена 10
- Ихтиостегиды** – семейство древнейшей группы лабиринтодонтов девона 39, 140
- Кадуркотерий (кадуркотериум)** – род носорогов третичного периода 93
- Казеиды** – семейство древних, обычно растительноядных зверообразных пресмыкающихся отряда пеликозавров середины карбона – конца поздней перми 150, 160
- Каннемейерии** – семейство зверообразных подотряда аномодонтов триаса 140
- Капториниды** – семейство примитивных пресмыкающихся отряда капториниморфов перми 21
- Капториниморфы** – отряд примитивных растительноядных и хищных пресмыкающихся подкласса котилозавров середины карбона – конца поздней перми 160
- Карнозавры** – инфраотряд хищных динозавров подотряда теропод верхнего триаса – мела 110, 140
- Котилозавры** – подкласс пресмыкающихся от насекомых и средней величины хищных животных до крупных растительноядных середины карбона – конца триаса 17, 42, 81, 111, 116, 133, 139, 149, 233, 250, 255
- Котлассия** – земноводное подкласса батрахозавров поздней перми, сходное с пресмыкающимися 20, 46, 52, 61, 67, 73, 81, 101, 240, 249
- Котлассиоморфы** – лягушкоящеры, близкие к котлассии поздней перми 108
- Криптобранхи** – ископаемые и современные саламандры 114
- Кроссоптеригии** – группа кистеперых рыб раннего девона – позднего мела. В среднем девоне дали начало наземным позвоночным 47, 48, 61, 74, 241, 243
- Лабиринтодонты** – группа земноводных верхнего девона – верхнего триаса 11, 17, 40, 41, 43, 65, 66, 72, 149, 150, 173, 240, 243, 245, 246
- Лантанозухи** – род земноводных (батрахозавров) отряда сеймуриаморфов верхней перми 20, 113, 114, 249
- Мамонты** – вымерший вид слонов второй половины плейстоцена 74, 115
- Мастодонты** – семейство хоботных нижнего олигоцена – начала голоцена 224
- Никтифруреты** – ящерицеобразные рептилии подкласса котилозавров, известны из верхней перми 42, 77
- Парейазавры** – подотряд крупных растительноядных пресмыкающихся подкласса котилозавров верхней перми 62, 73, 74, 82, 109, 139, 147, 148, 241, 256
- Пеликозавры** – отряд наиболее древних пресмыкающихся подкласса зверообразных среднего карбона – поздней перми, близки к котилозаврам 21, 42, 160
- Перуниум** – род хищных млекопитающих семейства куньих неогена 237, 267
- Проколофоны** – подотряд пресмыкающихся подкласса котилозавров верхней перми – триаса 42, 139
- Протоцератопсы** – род рогатых динозавров подотряда цератопсов позднего мела 217
- Псевдозухии** – подотряд пресмыкающихся отряда текодонтов верхней перми – верхнего триаса 140
- Пситтакозавры** – род пресмыкающихся подотряда орнитопод нижнего мела 223
- Птерозавры** – летающие ящеры, отряд пресмыкающихся подкласса архозавров позднего триаса, юры, мела 41
- Ропалодоны** – род растительноядных пресмыкающихся подотряда дейноцефалов поздней перми 18, 42, 139, 149, 150
- Сеймурии** – род земноводных под-

- класса батрахозавров нижней перми, сходны с лабиринтодонтами и котилозаврами 20, 114, 116, 249
- Семанторы – род млекопитающих отряда ластоногих, известны из отложений неогена 236, 267
- Сиодоны – зверообразные пресмыкающиеся подотряда дейноцефалов поздней перми 182
- Стегоцефалы – собирательное название палеозойских земноводных, большая часть их включена в состав лабиринтодонтов и название "стегоцефалы" обычно не употребляется 11, 39, 40, 42, 44, 49, 51, 63–66, 68, 70, 74, 139, 148–150, 232, 233, 235, 239, 245
- Стиракозавры – рогатые динозавры конца мезозоя 94, 100, 216, 217
- Терапсиды – отряд пресмыкающихся подкласса зверообразных поздней перми – средней юры 163
- Териодонты – зверозубые, подотряд пресмыкающихся отряда терапсид конца поздней перми – средней юры 37
- Тероморфы – подкласс зверообразных пресмыкающихся 20, 150, 237
- Тероцефалы – инфраотряд пресмыкающихся подотряда териодонтов поздней перми 139, 149, 150, 255
- Тетраподы – надкласс четвероногих, состоящий из земноводных, пресмыкающихся, птиц и млекопитающих конца девона 43, 44, 76, 77, 150, 190, 255, 266
- Тираннозавры – род пресмыкающихся инфраотряда карнозавров позднего мела 132, 219
- Титанозухи – надсемейство пресмыкающихся подотряда дейноцефалов поздней перми 42, 267
- Титанотерии – семейство крупных носорогообразных млекопитающих третичного периода 92, 93, 101, 216
- Титанофонеусы – род зверообразных пресмыкающихся подотряда дейноцефалов надсемейства титанозухов верхней перми 18, 42, 101
- Траходонты см. гадрозавры
- Трематопсиды – семейство примитивных земноводных группы лабиринтодонтов конца девона – триаса 150
- Трилобиты – класс морских членистоногих кембрия – палеозоя 74, 243
- Улемозавры – крупные зверообразные пресмыкающиеся подотряда растительноядных дейноцефалов поздней перми 14, 17, 18
- Фтинозавры (фтинозаурус) – род зверообразных пресмыкающихся подотряда териодонтов конца поздней перми – середины юры 139
- Фтинозухи – примитивные зверообразные пресмыкающиеся, близкие к группе горгонопсов верхней перми 139, 150
- Фтинозухиды – семейство примитивных зверообразных перми 139, 182
- Цератопсы – подотряд рогатых динозавров мела 92, 94, 100, 101
- Эласмотерии – род вымерших носорогов плейстоцена 110
- Acantostoma* – лабиринтодонты подотряда рахитомных перми 50
- Acrolepis* – род рыб из группы палеонисков поздней перми 148
- Adelospondyli* – древнейшие ископаемые земноводные 49
- Aistopoda* – змеевидные земноводные с утраченными конечностями среднего карбона – ранней перми 49, 50
- Annidae* – семейство пресмыкающихся тероцефалов поздней перми 149
- Anura* – отряд бесхвостых земноводных, известны преимущественно из кайнозоя 51, 66
- Aroda* – отряд безногих червеобразных, известны с голоцена, современные амфибии 50–52
- Ardynia prekoh* – млекопитающие группы носорогообразных третичного периода 93
- Batrachosauria* см. батрахозавры
- Benthosuchidae* – семейство группы лабиринтодонтов нижнего триаса 41
- Benthosuchus* (Bentho) см. бентозухи
- Brachyopidae* – семейство группы лабиринтодонтов перми 149
- Branchiosauria* – семейство группы

- лабиринтодонтов среднего карбона – ранней перми 43
- Brithoropodidae – семейство зверообразных подотряда дейноцефалов перми 150
- Caseidae см. казеиды
- Cotylosauria см. котилозавры
- Crossopterygii (Crosso) см. кроссоптеригии
- Deinocephalia см. дейноцефалы
- Deuterosaurus см. дейтерозавры
- Diplodokus см. диплодоки
- Dipterus – род двоякодышащих рыб среднего – позднего девона 61, 243
- Dvinosaurus (Dvino) см. двинозавры
- Eusthenopteron – род кистеперых рыб нижнего девона 47
- Fleurantia – род и одноименное семейство вымерших двоякодышащих рыб 53, 60, 61, 242
- Holoptychius – род кистеперых рыб одноименного семейства позднего девона 47
- Ichthyostegidae см. ихтиостегиды
- Intasuchidae – семейство группы лабиринтодонтов перми 150
- Kotlassia см. котлассия
- Labidosaurikos – род пресмыкающихся подкласса котилозавров середины карбона – конца поздней перми 160
- Labyrinthodontia см. лабиринтодонты
- Lepospondyli – подкласс древнейших ископаемых земноводных, известных с середины карбона 49, 50
- Mesenosaurus – род примитивных насекомоядных пресмыкающихся подкласса котилозавров перми 42
- Melosauridae – семейство группы лабиринтодонтов перми 150
- Moschops – род растительноядных зверообразных пресмыкающихся подотряда дейноцефалов поздней перми 39
- Myctosuchus – синоним примитивного аномондонта (венюковии) 42
- Nectridia – отряд группы лабиринтодонтов карбона – ранней перми 49, 66
- Nycteroleter – ящероподобные насекомоядные подкласса котилозавров поздней перми 42
- Nyctiphruetidae – семейство пресмыкающихся подкласса котилозавров перми 149
- Nyctiphruetus см. никтифруреты
- Onychodactylus (Onycho) – род кистеперых рыб 48, 50, 51, 66
- Osteolepis – род кистеперых рыб среднего девона 61, 243
- Palaeoniscidae – семейство кистеперых рыб 148
- Pareiasaurus – род растительноядных пресмыкающихся подкласса котилозавров поздней перми 48
- Pelycosauria см. пеликозавры
- Permocynodon – род зверообразных пресмыкающихся инфраотряда цинодонтов поздней перми 66
- Phreatosuchidae – зверообразные, синоним семейства фреатозаврид 150
- Phthinosuchidae см. фтинозухиды
- Plagiosauridae – семейство группы лабиринтодонтов триаса 149
- Platyops – род крупных земноводных группы лабиринтодонтов поздней перми 39
- Platysomus – род лучеперых рыб надотряда палеонисков среднего девона – раннего мела 148
- Pristerognathidae – семейство звероголовых группы лабиринтодонтов перми 149
- Procolophonina см. проколофоны
- Procolophonodae – семейство мелких пресмыкающихся подкласса котилозавров триаса 149
- Rhipeosauridae – семейство пресмыкающихся подкласса котилозавров перми 149
- Rhopalodon см. ропалодоны
- Semantor см. семанторы
- Seymouriidae – семейство группы сеймуриаморфов перми 150
- Seymouriamorpha – группа, объединяющая представителей родов сеймурий и котлассий, вероятных предков пресмыкающихся 149
- Stego см. стегоцефалы

Taurocephalus – зверообразное пресмыкающееся подотряда растительноядных дейноцефалов перми 42

Tetrapoda см. тетраподы

Titanophoneus см. титанофонеусы

Titanosuchia см. титанозухи

Tungusogyrinus – мелкие лабиринтодонты раннего триаса 44

Uraniscosaurus – синоним дейноцефала 42

Urodela – отряд хвостатых, преимущественно современных земно-

водных, известны с верхней юры 51, 66

Varanops – род зверообразных пресмыкающихся отряда пеликозавров ранней перми 182

Venjukovia invisa см. венюковия

Wetlugasauridae – семейство группы лабиринтодонтов раннего триаса 41

Wetlugasaurus – род группы лабиринтодонтов 39, 239

Wolgosuchus – синоним рода *Wetlugasaurus* 41

СОДЕРЖАНИЕ

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО.....	5
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ (ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ И.А. ЕФРЕМОВА).....	29
ПЕРЕПИСКА С УЧЕНЫМИ.....	36
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ.....	192
Лена-Алданская геологическая экспедиция Академии наук СССР. Предварительный (полевой) отчет Олекмо-Тындинской партии.....	192
Геологический институт Академии наук СССР. Прибайкальская геолого-петрографическая экспедиция, Верхне-Чарская партия. Отчет о работах в Верхне-Чарской котловине в 1934–1935 гг.	199
О Монгольской палеонтологической экспедиции. Отчетный доклад для Общего собрания АН СССР.....	213
Отзыв на книгу академика В.А. Обручева "Записки кладоискателя в дебрях Азии".....	227
Стенограмма выступления на Всесоюзном палеонтологическом совещании на тему "Итоги и перспективы работы в области палеонтологии позвоночных".....	229
Об Алексее Петровиче Быстрове (выступление на заседании в ЛГУ, посвященном памяти А.П. Быстрова).....	234
Отзыв о научной деятельности Юрия Александровича Орлова.....	236
КОММЕНТАРИИ.....	239
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	268
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	269
УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ИСКОПАЕМЫХ ЖИВОТНЫХ.....	281

Научное издание

**ИВАН АНТОНОВИЧ
ЕФРЕМОВ**

**ПЕРЕПИСКА С УЧЕНЫМИ
НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ**

(Научное наследство; Т. 22)

*Утверждено к печати
редколлекцией серии "Научное наследство"*

Заведующая редакцией
"Биосфера, экология, геология"

М.Б. Линчевская

Редактор издательства *А.А. Фролова*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректор *Г.В. Дубовицкая*

Набор выполнен в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 27.11.1991

ИБ № 721

Подписано к печати 08.09.94. Формат 70 × 100 1/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 23,4 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 23,5. Уч.-изд.л. 23,8

Тираж 980 экз. Тип. зак. **3183**

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12